БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Минск, 18 апреля 2025 г.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Минск, 18 апреля 2025 г.

Минск
БГУ
2025

УДК 94(476)"1941/1945"(06)+94(100)"1939/1945"(06)
ББК 63.3(4Беи)62я431+63.3(0)62я431
П15

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *В. И. Меньковский*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Темушев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Л. Лакиза*;
кандидат исторических наук, доцент *А. И. Маскевич*;
кандидат исторических наук, доцент *В. В. Репин*;
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Солопова*;
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *В. В. Зданович*;
доктор исторических наук, профессор *С. П. Стренковский*

Память о Великой Победе в современном историческом дис-
П15 курсе : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Минск, 18 апр. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 363 с.
ISBN 978-985-881-829-6.

Представлены материалы белорусских и зарубежных историков, в которых рассматриваются актуальные вопросы истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, сохранения исторической правды о вкладе белорусского народа в Победу над нацизмом, а также отдельные аспекты предвоенного и послевоенного положения Беларуси и стран мира.

УДК 94(476)"1941/1945"(06)+94(100)"1939/1945"(06)
ББК 63.3(4Беи)62я431+63.3(0)62я431

ISBN 978-985-881-829-6

© БГУ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год 80-летнего юбилея Великой Победы — знаковый этап в развитии современного исторического нарратива Республики Беларусь, в формировании национально-государственной парадигмы видения исторического прошлого нашей страны. Теме Великой Отечественной войны отводится ведущая роль в утверждении национальной исторической политики, определении идеологии белорусского государства, направлений его информационной и гуманитарной безопасности. За предшествующую пятилетку белорусские историки проделали колоссальную работу по изучению истории Великой Отечественной войны, актуализации и сохранения исторической памяти о ней, показав фундаментальное значение данной темы для современного белорусского общества. В этой связи проведение международной научно-практической конференции «Память о Великой Победе в современном историческом дискурсе (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)», состоявшейся на историческом факультете Белорусского государственного университета 18 апреля 2025 г., стало вкладом белорусских и зарубежных коллег-историков в сохранение памяти о героическом наследии борцов с фашизмом, жертвах нацистского геноцида, всенародном участии в деле защиты Родины и ее послевоенного восстановления.

Великая Отечественная война является одним из ключевых событий, коренным образом повлиявших на дальнейший ход мирового исторического процесса и на судьбу всего человечества. Память о событиях этой войны, ее участниках, героических поступках наших соотечественников на фронтах, в партизанском движении и подполье, их самоотверженном труде в тылу, как и горечь огромных потерь, которые понесла Беларусь в годы военного лихолетья, духовно объединяют современное общество и является одной из основных составляющих исторического сознания белорусского народа. Предотвращение фальсификации истории Великой Отечественной войны, а также сохранение памяти о подвиге народа-победителя являются насущными задачами современной белорусской исторической науки, обеспечивающих гуманитарную безопасность Республики Беларусь.

Победа в Великой Отечественной войне выражает огромную силу белорусского народа, который никто в истории не смог завоевать и поработить. На стратегическом фундаменте Победы белорусы создали свое независимое и суверенное государство — Республику Беларусь.

«Нам ни в коем случае нельзя потерять эту Победу. Это достоинство нашего народа. Это признак его величия. И такие факты в истории не теряются. Мир, свобода и независимость — это наше наследие и величайшие ценности, которые нужно беречь и обязательно защищать. Нужно

укреплять народное единство, экономику, оборону нашего Отечества. Каждый день, каждый час. В этом — долг современников перед прошлым и будущим, чтобы жила и расцветала наша любимая Беларусь!», — подчеркнул Александр Лукашенко в своем обращении на церемонии в честь Дня Независимости Республики Беларусь 3 июля 2025 г.

Отрадно видеть, что научный форум привлек большое количество участников из Беларуси и зарубежных стран. Более 100 ученых, исследователей, преподавателей и студентов из Беларуси, России, государств СНГ, Китайской Народной Республики приняли участие в работе конференции. Среди них — представители Белорусского государственного университета, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Института истории Национальной академии наук Беларуси, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Национального архива Республики Беларусь, Национального исторического архива Республики Беларусь, ГУО «Академия образования», Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и др.

Пленарные доклады были посвящены вопросам мемориализации вклада преподавателей и студентов БГУ в дело Великой Победы, актуальных тенденций преподавания и изучения истории Великой Отечественной войны, трансформации геополитического положения Беларуси в контексте начала Второй мировой войны и противодействию современным тенденциям фальсификации ее истории.

В рамках обсуждения прошла работа пяти секций: «Международные отношения в межвоенный период и в годы Второй мировой войны: внешнеполитические связи и межгосударственные противоречия», «Армия и тыл в борьбе с нацизмом: военно-политические и социогуманитарные аспекты», «Партизанское и подпольное движение на территории Беларуси. Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», «Память о Великой Отечественной войне: историографические, источниковедческие, научно-методические подходы», «Послевоенное восстановление Беларуси: социально-экономические и этнокультурные процессы».

Молодёжная секция конференции «Студенческая молодежь Беларуси и память о Великой Победе в современном историческом дискурсе» объединила более 30 студентов, школьников и учителей белорусских учебных учреждений, что показало высокий интерес будущих исследователей к изучению истории Великой Отечественной войны. В рамках работы секции состоялась диалоговая площадка «Коммеморация в Беларуси:

места памяти», которая стала одним из мероприятий проекта «80 бесед о Великой Победе», реализуемом в Белорусском государственном университете в марте–мае 2025 г.

Нельзя не согласиться с тем, что несмотря на весомый вклад белорусских историков в дело всестороннего изучения истории Великой Отечественной войны, их долгом по-прежнему остается вести борьбу против целенаправленного искажения памяти о героических и трагических страницах борьбы белорусского народа с нацистскими оккупантами. Сохранение исторической правды о Великой Победе остается своеобразным маркером трендов в развитии исторического нарратива в нашей стране, требует дополнительных усилий научного сообщества по популяризации знаний и памяти о подвиге белорусского народа. Сотрудники, аспиранты, студенты исторического факультета объединяют свои усилия в этом священном деле в рамках широкого диапазона научных, образовательных и просветительских мероприятий, организуя проведение научных форумов и диалоговых площадок, предоставляя экспертные оценки, реализуя исследование научных тем и осуществление разнообразных проектов, направленных на популяризацию и мемориализацию памяти о Великой Отечественной войне. В текущем году знаковым стал проект преподавателей и учащихся БГУ «80 бесед о Великой Победе», продолжают свое развитие проекты «Память и слава», «Память живет в поколениях», «Шталаг 352. Биография побега».

А. Г. Кохановский
Декан исторического факультета БГУ, доктор исторических наук, профессор

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПЕРВОГО ПРОРЕКТОРА БГУ ДОЦЕНТА Д. М. КУРЛОВИЧА

Уважаемые участники конференции, коллеги!

Сердечно рад приветствовать Вас на Международной научно-практической конференции «Память о Великой Победе в современном историческом дискурсе (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)».

Защита исторической правды о вкладе советского народа в Победу над фашизмом, увековечение памяти о героизме победителей, недопущение забвения геноцида белорусского народа, объективное изучение и освещение истории Великой Отечественной войны — все эти задачи определяют актуальные и стратегические для национального суверенитета аспекты государственной исторической политики Республики Беларусь, являясь универсальными ценностями, консолидирующими белорусский народ и отражающими его национальную идентичность. Поэтому очень важно, что академическое сообщество Белорусского государственного университета активно задействовано в реализации гражданско-патриотической миссии сбережения памяти о Великой Победе для потомков, недопущении фальсификации истории.

В преддверии важной исторической годовщины, знаковой даты для каждого белоруса — 9 мая — в Белорусском государственном университете проходит большое количество мероприятий, объединяющих всех сотрудников, преподавателей и студентов, поскольку в семейной истории каждого белоруса оставила свой трагический и героический след Великая Отечественная война. Особо хочется выделить проект «80 бесед о Великой Победе», который был инициирован историками БГУ и реализуется сейчас на всех факультетах университета. Однако сегодняшняя конференция занимает особое место в цикле памятных мероприятий БГУ к 80-летию Победы — поскольку именно здесь, в здании исторического факультета, собрались эксперты-историки, которые на высоком профессиональном уровне должны рассмотреть теоретические проблемы изучения истории Великой Отечественной войны, обсудить наиболее значимые вопросы и представить результаты своих актуальных научных исследований.

Надеюсь, что полученные в ходе научно-практической конференции результаты будут полезны всем участникам и, в первую очередь, молодым специалистам, а предложенные рекомендации действительно найдут своё применение в практической деятельности, прежде всего, в защите исторической памяти о Великой Отечественной войне от фальсификаций и спекуляций.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ І ЛЮДЗІ ВА ЎДЗЯЧНАЙ ПАМЯЦІ ВЫКЛАДЧЫКАЎ І СТУДЭНТАЎ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

А. А. Яноўскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, helgoleg@mail.ru

Сістэматызаваны шматлікія прыклады захавання памяці аб выкладчыках і студэнтах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — удзельніках Вялікай Айчыннай вайны — у штодзённай яго дзейнасці 1950–2025 гг. Звяртаецца ўвага на тое, што за пасляваенныя амаль што 80 гадоў у БДУ надрукавана дастаткова вялікая колькаць кніг і артыкалаў аб інтэлектуальных прашчурах — тых, хто змагаўся з ворагам са зброяў у руках ці прыбліжаў перамогу, працуючы ў савецкім тыле ў якасці выкладчыкаў і навукоўцаў. Адначасова заўважана неабходнасць актывізацыі збору матэрыялаў па ўвекавечванню памяці аб кожным удзельніку вайны — выкладчыку, супрацоўніку, студэнту БДУ.

Ключавыя словы: памяць; Вялікая Айчынная вайна; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; выкладчыкі; студэнты.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ В БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. А. Яновский

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru

Систематизированы многочисленные примеры сохранения памяти о преподавателях и студентах Белорусского государственного университета — участниках Великой Отечественной войны — в его повседневной деятельности с 1950 по 2025 г. Обращает на себя внимание тот факт, что за почти 80 послевоенных лет БГУ опубликовал довольно большое количество книг и статей об интеллектуальных предках — тех, кто с оружием в руках сражался с врагом или приближал победу, работая в советском тылу в качестве преподавателей и ученых. При этом отмечена необходимость активизации сбора материалов для увековечения памяти каждого участника войны — преподавателя, сотрудника, студента БГУ.

Ключевые слова: память; Великая Отечественная война; Белорусский государственный университет; преподаватели; студенты.

THE GREAT PATRIOTIC WAR: EVENTS AND PEOPLE IN GRATEFUL MEMORY OF THE TEACHERS AND STUDENTS OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. A. Yanousky

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru

The article systematizes numerous examples of preserving the memory of the teachers and students of the Belarusian State University – participants of the Great Patriotic War – in its daily activities from 1950 to 2025. It is noteworthy that for almost 80 post-war years, BSU has published quite a large number of books and articles about intellectual ancestors – those who fought the enemy with weapons in their hands or brought victory closer, working in the Soviet rear as teachers and scientists. At the same time, the need was noted to intensify the collection of materials to perpetuate the memory of each participant in the war – teacher, employee, student of BSU.

Keywords: memory; Great Patriotic War; Belarusian State University; teachers; students.

Тэма, прымеркаваная да навуковай канферэнцыі з нагоды 80-годдзя Вялікай Перамогі, — натуральны працяг аўтарскага вывучэння шматвектарнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, неаднаразовых звяротаў да сюжэтаў удзелу выкладчыкаў і студэнтаў БДУ ў барацьбе з нямецка-фашыстскімі захопнікамі. Яшчэ на этапе працы па стварэнню экспазіцыі Музея гісторыі ўніверсітэта, у якой дамінантай сталі матэрыялы раздзела «БДУ ў гады Вялікай Айчыннай вайны», сфарміравалася асабістая перакананасць у выключнай важнасці захавання памяці аб тых, хто прынёс нам Перамогу над ворагам. Яна падмацоўвалася штодня ў сямейным асяроддзі: бацька з 1939 г. служыў у Чырвонай арміі, прайшоў «Малую зямлю», Сталінград, фарсіраванне Дняпра, узяцце Будапешта, Прагі. Вялікі ўплыў на студэнта гістфака, а потым яго супрацоўніка аказалі цесныя кантакты з настаўнікамі — прафесарамі ды дацэнтамі, якія ў большасці сваёй спазналі ваенныя выпрабаванні. Усе гады прафесійнага сталення праходзілі сярод ветэранаў Вялікай Айчыннай. Ва ўніверсітэце актыўна дзейнічала ветэранская арганізацыя. Аб ёй і аб выкладчыках і студэнтах БДУ, удзельніках барацьбы з фашызмам, 7 мая 1981 г. на канферэнцыі, прысвечанай 36-й гадавіне Перамогі, зрабіў спецыяльны даклад старшыня арганізацыі, палкоўнік-ардэнаносец, дацэнт кафедры гісторыі БССР І. В. Марчанка. Іван Васільевіч усю сваю кіпучую энергію скіроўваў не толькі на арганізацыю дзейнасці ветэранскай арганізацыі ўвогуле, але ў большай ступені на яе працу па ваенна-патрыятычнаму выхаванню студэнцтва. Тым больш, што яго кандыдацкая дысертацыя, абароненая яшчэ ў 1972 г., была прысвечана аналізу стану правядзеня такой работы ў Беларусі [1].

Пленарнае пасяджэнне пачалося ў 13:00 у аўдыторыі № 605 Галоўнага корпуса БДУ. У асабістым архіве аўтара застаўся канспект гэтага выступлення. Выступоўца згадаў, что ва ўніверсітэце налічвалася на той момант 335 ветэранаў (з іх 45 жанчын). Большасць былі франтавікамі, а 69 чалавек змагаліся ў партызанскіх атрадах і падполлі. Членамі КПСС былі 234 ветэраны. Іван Васільевіч пазначыў, што трое членаў ветэранскай арганізацыі (Дмітрый Пятровіч Жмуроўскі, Мікалай Якаўлевіч Зайцаў і Аляксандр Васільевіч Кірсанаў) — Героі Савецкага Саюза, 13 — кавалеры ордэна Леніна, 7 — ордэна Славы, 34 — ордэна Чырвонага Сцяга, 164 — ордэна Чырвонай Зоркі, 34 — ордэна Айчыннай вайны I-й ступені і 64 — II-й ступені, а больш за 200 універсітэцкіх ветэранаў узнагароджаны медалямі «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны». У абароне Масквы ўдзельнічала 47 чалавек, Ленінграда — 36, у Сталінградскай бітве — 28, у баях за Каўказ — 10, штурмавалі Кёнігсберг — 39, вызвалялі Варшаву — 34, штурмавалі Берлін — 39. Цікава было даведацца, што сярод універсітэцкіх ветэранаў на 1981 г. налічваўся 41 доктар навук, прафесар, 80 — кандыдатаў навук, 5 — членаў-карэспандэнтаў АН БССР, 13 заслужаных работнікаў адукацыі, навукі і іншых сфер дзейнасці. Увесь даклад складаўся з мноства фактаў праяўлення гераізму у баях і ў тыле прадстаўнікамі БДУ. Дакладчык выкарыстаў матэрыялы экспазіцыі Музея гісторыі БДУ, які на той час ужо 4 гады працаваў на плошчах гістфака, а таксама ўспаміны сваіх калег па ветэранскай арганізацыі.

Калі звярнуцца да першапачатковых спроб зафіксаваць гераізм і трагізм ваенных часоў у дачыненні да прадстаўнікоў БДУ, то можна згадаць кандыдацкую дысертацыю, якая была абаранена ў Маскве ў 1947 г. былым рэктарам універсітэта Парфёнам Пятровічам Савіцкім. Суіскальнік навуковай ступені кандыдата гістарычных навук прывёў шматлікія дадзеныя па наступствах для Беларусі нямецка-фашысцкай акупацыі [2]. У двух главах [глава II. «Захват немцами Белоруссии и ее столицы — города Минска» і глава III. «Оккупационный режим немецких захватчиков в Белоруссии (1941–1944 гг.)»] прыведзены толькі некаторыя звесткі аб разбурэннях і стратах БДУ, панесеных за 1941–1944 гг. Праз час у некалькі іншых інтэрпрэтацыях тэма вайны і навукова-адукацыйнай сферы Беларусі гэтых гадоў і гадоў аднаўлення інтэлектуальнай працы стала даследавацца ў дысертацыйных працах і іншых беларускіх гісторыкаў [3]. Але дакладна пра БДУ ў гады вайны так і не з’явілася асобных ні дысертацый, ні манаграфій. Хіба толькі дзве сінтэтычныя кнігі, выдадзеныя да 40 і 50-годдзя ўніверсітэта, утрымлівалі на сваіх старонках асобныя эпізоды і некаторыя імёны, звязаныя з ваенным часам. Калі ў першай кнізе ў разделе «Краткий исторический очерк» гэтаму распавяданню прысвечаны ўсяго 2 старонкі [4, с. 39–40], то

ў другой у агульным гістарычным раздзеле «Этапы полувекового пути» на палову старонкі больш [5, с. 33–35]. Абедзьве кнігі былі скіраваны на прадстаўленне БДУ не праз сістэмны гістарычны агляд, а праз дзейнасць яго асобных падраздзяленняў — факультэтаў ды кафедр. Праўда, у другой кнізе выдзелены асобны вялікі раздзел пад назвай «Школа коммунистического воспитания», у якім можна знайсці не толькі прыклады накірункаў і праяў ваенна-патрыятычнага выхавання студэнтаў на той час, але і некаторыя звесткі менавіта пра БДУ і яго прадстаўнікоў у гады Вялікай Айчыннай вайны [5, с. 230–231, 234–235, 239–242]. Важна тое, што напярэдадні 25-й гадавіны вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкай акупацыі ў дзень Перамогі 9 мая 1969 г. адбылася мемарыялізацыя подзвігу ўніверсітэцкіх выкладчыкаў, супрацоўнікаў і студэнтаў — пасярод універсітэцкага гарадка пад час мітынгу быў закладзены ў іх гонар адмысловы помнік. Амаль 5 тысяч сабраўшыхся прынеслі клятву вернасці памяці тых, хто «спас человечество от фашистской чумы» [5, с. 232].

Так склалася, што для аўтара ўваходжанне ў прафесію гісторыка адбылося праз дачыненне да гісторыі alma mater увогуле, а разам з тым да падзей і многіх дзесяткаў імёнаў удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Праца па стварэнню Музея гісторыі БДУ з вялікай, насычанай унікальнымі дакументамі і рэчамі экспазіцыяй «БДУ ў часы Вялікай Айчыннай вайны», дазволіла знайсці свой шлях у навуку. Гісторыя ўніверсітэта стала адной з галоўных навуковых парадыгм, якімі аўтар кіраваўся і кіруецца да гэтага часу. Першай жа працай у накірунку спазнання яго ваеннай гісторыі можна згадаць невялікі артыкул з аналізам зместа ваеннага раздзела ў экспазіцыі Музея гісторыі БДУ [6]. Потым, праз два гады, дадзены сюжэт быў абагулены ў кантэксце як савецкіх ідэялагем, так і разгарнуўшайся «перабудовы» [7].

Новы этап навуковых і адначасова грамадзянскіх памкненняў аўтара звязаны з шчаслівым лёсам працаваць на гістарычным факультэце БДУ ў атачэнні сапраўдных герояў Вялікай Айчыннай вайны. Хацелася б пералічыць усіх сваіх настаўнікаў, якія прайшлі дарогі вайны і дабіліся Перамогі над агалцелым ворагам. Але тады прыдзецца распавесці дакладны расказ пра кожнага з некалькіх дзесяткаў выдатных спецыялістаў (і не толькі гісторыкаў), якія працавалі на факультэце і ва ўніверсітэце ўвогуле. Гэта не аднойчы рабілася аўтарам раней, але далёка не ўсе прадстаўлены ў тых ці іншых публікацыях, а калі і прадстаўлены, то не поўна, без належнага распавядання аб суровых гадах іх жыцця. У кантэксце дадзенага артыкула выключнае ўздзеянне на фарміраванне аўтарскага светапогляду зыходзіла ад дэкана факультэта Пётра Захаравіча Савачкіна, загадчыка кафедры гісторыі БССР Лаўрэнція Сямёнавіча Абецэдарскага,

дацэнтаў кафедры гісторыі СССР Аляксея Ісаевіча Сідарэнкі, Юрыя Іосіфавіча Драгуна і асабліва — навуковага кіраўніка кандыдацкай дысертацыяй Анатоля Іосіфавіча Кажушкова.

Пасля школы А. І. Кажушкоў завочна тры гады (з 1938) вучыўся на філалагічным аддзяленні МДПІ імя А. М. Горкага, адначасова працуючы піянерважатым і настаўнікам рускай мовы і літаратуры сямігодкі. Настаўнічаў літаральна да 22 чэрвеня 1941 г., калі быў мабілізаваны. Прайшоў усю вайну ад радавога да камандзіра асобнага кулямётна-артылерыйскага батальёна. За ратныя подзвігі ўдастоены дзвюх падзяк Вярхоўнага галоўнакамандуючага, ордэнаў Чырвонай Зоркі, Чырвонага Сцяга, Айчыннай вайны І-й і ІІ-й ступені, Кутузава ІІІ-й ступені, шасці баявых медалёў. Падчас бітваў Анатоль Іосіфавіч пяць разоў быў паранены (тры разы цяжка). Пасля вайны дэмабілізаваны гвардыі маёр, член партыі з 1945 г. каля паўгода працаваў першым сакратаром Дзяржынскага РК ЛКСМБ, а затым працягнуў вайсковую службу. Адначасова з 1952 г. завочна вучыўся на гістфаку БДУ, які з адзнакай скончыў у 1956 г. Затым завочна вучыўся ў аспірантуры (1956–1960) па кафедры гісторыі СССР і па сумяшчальніцтву стаў выкладаць. У 1962 г. Анатоль Іосіфавіч абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX века». У гэтым жа годзе дэмабілізаваўся з пасады камбата ў званні палкоўніка. Працаваў спачатку старшым выкладчыкам кафедры гісторыі СССР гістфака БДУ, а ў 1968 г. яго зацвердзілі ў вучоным званні дацэнта. У 1964–1965 гг. Анатоль Іосіфавіч працаваў намеснікам дэкана падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян, а ў 1971–1978 гг. — загадчыкам падрыхтоўчага аддзялення БДУ. На кафедры гісторыі СССР і ў БДУ ў цэлым А. І. Кажушкоў вылучаўся сваёй прынцыповасцю, меў высокі аўтарытэт, заснаваны на прафесіяналізме гісторыка, актыўным удзеле ў грамадскім жыцці і, зразумела, яго баявых заслугах.

Ён і скіраваў свайго маладога аспіранта-завочніка на спасціжэнне гісторыі БДУ ва ўсіх праявах і знакавых характарыстыках нашай alma mater. Як увогуле, так і праз выяўленне абставін ўдзелу ўніверсітэцкіх выкладчыкаў і студэнтаў у Вялікай Айчыннай вайне. Спачатку ў 1981 г. сумесна была напісана поўнавартасная гісторыя ўніверсітэта, але тыпаграфскія гранкі кнігі па суб’ектыўных прычынах (не супалі з меркаваннямі прадстаўнікоў рэктарата) раскідалі ўжо пад час яе тыражыравання (засталіся ў асабістым архіве аўтара толькі некалькі раздзелаў з пробнага экземпляра пад традыцыйнай назвай «Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина»). Потым сумесна падрыхтавалі і апублікавалі хроніку падзей і фотаальбом за 70 год гісторыі БДУ [8; 9]. А да гэтага

Анатоль Іосіфавіч падрыхтаваў для выкарыстання ў сістэме вышэйшай і сярэдняй адукацыі адмысловую метадычную распрацоўку менавіта па сюжэтах удзелу калектыву БДУ ў падзеях Вялікай Айчыннай вайны [10]. У хуткім часе ён разам з малодшым калегам па кафедры гісторыі СССР, дацэнтам М. Ф. Чудаевым, надрукаваў артыкул і брашуру па тэме «БДУ у гады Вялікай Айчыннай вайны» [11; 12].

Што да аўтара, то пасля атрыманага ў свайго настаўніка майстар-класа пачалося самастойнае спасціжэнне таямніц універсітэцкай гісторыі, якое працягваецца па сёняшні дзень. У агульным навуковым кантэксце пастаянным інтарэсам былі і застаюцца падзеі 1941–1945 гг. у дачыненні да агульнаўніверсітэцкай праблематыкі, структурных падраздзяленняў БДУ і асабліва «людзей БДУ» — выкладчыкаў і студэнтаў. З дастаткова вялікай колькасці публікацый, якія пабачылі свет за апошнія амаль што 45 гадоў, да тых, дзе зафіксаваны ў розных сюжэтах памяць і павага да нашых інтэлектуальных прашчураў, у першую чаргу можна аднесці дзве кнігі — манаграфічнага і даведачнага зместу [13; 14]. Дакладна ўдзел навукоўцаў і студэнтаў у Вялікай Айчыннай вайне праслежаны ў аўтарскіх і калектыўных артыкулах [15; 16; 17; 18; 19; 20]. Перадваенныя, ваенныя і першыя пасляваенныя часіны ў гісторыі БДУ адлюстраваны ў некалькіх зборніках дакументаў, што пабачылі свет за апошнія 20 гадоў [21; 22; 23; 24]. Відавочны прасапаграфічны метад быў пакладзены ў аснову падрыхтоўкі юбілейнага выдання (да 100-годдзя БДУ) пяці тамоў «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования». Гэта дало магчымасць прадставіць 132 выдатных універсітэцкіх навукоўцаў не толькі як даследчыкаў і выкладчыкаў самага высокага ўзроўню, але і праз іх удзел ў грамадска-палітычных працэсах. У тым ліку і ў Вялікай Айчыннай вайне — набліжалі Перамогу 79 асоб з 132 прадстаўленых.

Зразумела, гэты пералік адлюстроўвае не столькі здабыткі, аднаўленне памяці — індывідуальнай і карпаратыўнай, колькі пазначае неабходнасць значна больш глыбокага пранікнення даследчыкаў у шматвектарныя сюжэты велізарнай тэмы — «БДУ і яго людзі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». Патрэбна хаця б па прашэсці 80-ці гадоў сабраць пад адну вокладку шматікія дакументальныя звесткі рознага паходжання, іх абагуліць, насыціць тэксты ілюстратыўным матэрыялам, прадставіць максімальна поўны спіс тых, хто змагаўся на франтах з ворагам, хто прыбліжаў перамогу ў партызанскіх атрадах, у падполлі, у тыле. Таму бачыцца неабходнасць шматтомнай калектыўнай працы прадстаўнікоў усіх падраздзяленняў цяперашняга БДУ. Невялікая кніга, якая выйшла з друку дастаткова даўно, абсалютна не можа сёння лічыцца ўвасабленнем нашай

памяці [25]. Хаця, канешне, некаторыя абставіны ваенных гадоў у сувязі з імёнамі прадстаўнікоў ўніверсітэта можна знайсці на сайце ўніверсітэта, нават у падручніках па агульнай гісторыі Беларусі Навейшага часу, а тым больш у аўтарскіх дапаможніках для студэнтаў БДУ [26].

Між тым ушанаванне памяці ўдзельнікаў вайны ва ўніверсітэце заўсёды было і застаецца прыярытэтным у кантэксце агульнай гісторыі ўстановы. Амаль кожны факультэт мае розныя публікацыі, у якіх распавядаецца аб гераічных і трагічных лёсах сваіх інтэлектуальных прашчураў. Асабліва значная пошукавая праца была праведзена на юрыдычным факультэце, дзякуючы намаганням Лідзіі Паўлаўны Максімавай [27; 28]. Яна не толькі сабрала зашмат звестак аб людзях і падзеях, сістэматызавала іх праз падачу агульнай гісторыі юрыдычнага факультэта ў сваіх кнігах, але і доўгі час была папулярызатарам памяці праз выдатны музей гісторыі юрыдычнага факультэта. Зразумела, няспынна ідзе ініцыятыўная праца даследчыкаў-гісторыкаў, увасабленнем якой з'яўляюцца як асобныя артыкулы [29], так і зборнікі па выніках навуковых канферэнцый і круглых сталоў, прысвечаных знакавым датам у кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны. Тут можна спаслацца на юбілейную канферэнцыю, праведзеную гістфакам БДУ з нагоды 80-годдзя вызвалення Беларусі ад фашысцкіх акупантаў [30]. Вось толькі па-ранейшаму менавіта «універсітэцкі складнік» у агульнай ваеннай гісторыі не зусім прадстаўнічы.

У каторы раз падкрэсліўшы непрыложны факт, што БДУ з самага пачатку сваёй гісторыі быў і цяпер застаецца ўніверсітэтам класічным, патрэбна звярнуць увагу на яго міжнародныя стасункі. А яны якраз і адлюстроўваць уключанасць універсітэта Беларусі ў сусветную супольнасць. У тым ліку і ў вырашэнні агульнагуманітарных праблем, да якіх адносяцца таксама пытанні захавання гістарычнай памяці. Тут найбольш блізкім, арганічна звязаным з БДУ з'яўляецца МДУ імя М. В. Ламаносава. Аднак і іншыя ўніверсітэты Расіі ды і некаторых краін «постсавецкай прасторы» цесна супрацоўнічаюць з БДУ, таксама і ў рэчышчы захавання памяці аб Вялікай Айчыннай вайне ў самым шырокім кантэксце.

Узгадаем найбольш важныя кантакты менавіта з практыкі сумеснай працы двух гістарычных факультэтаў — БДУ і МДУ імя М. В. Ламаносава. У недалёкім часе (24 сакавіка 2014) ў Маскве паміж факультэтамі адбылося падпісанне Рабочай праграмы супрацоўніцтва на 2014–2015 гг. Гістарычны факультэт МДУ святкаваў у гэты час 80-годдзе заснавання факультэта, у якім прыняла ўдзел дэлегацыя гістарычнага факультэта БДУ. А ўжо 1–2 ліпеня 2014 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ўпершыню адбыўся Міжнародны расійска-беларускі конкурс студэнцкіх навуковых работ па гісторыі «Агульны шлях да

Вялікай Перамогі: да 70-годдзя вызвалення Беларусі». Конкурс быў арганізаваны двума гістарычнымі факультэтамі. Удзельнічала каля 20 студэнтаў БДУ і МДУ. У гэтым жа годзе ў канцы кастрычніка дэлегацыя маскоўскіх гісторыкаў наведала юбілейныя ўрачыстасці з нагоды 80-годдзя заснавання гістарычнага факультэта БДУ. Падчас гэтых мерапрыемстваў 30 кастрычніка 2014 г. прайшла прэзентацыя новай манаграфіі «Фалеристика. Наградные системы мира» дэкана гістарычнага факультэта МДУ імя М. В. Ламаносава акадэміка С. П. Карпава, арганізаваная гістфакам БДУ сумесна з Нацыянальнай бібліятэкай Рэспублікі Беларусь.

Затым, 15–17 чэрвеня 2015 г., у Маскве на гістарычным факультэце МДУ імя М. В. Ламаносава прайшоў Другі Міжнародны расійска-беларускі конкурс студэнцкіх навуковых работ па гісторыі «Агульны шлях да Вялікай Перамогі». Пашырылася геаграфія ўдзельнікаў конкурсу. У заключным яго этапе прынялі ўдзел 20 студэнтаў — пераможцаў завочнага тура конкурсу. Яны прадставілі не толькі гістарычныя факультэты сталічных універсітэтаў двух краін, але таксама Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Куляшова, Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, Балтыйскага федэральнага ўніверсітэта імя І. Канта. З 12 работ студэнтаў гістфака БДУ Дыпломаў 1-й ступені былі ўдастоены два трэцякурснікі, якія спецыялізаваліся па кафедры гісторыі Расіі — Ігар Курс і Алена Воднева, а дыплом 3-й ступені атрымаў яшчэ адзін «расіязнавец» — Ігар Пятровіч, які пабудаваў сваю працу на чытанні ўспамінаў аб вайне франтавікоў і партызан, якія пасля сталі супрацоўнікамі БДУ (пазней ён закончыў магістратуру МДУ). Падчас конкурсу яго ўдзельнікі наведалі Дзяржаўны гісторыка-культурны музей-запаведнік «Маскоўскі Крэмль», Зброевую палату з новай выставай «Памяць аб Перамозе. Узнагароды Другой сусветнай вайны», прымеркаванай да 70-годдзя перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне.

Наступны год у кантактах двух факультэтаў пачаўся з правядзення з 28 лютага па 4 сакавіка 2016 г. у г. Уладзімір расійска-беларускай школы маладых гісторыкаў. А 28–30 чэрвеня на гістарычным факультэце БДУ прайшоў Трэці Міжнародны расійска-беларускі конкурс студэнцкіх навуковых работ па гісторыі «Агульны шлях да Вялікай Перамогі: подзвіг народа несмяротны». Удзельнікі конкурсу наведалі Мемарыяльны комплекс «Брэсцкая крэпасць-герой», Музей сучаснай беларускай дзяржаўнасці, Археалагічны музей «Бярэсце».

Гістарычны факультэт БДУ плённа супрацоўнічае з калегамі з Пскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Прыкладам актыўнай уключанасці студэнцтва нашых універсітэтаў у гэтае супрацоўніцтва сталі ўзаемныя дэлегацыі, якія мелі магчымасць наведаць найбольш цікавыя

славутасці Мінска і Пскова. Падчас зносін студэнтаў і выкладчыкаў узнімаліся ўзаемна цікавыя тэмы. Сярод іншых — тэма ўдзелу дзядоў і бацькоў у Другой сусветнай вайне — стала адной з ключавых. Выдатным пацвярджэннем такіх кантактаў з'яўляецца праведзеная ў 2024 г. дацэнтам Верай Васільеўнай Сяргеенкавай работа са студэнтамі першых курсаў некалькіх факультэтаў БДУ. У рамках чытання курса «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» яна прапанавала студэнтам выканаць невялікае навучальнае заданне — напісаць эсэ аб блізкіх сваяках, якія ў той ці іншай форме прымалі ўдзел у падзеях 1939–1945 гг. У выніку ж замест эсэ студэнты прадставілі паўнавартасныя нарысы з падрабязным распавяданнем аб гераізме і пакутах, аб подзвігах і цяжкіх стратах, з якіх былі вытканыя лёсы продкаў, што перанеслі жахі тых гадоў. Студэнцкія тэксты грунтуюцца на дакументах з сямейных архіваў, прачытанні рознай навуковай літаратуры. Пасля навуковай апрацоўкі гэтыя апавяданні былі аб'яднаны ў асобнай кнізе, якая ў электронным выглядзе пабачыла свет ва ўніверсітэцкім выдавецтве [31]. У кнігу ўвайшлі матэрыялы, падрыхтаваныя студэнтамі 1–4 курсаў гістарычнага, ваеннага і юрыдычнага факультэтаў БДУ падчас засваення дысцыплін «Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» і «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці». Большасць з іх адлюстравалі ўспрыманне і адзнакі сучаснай моладзі подзвігу савецкага народа ў барацьбе з фашызмам. Агульная тэма раскрываецца праз канкрэтыку гісторыі сем'яў аўтараў публікацый, гісторыі гарадоў і населеных пунктаў Беларусі ў гады суровых выпрабаванняў. Паказаны генацыд беларускага народа і жахі Халакоста на тэрыторыі Беларусі. Маладыя аўтары толькі далучаюцца да напісання навуковых тэкстаў, іх выдавецкага афармлення. Але ўсе матэрыялы прасякнуты любоўю да гісторыі Радзімы, разуменнем таго, што гісторыя — гэта тое, што нас аб'ядноўвае. На Усерасійскім конкурсе «Лепшых практык захавання гістарычнай памяці», які праводзіў ў Пскоўскім дзяржаўным універсітэце Нацыянальны цэнтр Гістарычнай памяці пры Прэзідэнце Расійскай Федэрацыі (21 снежня 2024), дадзены праект у намінацыі «Грамадзянска-патрыятычнае выхаванне студэнтаў» стаў Лаўрэатам.

Гісторыкі БДУ падтрымліваюць самыя цесныя адносіны з калегамі з Бранска, Іванава, Курска, Саратава, Саранска, Смаленска, Сыктыўкара, Пермі, і іншых універсітэтаў Расіі. Найцесныя сувязі са Смаленскім дзяржаўным універсітэтам, як прыклад плённага супрацоўніцтва па лініі «вялікай» навукі і навукі студэнцкай, дазволілі правесці ў Смаленску «Школу маладога гісторыка», у якой прынялі ўдзел студэнты з універсітэтаў Расіі і Беларусі. Лекцыі на актуальныя праблемы гісторыі і сучаснасці

чыталі прафесары і дацэнты з Масквы, Смаленска, Мінска. Тэма Вялікай Айчыннай вайны з'яўлялася адной з самых актуальных. Аб ваенных буднях, аб цане перамогі, аб сумесным беларуска-рускім брацтве па зброі гаварылася як у канкрэтыцы падзеі, так і былі намечаны тыя праблемы, якія патрабуюць прыкладання намаганняў вопытных і маладых гісторыкаў дзвюх краін.

Безумоўна, тэма «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа» ужо даўно арганічна ўвайшла асобным прадметам выкладання і вывучэння ў навучальныя планы большасці факультэтаў БДУ. Пачатак быў пакладзены ў адпаведнасці з лістом Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь ад 22 снежня 2009 г. Пачынаючы з другога семестра 2009/2010 навучальнага года «у мэтах пашырэння, паглыблення і сістэматызацыі ведаў студэнтаў аб галоўных падзеях ваенных гадоў» было арганізавана чытанне курса «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)». Гэтая дысцыпліна чыталася студэнтам 1-га і 2-га курсаў усіх факультэтаў БДУ дзённай формы атрымання адукацыі ў аб'ёме 24-х лекцыйных гадзін (на другіх курсах) і 18 гадзін (на першых курсах). Студэнты ў ходзе вывучэння дысцыпліны здавалі тэсты, рыхтавалі эсэ, рэфераты, якасць падрыхтоўкі якіх улічвалася пры здачы заліку.

З 2012 г. у выніку «удасканалення арганізацыі вывучэння і аптымізацыі зместу дысцыплін сацыяльна-гуманітарнага цыкла» гэты курс быў выдзелены ў інтэграваны модуль «Гісторыя» па выбары студэнта. Адпаведна, курс стаў чытацца ўжо не на ўсіх факультэтах. Напрыклад, у 2016/2017 навучальным годзе кафедра гісторыі Расіі гэты курс выкладала на гістарычным факультэце ў форме факультатыва на 1-м курсе на ўсіх спецыяльнасцях у аб'ёме 18 лекцыйных гадзін. А ў той жа час на хімічным факультэце — у аб'ёме 22-х лекцыйных і 10 гадзін семінарскіх. Кафедра кіравалася зацверджанай яшчэ ў 2010 г. тыпавой вучэбнай праграмай «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)». Асобныя навучальныя праграмы былі распрацаваны для студэнтаў усіх спецыяльнасцей гістарычнага і хімічнага факультэтаў. У працэсе выкладання курса выкарыстоўваўся шэраг кампанентаў вучэбна-метадычнага комплексу: тэматыка лекцый, тэматыка рэфератаў, спісы асноўнай і дадатковай літаратуры, зборнікі дакументаў, вытрымкі з мемуараў і мастацкай літаратуры, партрэтная галерэя, плакаты і ўлёткі часоў Вялікай Айчыннай вайны, карты, варыянты тэстаў, тэставыя пытанні. Студэнты наведвалі разам з выкладчыкамі курса і куратарамі навучальных груп Музей КДБ, Музей Вялікай Айчыннай вайны, Музей гісторыі БДУ і інш. Падчас чытання лекцый і правядзення семінарскіх заняткаў выкладчыкі шырока выкарыстоўвалі электронныя сродкі навучання:

дыскі з дакументальнымі фільмамі айчыннай і замежнай вытворчасці па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, Другой сусветнай вайны (напрыклад, фільмы Беларускага тэлебачання аб правядзенні аперацыі «Баграціён» і вызваленні Беларусі, аб партызанскім руху; таксама фільмы Discovery: «Берлінская цытадэль Гітлера», «Баявыя аперацыі ў Венгрыі: канец 1944–пачатак 1945 г.», «Халакост».

Кафедра гісторыі Расіі забяспечвала таксама чытанне двух спецыяльных курсаў па праблематыцы Вялікай Айчыннай вайны: «Супрацьстаянне савецкай і нямецкай прапаганды на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.)» — дацэнт Г. А. Болсун; «Міжнародныя адносіны і знешняя палітыка Савецкага Саюза (1945–1965 гг.)» — дацэнт І. А. Літвіноўскі. Пры чытанні ж агульнага курса «Гісторыя Расіі і Украіны» навейшага часу на 3-м курсе гістарычнага факультэта 8 гадзін адводзілася тэмам, прысвечаным Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнам. У той час яшчэ дацэнт кафедры С. М. Цемушаў (сёння ён доктар навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў) падрыхтаваў інтэлектуальную віктарыну «Што? Дзе? Калі?» з 36 пытанняў па асноўных праблемах гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, якая стала добрай падмогай для студэнтаў-практыкантаў у пазакласнай рабоце са школьнікамі падчас праходжання педагагічнай практыкі ў школах г. Мінска.

Праблематыка гісторыі Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай вайнаў знайшла сваё адлюстраванне ў навучальных і навуковых распрацоўках выкладчыкаў кафедры гісторыі Расіі. У прыватнасці, дацэнты В. В. Брыгадзіна і І. А. Літвіноўскі з'яўляюцца аўтарамі двух частак [«Міжнароднае становішча і савецкая знешняя палітыка ў пачатковы перыяд Другой сусветнай вайны» і «Савецкай грамадства і дзяржава ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.)»] навучальнага дапаможніка да агульнага курса «Гісторыя Расіі і Украіны» [32, с. 228–277]. Яны таксама напісалі раздзелы з аналізам стану сучаснай расійскай гістарыяграфіі па ваеннай праблематыцы [33, с. 42–84]. У 2010 г. у Маскве калектыў кафедры надрукаваў кнігу з падрабязным разглядам расійскай гісторыі ў Новы і Найноўшы час, дзе таксама падрабязна адлюстраваны падзеі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў [34, с. 530–558].

Пры напісанні курсавых і дыпломных работ студэнтамі гістарычнага факультэта пад кіраўніцтвам выкладчыкаў ва ўсе папярэднія гады распрацоўвалася разнастайная «ваенная тэматыка» і, вядома ж, найперш пра падзеі 1939–1945 гг. У якасці прыкладаў можна назваць такія тэмы: «Прыбалтыйскія дзяржавы ў сферы савецка-германскіх інтарэсаў (1939–1940 гг.)», «Станаўленне савецка-амерыканскага супрацоўніцтва ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень–снежань 1941 г.)», «В. І. Чуйкоў:

палкаводзец і палітычны дзеяч», «Паўсядзённае жыццё Ленінграда ў перыяд блакады (8 верасня 1941 г.–27 студзеня 1944 г.)», «Фарсіраванне Дняпра ўвосень 1943 г. Прарыў Усходняга вала», «Фарміраванне Ялцінска-Патсдамскай сістэмы міжнародных адносін (1943–1945 гг.)», «Беларуская наступальная аперацыя „Баграціён“», «Вялікая Айчынная вайна ў матэрыялах савецкага перыядычнага друку (1943–1944 гг.)», «Абарончыя бітвы Чырвонай Арміі летам 1941 г. на заходнім напрамку», «Адлюстраванне гісторыі партызанскага і падпольнага руху ў экспазіцыі Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны» і інш. Кафедра гісторыі Расіі з'явілася ініцыятарам і арганізатарам правядзення на гістарычным факультэце (15 красавіка 2015) навукова-практычнай канферэнцыі «Памяць: вайна ў гісторыі краіны і лёсах маёй сям'і» для студэнтаў, магістрантаў, аспірантаў і школьнікаў, прысвечанай 70-годдзю Перамогі. У канферэнцыі прынялі ўдзел 85 чалавек.

Гісторыя Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў шмат гадоў была галоўнай у вучэбнай і навуковай дзейнасці дацэнта кафедры Галіны Аляксандраўны Болсун. Яна рэгулярна выступала на навуковых канферэнцыях і семінарах па дадзенай праблематыцы, давала інтэрв'ю тэлевізійным каналам, праводзіла на факультэце выставы найноўшай літаратуры па гісторыі войнаў, арганізоўвала сустрэчы студэнтаў з ветэранамі і былымі малалетнімі вязнямі фашысцкіх канлагераў, прымала ўдзел у рабоце Рэспубліканскага студэнцкага форума «Свет Вялікай Перамогі», чытала лекцыі для школьнікаў — «Дзіцячыя сведчанні вайны», выступала з дакладам «Выхаванне памяці на прыкладах гераізму савецкага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў кантэксце сучасных беларуска-расійскіх адносін» на міжнароднай канферэнцыі «Российско-белорусская интеграция: от идеи к воплощению», удзельнічала ў відэабрыфінгу «Дзень Перамогі ў культуры памяці беларускага грамадства», распрацавала сцэнарый і правяла святочны канцэрт дзіцяча-юнацкага хору Усіхсвяцкага прыходу для ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны, малалетніх вязняў канцлагераў і беларускай грамадскасці, падрыхтавала і правяла студэнцкі дэбат-клуб «Міфалагізацыя вайны» і інш. Галіна Аляксандраўна была адным з самых актыўных і прафесіянальна падрыхтаваных папулярызатараў памяці аб Вялікай Айчыннай вайне. Але не яна адна. Сёння яе «эстафета» знаходзіцца ў руках сталых і маладых выкладчыкаў гістфака БДУ, выкладчыкаў розных кафедраў.

Такім чынам, калі азірнуцца назад, то ў каторы раз пераконваешся, што юбілейныя даты Вялікай Перамогі заўсёды дазвалялі зрушыць акцэнты менавіта на патрыятычны складнік светапогляду грамадзяніна Рэспублікі Беларусь. Перш за ўсё маладога, нацэленага на інтэлектуальнае

спасціжэнне мінулага, на разуменне суадносін сучаснасці з неўміручасцю подзвігу дзядоў і бацькоў. І сёння асаблівую актуальнасць мае канцэпцыя знакава-кантэкснага навучання, якая прадугледжвае шырокае выкарыстанне актыўных форм работы з моладдзю — навучанне праз дзейнасць. Гэта значыць, пры фарміраванні гістарычнай памяці аб вайне ў цэнтры ўвагі павінны быць не абстрактныя сацыялагічныя структуры, а чалавек, з яго думкамі, перажываннямі, праблемамі. У дадзеным выпадку вялікае значэнне маюць дакументы асабістага паходжання, азнаямленне з якімі студэнтаў цяжка пераацаніць. Напрыклад, узгадваючы старонкі ваеннай гісторыі БДУ і яго прадстаўнікоў, вялікі выхаваўчы патэнцыял маюць успаміны акадэміка-гісторыка М. М. Нікольскага, яго жонкі, дацэнта гістфака ўніверсітэта Р. А. Нікольскай [35, с. 7–20; 36, с. 15–27; 37, с. 97–98]. Асабліва, калі да іх дадаць прафесійныя каментары даследчыкаў [38, с. 268–275].

Імкненне разабрацца ў падзеях мінулага, зразумець іх прычыны і наступствы, скласці ўласнае ўяўленне аб вайне немагчыма без апоры на гуманістычныя каштоўнасці, усвядомленыя і прызнаныя асобай. У сувязі з гэтым мэтазгоднасць выкладання вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» у якасці абавязковай для ўсіх факультэтаў БДУ актуальна і сёння. І, магчыма, як ніколі раней у сілу сучасных геапалітычных падзей. А, галоўнае, дзеля захавання памяці аб вызначальных для сучаснасці падзей мінулага.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Марченко И. В.* Военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи Белоруссии (1965–1970 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: спец. 07.00.02. История. СССР. Минск, 1972.

2. *Савицкий П. П.* Оккупационный режим немецких захватчиков в Белоруссии (1941–1944 гг.): дис. … канд. ист. наук. М.: Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), 1947.

3. *Кованцева Г. М.* Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы: дис. … канд. ист. наук. Минск, 1955.

4. Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина / отв. ред. Л. С. Абецедарский. Минск: Изд-во МВССПО БССР, 1962. 279 с.

5. Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина / редактор-составитель А. И. Кожушков. Минск: Изд-во БГУ имени В. И. Ленина, 1971. 319 с.

6. *Яновский О. А.* Тема Великой Отечественной войны в экспозиции музея истории Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина // Героические события Великой Отечественной войны в памятниках и обелисках Родины и их роль в военно-патриотическом воспитании молодежи: Тезисы межвуз. науч.-практ. конф. Минск: Полымя, 1985. С. 30–32.

7. *Яновский О. А.* Музей вуза — пропагандист боевых и трудовых традиций, действенная форма коммунистического воспитания будущих специалистов // Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1987. С. 200–201.

8. *Кожушков А. И.*, *Яновский О. А.* Белорусский университет. Хроника событий (1919–1989). Минск: БГУ, 1990. 238 с.

9. *Кажушкоў А. І.*, *Вараб'ёў В. П.*, *Яноўскі А. А.* Беларускі дзяржаўны універсітэт імя У. І. Леніна. Мінск: Асацыяцыя «АЖУР» СЖБ, 1991. 96 с.

10. *Кожушков А. И.* Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны: методическая разработка для преподавателей. Минск: БГУ, 1984. 17 с.

11. *Кожушков А. И.*, *Чудаев М. Ф.* За честь и независимость родины (Участие преподавателей и студентов БГУ в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны) // Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Серыя III. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. 1984. № 2. С. 5–7.

12. *Кожушков А. И.*, *Чудаев М. Ф.* Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны. Минск: БГУ, 1984. 19 с.

13. *Яноўскі А. А.*, *Зельскі А. Г.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мінск: БДУ, 2001. 320 с.

14. Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага універсітэта / Аўт.-скл. А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2001. 339 с.

15. *Яновский О. А.*, *Яновская В. В.* Попытки нового прочтения белорусской истории накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: материалы междунар. науч. конф. М.: Издатель Степаненко, 2015. 728 с.

16. *Яновский О. А.*, *Прохоров А. А.*, *Ходин С. Н.* 21-й учебный год Белорусского университета — возрождение в условиях Великой Отечественной войны // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. X. Минск: БГУ, 2015. С. 9–30.

17. *Яноўскі А. А.* Змагацца ці выжываць? Лёсы беларускіх інтэлектуалаў ва ўмовах Другой сусветнай вайны // Гуманітарна-эканамічны веснік. 2016. № 1–2. С. 10–16.

18. *Яноўскі А. А.* Войны 1939–1945 гг. у лёсах інтэлектуалаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта // Пичетовские чтения — 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом: материалы междунар. науч. конф. Минск: БГУ, 2020. С. 46–53.

19. *Яновский О. А.* Россиеведы Белорусского государственного университета — участники Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исследований истории России и Белоруссии (к 80-летию Курской битвы): материалы междунар. научно-практ. конф. Курск: Изд-во КГУ, 2024. С. 9–18.

20. *Гернович Т. Д.*, *Шумейко М. Ф.*, *Яновский О. А.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне через цифровые технологии: методика создания цифровой выставки «Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны» и ее образовательное значение // Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию проведения Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» и освобождения Беларуси / редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 5–12.

21. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921–1941 / Аўт.-склад.: А. А. Яноўскі, М. Ф. Шумейка, С. М. Ходзін. Мінск: БДУ, 2006. 383 с.

22. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1945–1961 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2009. 405 с.

23. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.

24. Неизвестный В. И. Пичета / сост., предисл., примеч. М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2021. 436 с.

25. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945 / склад.: С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск: БДУ, 2005. 151 с.

26. Беларусь у перыяд Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны 1939–1945 гг.: дакументы і матэрыялы: вучэбны дапаможнік / уклад. А. І. Котаў. Мінск: БДУ, 2004. 167 с.

27. *Максимова Л. П.* Alma mater юристов Беларуси: История и современность юридического факультета БГУ. Минск: Право и экономика, 2001. 171 с.

28. *Максимова Л. П.* Юридический факультет Белорусского государственного университета: История и современность. Минск: БГУ, 1998. 199 с.

29. *Хадасевич А. С.* Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Вып. 18: матэрыялы [XVIII] міжнар. навук. канф. Мінск: МГЛУ, 2020. С. 110–114.

30. Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию проведения Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион» и освобождения Беларуси / редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. 397 с.

31. Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков): сборник материалов / отв. ред.: В. В. Сергеенкова, О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2024. 281 с.

32. История России. XX век: Учебное пособие / под ред. В. И. Меньковского и О. А. Яновского. Минск: РИВШ, 2005. 704 с.

33. Современная российская историография. В 2-х ч. Ч. 2 / под ред. В. И. Меньковского. Минск: РИВШ, 2009. 274 с.

34. История России: Новое и Новейшее время / под общей науч. ред. проф. О. А. Яновского. М.: Эксмо, 2010. 784 с.

35. *Никольский Н. М.* Как мы ушли к партизанам // Рукописный журнал «Партизан Отечественной войны» за февраль 1944 г. партизанского отряда имени С. Г. Лазо бригады «За Советскую Белоруссию» Минской области, хранящийся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. Фонды кп. 13264.

36. Рукопись с воспоминаниями Р. А. Никольской о пережитом // Из личного архива О. А. Яновского.

37. *Никольская Р. А.* Живу исключительно любовью // The Health Magazine Здоровье. Декабрь. Вашингтон, 2003.

38. *Гуленко В. И.*, *Шумейко М. Ф.* «Как мы пришли к партизанам» (воспоминания Н. М. Никольского) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2008. С. 155–165.

СУЧАСНЫ СТАН ВЫКЛАДАННЯ І ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ НОВАГА І НАВЕЙШАГА ЧАСУ БДУ

Г. І. Маскевіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, maskevich@bsu.by

Артыкул прысвечаны разгляду выкладання і навуковага вывучэння пытанняў, звязаных з Вялікай Айчыннай вайной і захаваннем гістарычнай памяці беларускага народа, на кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ у апошняе дзесяцігоддзе. Узгадваюцца імёны выкладчыкаў і навукоўцаў, якія ўнеслі уклад у распрацоўку гэтай актуальнай праблемы.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; гістарычны факультэт; кафедра гісторыі Беларусі новага і навейшага часу; Вялікая Айчынная вайна.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ БГУ

А. И. Маскевич

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, maskevich@bsu.by

Статья посвящена рассмотрению преподавания и научного изучения вопросов, связанных с Великой Отечественной войной и сохранением исторической памяти белорусского народа, на кафедре истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ в последнее десятилетие. Вспоминаются имена преподавателей и ученых, внесших вклад в разработку этой актуальной проблемы.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; исторический факультет; кафедра истории Беларуси нового и новейшего времени; Великая Отечественная война.

THE CURRENT STATE OF TEACHING AND STUDYING THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AT THE DEPARTMENT OF MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY OF BELARUS OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. I. Maskevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, maskevich@bsu.by

The article is devoted to the teaching and scientific study of issues related to the Great Patriotic War and the preservation of the historical memory of the Belarusian people at the

Department of Modern and Contemporary History of Belarus of the BSU in the last decade. The names of teachers and scientists who contributed to the development of this urgent problem are recording.

Keywords: Belarusian State University; Faculty of History; Department of the Modern and Contemporary History of Belarus; The Great Patriotic War.

Кафедра гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта з'яўляецца профільнай у выкладанні перыяда айчыннай гісторыі, звязанага з Вялікай Айчыннай вайной. З часу стварэння самастойнай кафедры ў 1994 г. тэма вайны закраналася ў курсах і спецкурсах, якія выкладаліся на кафедры, курсавых, дыпломных работах, магістэрскіх і кандыдацкіх дысертацыях навучэнцаў кафедры, навуковых публікацыях прафесарска-выкладчыцкага складу. Ужо больш за 30 гадоў кафедра займаецца вывучэннем і выкладаннем гэтай актуальнай да сённяшняга дня тэмы. У артыкуле размова пойдзе пераважна пра апошняе дзесяцігоддзе.

Перш за ўсё, хацелася б сказаць пра выкладчыцкую дзейнасць. Супрацоўнікі кафедры забяспечваюць выкладанне вучэбнай дысцыпліны «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» на большасці факультэтаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Прыемна канстатаваць, што запатрабаванасць і зацікаўленасць у гэтым курсе на непрофільных, у тым ліку негуманітарных факультэтах апошнім часам расце. У 2015–2016 н. г. курс выкладаўся на першым курсе факультэта радыёфізікі (22 гадзіны лекцый, 12 гадзін семінарскіх заняткаў), другім курсе геаграфічнага факультэта (26 гадзін лекцый, 8 гадзін семінарскіх заняткаў), першым і другім курсах ваеннага факультэт (22 гадзіны лекцый, 10 гадзін семінарскіх заняткаў, 2 гадзіны КСР і 26 гадзін лекцыі і 8 гадзін семінарскіх заняткаў), першым і трэцім курсах фізічнага факульта (24 гадзіны лекцый, 10 гадзін семінарскіх заняткаў і 18 гадзін лекцый, 16 гадзін семінарскіх заняткаў), на завочным аддзяленні біялагічнага і геаграфічнага факультэтаў у колькасці 8 гадзін (6 лекцый і 2 семінараў). У якасці формы канролю студэнты здавалі залік. У 2021–2022 н. г. некалькі змянілася структура курса. На асобных факультэтах ён увайшоў у блок спецыяльных модуляў. Паступова пашыраліся формы самастойнай работы і праверкі ведаў студэнтаў: кантрольныя работы, рэфераты, розныя віды кіруемай самастойнай работы, эўрыстычныя заданні і інш. Першымі супрацоўнікамі кафедры, якія ўзяліся за распрацоўку і выкладанне курса, былі прафесар І. Ф. Раманоўскі, дацэнты А. Б. Багдановіч, А. Я. Верамейчык, Л. А. Осіпава, А. Ф. Паддубская, старшыя выкладчыкі Л. Ю. Казакоў, А. У. Кузняцова.

З 2022 па 2024 гг. кафедра гісторыі Беларусі новага і навейшага часу забяспечвала выкладанне на большасці факультэтаў БДУ новай вучэбнай

дысцыпліны — «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці». У 2024–2025 н. г. курс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» зноў стаў чытацца выкладчыкамі кафедры у якасці дысцыпліны па выбару студэнтаў. І тое, што сучасная моладзь выбірае менавіта гэты курс, з'яўляецца паказальным і ілюструе значнасць і неабходнасць захавання гістарычнай памяці беларускага народа пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны. Выкладанне вучэбнай дысцыпліны стала больш сістэматызаваным і цэнтралізаваным. Існуе агульная вучэбная праграма ўстановы вышэйшай адукацыі па вучэбнай дысцыпліне для ўсіх спецыяльнасцей першай ступені вышэйшай адукацыі (аўтары — прафесары А. Г. Каханоўскі, А. А. Яноўскі, дацэнт А. В. Бурачонак). Курс складаецца з 28 гадзін лекцый, 22 гадзін семінарскіх заняткаў, 4 гадзін КСР. Сёння курс выкладаюць штатныя супрацоўнікі і сумяшчальнікі кафедры дацэнты Г. С. Хадасевіч, А. М. Мох, В. В. Сяргеенкава, К. І. Козак, А. М. Кукса, старшыя выкладчыкі Н. В. Карповіч, Л. Ю. Казакоў. Яны працуюць са студэнтамі факультэта міжнародных адносін, факультэта сацыякультурных камунікацый, фізічнага, хімічнага, юрыдычнага, геаграфічнага, філалагічнага, ваеннага факультэтаў.

Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны і палітыка Рэспублікі Беларусь па захаванні гістарычнай спадчыны беларускага народа, пытанні генацыда беларускага народа з'яўляюцца часткай праграмы вучэбнай дысцыпліны «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці», якая выкладаецца супрацоўнікамі кафедры на ўсіх факультэтах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Прафесар кафедры А. Г. Каханоўскі і дацэнт А. В. Бурачонак увайшлі ў калектыў аўтараў вучэбнага дапаможніка «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» [1].

Для студэнтаў гістарычнага факультэта БДУ у разглядаемы перыяд чыталіся спецыяльныя курсы, прысвечаныя разнастайным пытанням гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Прафесар У. К. Коршук да 2019 г. год выкладаў дысцыпліну «Партызанскі рух у Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». З 2020 г. дацэнт А. М. Максімчык, затым — дацэнт А. В. Лепеш для магістрантаў гістарычнага факультэта чыталі курс «Актуальныя праблемы вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў Беларусі». З 2025–2026 н. г. плануецца выкладанне курса «Актуальныя праблемы інтэпрэтацыі гістарычнага мінулага і палітыка памяці ў Рэспубліцы Беларусь», значная частка якога будзе прысвечана перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

У межах вучэбнай дысцыпліны курса «Гісторыя Беларусі навейшага часу» для трэццякурснікам спецыяльнасці «Гісторыя» на вывучэнне Вялікай Айчыннай вайны адведзена 22 гадзіны (уключаючы лекцыі, семінарскія заняткі, кср). У межах курса «Гісторыя Беларусі» для студэнтаў

2 курса спецыяльнасцяў «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» і «Гісторыка-архівазнаўства» адводзіцца 6 гадзін лекцый і 2 семінары.

У межах вывучаемых курсаў студэнты не проста слухаюць лекцыі, а актыўна ўключаюцца ў працу. Выкладчыкі шукаюць творчыя падыходы, выкарыстоўваюць інавацыйныя тэхналогіі ў выкладанні. Студэнты падчас і пасля вывучэння курса з гонарам і павагай да продкаў расказваюць свае сямейныя гісторыі, робяць прэзентацыі і творчыя праекты, удзельнічаюць ў грамадска-патрыятычных акцыях і навуковых мерапрыемствах, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне. Дзякуючы творчым заданням нашых выкладчыкаў, некаторыя з іх упершыню даведваюцца пра гераічныя і трагічныя старонкі лёсаў сваіх продкаў. Студэнты наведаюць музеі, кіналекторыі, сустракаюцца з ветэранамі і сучаснікамі тых далёкіх падзей. Сярод музеяў, безумоўна, — Беларускі дзяржаўны Музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, папулярнасцю карыстаецца Музей гісторыі беларускага кіно, дзе студэнты не толькі наведваюць экспазіцыю, але і глядзяць кіналенты, прысвечаныя ваеннай тэматыцы («Праз могілкі», «Стальная калыбель» і інш.).

Супрацоўнікі кафедры, якія актыўна задзейнічаны ў куратарскай рабоце (І. В. Лебедзева, Т. В. Лісоўская, Г. І. Маскевіч, А. Ф. Паддубская, Г. А. Страленя, Г. С. Хадасевіч), вядуць са сваімі падапечнымі студэнтамі патрыятычна-выхаваўчую работу, удзельнічаюць у рэспубліканскіх, універсітэцкіх, факультэцкіх культурна-масавых, грамадскіх мерапрыемствах, прысвечаных памятным датам Вялікай Айчыннай вайны (мітынгі, дыялогавыя пляцоўкі, форумы і інш.).

Важная частка навучальна-даследчыцкай дзейнасці кафедры — напісанне студэнтамі курсавых, дыпломных, магістэрскіх работ. Цікавасць студэнтаў да тэмы вайны ў апошнія гады расце. Выкладчыкі адзначаюць, што ўсё больш жадаючых даследаваць ваенны перыяд, даваенныя і першыя пасляваенныя гады. Няма неабходнасці упэўніваць і ўгаворваць студэнтаў — яны самі праяўляюць ініцыятыву. Сёння каля 30 % студэнцкіх работ прысвечаны тэматыцы вайны, перадваенных і першых пасляваенных гадоў. Сярод тэм — акупацыйная палітыка, сацыяльныя аспекты, сацыяльная дапамога, мабілізацыя і эвакуацыя, розныя аспекты партызанскага руху, генацыд беларускага народа, становішча напярэданні і ў першыя пасляваенныя гады, захаванне гістарычнай памяці, у тым ліку на міжнародным узроўні.

Адзін з накірункаў работы кафедры — падрыхтоўка кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Аспірантамі кафедры пад кіраўніцтвам У. К. Коршука, П. І. Зялінскага былі падрыхтаваны кандыдацкія дысертацыі на ваенную тэматыку. Сёння аспірантамі, суіскальнікамі, дактарантамі кафедры пад

кіраўніцтвам А. Г. Каханоўскага, Г. І. Маскевіч, А. Ф. Паддубскай вядзецца распрацоўка актуальных пытанняў ваеннага перыяду, асобных аспектаў перадваеннага і пасляваеннага развіцця Беларусі. Сярод іх работы А. М. Мох, У. С. Калабаевай, К. А. Платонава, П. К. Харкова.

Супрацоўнікі, аспіранты, студэнты кафедры актыўна ўдзельнічаюць у навуковых мерапремствах, прысвечаных тэме Другой сусветнай вайны і Вялікай Айчыннай вайны — канферэнцыі, круглыя сталы, дыскусіі — як у межах Рэспублікі Беларусь, так і за мяжой. У кафедры ёсць сталы досвед навуковага вывучэння праблемы. Гісторыю партызанскага руху, нацысцкі акупацыйны рэжым у Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны закраналі ў сваёй даследчыцкай дзейнасці У. К. Коршук і І. Ф. Раманоўскі [2; 3], гісторыю БДУ у час вайны — А. І. Котаў [4, с. 5]. У апошняе дзесяцігоддзе тэме вайны былі прысвечаны асобныя навуковыя даклады і публікацыі прафесараў А. Г. Каханоўскага [5; 6], А. М. Лукашэвіча [7; 8], загадчыка кафедры Г. І. Маскевіч, дацэнтаў Т. В. Лісоўскай [9; 10; 11], В. С. Макарэвіча [12], А. Ф. Паддубскай [13], Г. С. Хадасевіч [14; 15]. Навуковыя канферэнцыі, якія амаль штогод ладзяцца кафедрай, заўсёды ўтрымліваюць секцыю, прысвечаную падзеям ваеннага ліхалецця. Сярод апошніх — «Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў новага і навейшага часу» [16], «Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII–пачатку XXI стагоддзя» [17], «Новая і навейшая гісторыя Беларусі: актуальныя пытанні і напрамкі даследаванняў» і інш.

Студэнты і магістранты кафедры, якія даследуюць гісторыю Вялікай Айчыннай вайны, прымаюць удзел у рэспубліканскіх і міжнародных навуковых конкурсах, дзе іх работы атрымліваюць высокія адзнакі. У 2023 г. трэццякурсніца Яна Сакавец стала ўладальнікам дыплома 1 катэгорыі XXX Рэспубліканскага конкурса студэнцкіх навуковых работ з тэмай, прысвечанай беларуска-ізраільскаму супрацоўніцтву па захаванні гістарычнай памяці пра Вялікую Айчынную вайну. З 2014 г. амаль штогод праводзіцца сумесны расійска-беларускі конкурс студэнцкіх работ па гісторыі «Общий путь к Великой Победе. Подвиг народов бессмертен». Сёння гэта мерапрыемства з шырокім колам удзельнікаў, не толькі гістарычных факультэтаў, але і іншых спецыяльнасцяў і ўніверсітэтаў. Кожны год студэнты і магістранты кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ прымаюць удзел у конкурсе і заўсёды трапляюць у лік пераможцаў, атрымліваюць спецыяльныя ўзнагароды.

Кафедра не толькі выкладае і даследуе, але і вядзе актыўную работу па папулярызацыі вывучэння і захавання гістарычнай памяці пра Вялікую Айчынную вайну за межамі Беларусі. Сёння на кафедры навучаецца магістрантка з КНР, якая піша дысертацыю на беларускай мове, прысвечаную ўдзелу ўраджэнцаў КНР у вайне на тэрыторыі Беларусі. Англамоўная

магістрантка ў сваёй магістэрскай дысертацыі даследуе гісторыю і сучаснасць Беларускага дзяржаўнага музея Вялікай Айчыннай вайны ў Мінску. Яшчэ адна англамоўная праца прысвечана камп'ютэрным гульням, звязаным з тэматыкай Вялікай Айчыннай вайны. Працы з'яўляюцца прыкладам захавання і актуалізацыі тэмы Вялікай Айчыннай вайны сярод моладзі з дапамогай выкарыстання інавацыйных тэхналогій XXI ст.

Наш асаблівы гонар — студэнцкая навукова-даследчая лабараторыя «Гісторыі Беларусі новага і навейшага часу», у вытокаў якой стаяў А. Г. Каханоўскі, зараз прафесар кафедры, дэкан гістарычнага факультэта БДУ [18]. Лабараторыяй кіравалі дацэнты У. Ф. Ладысеў, В. С. Макарэвіч. Сёння СНДЛ узначальвае дацэнт А. Ф. Паддубская. За гады свайго існавання лабараторыя каля 10 разоў была ўдастоена звання лепшай у БДУ. Лабараторыяй рэгулярна ладзяцца пасяджэнні, прысвечаныя праблематыцы Вялікай Айчыннай вайны, сустрэчы з даследчыкамі. Апошні прыклад — дзве сустрэчы з Святаславам Кулінком, намеснікам дырэктара НАРБ, які выступіў з дакладамі «Нямецкія разведвальна-дыверсійныя школы і курсы на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны» і «Карныя аперацыі нацыстаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». Падобныя сустрэчы заўсёды выклікаюць жывую цікавасць у студэнтаў, уздымаюць актуальныя пытанні, параджаюць актыўныя навуковыя дыскусіі.

Работа выкладчыкаў кафедры па папулярызацыі ведаў пра гісторыю Вялікай Айчыннай вайны не спыняецца ў межах вучэбных аўдыторый. Супрацоўнікі з'яўляюцца нярэдкімі спікерамі на інфармацыйных гадзінах і адзіных днях інфармавання ў разнастайных арганізацыях і ўстановах Мінска (факультэты БДУ, Мінскае абласное ўпраўленне Міністэрства па надзвычайных сітуацыях, МГІРА і інш.). У якасці экспертаў выкладчыкі кафедры суправаджаюць экскурсіі, якія ладзяцца прафкамам БДУ для супрацоўнікаў універсітэта па маршрутах, звязаных з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны. Супрацоўнікі кафедры выступаюць экспертамі і гасцямі тэлевізійных праектаў, радыёперадач, грамадскіх форумаў на інтэрнэт-пляцоўках, прысвечаных ваеннай тэматыцы. Частым удзельнікам выступленняў у сродках масавай інфармацыі, прызнаным экпертам з'яўляецца прафесар кафедры, дэкан гістарычнага факультэта А. Г. Каханоўскі. Загадчык кафедры Г. І. Маскевіч і дацэнт В. С. Макарэвіч выступалі ў маштабным дакументальным праекце БТ-1 «Палкаводцы Вялікай Перамогі. Плеяда пераможцаў», які стартаваў летам 2024 г. Неаднаразова ўдзельнічалі ў тэматычных праектах розных нацыянальных тэлеканалаў, БелТА. Загадчык кафедры прадстаўляла ўніверсітэт на прэс-канферэнцыі ў Доме прэсы «Вялікая Айчынная вайна: актуальныя пытанні захавання гістарычнай памяці». У год 80-годдзя Перамогі супрацоўнікамі кафедры з дапамогай

студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў па замове Міністэрства абароны Рэспублікі Беларусь была распрацавана інтэлектуальная віктарына «Брэйн-рынг», прысвечаная юбілейнай даце. Г. І. Маскевіч і Г. С. Хадасевіч на працягу многіх гадоў з'яўляюцца пастаяннымі спікерамі міжнароднага маладзёжнага форума, які арганізуецца БДУ, «Святло Вялікай Перамогі». У 2025 г. у БДУ пры актыўным удзеле гістарычнага факультэта і непасрэдна дэкана прафесара А. Г. Каханоўскага, запушчаны праект «80 размоў пра Перамогу». Большая частка экспертаў праекта — супрацоўнікі і аспіранты кафедры. Дацэнт кафедры, намеснік дэкана па ідэалагічнай і выхаваўчай рабоце А. Е. Верамейчык выступіла адным з куратараў праекта, распавядала пра Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт ў гады ваенных выпрабаванняў і няпростае пасляваеннае аднаўленне, пра адлюстраванне тэмы Вялікай Айчыннай вайны ў мастацтве Беларусі, Г. І. Маскевіч, Г. С. Хадасевіч расказвалі пра подзвіг і лёс жанчын на вайне і жыццё пад акупацыяй, Т. В. Лісоўская — пра рэлігійнае і духоўнае жыццё ва ўмовах ваенных выпрабаванняў, Г. А. Страленя імкнулася паказаць вайну вачамі дзяцей, выступленні К. А. Платонава былі прысвечаны ваеннай прапагандзе, У. А. Калабаевай — партызанскаму жыццю.

Сярод бліжэйшых планаў кафедры — ўдзел у сумесным адукацыйным праекце СпбДУ і БДУ, прысвечаным Вялікай Айчыннай вайне. У гэтым годзе ўпершыню па ініцыятыве кафедры і ГУН БДУ у межах штогадовай навуковай канферэнцыі студэнтаў, магістрантаў, аспірантаў БДУ на базе кафедры плануецца наладзіць работу асобнай міжфакультэцкай секцыі «80 гадоў Вялікай Перамогі: людзі, падзеі, памяць». Спадзяемся, што такая ініцыятыва стане добрай традыцыяй.

Безумоўна, кафедра — гэта не асобны арганізм, а частка агульнага калектыва. Хочацца адзначыць, што праведзеная работа магчыма дзякуючы актыўнай падтрымцы кіраўніцтва ўніверсітэта і факультэта, добраму супрацоўніцтву і падтрымцы кафедр гістарычнага факультэта, у першую чаргу кафедры крыніцазнаўства і кафедры гісторыі Расіі. Дацэнты-сумяшчальнікі кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу К. І. Козак і В. В. Сяргеенкава выкладаюць курс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)». Кузьма Іванавіч з'яўляецца частым госцем тэле- і радыёпраектаў, навуковых і грамадска-патрыятычных мерапрыемстваў, прысвечаных гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, праводзіць экскурсіі па месцах памяці. Вера Васільеўна ініцыіравала выданне электроннага зборніка студэнцкіх работ «Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков)» [19]. Студэнты і магістранты БДУ прадставілі матэрыялы пра сваіх продкаў — удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны і свае разважанні

пра значнасць захавання гістарычнай памяці. Зборнік стаў пераможцам «Усерасійскага конкурса лепшых практык захавання гістарычнай памяці» ў намінацыі «Грамадзянска-патрыятычнае выхаванне студэнтаў».

Работа кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ па выкладанні, вывучэнні і папулярызацыі ведаў па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, захаванні гістарычнай памяці пра падзеі тых гераічных і трагічных гадоў, вядзецца у межах агульнадзяржаўнай палітыкі і тых прыярытэтаў, якія сёння стаяць перад айчыннай гістарычнай навукай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэб. дапам. / І. А. Марзалюк [і інш.]; пад агул. рэд. І. А. Марзалюка. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022. 446 с.

2. *Коршук В. К.*, *Романовский И. Ф.* Их детство украла война. О преступлениях фашистов на оккупированной территории Беларуси // Беларуская думка. 2018. № 1. С. 56–62.

3. *Коршук В. К.* Уничтожение гражданского населения в системе нацисткой оккупационной политики в Беларуси (1941–1944 гг.) // Сборник материалов международного симпозиума «Человечность в годы бесчеловечности: сохранение памяти о жертвах среди мирного населения в годы Второй мировой войны в советское и постсоветское время: исторический, образовательный и социально-культурный контекст», [20–22 марта 2018 г., г. Минск] / Минск. обл. исполн. ком., Междунар. обществ. объед. «Взаимопонимание», Гос. учрежд. «Гос. мемориал. комплекс „Хатынь“». Минск, 2018. С. 74–76.

4. *Каханоўскі А. Г.* Тэма Вялікай Айчыннай вайны ў даследаваннях і вучэбна-выхаваўчай рабоце выкладчыкаў гістарычнага факультэта БДУ // Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 крас. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2020. С. 3–9.

5. *Кохановский А. Г.* Великая Отечественная война в исторической памяти белорусов // Пичетовские чтения — 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. А. Г. Кохановского. Минск: БГУ, 2020. С. 101–104.

6. *Каханоўскі А. Г.* Тэма Вялікай Айчыннай вайны ў даследаваннях і вучэбна-выхаваўчай рабоце выкладчыкаў гістарычнага факультэта БДУ // Вялікая Айчынная вайна ў лёс беларускага народа: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 крас. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2020. С. 5–9.

7. *Лукашевич А. М.* Проблема интерпретации событий начального периода Второй мировой войны в белорусской учебной литературе // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 лістап. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (старш.) [і інш.]. Мінск, 2019. С. 235–241.

8. *Лукашевич А. М.* Вклад белорусского народа в победу над нацистской Германией: проблемные аспекты отечественной историографии // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Сб. научных статей / под общей ред. С. А. Минюровой,

Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. Т. 1., ч. 1. С. 346–355.

9. *Лисовская Т. В.*, *Яловой П. С.* Военная летопись моей семьи // Интеграция современных научных исследований в развитие общества: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (5 мая 2017 года), Т. II. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017. С. 47–50.

10. *Лисовская Т. В.* Великая Отечественная война в судьбах евангельских христиан Западной Беларуси // Великая Отечественная война 1941–1945: в памяти народа, в медиапространстве и в оценках современных исследователей: сборник научных статей по материалам Всерос. науч. конф. с международным участием, посвящённой 80-летию начала Великой Отечественной войны, Пенза, 15 апреля 2021 г.; под ред. О. А. Суховой. Пенза, 2021 г. С. 101–108.

11. *Лисовская Т. В.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в сознании молодежи и цифровом пространстве // Находки семейных архивов: статьи и рассказы / Авт. сост. д. и. н., проф. И. Маслова. Пенза–Брест: Издательство: ПГУАС, 2021. С. 11–13.

12. *Макарэвіч В. С.* Вялікая Айчынная вайна ў лёсах і навуковых даследаваннях выкладчыкаў гістарычнага факультэта БДУ // Вялікая Айчынная вайна ў лёсе беларускага народа: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 23–24 крас. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2020. С. 50–62.

13. *Паддубская А. Ф.* Хрысціянскія партыі Італіі на заключным этапе Другой сусветнай вайны // Thesaurus. № VI. Магілёў: МІ МУС, 2019. С. 174–182.

14. *Хадасевич А. С.* Состояние высшей школы Беларуси в годы Великой Отечественной Войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 8 крас. 2017 г. Вып. 16 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: МДЛУ, 2018. С. 178–184.

15. *Хадасевич А. С.* Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 красавіка 2019 г. Вып. 18 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў [нам. адк. рэд.] і інш. Мінск: МДЛУ, 2020. С. 109–114.

16. Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 лістап. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (старш.) [і інш.]. Мінск, 2019. 355 с.

17. Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII–пачатку XXI стагоддзя: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 27 лістап. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2023. 343 с.

18. *Маскевіч Г. І.*, *Макарэвіч В. С.* Фарміраванне традыцый навуковай школы сацыяльнай гісторыі Беларусі новага і навейшага часу // Беларускі гістарычны часопіс. 2024. № 12. С. 44–50.

19. Вспомним всех: студенты Белорусского государственного университета о Великой Отечественной войне (к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) / БГУ, Исторический фак.; [редкол.: В. В. Сергеенкова (отв. ред.), О. А. Яновский (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2024. 284 с.: фото. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/311734.

ЭВАЛЮЦЫЯ ЎСХОДНЯЙ ПЕРЫФЕРЫІ ВЕРСАЛЬСКАЙ СІСТЭМЫ І ЗМЯНЕННЕ ГЕАПАЛІТЫЧНАГА СТАНОВІШЧА БЕЛАРУСІ

М. М. Мязга

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, miazgamm65@gmail.com

У артыкуле ахарактарызаваны змены геапалітычнага становішча Беларусі ў кантэксце эвалюцыі Версальскай сістэмы міжнародных адносін. Устаноўлена, што яго важнейшай характарыстыкай з'яўляўся падзел тэрыторыі Беларусі паміж СССР і Польшчай. Вырашэнне пытання ўз'яднання Беларусі знаходзілася ў непарыўнай сувязі са змяняненнем міжнароднага парадку, устаноўленага ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе Версальскім і Рыжскім дагаворамі. Тэрыторыя Беларусі стала ўчасткам супрацьстаяння дзяржаў, адны з якіх імкнуліся захаваць Версальскую сістэму, а іншыя — дамагчыся яе рэвізіі. Крызіс Версальскай сістэмы стаў адной з важнейшых перадумоў узнікнення Другой сусветнай вайны, а крах яе ў канцы 1930-х гг. стварыў спрыяльныя міжнародныя ўмовы для далучэння Заходняй Беларусі да БССР.

Ключавыя словы: Версальская сістэма; Беларусь; Рыжскі дагавор; калектыўная бяспека; уз'яднанне Заходняй Беларусі.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ И ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Н. Н. Мезга

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, miazgamm65@gmail.com

В статье охарактеризованы изменения геополитического положения Беларуси в контексте эволюции Версальской системы международных отношений. Установлено, что его важнейшей характеристикой являлся раздел территории Беларуси между СССР и Польшей. Решение вопроса воссоединения Беларуси находилось в неразрывной связи с изменяем международного порядка, установленного в Центрально-Восточной Европе Версальским и Рижским договорами. Территория Беларуси стала участков противостояния государств, одни из которых стремились сохранить Версальскую систему, а другие — добиться ее ревизии. Кризис Версальской системы стал одной из важнейших предпосылок возникновения Второй мировой войны, а крах её в конце 1930-х гг. создал благоприятные международные условия для воссоединения Западной Беларуси с БССР.

Ключевые слова: Версальская система; Беларусь; Рижский договор; коллективная безопасность; воссоединение Западной Беларуси.

THE EVOLUTION OF THE EASTERN PERIPHERY OF THE VERSAILLES SYSTEM AND THE CHANGING GEOPOLITICAL POSITION OF BELARUS

M. M. Miazga

Francisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homieĺ, 246019, Belarus, miazgamm65@gmail.com

The article describes the changes in the geopolitical position of Belarus in the context of the evolution of the Versailles system of international relations. It is established that its most important characteristic was the division of the territory of Belarus between the USSR and Poland. The solution to the issue of the reunification of Belarus was inextricably linked with the changing of the international order established in Central and Eastern Europe by the Treaties of Versailles and Riga. The territory of Belarus became one of the sites of confrontation between states, some of which sought to preserve the Versailles system, while others sought to achieve its revision. The crisis of the Versailles system became one of the most important prerequisites for the outbreak of the Second World War, and its collapse in the late 1930s created favorable international conditions for the reunification of Western Belarus to the BSSR.

Keywords: Versailles system; Belarus; Riga Treaty; collective security; reunification of Western Belarus.

Асаблівасцю міжнароднага парадку, які сфармаваўся ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе (ЦУЕ) пасля Першай сусветнай вайны, было тое, што яго важнейшыя рысы былі вызначаны не толькі Версальскім, але і Рыжскім дагаворам. Апошні ўносіў карэктывы ў тую сістэму міжнародных адносін у ЦУЕ, якую стварыў Версальскі дагавор. У прыватнасці, усталяваная ў Рызе ўсходняя мяжа Польшчы не адпавядала той лініі, якую краіны Антанты прынялі ў Парыжы. Пытанне аб межах было ключавым у адносінах паміж Савецкай Расіяй, Германіяй і Польшчай у новай сістэме міжнародных адносін і спараджала асноўныя супярэчнасці паміж імі. Гэтыя супярэчнасці вызначалі і геапалітычнае становішча Беларусі на ўсходняй перыферыі Версальскай сістэмы. Яго найбольш істотным элементам з'яўляўся падзел тэрыторыі Беларусі. Дасягненне беларусамі нацыянальнага адзінства, аб'яднанне беларускіх тэрыторый у межах адной дзяржавы магло быць ажыццёўлена пры ўмове трансфармацыі Версальскай сістэмы.

Задача ліквідацыі Версальскай сістэмы была цэнтральнай для савецкай знешняй палітыкі з моманту яе фарміравання. Прычым барацьбу з Версалем бальшавіцкае кіраўніцтва лічыла неаддзельным ад барацьбы з Польшчай як апорай Версалю ў ЦУЕ. У. Ленін адзначаў на IX Усерасійскай канферэнцыі РКП(б) 22 верасня 1920 г.: «Набліжэнне нашай арміі да Варшавы бясспрэчна даказала, што дзесьці блізка да яе

ляжыць цэнтр сусветнага імперыялізму, які пакоіцца на Версальскай дамове. Польшча… з'яўляецца настолькі магутным фактарам гэтай сістэмы, што, калі Чырвоная Армія паставіла гэты аплот пад пагрозу, захісталася ўся сістэма» [1, с. 282]. Сярод пастаноў Версальскага дагавора ўключэнне ў склад Польшчы шэрагу нямецкіх тэрыторый выклікала ў Германіі найбольшую незадаволенасць. У сілу названых абставінаў Германія таксама імкнуліся да ліквідацыі таго міжнароднага парадку, які быў усталяваны Версальскім дагаворам. Вынікам агульнага антыверсальскага курсу Расіі і Германіі стала падпісанне Рапальскага дагавора 16 красавіка 1922 г. Канцлер Й. Вірт казаў, што ў ліку галоўных матываў, па якіх Германія ішла на супрацоўніцтва з Расіяй, была тая роля, якую Францыя адводзіла Польшчы ў еўрапейскай палітыцы і лёс Верхняй Сілезіі [2, s. 10].

Для Масквы тэрыторыя Беларусі стала адным з участкаў барацьбы з Версальскай сістэмай. З прыняццем 15 сакавіка 1923 г. Саветам паслоў Антанты дадатковага пратакола да Версальскага дагавора, згодна з якім усходнія межы Польшчы атрымалі міжнароднае прызнанне, Рыжскі дагавор, які вызначыў падзел Беларусі, юрыдычна стаў часткай Версальскай сістэмы. Характэрная негатыўная рэакцыя савецкага ўрада на пратакол ад 15 сакавіка 1923 г. Наркам замежных спраў Г. Чычэрын заявіў, што савецкі бок не прызнае рашэнне краін Антанты і ў пытанні польскай усходняй мяжы будзе кіравацца выключна Рыжскай дамовай. Фактычна гэта быў пратэст савецкага ўрада супраць умацавання Версальскай сістэмы ў ЦУЕ [3, с. 242]. Палітыка СССР у той час была нацэлена на недапушчэнне трывалай інтэграцыі Заходняй Беларусі ў склад Польскай дзяржавы. Для дасягнення гэтай мэты савецкае кіраўніцтва выкарыстоўвала партызанскі рух, падтрымку антыпольскага руху ў Заходняй Беларусі, імкнулася дыскрэдытаваць Польшчу, выстаўляючы абвінавачванні ў парушэнні правоў нацыянальных меншасцяў.

Польская палітычная эліта ўсведамляла важнасць знаходжання Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў складзе Польскай дзяржавы. 7 красавіка 1923 г. Палітычны камітэт Савета Міністраў Польшчы ўхваліў палажэнне, якое абвяшчала, што ўладанне ўсходнімі ваяводствамі адыгрывае вельмі важную ролю ў справе набыцця Польшчай вялікадзяржаўнага статусу [4, s. 147]. Гэта прадвызначала неабходнасць для Польшчы трывалай інтэграцыі Заходняй Беларусі ў свой склад. Галоўным інструментам для дасягнення гэтай мэты ў Варшаве вызначылі нацыянальную асіміляцыю беларусаў. Адзін з лідараў нацыянальных дэмакратаў С. Грабскі ў гэтай сувязі пісаў, што беларускае і ўкраінскае пытанні ў Польшчы могуць быць вырашаны толькі шляхам утварэння на ўсіх землях дзяржавы польскай нацыянальнай большасці [5, s. 69–70].

Прыняты ў СССР курс на пабудову сацыялізму ў асобна ўзятай краіне абумовіў зацікаўленасць Масквы ў наладжванні эканамічнага супрацоўніцтва з Захадам. Польшча павінна была служыць «мостам» пры яго ажыццяўленні. Гэта абумовіла крокі савецкай дыпламатыі па паляпшэнні адносін з Польшчай. У прыватнасці, была спынена т. зв. «актыўная разведка» (дзейнасць па арганізацыі партызанскага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны) [6, с. 12–15]. Але гэта быў тактычны ход. Стратэгічная задача савецкай знешняй палітыкі па рэвізіі Версальскай сістэмы не змянілася. Часткай гэтай рэвізіі павінен быў стаць перагляд польска-савецкай мяжы. Падчас падрыхтоўкі Рэйнскага гарантыйнага пакта Масква дамагалася ад германскага партнёра па рапальскай палітыцы пацвярджэння, што ў будучай дамове польскія межы не атрымаюць ніякіх дадатковых міжнародных гарантый [7, s. 512, 513]. Лакарнскія пагадненні стварылі сістэму калектыўнай бяспекі ў Заходняй Еўропе, але не знізілі вастрыні супярэчнасцяў ва ўсходняй частцы кантынента. Савецкае кіраўніцтва зыходзіла з таго, што і пасля Лакарна можна працягваць будаваць сваю знешнюю палітыку на аснове выкарыстання супярэчнасцяў паміж пераможцамі і пераможанымі ў Першай сусветнай вайне. І. Сталін у снежні 1925 г. у сваім выступленні на XIV з'ездзе ВКП(б) казаў пра тое, што Лакарнская канферэнцыя абвастрыла супярэчнасці паміж пераможцамі і пераможанымі. Сярод несправядлівых тэрытарыяльных рашэнняў Версальскай дамовы ён указаў на «страту Беларуссю заходняй яе часткі» [8, с. 13–14]. Такім чынам, і ў рамках некалькі мадэрнізаванай у Лакарна Версальскай сістэмы тэрыторыя Беларусі заставалася месцам перасячэння інтарэсаў СССР і Польшчы.

У пачатку 1930-х гг. можна казаць пра тое, што значэнне беларускага пытання ў геапалітычнай сітуацыі ў ЦУЕ зменшылася. У савецкай палітыцы прасочваецца імкненне да паляпшэння адносін з Польшчай. Гэта было звязана, па-першае, з тым, што выбары ў сейм 1930 г. прадэманстравалі стабілізацыю «рэжыму санацыі». Па-другое, намеціўся крызіс рапальскай палітыкі. Гэта падштурхнула Маскву да таго, каб разыгрываць польскую «карту» як альтэрнатыўную германскай. Польшча рабіла крокі насустрач у рамках «палітыкі роўнааддаленасці» ад Масквы і Берліна Ю. Пілсудскага. Вынікам стала падпісанне савецка-польскага дагавора аб ненападзенні 25 ліпеня 1932 г. Ён пацвярджаў савецка-польскую мяжу і тым самым міжнародны статус Беларусі, зафіксаваны Рыжскім мірам, г. зн. яе падзел. Пры гэтым бакі фактычна дасягнулі маўклівай згоды зняць з парадку дня сваіх адносін пытанне аб нацыянальных меншасцях. Так, дэнансацыя Польшчай у 1934 г. Малога Версальскага дагавора аб правах нацыянальных меншасцяў не выклікала пратэсту з боку Масквы.

Абвяшчэнне савецкім кіраўніцтвам курсу на стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі ў снежні 1933 г. зусім не азначала адмовы ад змены існаваўшага міжнароднага парадку ў ЦУЕ. Падпісанне праектаванага Усходняга пакта рэзка павысіла б ролю Савецкага Саюза ў рэгіёне. Тым самым фармаваліся б перадумовы для рэалізацыі мэтаў савецкай знешняй палітыкі, у тым ліку і ў дачыненні да Заходняй Беларусі. Польскі ўрад са свайго боку вырашыў выкарыстаць змены ў савецкай палітыцы, каб зняць беларускую і ўкраінскую праблематыку з парадку дня польска-савецкіх адносін. Амбасада Польшчы ў Маскве запатрабавала ад кіраўніцтва СССР, каб савецкая прэса не ўздымала тэму польскай акупацыі Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі. Савецкі бок пагадзіўся не «раздзімаць» нацыянальныя праблемы ў абедзвюх краінах [9, с. 32–33].

Цэнтральным элементам знешняй палітыкі Польшчы ва ўмовах рэжыму «санацыі» стала імкненне да здабыцця вялікадзяржаўнага статусу. Важнейшым інструментам для вырашэння гэтай задачы з'яўлялася стварэнне блока дзяржаў «Міжмор'я». Пры рэалізацыі гэтага плана Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна павінны былі выконваць ролю «моста», які злучае краіны Балтыйскага і Чарнаморскага рэгіёнаў. Таму ўтрыманне дадзеных тэрыторый пад сваім кантролем мела для Польшчы надзвычай важнае значэнне. Пры гэтым польская палітычная эліта зыходзіла з таго, што для захавання кантролю над «усходнімі крэсамі» неабходна процідзейнічаць ўзмацненню міжнародных пазіцый СССР. У выніку яна выступіла ў ролі дзяржавы, якая перашкаджала падпісанню Усходняга пакта. Імкненне Польшчы захаваць у сваім складзе Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну стала адным з фактараў, які не дазволіў стварыць сістэму калектыўнай бяспекі ў сярэдзіне 1930-х гг.

Адным з матываў, якім кіравалася Варшава пры выпрацоўцы пазіцыі ў адносінах да палітыкі калектыўнай бяспекі, былі асцярогі адносна вынікаў вайны супраць Германіі кааліцыі з удзелам Савецкага Саюза. У матэрыялах польскага МЗС ад снежня 1936 г. гучыць думка, што вынікам такой вайны будзе камуністычная рэвалюцыя ў Германіі. Пагроза камунізму стане рэальнай і для Польшчы, бо аслабленыя вайной заходнія дзяржавы не змогуць аказаць ёй дапамогу [10, с. 204]. Гэтыя апасенні палякаў не былі беспадстаўнымі. Начальнік Галоўнага палітычнага ўпраўлення Чырвонай Арміі Л. Мехліс у сваім выступе на XVIII з'ездзе УКП(б) заявіў, што Чырвоная Армія ў выпадку ўзнікнення вайны з капіталістычнымі краінамі павінна «перанесці ваенныя дзеянні на тэрыторыю праціўніка, выканаць свае інтэрнацыянальныя абавязкі і памножыць колькасць савецкіх рэспублік» [11, с. 109].

У выніку Мюнхенскіх пагадненняў Версальская сістэма ўступіла ў перыяд свайго распаду. Прыняўшы ўдзел у падзеле Чэхаславакіі, польскі

ўрад унёс свой уклад у разбурэнне Версальскай сістэмы, захаванне якой аб'ектыўна адпавядала інтарэсам Польшчы. Мюнхенскія пагадненні прадэманстравалі, што дзяржавы Захаду гатовыя ахвяраваць інтарэсамі краін ЦУЕ, каб пазбегнуць вайны з Германіяй. Гэта рабіла міжнародны парадак, усталяваны ў рэгіёне пасля Першай сусветнай вайны, вельмі няўстойлівым. Але і ва ўмовах перадваеннага міжнароднага крызісу Польшча па-ранейшаму прытрымлівалася палітыкі недапушчэння актыўнага ўдзелу СССР у вырашэнні еўрапейскіх праблем, баючыся, што для яе гэта можа пацягнуць страту тэрыторый на ўсходзе [12, с. 118–119].

Савецкае кіраўніцтва ва ўмовах перадваеннага палітычнага крызісу 1939 г. прыйшло да высновы, што ў СССР ёсць шанец значна ўзмацніць свае міжнародныя пазіцыі ў ЦУЕ. Гэта разглядалася як важны фактар умацавання бяспекі СССР. Рэалізаваць свае планы ў ЦУЕ праз перамовы з Вялікабрытаніяй і Францыяй Масква не змагла [13, с. 27]. Краіны Захаду не гатовыя былі дзеля пагаднення з СССР ісці на перагляд міжнароднага парадку ў названым рэгіёне. У той жа час у Берліне ўлічвалі зацікаўленасць СССР у вяртанні ў свой склад тэрыторый, саступленых Польшчы па Рыжскаму дагавору [14, с. 190]. Менавіта на гэтай аснове ішлі пошукі пагаднення паміж СССР і Германіяй летам 1939 г. 12 жніўня часовы павераны ў Берліне Г. Астахаў пісаў В. Молатаву: «Адмова ад Прыбалтыкі, Бесарабіі, Усходняй Польшчы (не кажучы ўжо пра Украіну) — гэта ў дадзены момант мінімум, на які немцы пайшлі б без доўгіх размоў, абы атрымаць ад нас абяцанне неўмяшання ў канфлікт з Польшчай» [15, с. 185]. Падпісанне савецка-германскага дагавора аб ненападзенні разам з сакрэтнымі пратаколамі стварыла для СССР спрыяльныя ўмовы для рэвізіі міжнароднага парадку ў ЦУЕ ў адпаведнасці са сваімі дзяржаўнымі інтарэсамі. Крах гэтага парадку, канчатковы распад Версальскай сістэмы стварылі ўмовы для карэннага змянення геапалітычнага становішча тэрыторыі Беларусі — уз'яднання Заходняй Беларусі з БССР.

Як бачна, для Версальскай сістэмы міжнародных адносін была характэрна высокая ступнь неўстойлівасці. Гэта звязана ў першую чаргу з тым, што яе стваральнікі, дзяржавы — пераможцы ў Першай сусветнай вайне, пры фарміраванні новага міжнароднага парадку праігнаравалі інтарэсы многіх краін і народаў (у тым ліку і аказаўшыхся падзеленымі беларусаў) і падштурхнулі іх да імкнення падвергуць рэвізіі Версальскую сістэму. Яе недасканаласць стала адной з перадумоў узнікнення Другой сусветнай вайны.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Издат. полит. литерат., 1981. Т. 41.

2. *Grosfeld L.* Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939: monografia. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. 43 s.

3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М: Госполитиздат, 1962. Т. 6.

4. O niepodległą i granice. [T. 5]: Protokoły Komitetu Politycznego Rady Ministrów, 1921–1926 / wstęp, wybór, oprac. i przygotowanie do druku M. Jabłonowskiego, W. Janowskiego. Warszawa: Akademia Humanist. im. A. Gieysztora, 2004.

5. *Grabski S.* Uwagi o bieżącej historycznej chwili Polski. Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka; 1922. 160 s.

6. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М.: [Б. и.], 1997.

7. *Stresemann G.* Vermachtnis: in 3 b. Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard, 1932. B. 2.

8. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.; Л.: Госполитиздат, 1926.

9. *Лазько Р. Р.* Заходнебеларускае пытанне ў польска-савецкіх адносінах у пачатку 30-х гг. // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі; 17–18 верасня 1999 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: БДУ, 2000.

10. *Лазько Р. Р.* Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939). Мінск: БДУ, 2000.

11. *Загладин Н. В.* История успехов и неудач советской дипломатии. Москва: Международные отношения, 1990.

12. Год кризиса. 1938–1939: Док. и материалы в 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г.–31 мая 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1990.

13. *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М.: Наука, 2008.

14. Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. Москва: Аспект Пресс, 2010.

15. Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы в 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г.–4 сентября 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1990.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

УПЛЫЎ ПОЛЬСКА-ГЕРМАНСКАГА ДАГАВОРА АБ НЕНАПАДЗЕННІ 1934 г. НА САВЕЦКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ 1934–1939 гг.

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru

Польска-германская дэкларацыя аб невыкарыстанні сілы 26 студзеня 1934 г. прывяла да росту напружанасці ў савецка-польскіх адносінах, адбылася змена курсу ад двухбаковага збліжэння да канфрантацыі. Паступовае ўзнаўленне Польшчы ў правах патэнцыйнага суперніка, якое нарастала напрацягу 1934 г., суправаджалася ўзмацненнем савецкага ціску на паўночным флангу «ўсходняга бар'ера». Стаўка на дэстабілізацыю пасляваеннага ўрэгулявання ў рэгіёне, прамое і ўскоснае аспрэчванне законнасці суверэнітэта Польшчы над усходнімі землямі, скепсіс у адносінах да магчымасці незалежнага існавання балтыйскіх краін уступілі месца абароне тэрытарыяльнага статус-кво СССР.

Ключавыя словы: дэкларацыя аб невыкарыстанні сілы; польска-германскія адносіны; савецка-польскіх адносіны.

ВЛИЯНИЕ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ 1934 г. НА СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1934–1939 гг.

О. Н. Боровская

Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru

Польско-германская декларация о неприменении силы 26 января 1934 г. привела к росту напряженности в советско-польских отношениях, произошла смена курса от двустороннего сближения к конфронтации. Постепенное восстановление Польши в правах потенциального соперника, нарастающее на протяжении 1934 г., сопровождалось усилением советского давления на северном фланге «восточного барьера». Ставка на

дестабилизацию послевоенного урегулирования в регионе, прямое и косвенное оспаривание законности суверенитета Польши над восточными землями, скепсис в отношении к возможности независимого существования балтийских стран уступили место защите территориального статус-кво СССР.

Ключевые слова: декларация о неприменении силы; польско-германские отношения; советско-польские отношения.

INFLUENCE OF THE POLISH-GERMAN NON-AGGRESSION TREATY OF 1934 ON SOVIET-POLISH RELATIONS 1934–1939

O. N. Borovskaya

Institute of History, National Academy of Sciences, 1, Akademic Street, Minsk 220072, Republic of Belarus, borovskaya-olga@mail.ru

The Polish-German declaration on the non-use of force on January 26, 1934 led to increased tension in Soviet-Polish relations, and there was a change in course in from bilateral rapprochement to confrontation. The gradual restoration of Poland's rights as a potential rival, which grew throughout 1934, was accompanied by increased Soviet pressure on the northern flank of the "eastern barrier". The focus on destabilizing the post-war settlement in the region, direct and indirect challenges to the legitimacy of Poland's sovereignty over the eastern lands, and possibility of the independent existence of the Baltic countries gave way to the defense of the territorial status quo of the USSR.

Keywords: declaration on the non-use of force; Polish-German relations; Soviet-Polish relation.

У савецка-польскіх адносінах 1934–1939 гг. важнае значэнне набылі пытанні ўступлення СССР у Лігу Нацый і заключэння Усходняга пакта. У снежні 1933 г. ЦК УКП(б) прыняў пастанову аб разгортванні барацьбы за стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі ў Еўропе ў мэтах прадухілення пагрозы вайны і фашысцкай агрэсіі [1, с. 308]. Пры гэтым было прызнана магчымым уступленне СССР у Лігу Нацый і адначасовае падпісанне еўрапейскімі дзяржавамі рэгіянальнага дагавора аб абароне ад агрэсіі. Удзельнікамі рэгіянальнага Усходняга пакта павінны стаць СССР, Фінляндыя, Польшча, Чэхаславакія і прыбалтыйскія дзяржавы. Перагаворы аб Усходнім пакце працягвалася да канца 1934 г. У той час адбываліся размовы М. М. Літвінава з Ю. Бэкам у Жэневе. Але 9 кастрычніка 1934 г. міністр замежных спраў Францыі Л. Барту, прыхільнік уступлення СССР у Лігу Нацый і заключэння Усходняга пакта, памёр, што абцяжарыла палітычнае становішча. Пераемнік Л. Барту П. Лаваль шукаў магчымасці непасрэднай дамовы з Германіяй, што паслабіла б значэнне праекта Усходняга пакта.

Падпісанне 26 студзеня 1934 г. польска-нямецкай дэкларацыі аб ненападзенні і адмова польскага боку ад афармлення дамоўленасці з СССР аб незалежнасці краін Балтыі паклалі канец савецка-польскаму збліжэнню.

Хоць на XVII з'ездзе УКП(б) І. В. Сталін заявіў аб «пераломе да лепшага» ў адносінах СССР і Польшчы, далейшыя падзеі паказалі, што першы ў гісторыі двухбаковых адносін візіт польскага міністра замежных спраў СССР (люты 1934), наданне адпаведным місіям у Маскве і Варшаве ранга пасольстваў (сакавік 1934) і працяг на дзесяцігадовы тэрмін пакта аб ненападзенні (май 1934) сталі эпілогам непрацяглага збліжэння двух вядучых дзяржаў Усходняй Еўропы. Паступовае ўзнаўленне Польшчы ў правах патэнцыйнага суперніка, якое нарастала напрацягу 1934 г., суправаджалася ўзмацненнем савецкага ціску на паўночным флангу «ўсходняга бар'ера». Стаўка на дэстабілізацыю пасляваеннага ўрэгулявання ў рэгіёне, прамое і ўскоснае аспрэчванне законнасці суверэнітэта Польшчы і Румыніі над усёй тэрыторыяй гэтых дзяржаваў, скепсіс у адносінах да магчымасці незалежнага існавання Чэхаславакіі і балтыйскіх краін уступілі месца абароне тэрытарыяльнага статус-кво. З «усходняга бар'ера» краіны, размешчаныя паміж Чорным і Балтыйскімі марамі, пераўтвараліся для савецкага кіраўніцтва ў «заходні бар'ер», які абараняў СССР ад галоўнага цэнтра еўрапейскага канфлікта [2, с. 108–109].

Адмова Германіі прыняць прапанову па заключэнні пакта рэгіянальнай бяспекі, жаданне французскага кіраўніцтва ўзнавіць падрыхтоўку «Усходняга Лакарна» вярнулі савецкую дыпламатычную актыўнасць на шлях антырэвізіяніцкай палітыкі. У сярэдзіне мая 1934 г. главы знешнепалітычных ведамстваў Л. Барту і М. М. Літвінаў узгаднілі схему, у адпаведнасці з якой Германіі, Польшчы, Чэхаславакіі, Літве, Латвіі і Эстоніі прапаноўвалася заключыць з СССР рэгіянальную дамову аб узаемнай дапамозе ў выпадку агрэсіі аднаго з яго ўдзельнікаў (Усходні пакт). Францыя выступала гарантам выканання гэтай дамовы СССР і Германіяй, тады як СССР браў на сябе такі ж абавязак у выпадку парушэння Францыяй ці Германіяй Лакарнскага пакта. Па жаданні савецкага кіраўніцтва, французскі ўрад не толькі не прыняў на сабе абавязкі забяспечыць згоду з гэтым праектам гарантаў дагавора 1925 г. — Вялікабрытаніі і Італіі, але і весці перагаворы з плануемымі ўдзельнікамі Усходняга пакта. У канцы мая–пачатку чэрвеня 1934 г., калі французская дыпламатыя прыступіла да іх агалошвання, народны камісар замежных спраў узгадніў з румынскім і чэхаславацкім міністрам фармуліроўкі нот аб узаемным прызнанні, якімі яны абмяняліся як упаўнаважаныя сваіх урадаў. Абмен канфідэнцыяльнымі нотамі паміж СССР і Чэхаславакіяй зафіксаваў двайную адмову ад узаемных маёмасных прэтэнзій, звязаных з Першай сусветнай вайной і рэвалюцыяй.

Польская палітычная эліта зыходзіла з таго, што для захавання кантролю над «усходнімі крэсамі» нельга дапускаць умацавання пазіцый СССР у Еўропе. У дакументах Міністэрства замежных спраў Польшчы

снежня 1936 г. указвалася, што вайна магчымай кааліцыі з удзелам СССР супраць Германіі прывядзе не проста да падзення А. Гітлера, а выклікала бы ў Германіі камуністычную рэвалюцыю [1, с. 353]. У канцы 1930-х гг. захавалася зацікаўленасць савецкага кіраўніцтва ў наладжванні супрацоўніцтва з Польшчай у сувязі з ростам агрэсіўнасці Германіі. У прыватнасці гэту гатоўнасць павінна было пацвердзіць рашэнне Камінтэрна аб роспуску ў 1938 г. КПП і яе філіялаў КПЗБ і КПЗУ. Падчас сустрэчы з польскім паслом У. Гжыбоўскім 20 кастрычніка 1938 г. намеснік наркома замежных спраў СССР У. П. Пацемкін, пералічваючы фактары, якія адмоўна ўплываюць на савецка-польскія адносіны, не ўзгадаў пытанні, звязаныя з Заходняй Беларуссю і правамі нацыянальных меньшасцяў у Польшчы [3, с. 21].

Летам 1937 г. савецкі ўрад прапанаваў польскаму боку скараціць на тэрыторыі СССР колькасць польскіх консульстваў з мэтай ліквідацыі дыспрапорцыі паміж колькасцю польскіх консульстваў у СССР і савецкіх консульстваў у Польшчы. У адваротным выпадку ўрад СССР пагражаў дэнансаваць консульскую канвенцыю. У сярэдзіне 1938 г. пачаліся перагаворы аб гандлёвай дамове. Добразычлівая пазіцыя савецкага ўрада садзейнічала таму, што 19 лютага 1939 г. былі падпісаны «Дагавор і Дамова аб тавараабмене і разліках». Дэкрэтам Прэзідэнта Польшчы ад 11 сакавіка яны ўводзіліся ў дзеянне яшчэ да таго, як сейм разглядзеў праект закона аб іх ратыфікацыі. Паспяховасць гэта была абумоўлена развіццём міжнародных падзей.

Народны камісар замежных спраў СССР М. М. Літвінаў у размове з польскім паслом В. Гжыбоўскім 1 красавіка 1939 г. падняў пытанне аб магчымасці ўмацавання непасрэднага савецка-польскага супрацоўніцтва. Польскі бок даў негатыўны адказ аб яе ўдзеле ў шматбаковых дагаворах. 4 красавіка 1939 г. савецкі бок зноў паўтарыў свой запыт. Аднак польская пазіцыя не змянілася. У паведамленні ТАСС савецкае кіраўніцтва зноў нагадала аб жаданні распачаць супрацоўніцтва. Але Міністэрства замежных спраў Польшчы працягвала ўхіляцца аб больш цеснага супрацоўніцтва з СССР, зводзячы іх да бягучых адносін і дамаўляючыся на павелічэнне гандлёвых абаротаў. У польскіх знешнепалітычным ведамстве лічылі, што абаснаванасць такой пазіцыі пацвярджаецца палітыкай Вялікабрытаніі ў адносінах да СССР: нягледзячы на шматлікія савецкія прапановы, ідэя супрацоўніцтва з ім разглядалася ў Лондане вельмі неспрыяльна [3, с. 22].

З пачатку мая 1939 г. план уцягнення Польшчы ў антыгітлераўскую кааліцыю стаў больш рэальным. Дэнансацыя А. Гітлерам польска-германскай дэкларацыі ад 26 студзеня 1934 г. рабіла немагчымым польска-германскую дамову, накіраваную супраць СССР. У гэтых абставінах адбыўся неафіцыйны візіт У. П. Пацемкіна 10 мая ў Варшаву. У размове з польскім

міністрам замежных спраў бакі не прышлі на пэўнай узгодненасці пазіцый. На заявы Пацемкіна, што Польшча ў выпадку нападзення з захаду зможа разлічваць на добразычлівую пазіцыю Савецкага Саюза, які не адмовіць ёй у дапамозе, калі яго папросяць аб гэтым. Ю. Бэк спасылаючыся на прынцыпы дагавора аб нейтралітэце, лічучы іх генеральным напрамкам міжнародных адносін. Гэтыя ж пытанні паралельна абмяркоўваліся В. Гжыбоўскім і народным камісарам замежных спраў В. М. Молатавым. Вызначаючы пазіцыю Польшчы ў адносінах да СССР, В. Гжыбоўскі сфармуляваў яе наступным чынам: Польшча не жадае ў цяперашні момант звязваць сябе якімі-небудзь дамовамі з СССР і адмаўляецца ад якіх бы то ні было савецкіх гарантый [4, с. 393–394].

Пункт гледжання ад непатрэбнасці польска-савецкага ваеннага супрацоўніцтва вызначыла і пазіцыю, занятую Польшчай падчас размоў з прадстаўнікамі генеральных штабоў Францыі і Вялікабрытаніі, якія адбываліся ў другой палове мая 1939 г. Інструкцыі Э. Рыдз-Сміглы не прадугледжвалі ніякай дамовы з СССР у выпадку ўзнікнення пагрозы ці ўзброенага канфлікта. Польскі план вайны прадугледжваў абарончыя дзеянні ў выпадку германскага ўдару і ўтрыманне пазіцый да моманту контрнаступлення Францыі і Вялікабрытаніі. У ходзе польска-англійскіх перагавораў абмяркоўвалася магчымасць атрымання рыштунку праз тэрыторыю СССР, але толькі ў плане тэхнічных магчымасцей перагрузкі на пагранічных станцыях. Такая пазіцыя Польшчы сыходзіла ад пазіцыі заходніх краін, у асаблівасці Вялікабрытаніі, у адносінах да савецкай прапановы аб стварэнні сумеснага антыгітлераўскага фронта [5, с. 68].

Мюнхенскага змова за кошт Чэхаславакіі, адхіленне савецкай ініцыятывы па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі ўмацавалі ізаляцыю СССР і абвастрылі становішча ў Еўропе. Але ў гэтых умовах Вялікабрытанія, Францыя і Польшча працягвалі паўтараць былыя аргументы, які прывялі да таго, што не былі рэалізаваны ні Усходні пакт, ні ваенная канвенцыя, якая павінна была стаць дадаткам савецка-французскага дагавора 1935 г., ні рэформа Лігі Нацый. Гэтыя абставіны прымусілі савецкі ўрад прыняць меры па забяспячэнні бяспекі СССР перад тварам пагрозы вайны ў Еўропе. Гэта было падкрэслена ў дакладзе аб міжнародным становішчы і знешняй палітыцы СССР, які быў зроблены В. М. Молатавым за пасяджэнні III сесіі Вярхоўнага Савета СССР 31 мая 1939 г. Старшыня СНК заявіў, што інтарэсы СССР супадаюць з інтарэсамі міралюбівых краін і накіраваны на тое, каб стрымаць далейшае развіццё агрэсіі шляхам стварэння надзейнага і выніковага абарончага фронта міралюбівых дзяржаў. Адначасова ён падкрэсліў, што савецкая палітыка павінна клапаціцца аб тым, каб Савецкі Саюз не быў уцягнуты ініцыятарамі вайны ва ўзброены канфлікт

насуперак сваім жыццёвым інтарэсам. Для рэалістычнай палітыкі СССР, разам з імкненнем стварыць блок дэмакратычных дзяржаў, з'явілася альтэрнатыва — захаванне як мага болей доўга нейтралітэта ў непазбежным узброеным сутыкненні дзяржаў капіталістычнага лагера [6, с. 84–85].

Эпілогам стала развіццё падзей у ліпені–жніўні 1939 г. Вядомыя англа-франка-савецкія перагаворы пацвердзілі, што заходнія дзяржавы не схільныя заключыць з Савецкім Саюзам дагавор аб узаемнай дапамозе. Адмоўна сказалася на ходзе перагавораў і стан савецка-польскіх адносін. У такіх умовах 23 жніўня 1939 г. савецкі ўрад вырашыў заключыць з Германіяй дагавор аб ненападзенні, што даваў час для ўмацавання абароны краіны. Нападзенне фашысцкай Германіі на Польшчу 1 верасня 1939 г. стала пачаткам Другой сусветнай вайны. «Пакт чатырох», падпісаны 15 ліпеня 1933 г., стымуляваў развіццё савецка-польскіх адносін, аб'яднаў намеры бакоў па падрыхтоўкі да «Усходняга Лакарна», дазволіў вырашыць шматлікія спрэчныя моманты двухбаковых адносін, у прыватнасці, нармалізацыі існавання савецка-польскай мяжы і воднага суднаходства, культурнага збліжэння. Аднак схіленне польскай дыпламатыі да падпісання дагавора аб ненападзенні 1934 г. з Германіяй у сваю чаргу стала канцом агульнага пацяплення савецка-польскіх адносін, якое наступіла пасля падпісання савецка-польскага пакта аб ненападзенні ліпеня 1932 г.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. История внешней политики СССР. 1917–1975. Т. 1: 1917–1945. М., 1976.
2. *Кен О. Н.*, *Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы, документы, опыт комментария: в 2 ч. Ч. 1: декабрь 1928 г.–июнь 1934 г. Санкт-Петербург, 2000.
3. *Мезга Н. Н.* Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019. № 4. С. 17–20.
4. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сент. 1938–август 1939 гг.): док. и материалы / М-во иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1971.
5. *Лазько Р. Р.* Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2000.
6. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 3: 1928–1941 гг. / склад. У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа. Мінск, 1999.

ВОПРОСЫ ЮГОСЛАВИИ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

М. С. Довгялло

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, hist@bsu.by

Югославский вопрос при непосредственном участии стран «Большой тройки» в период Второй мировой войны был одним из важнейших в ходе обсуждения на конференциях. В статье рассматриваются политика стран Антигитлеровской коалиции в отношении Югославии после капитуляции, взаимоотношения стран с эмигрантским правительством в Лондоне, сотрудничество с отрядами Д. Михайловича и партизанами И. Тито, а также мирное урегулирование и послевоенное устройство новой Югославии.

Ключевые слова: Антигитлеровская коалиция; «Большая тройка»; И. Б. Тито; И. Шубашич; Югославия; АВНОЮ; Конференции.

THE ISSUES OF YUGOSLAVIA AT THE CONFERENCES OF THE COUNTRIES OF THE ANTI-HITLER COALITION

M. S. Dauhiala

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, hist@bsu.by

The Yugoslav issue with the direct involvement of the Big Three countries during the Second World War was one of the most important issues discussed at the conferences. The article discusses the policy of the Anti-Hitler Coalition countries towards Yugoslavia after the surrender, the countries' relations with the émigré government in London, cooperation with D. Mihajlovic's Chetnik detachments and I. Tito's partisans, as well as the peaceful settlement and post-war organization of the new Yugoslavia.

Keywords: The Anti-Hitler Coalition; the "Big Three"; I. B. Tito; I. Shubasic; Yugoslavia; AVENUE; Conferences.

Балканский полуостров всегда являлся стратегически важным регионом мира. Именно здесь пересекались интересы многих великих держав, а Югославия выступала крупнейшим государством региона. Контроль на данной территории отвечал тактическим и стратегическим интересам стран антигитлеровской коалиции.

После оккупации Югославии странами «оси» в апреле 1941 г., на ее территории было развернуто наиболее мощное и многочисленное движение Сопротивления, участниками которого были «четники», возглавляемые Д. Михайловичем и подчинявшиеся эмиграционному правительству в Лондоне, а также прокоммунистические партизаны И. Б. Тито. В Лондоне находилось эмигрантское правительство Д. Симовича и король Петр II.

Созданная на территории СССР при содействии Советского правительства радиостанция «Свободная Югославия» вела вещание с 11 ноября 1941 г. по январь 1945 г. Радиостанция способствовала распространению правды об освободительной борьбе югославского народа, укреплению международных позиций народно-освободительного движения Югославии. Помимо передач на языках народов Югославии с октября 1942 г. она стала вещать также на английском, французском и чешском языках. Именно из советских источников общественность западных стран узнала, что руководителем национально-освободительного движения в Югославии был Тито.

Создание Антигитлеровской коалиции завершилось подписанием в Вашингтоне «Декларации двадцати шести государств» 1 января 1942 г., получившей впоследствии наименование Декларации Объединенных Наций [1, с. 166]. Активное участие в ее разработке приняли СССР и США, хотя основной проект был подготовлен американской стороной. Декларация содержала обязательства государств о применении экономических и военных ресурсов против членов тройственного пакта и присоединившихся к нему стран, с которыми они находились в состоянии войны, а также о сотрудничестве друг с другом и не заключавшими сепаратного мира или перемирия с общими врагами.

Осенью 1943 г. Лондон более четко сформулировал свою позицию относительно различных сил, боровшихся за власть в Югославии. По этой причине премьер-министр Англии У. Черчилль пытался наладить контакты с королевским правительством Югославии в эмиграции и односторонне поддерживал четников Д. Михайловича [2, с. 248]. Помимо борьбы с агрессорами в лице Германии и Италии в стране шла и гражданская война между четниками и партизанскими отрядами И. Тито. На московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. СССР, США и Великобритании на вопрос А. Идена, «не намекнет ли советская сторона партизанам о том, что мы не хотим, чтобы Михайлович и партизаны боролись друг против друга», В. М. Молотов заявил, что «Михайлович поддерживает оккупантов и даже действуют с ними заодно» [3, с. 258]. Советский Союз настаивал на поддержке союзниками национально-освободительного движения в Югославии во главе с И. Тито и прекращении ими отношений с генералом Михайловичем.

В ноябре 1943 г. на II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве высшего исполнительного и административного органа власти и были определены основы нового федеративного государства. Сессия АВНОЮ лишило югославское королевское правительство в Лондоне прав законной власти и запретило

королю Петру II Карагеоргиевичу возвращаться в Югославию до завершения войны [4, с. 458]. Эмигрантское правительство было лишено всех прав законного правительства Югославии, прежде всего, права представлять югославские народы на международной арене. Одним из первых документов новой Югославии стало постановление II сессии АВНОЮ 29 ноября 1943 г. «Об образовании Югославии на федеративных началах» [5, с. 26].

Решения сессии получили официальную положительную оценку Советского правительства в сообщении Информбюро Наркоминдела «О событиях в Югославии» от 14 декабря 1943 г. АВНОЮ рассматривалось как верховный законодательный и исполнительный орган, а НКОЮ — как временное правительство Югославии. Эмигрантское правительство вообще не упоминалось. Одновременно Советское правительство заявило о своем решении направить в Югославию военную миссию. Заявление советского правительства означало фактическое признание нового югославского государства и НКОЮ в качестве его правительства. На решения 2-й сессии АВНОЮ не было сделано даже намека на признание Англией и США АВНОЮ или НКОЮ в качестве фактической власти на освобожденной территории. Наоборот, западные державы продолжали поддерживать эмигрантское королевское правительство, короля и четников Михайловича. 31 декабря 1943 г. президент США Ф. Рузвельт заявил, что США будут признавать до конца войны только то югославское правительство, которое предусматривается конституционной монархией.

Вопрос о совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии был поднят в Тегеране. Советская сторона подтвердила ранее заявленное стремление отправить военную миссию к И. Тито, а британцы согласились предоставить базу в Каире для поддержания связи с этой миссией. Согласно американской записи переговоров, В. М. Молотов даже выступил с идеей отправки миссии и к Д. Михайловичу, против чего советская сторона выступала ранее [1, с. 302]. Конференция согласилась, что партизаны в Югославии должны поддерживаться снабжением и снаряжением в возможно большем размере, а также операциями «коммандос» [6, с. 537]. На ней было положено начало координации стратегических планов трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против общего врага.

США продолжали делать ставку на эмигрантское правительство короля Петра II в Лондоне и оказывали поддержку генералу Михайловичу. Бывший посол США в Югославии Д. Ларсон писал: «После Тегеранской конференции Великобритания и США постепенно прекратили помогать Михайловичу и стали поддерживать Тито». Факты, однако, говорят о другом. 11 сентября 1944 г. советское посольство в Вашингтоне направило в госдепартамент памятную записку, в которой сообщало, что «союзное

командование в Италии продолжает поддерживать тесные контакты с Д. Михайловичем». «Имеется достоверная информация», — отмечалось далее: «что самолеты союзников, базирующихся в Италии, используются для доставки Михайловичу различных военных материалов и снаряжения, а также для переброски офицеров и солдат из числа четников. Советское правительство заявило, что эти действия находятся в противоречии с заявлениями союзников о прекращении помощи Михайловичу, и потребовало положить им конец» [7, с. 174].

16 июня 1944 г. на о. Вис между маршалом И. Тито и новым эмигрантским премьер-министром И. Шубашичем было подписано соглашение. Помимо этого в августе 1944 г. произошла личная встреча в Неаполе Черчилля и Тито [8, с. 476–477]. Король Петр II был против этого соглашения в «его нынешней форме». Черчилль предложил И. Сталину ввести в действие соглашение Тито–Шубашича минуя короля, признать правительство маршала Тито во главе с регентством и направить посла в Белград [9, с. 343].

В октябре 1944 г. У. Черчилль прилетел в Москву (кодовое наименование, данное англичанами, — операция «Толстой») [10, с. 415]. Состоялась встреча и беседа со Сталиным. Черчилль предложил раздел «сфер влияния» на Балканах в процентном соотношении: Румыния — 90 % влияния России, 10 % — другие; Греция — 90 % влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10 % — другие; Югославия и Венгрия — 50 на 50 %; Болгария — 75 % влияния России, 25 % — другие страны [11, с. 477]. Сталин поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. Так был намечен основной круг вопросов на переговорах. Затем состоялась беседа В. М. Молотова с министром иностранных дел А. Иденом.

Речь шла о том, чтобы ускорить образование единого югославского правительства на основании заключенного в ноябре 1944 г. соглашения между председателем НКОЮ И. Тито и премьер-министром югославского эмигрантского правительства в Лондоне И. Шубашичем. Оно предусматривало создание в Югославии регентского совета и образование единого югославского правительства из представителей Национального комитета освобождения и королевского правительства [9, с. 331, 344, 349]. По этому соглашению новое югославское правительство должно было сформироваться из руководителей национально-освободительного движения при участии нескольких представителей эмигрантского югославского правительства. Но последнее при поддержке правительства Великобритании сдерживало выполнение соглашения.

На Крымской конференции представители Великобритании вынуждены были согласиться с предложением делегации СССР о необходимости немедленного выполнения соглашения Тито–Шубашич. Однако

англичане внесли две поправки. В первой говорилось о расширении действовавшего в Югославии верховного органа АВНОЮ путем включения в него членов последней довоенной Югославской скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, о создании органа, именуемого Временным Парламентом. Вторая поправка предусматривала ратификацию будущим Учредительным собранием законодательных актов, принятых Антифашистским вечем. Поскольку делегация США сочла нужным согласиться с такой договоренностью, она была зафиксирована в специальном решении конференции [12, с. 178–179, 191–192].

Обсудив югославский вопрос, конференция приняла предложение СССР с поправками английской делегации. Это решение было большой политической поддержкой национально-освободительного движения Югославии. По инициативе Великобритании была сделана очередная попытка примирить югославов в изгнании и коммунистические силы внутри Югославии.

7 марта 1945 г. в соответствии с рекомендацией Крымской конференции было образовано Временное народное правительство Югославии, возглавляемое маршалом И. Тито. В состав правительства с представителями трудящихся вошли буржуазные политические деятели, в частности И. Шубашич — в качестве министра иностранных дел [8, с. 505–506]. Оно было признано всеми государствами антигитлеровской коалиции.

Советский Союз поддержал новую Югославию и заключил с ней 11 апреля договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве на 20 лет. Это был первый международный договор, заключенный Югославией [13, с. 253]. Договор, вызвал недовольство со стороны Англии и США. Рост напряженности в отношениях западных держав с Югославией сказались во время триестского кризиса в мае–июне 1945 г. СССР настаивал на необходимости учитывать законные претензии Югославии и ее вклад в общее дело союзников [14, с. 424–426, 429]. Однако премьер-министр Великобритании Черчилль и президент США Трумэн предложили обсудить проблему Истории-Триеста на предстоящей Потсдамской конференции.

Западные страны планировали использовать Потсдамскую конференцию для подрыва народно-демократической власти в Югославии. На конференции представители США и Великобритании считали необходимым, чтобы конференция заявила о невыполнении в Югославии «соглашение Тито–Шубашича» и на тезисе об ответственности «Большой тройки» по этому поводу, поскольку соглашение было подтверждено Крымской конференцией. Отвергнув обвинения в адрес народной

Югославии, советская делегация высказала пожелание, что бы в Потсдам были приглашены И. Тито и И. Шубашич для обсуждения вместе с ними вопроса, поднятого США и Великобританией. Западные страны с этим не согласились [12, с. 240–241].

Великобритания после войны хотела восстановить единственную легитимную власть в Югославии, то есть конституционную парламентскую монархию во главе с династией Карагеоргиевичей. Сотрудничество эмигрантского правительства с официальными лицами Великобритании должно было в дальнейшем стать гарантией возвращения прежних порядков в Югославии после войны.

Таким образом, итоги трех конференций в годы Второй мировой войны были большой победы советской дипломатии. Западу не удалось превратить конференции в средство подрыва и ликвидации новой Югославии. Благодаря позиции СССР на конференциях были созданы условия, содействующие решению вопросов мирного урегулирования и послевоенного устройства Югославии в интересах стабилизации положения народно-демократического государства. Союзники по Антигитлеровской коалиции победили во Второй мировой войне, и в эту Победу Советский Союз внес решающий вклад. Этот факт неоспорим.

Библиографические ссылки

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны / [М. М. Наринский и др.]. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.

2. *Исраэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945) / В. Л. Исраэлян. М.: Междунар. отношения, 1985. 477 с.

3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М.: Политиздат. 384 с.

4. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Т. 2: 1944–1945. М.: Политиздат, 1984. 575 с.

5. *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика / М. Ю. Мартынова. М.: Старый сад, 1998. 466 с.

6. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: в 2-х т. Т. 1: 1941–1943. М.: Политиздат, 1984. 510 с.

7. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941–1945. М.: Междунар. отношения, 1983. 286 с.

8. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.

9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны

1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. 464 с.

10. *Ржешевский О. А.* Сталин Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945 / О. А. Ржешевский. М.: Наука, 2004. 564 с.

11. *Бережков В. М.* Рядом со Сталиным / В. М. Бережков. М.: Вагриус, 1998. 448 с.

12. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сб. док. [трех конференций стран антигитлеровской коалиции]. 3-е изд. М.: Междунар. отношения, 1971. 416 с.

13. *Довгялло М. С.* Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: государственные и общественные деятели, хронология событий / М. С. Довгялло. Минск: БГУ, 2024. 389 с.

14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 нояб. – 1 дек. 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. 198 с.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ СЕРЕДИНЫ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. И МЕСТО В НЕЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Е. Н. Дубровко

УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Беларусь, dubrovko@gsu.by

В статье проанализирована внешнеполитическая концепция лейбористской партии Соединённого королевства в период от первого лейбористского кабинета 1924 г. до конца срока существования второго кабинета Р. Макдональда в 1931 г. Выявлено, что в Центрально-Восточной Европе объектом внимания лейбористов была Польша в связи с её конфликтными отношениями с соседними государствами, союзническими отношениями с Францией и проблемами с национальными меньшинствами. Показано, что большинство лейбористов, связанных с выработкой внешнеполитической концепции, оперировали категориями крупных держав — Германия, Франция, СССР, — и Центрально-Восточная Европа рассматривались как объект приложения интересов этих держав.

Ключевые слова: международные отношения; Великобритания; лейбористы; Центрально-Восточная Европа.

THE BRITISH LABOR PARTY FOREIGN POLICY CONCEPT IN THE MID-1920s–EARLY 1930s AND THE PLACE OF CENTRAL-EASTERN EUROPE IN IT

E. N. Dubrovko

Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya St., 246028, Gomel, Belarus, dubrovko@gsu.by

The article analyzes the UK Labour Party foreign policy concept in the period from first Labour cabinet in 1924 to the end of the second cabinet of R. MacDonald in 1931. It is revealed that in Central and Eastern Europe, Poland was the focus of attention in connection with its conflict relations with neighboring states, allied relations with France and problems with national minorities. It is shown that the majority of Laborists involved in the development of a foreign policy concept operated with categories of major powers – Germany, France, the USSR – and Central and Eastern Europe in their foreign policy concept represented an object of their interests.

Keywords: international relations; the UK; Labour Party; Central and Eastern Europe.

В 1920-е–1930-е гг. лейбористы дважды формировали Кабинет в Соединённом королевстве — в 1924 г. и в июне 1929–августе 1931 г. Остальное время они представляли собой оппозицию правящей консервативной партии, регулярно участвуя в парламентских выборах и завоёвывая депутатские места.

Официальная программа партии, изложенная в предвыборных манифестах, уделяла не много внимания внешнеполитическим вопросам. В манифесте 1922 г. были выделены пункты: пересмотр мирных договоров оценивался как важный шаг к миру, репарации Германии должны были быть соразмерны её возможности платить; предполагались широкие возможности для Лиги Наций по урегулированию международных проблем [1]. В манифесте 1923 г. в развитие идеи пересмотра мирных договоров оформилась идея созыва по инициативе Великобритании международной конференции (с участием Германии на равноправных условиях); сохранялся акцент на важной роли Лиги Наций, добавилась идея арбитража; новый пункт представляла собой идея возобновления экономических и дипломатических отношений с Россией [2]. В манифесте 1924 г., представленном после пребывания у власти лейбористского Кабинета Р. Макдональда, подводились своеобразные итоги его правления: организация Женевской конференции того года, где обсуждались вопросы безопасности, разоружения и арбитража; подписание договоров с СССР; также подчёркивались «успехи» в отношениях с Ирландией (договор с «Ирландским свободным государством») и доминионами («укрепило эмоциональные связи»). Причём последний пункт, никогда не выносившийся ранее в манифесты лейбористов, размещался первым в тексте этого документа [3]. После поражения на выборах 1924 г. партия представила следующий манифест только в 1929 г. Вопрос программы в сфере международных отношений в нём был уже далеко не первый. Из основных постулатов бросаются в глаза всё те же: большая роль Лиги Наций для поддержания мира; арбитраж и разоружение; восстановление отношений с СССР [4]. В манифесте 1931 г. подчёркивались уже итоги нахождения у власти второго лейбористского правительства: подготовка Женевской конференции по разоружению, запланированной на 1932 г., обеспечение «Великобритании морального лидерства в мире» в вопросе разоружения; вновь акцентировалось использование «ценного механизма Лиги Наций на всех этапах международной деятельности» [5].

Помимо программных документов позиция лейбористов по вопросам международных отношений находила отражение в выступлениях, публицистике отдельных членов партии, непосредственно связанных с этой сферой или с реализацией внешней политики Великобритании,

В частности, секретарь Лейбористской партии Артур Гендерсон, министр внутренних дел в 1924 г., и министр иностранных дел во втором Кабинете Р. Макдональда в 1929–1931 г., в своей работе 1922 г. «Характер и политика британской лейбористской партии» писал о необходимости

международного сотрудничества для решения гуманитарных проблем, борьбе «против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам» [6].

Исследователи описывают А. Гендерсона как человека без специального университетского образования и дипломатических навыков, также мало сведущего в географии, не знавшего ни одного иностранного языка видевшего только основную цель — достижение мира в Европе. Поэтому для решения частных вопросов ему нужна была помощь профессионалов. Понимая это, в Форин оффис А. Гендерсон собрал свою команду, куда вошли его заместитель Хью Далтон, личный парламентский секретарь Филип Ноэль Бейкер и лорд Роберт Сесил [7, с. 177–178; 8, с. 252–254]. Если последний посвятил свою деятельности Лиге Наций, представляя там Великобританию и популяризуя идею Лиги в самом Соединённом королевстве, то Ф. Ноэль Бейкер и Х. Далтон имели дело с широким спектром вопросов, выражая лейбористскую позицию по ним.

Позиция Ф. Ноэля Бейкера нашла отражение в двух его опубликованных работах, посвящённых международным проектам, инициированным лейбористами во время их пребывания у власти — Женевскому протоколу 1924 г. и Женевской конференции, начавшей свою работу в 1932 г. Выступая в их защиту, британский лейбористский политик и дипломат писал о ситуациях, возникавших в международных отношениях, которые могли стать объектом приложения протокола или решений конференции. Их анализ позволяет выявить место Центрально-Восточной Европы во внешнеполитической концепции лейбористов.

В названном регионе основным объектом внимания являлась Польша: её конфликтные отношения с соседями приводились в качестве примеров, где решения могли быть достигнуты при реализации предложенных проектов.

В частности, «Вильнюсский спор» между Польшей и Литвой мог, по мнению автора, стать предметом арбитражного разбирательства, что сделало бы решение арбитража обязательным для правительств и населения [9, p. 74].

Второй случай, приведённый автором, — урегулирование спорной границы между Польшей и Германией в Верхней Силезии — оценивался как в принципе решённый усилиями Совета Лиги, хоть и вызывавший изначально возмущение «у некоторых заинтересованных государств». В этой ситуации предлагалось не применять новую систему арбитража, не обращать вспять работу Совета [9, p. 85].

Следующий эпизод, где фигурировала Польша — проблема отказа от выполнения арбитражного решения и вопрос о применении санкций.

Ф. Ноэль Бэйкер указал на обвинение Польши со стороны Постоянной палаты международного правосудия (судебный орган под эгидой Лиги Наций, существовавший с 1920 г.; предшественница Международного суда ООН. — Е. Д.) в нарушении международных обязательств по договору о защите меньшинств. Как констатировал лейбористский политик, «Польша никогда не отказывалась от вердикта и не оспаривала его, однако прошел почти год, прежде чем она смогла с помощью Совета Лиги принять необходимые меры, чтобы иметь возможность его выполнить, и даже тогда были некоторые, кто утверждал, что она не выполнила его». Такой прецедент подталкивал прописать принцип единогласия при решении вопроса о санкциях [9, p. 139]. Возвращаясь чуть позже к проблеме меньшинств, автор признавал, что в Польше политика в их отношении начала меняться в сторону «либеральных начал» лишь после нескольких лет «реакционных репрессий» [9, p. 186].

Четвёртая обозначенная международная проблема — проблема «существующих альянсов». Ф. Ноэль Бэйкер рассматривал их как угрожавшие системе безопасности, настаивал на необходимости контроля над ними посредством принятия протокола. В частности, важным считал он контроль над «союзами, которые Франция заключила с некоторыми державами Восточной Европы, главными из которых являются Румыния и Польша. Эти союзы, откровенно направленные против совместной или групповой агрессии со стороны великих держав, России и Германии, являются, как обстоят дела сегодня, возможно, наиболее вероятными из всех, которые рано или поздно будут введены в действие». Он подчёркивал особый интерес Великобритании в таком контроле, так как в случае обязательств по защите Франции она может быть втянута в конфликт даже в случае, её непосредственно не касающемся: если ССС нападет на союзника Франции, та будет обязана сражаться, и это же время «Германия выберет, чтобы отомстить Франции, и наши обязательства возникнут» [9, p. 164].

И наконец последний, но не по важности, приведённый довод в пользу принятия протокола — необходимость его применения к существовавшим ситуациям, угрожавшим войной, среди которых «наиболее тревожны отношения между Россией и пограничными государствами. Никто не может предсказать, как будет развиваться нынешнее правительство России, но каким бы ни было его развитие, оно в любой момент может перестать довольствоваться своими нынешними западными границами. Прибалтийские государства, восточная граница Польша, Бессарабия, все это нынешние проблемы, которые должны беспокоить каждого, кто заботится о будущем мире» [9, p. 189].

Во второй работе — «Разоружение», — вышедшей в 1934 г., лейбористский дипломат не рассматривал конкретные международные проблемы, но констатировал, что ни одно европейское соглашение не будет успешным, если к нему не присоединятся страны балтийского региона, юго-восточной Европы и Россия. Не выделяя отдельно Польшу, он указывал, что все «пограничные государства вряд ли могли бы связать себя жесткими ограничениями, если Россия не сделал бы этого». Оперируя исключительно категориями крупных держав — Великобритания, США, Германия, Франция, Россия, — Ф. Ноэль Бэйкер рассматривал их позиции как решающие для успеха проекта [10, p. 53–54].

Хью Далтон занимал при А. Гендерсоне пост парламентского заместителя, то есть был хорошо осведомлён о деятельности Форин оффис, существовавших там взглядах на ситуацию в Центрально-Восточной Европе, мог формировать свои собственные оценки. Об этом он писал в своих мемуарах, первая часть которых включает интересующий нас отрезок времени. Во второй половине 1920-х гг. Х. Далтон регулярно ездил в Европу, как он сам писал «отчасти для политических наблюдений». В ходе этих поездок в 1926 г. он посетил Польшу. Мнение Х. Далтона, по его признанию, отличалось от мнения большинства лейбористов, связанных с выработкой внешнеполитической концепции: «визит в Польшу окончательно побудил меня попытаться изменить внешнюю политику лейбористской партии, сместив некоторые акценты. Многие из авторитетных международных „экспертов“ партии все еще придерживались старых антифранцузских, прогерманских позиций» [11, p. 165, 167]. В рамках этой старой концепции «все, что вытекало из победы союзников в войне и Версальского мирного договора, плохо. Польша вышла из всего этого. Поэтому Польша плохая» [11, p. 167–168]. После возвращения из Польши Х. Далтон начал высказываться в пользу интересов этого государства, указывал, что «по сравнению с немцами, которые все время надоедали своими жалобами, поляки были неэффективными пропагандистами-любителями» [11, p. 168].

В 1930 г. во внутриведомственных документах он писал, что «не в интересах Великобритании усиливать за счет Польши Германию, которая была и вскоре может снова стать тем, чем Польша никогда не будет, — страшной угрозой для нашей страны» [11, p. 168]. Однако, подчеркнём ещё раз, как и признавал Х. Далтон, в лейбористской партии доминировали противоположные взгляды. Сам он позже так их охарактеризовал в своих мемуарах: «Для многих людей среднего возраста Европа 1914 г. была настоящей Европой, а Европа 1927 г., напротив, кажется чем-то искусственным и нереальным. Они сбиты с толку новым появлением на карте Польши, появлением Чехословакии и Югославии — грубых и незнакомых названий — и

уменьшением знакомых очертаний Австро-Венгрии» [12, p. 169]. Эти взгляды, которые российский историк Искандер Магадеев обозначил понятием «тень империй» [13], проявились и при выработке внешнеполитической концепции лейбористов и закреплении в ней места Центрально-Восточной Европы.

Библиографические ссылки

1. Labour Manifesto 1922 // British general election manifestos 1918–1966 / compiled by F. W. S. Craig. London: Macmillan, 1975. P. 38–41.
2. 1923 Labour Party General Election Manifesto. URL: http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1923/1923-labour-manifesto.shtml (date of access: 03.04.2025).
3. 1924 Labour Party General Election Manifesto. URL: http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1924/1924-labour-manifesto.shtml (date of access: 03.04.2025).
4. 1929 Labour Party General Election Manifesto. URL: http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1929/1929-labour-manifesto.shtml (date of access: 03.04.2025).
5. 1931 Labour Party General Election Manifesto. URL: http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1931/1931-labour-manifesto.shtml (date of access: 03.04.2025).
6. *Henderson A.* The character and policy of the British Labour party // The international journal of ethics. 1922. January. P. 119–123.
7. *Суслопарова Е. А.* Артур Гендерсон — «архитектор» лейбористской партии // Новая и Новейшая история. 2015. № 2. С. 163–182.
8. *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024.
9. *Noel Baker P. J.* The Geneva Protocol. London: P. S. King&Son, ltd., 1925.
10. *Noel Baker P. J.* Disarmament. New York: Kennikat Press, 1970.
11. *Dalton H.* Call Back Yesterday. Memoirs 1887–1931. London: Frederick Muller LTD, 1953.
12. *Dalton H.* The fateful years. Memoirs 1931–1945. London: Frederick Muller LTD, 1957.
13. *Магадеев И. Э.* «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 82–96.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА 1930–40-х гг. ПРОТИВ «АРИЙСКОГО МИФА»

И. А. Ефременко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, efremenkoivan1992@gmail.com

«Арийский» миф являлся фундаментальной идеологемой германского нацизма на протяжении всего времени его существования. Именно согласно с этой бесчеловечной идеологической конструкцией нацисты начиная с 1933 г. и вплоть до последних дней войны проводили политику геноцида, именно она была призвана легитимировать агрессивную войну, развязанную ими против СССР, стран Европы и США. В статье анализируется, как советская историческая наука боролась с «арийским» мифом в целях спасения мира от опасных и жестоких заблуждений.

Ключевые слова: «арийский» миф; пропаганда; фальсификация истории; преступления нацизма; сопротивление; советская наука.

SOVIET HISTORICAL SCIENCE OF THE 1930–40s AGAINST THE “ARYAN MYTH”

I. A. Efremenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, efremenkoivan1992@gmail.com

The “Aryan” myth was the fundamental ideologeme of German Nazism throughout its existence. It was in accordance with this inhuman ideological construct that the Nazis, from 1933 until the last days of the war, pursued a policy of genocide; it was precisely this that was intended to legitimize the aggressive war they unleashed against the countries of the USSR, European countries and the USA. The article analyzes how Soviet historical science fought against the “Aryan” myth in order to save the world from dangerous and cruel delusions.

Keywords: “Aryan” myth; propaganda; falsification of history; Nazi crimes; resistance; history; Soviet science.

«Арийский» миф возник отнюдь не в недрах нацистской преступной идеологии. В интеллектуальном и политическом пространствах Европы конца XVIII–начала XIX в. имели место тенденции, которые восприняли, развили и распространили данный миф в последующей исторической перспективе. Вышеозначенный промежуток времени — это период европейского просвещения и науки, эпоха окончательного слома старых религиозных идентичностей, а также пришествие на их смену национальных и расовых идентичностей. Одновременно в Европе продолжал активно развиваться колониализм. И именно в этом общеевропейском контексте рубежа веков берет свое начало расистский «арийский» миф.

В конце XVIII–начале XIX в. европейские ученые пришли к утверждению, что многие европейские и азиатские языки имеют очевидное родство. Вслед за этим приходит понимание, что подобная лингвистическая картина может быть объяснена наличием в древности народа-носителя праязыка [1, с. 20]. В 1813 г. Т. Янг назвал этот народ праиндоевропейцами в то время как тремя годами ранее К. Мальте-Брун — индогерманцами [2, с. 18]. И уже в этом терминологическом разночтении проявилась разница между британским и германским интеллектуальными пространствами. Если британцы видели в арийцах предков всех европейцев, то германцы, ведомые романтическим национализмом в условиях политической раздробленности, видели в пранароде прежде всего своих предков. В дальнейшем в XIX в. разные философы, публицисты, ученые и деятели культуры начали превратно трактовать достижения лингвистики и истории. В работах Х. Лассена, А. Пикте, Ф. Ленормана, А. де Гобино, Ф. Ницше, Р. Вагнера и других арийцы описывались как идеальный народ со всех точек зрения. Якобы арийцы отличались этичностью, самым острым умом, предприимчивостью, выдающимися физическими данными, что позволило им совершить масштабные завоевания [2, с. 21–24; 3, с. 264–265]. Им совершенно неправомерно приписывались все достижения древности — от интеллектуальных до архитектурных и технологических. Кроме того, вводилось очень важное бинарное противопоставление — арийцы-семиты, в рамках которого первым приписывались все лучшие человеческие качества, а вторым, разумеется, худшие [2, с. 21–24]. Чуть позже, в основном Х. С. Чемберленом, к семитам были присоединены многие другие народы [2, с. 35–36]. К этим антигуманным и очевидно расистским идеям добавился превратно и вульгарно трактованный биологический эволюционизм. Согласно этому расистскому биологизму, арийцы, помимо всего прочего, были еще и вершиной физиологической эволюции [1, с. 21–22].

В конце XIX в. арийский миф был дополнен эзотерикой, прежде всего, теософией Е. П. Блаватской. Однако для нацистов в этом отношении в недалекой перспективе имели большое значение работы австрийца Г. фон Листа, который дополнил и без того шовинистическую картину «арийского» мифа неоязычеством, а также исторической концепцией циклической смены эпох с возможностью возвращения «золотого арийского века» [2, с. 57]. Этим он вводил фатальную для истории человечества веру, что период доминирования «арийской» расы можно вернуть, что лучший век для германских народов еще впереди, его можно приблизить.

Эти ариасофские идеи попали в Германию еще накануне Первой мировой войны, формализовавшись в организации «Германский орден» [2, с. 65–66]. В 1918 г. в Мюнхене возникло «общество Туле», имевшее

впоследствии теснейшую связь с нацистской партией [2, с. 65–66]. Именно таким образом «арийский» миф попал к национал-социалистам, которые в дальнейшем будут его дополнять и развивать. Самое ужасное — они начнут использовать данную идеологему в качестве руководства к действию. Такие нацистские идеологи, как Г. Вирт, А. Розенберг (написавший вторую по значимости для нацистской Германии книгу «Миф XX века»), Г. Горбигер начнут полномасштабные фальсификации истории [2, с. 75–77]. Вся немецкая историческая наука вооружалась «арийской» оптикой. Из-под пера историков начали выходить труды, в которых описывались ложные достижения германских народов, в то время как остальные (в особенности неевропейские и славянские народы) объявлялись низшими и исторически вредными. Эти античеловеческие и преступные идеи, как уже отмечалось выше, стали объяснительной и оправдывающей моделью для мировой войны и геноцида. Эти идеи шли из абсолютно ложных псевдоисторических концепций нацистов. Также важно подчеркнуть, что несмотря на, казалось бы, зацикленность идеологии нацизма на прошлом, все это было обращено в будущее: «арийский» миф выступал некой ролевой моделью для будущего переустройства мира.

Разумеется, усиление нацистской идеологии не могло не поставить перед историками в 1930–40-е важную задачу — противостоять фальсификациям истории, которые несли народам мира ужасающую трагедию и ставили под сомнения само их существование. В данном контексте особенно важная миссия легла на плечи истории древнего мира, поскольку именно в этой области преимущественно совершали манипуляции нацистские идеологи.

Советская историческая наука еще до начала Великой Отечественной войны решительно выступила против нацистских искажений истории. Еще в 1939 г. в свет вышел сборник статей ученых АН СССР под названием «Против фашистской фальсификации истории» [4]. В него вошли работы видных советских антиковедов и медиевистов Б. Л. Богаевского, Е. Г. Кагарова, Е. А. Косминского и ряда других историков. В предисловии и вводной статье была артикулирована важная задача по борьбе с искажениями истории со стороны нацистских идеологов [4, с. 6–10]. Было подчеркнуто, что в Германии развернулись преследования евреев, антифашистски настроенных граждан, честных ученых, а расистские и шовинистические идеи о немцах как высшей расе несут огромную опасность [4, с. 10–11]. Б. Л. Богаевский в своей статье о нацистских искажениях истории Эгейской культуры II тыс. до н. э. убедительно разрушил ложную и шовинистическую конструкцию немецких пропагандистов. Те выстроили картину, согласно которой Микенская цивилизация была создана

германскими князьями, а минойская, в свою очередь, — низшими южными доарийскими расами [4, с. 36–38]. Нацистские «историки» имплицировали в свой нарратив оппозицию «мужская северная культура — южная женская», отдавая почести, естественно, первой [4, с. 36–38]. Разумеется, это совершенно ложное описание истории доантичной Греции, что убедительно и продемонстрировал Б. Л. Богаевский, привлекая археологический материал, самые свежие на тот момент историографические концепции [4, с. 40–43, 46, 48–50].

Еще более убедительно критика «арийского» мифа была представлена в работе Е. Г. Кагарова, который в строгих научных категориях опроверг абсурдные квазиисторические представления нацистов о происхождении и жизни германских племен в древности. Ученый также привел обширный археологический материал, данные лингвистики и религиоведения для того, чтобы показать, что германские племена не являлись сильнейшими и уникальными [4, с. 87–90]. В частности, Е. Г. Кагаров привел примеры кельтских заимствований в германских языках и культуре, влияние культуры причерноморских кочевников на готов и множество других убедительных доводов, опровергавших нацистские представления о древних германцах [4, с. 92, 99, 101–103].

С началом Великой Отечественной войны, увы, работа историков была затруднена тяжелыми условиями, в которых оказалась страна. Среди прочего, это отразилось на публикационной активности. В военные годы перестал издаваться главный журнал, посвященный истории древнего мира «Вестник древней истории» [5, с. 82–83]. Были отменены публикации ряда книг [5, с. 82–83]. Тем не менее, несмотря на трудности военного лихолетья, советские ученые не перестали бороться против опасных и вредных мифов нацистской исторической пропаганды. В Москве продолжал издаваться «Исторический журнал». В нем историк А. В. Мишулин опубликовал статью «Историческая фантазия о „военных доблестях“ нордической расы» [6]. В ней советский академик обратился к материалам античных историков, в особенности Цезаря и Тацита, чтобы научно доказательно опровергнуть ложность нацистских утверждений о военном превосходстве древних германцев над окружавшими их народами [6, с. 75]. А. В. Мишустин привел примеры поражений германцев от кельтов [6, с. 76–77]. Более того, описал, как некоторые германские племена были ассимилированы кельтами на территории современной Бельгии и подметил колонизационный поток кельтских племен за Рейн [6, с. 78]. Эти исторические данные историк противопоставил нацистским фальсификациям, в которых германцам не было равных якобы из-за их принадлежности к «высшей расе».

В издании 1942 г. «25 лет исторической науки в СССР» [7] основное внимание, конечно, было уделено истории Советского Союза. Однако в первых двух главах этой коллективной книги нашлось место и некоторым важным работам по истории древности, написанных В. И. Авдеевым. Они были посвящены историческим и археологическим изучениям Кавказа и Средней Азии. В них советский ученый в первую очередь сконцентрировался на описании достижений советской науки, но одновременно не обошел вниманием и борьбу с «арийским» мифом [7, с. 54]. Так, В. И. Авдеев резко раскритиковал нацистских пропагандистов, показывая несостоятельность их убеждений об исключительной древности германских языков. Ученый справедливо отметил, что многие среднеазиатские и кавказские языки безусловно древнее немецкого. Исторический материал о Бактрии, Согдиане, Армянских царствах был приведен в качестве убедительного примера того, что германские племена не были древнее и «совершеннее», чем азиатские или кавказские народы [7, с. 54, 65–77].

Важной целью советских историков также являлось развенчивание античеловечных и ложных идей нацистов об отсталости славян, что было частью «арийского» мифа. Так, А. Д. Удальцов, Б. Д. Греков, А. В. Мишулин напечатали статьи в его опровержение в уже отмечавшемся «Историческом журнале» [8; 9; 10]. Наиболее подробно и комплексно осветили данную тему А. Д. Удальцов и Б. Д. Греков. Оба историка сконцентрировали свое внимание на самой ранней истории славян, поскольку именно вокруг периода с V по IX в. нацисты сплели наибольшее количество лжи. Так, нацистскими «историками» была создана концепция, согласно которой ранние славянские племена были полностью подчинены готами в IV в. и в последующие века находились в полной зависимости от германских племен [8, с. 67]. Советские ученые на археологических примерах доказали, что готское государство Германариха было уничтожено гуннами, а славяне, объединенные преимущественно в большие племена антов и венедов, между тем вели собственную политику, вступая в альянсы с разными племенными объединениями (периодически оказываясь в зависимости прежде всего от степных народов вроде авар, а вовсе не от германцев) [8, с. 68–69; 9, с. 20]. Более того, А. Д. Удальцов привел большое количество византийских источников, демонстрируя, таким образом, полную несостоятельность нацистских псевдоисторических концепций, основанных по большому счету на фантазиях и политических установках [8, с. 68, 70, 72].

Таким образом, советская историческая наука дала мощный и последовательный отпор нацистскому античеловеческому и псевдоисторическому дискурсу, призванному оправдывать захватническую войну и геноцид. Советские ученые, разбирая нацистскую ложь на конкретных

исторических примерах, демонстрировали несостоятельность, лживость и преступность нацистской идеологии. И сегодня борьба историков с «арийским» мифом в годы Великой Отечественной войны служит примером того, как историческая наука способна опровергать самые изощрённые фальсификации прошлого с претензиями на установление «новых порядков».

Библиографические ссылки

1. *Энтони Д.* Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М.: ВШЭ, 2023. 672 с.
2. *Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире. М.: НЛО, 2015. 536 с.
3. *Поляков Л. А.* Арийский миф. Исследование истоков расизма. М.: Евразия, 1996. 355 с.
4. Против фашистской фальсификации истории: сб. науч. ст. / АН СССР; редкол. Ф. И. Нотович (гл. ред.) [и др.]. М.: АН СССР, 1939. 450 с.
5. *Карпюк С. Г.* В начале войны: публикационная активность советских историков древности в 1941–1943 годах // Magistra Vitae. 2024. Т. 9. Вып. 2. С. 82–87.
6. *Мишулин А. В.* Историческая фантазия о «военных доблестях нордической расы» // Исторический журнал. 1941. № 7–8. С. 75–80.
7. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. 1917–1942: сб. науч. ст. / АН СССР; редкол. В. П. Волгин (гл. ред.) [и др.]. М.: АН СССР, 1972. 288 с.
8. *Удальцов А. Д.* Начальный период восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11–12. С. 67–72.
9. *Греков Б. Д.* На заре русского государства // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 14–31.
10. *Мишулин А. В.* Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 55–61.

ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕШСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1945–1946 гг. (К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЭКЗАРХАТА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ)

У. А. Карповец

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, karpovetsuliana05@mail.ru

В статье рассмотрены особенности процесса перехода Чешской Православной церкви из Сербской юрисдикции под руководство Московского Патриархата. На основании опубликованных документов и литературы проанализированы различия послевоенного состояния чешских и русских приходов на территории Чехословакии и их взаимодействие с местными властями.

Ключевые слова: Чешская Православная церковь; Сербская юрисдикция; Московский Патриархат; митрополит; католицизм.

THE SITUATION OF THE CZECH ORTHODOX CHURCH IN 1945–1946 (ON THE ESTABLISHMENT OF THE EXARCHATE OF THE MOSCOW PATRIARCHATE IN CZECHOSLOVAKIA)

U. A. Karpovets

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, karpovetsuliana05@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the process of the transition of the Czech Orthodox Church from Serbian jurisdiction to the leadership of the Moscow Patriarchate. On the basis of published documents and literature, the differences in the post-war state of Czech and Russian parishes in Czechoslovakia and their interaction with local authorities are analyzed.

Keywords: Czech Orthodox Church; Serbian Jurisdiction; Moscow Patriarchate; Metropolitan; Catholicism.

Послевоенное положение православной общины на территории Чехии оказалось подорвано рядом деструктивных событий, сопровождавших борьбу чехов с немецко-фашистскими захватчиками. Последствия операции «Антропоид» лишили православную церковь имущества, официального признания, части духовенства и главы церкви в лице епископа Горазда (Павлика), ставшего одним из символов чешского сопротивления в годы войны. Только в мае 1945 г. с восстановлением независимости Чехословакии и победой над нацистами деятельность церкви возобновилась. Теперь православной церкви было необходимо выбрать дальнейший путь развития и восстановить утраченное влияние в чехословацком обществе. Первым шагом на пути к возрождению стало объединение Чешской православной церкви с Московским патриархатом [1; 2].

К моменту освобождения Праги на территории Чехословакии сохранялось две епархии — Чешская и Мукачево-Прешовская, находившиеся в юрисдикции Сербской православной церкви. Преимущественно в Закарпатье и Восточной Словакии действовала немногочисленная архиепископия Константинопольского патриархата возглавляемая Пражским архиепископом Савватием (Врабецем). После того как территории Закарпатья оказались в составе СССР, местные православные церкви постепенно стали переходить в состав Русской Православной Церкви (РПЦ) и уже 22 октября 1945 г. состоялось заседание Священного Синода РПЦ где Мукачевский епископ Владимир (Раич) зачитал письмо главы Священного Синода Сербской Православной Церкви (СПЦ) митрополита Иосифа (Цвиевича), в котором последний сообщал решение Синода о передаче Мукачевско-Пряшевской епархии в ведение РПЦ [3, с. 145]. В составе Чехословацкой Православной Церкви (ЧПЦ) оставались церкви Прешовской епархии на словацкой территории.

Мукачево-Пряшевская епархия начала вести переговоры с РПЦ еще в декабре 1944 г., но Чешская епархия попыталась восстановить утраченные взаимоотношения с СПЦ. Чешское духовенство понимало свою потребность в епископе и материальном обеспечении для возрождения полноценной деятельности православной церкви. С этой целью ЧПЦ 2 июня 1945 г. направила письмо в адрес Священного Синода СПЦ. Неутешительное письмо с ответом чешская сторона получилась спустя месяц. Сербская сторона выразила искренние переживания за братскую церковь, но отметила, что ввиду собственного тяжелого послевоенного положения ничем помочь не сможет. В августе СПЦ все же попыталась отправить нескольких архиереев в Прагу, однако, отправляя письма в Министерство иностранных дел Чехословакии, никакой обратной связи не получала [4, с. 203].

Стало понятно, что вопрос о переходе чехословацких церквей под контроль московского патриархата требует незамедлительного решения. Архиепископ Орловский и Брянский Фотий в докладе о командировке в Прагу в октябре 1945 г. заверял о серьезном намерении чешской стороны объединиться с русской церковью: «Чешская православная церковь, находящаяся пока в сербской юрисдикции и не имеющая своего епископа, проявляет большое желание перейти в юрисдикцию Московской патриархии (имеет 14 приходов). Вопрос несколько осложняется тем, что некоторые члены Епархиального совета (в особенности уполномоченный мирянин Б. Л. Черкес) настойчиво выдвигают идею, едва ли не требование, автокефалии Чешской православной церкви» [5, с. 222]. Уже 8 ноября 1945 г. на епархиальном собрании в г. Оломоуце большинством голосов было принято решение о том, что ЧПЦ необходимо отказаться от

покровительства СПЦ и перейти в юрисдикцию РПЦ. Из письма 7 декабря 1945 г. Г. Г. Карпова заведующему IV Европейского отделения Народного комиссариата иностранных дел Советского Союза А. П. Павлову об условиях перехода Чешской православной епархии в юрисдикцию Московской патриархии ясно видно важное условие присоединения церкви по мнению патриарха Московского и Всея Руси Алексия: «присоединение может быть проведено только при наличии согласия на это со стороны Сербской церкви» [5, с. 230].

10 января делегация ЧПЦ во главе с администратором Чешской епархии Честмиром Крачмаром прибыла в Москву, чтобы лично просить патриарха Алексия о принятии ЧПЦ под высокую руку Патриарха Московского и Всея Руси [6]. 11 января прошло первое заседание по вопросу принятия ЧПЦ в состав Московского Патриархата, на котором было зачитано письмо Священного Синода СПЦ, полученное в ответ на решения Епархиального собрания 8 ноября. Несмотря на то, что сербская сторона высказала ряд возражений против решения указанного собрания, Святейший Патриарх все же дал предварительное согласие на принятие ЧПЦ в юрисдикцию РПЦ, но русская сторона обязалась провести дополнительные переговоры с СПЦ. 14 января Патриарх Московский и Всея Руси Алексий подписал «Определение об условиях приема Чешской Православной Церкви в состав Московской Патриархии» и 5 февраля оно уже приняло каноническую силу [4, с. 207].

Следующим этапом в процессе переговоров стал приезд епископа Кировоградского Сергия и секретаря патриарха Л. Н. Парийского в Белград для получения одобрения митрополита Иосифа о переходе Чешской церкви в состав Московского патриархата. Из доклада 1 апреля 1946 г. епископа Кировоградского Сергия Г. Г. Карпову о пребывании в Югославии сообщается о неодобрительном отношении митрополита Иосифа к происходящему: «на аэродроме мы были встречены только секретарем советского посольства М. В. Жуковым, от Сербской патриархии никого не было. Митрополит Иосиф не пожелал никого послать, чтобы нас встретить. От тов. Жукова мы узнали о решении сербского Синода по чешскому вопросу и о приготовленном для нас меморандуме, доказывающем „научно-каноническую невозможность“ передачи Чешской церкви в русскую юрисдикцию». На встрече 27 февраля митрополит Иосиф уже лично высказал коллективное негодование Синода по данному вопросу: «Оломоуцкое постановление от 8 ноября 1945 г. Синод считает незаконным, ибо на собрании не было ни одного епископа, и чехи предварительно не обращались к Сербской церкви-Матери, а поехали прямо в Москву» [5, с. 262–263]. Происходящая ситуация была воспринята сербской стороной

очень болезненно, митрополит Иосиф позволил себе сказать, что патриарх Алексий и Русская церковь в целом нанесли пощечину братской Сербской церкви за все их доброе отношение к русским [5, с. 261]. Уточняет ситуацию письмо С. К. Белышева А. П. Павлову с просьбой о содействии в переговорах со Св. Синодом Сербской православной церкви относительно перехода Чешской православной церкви в юрисдикцию Московской патриархии 5 марта 1946 г., где добавляются новые подробности позиции митрополита Иосифа: «В настоящее время глава Сербской церкви митрополит Иосиф не дает согласия на передачу ЧПЦ на том основании, что ему не известно по этому вопросу мнение чехословацкого правительства… Но в числе делегации на Епархиальном собрании был товарищ министра просвещения, ведающий церковными делами, доктор К. Чермак, который от лица чехословацкого правительства поддерживал это ходатайство. Посол Чехословакии в СССР г-н Горак также поддержал данное ходатайство. Совет по делам РПЦ при СНК СССР просит Вас или по договоренности с послом г-ном Горак, или через тов. Зорина от имени чехословацкого правительства сделать представление Синоду СПЦ о своем согласии на передачу ЧПЦ в ведение Московской патриархии» [5, с. 260]. Согласно этому же документу, 19 марта митрополита Иосифа посетил чехословацкий поверенный в делах Г. Карпичек и вербальной нотой изложил точку зрения чехословацкого правительства на вопрос о перемене юрисдикции ЧПЦ. Как стало известно, митрополит Иосиф ответил очень сухо, почти грубо. В тот же день митрополит Иосиф устно сообщил епископу Сергию, что вопрос о передаче Чешской церкви в русскую юрисдикцию разрешен благожелательно. 23 марта митрополит Иосиф вручил епископу Сергию постановление Св. Синода о передаче Чехословацкой церкви Прешовской епархии Московской патриархии [5, с. 265]. 31 августа 1946 г. прошло очередное епархиальное собрание в г. Оломоуце, где был избран новый архиерей Чешской епархии епископ Елевферий (Воронцов). Так, с 1946 г. Чешская православная епархия фактически перешла в юрисдикцию Московской Патриархии. Окончательным решением юрисдикционного вопроса можно считать определение Священного Синода СПЦ от 15 мая 1948 г., в котором было однозначно сказано о переходе ЧПЦ в подчинение РПЦ [4, с. 209].

С одной стороны вопрос учреждения Московского патриархата один из важнейших факторов в конфессиональной истории Чехословацкой республики, показывающий влияние церкви на социально-политическую жизнь государства и взаимодействие ЧПЦ с другими церковными институтами. Но в то же время ситуация в Чехословакии отражает столкновение традиций западной и восточной культур в религиозной жизни. Как замечает член Епархиального управления Борис Леонтьевич Черкес:

«Чехословацкая церковь жила первые 20 лет своего существованья только с традицией чешского писателя Гавличка-Боровского и президента Масарика. Но чешский народ после пережитой войны и немецкого ига постепенно отходит от идеалов „Запада“ и народ переходит на линию „славянской“ политики» [5, с. 324]. В этом плане церковная сторона жизни Чехословакии стала олицетворением «идеологии славянского мира». При том, что послевоенное развитие стран центрально-европейского региона было наполнено попытками народов сохранить принадлежность к западному миру [7, с. 176]. В подтверждение приводится доклад экзарха Московской патриархии епископа Ростовского и Таганрогского Елевферия (Воронцова) о состоянии православной церкви в Чехословакии спустя месяц его пребывания в Праге уже в качестве епархиального архиерея: «Как приходилось наблюдать за время моего пребывания в Праге, между чешскими и русскими приходами и духовенством нет искреннего единства. Нет внутреннего единения. Русские избегают ходить в чешский храм, считая, что там не изжит дух католицизма или, вернее, протестантизма; а чехи не ходят в русских храм потому, что, по их мнению, там много лишнего, совсем ненужного. Русские косо поглядывают на того, кто ходит в чешскую церковь и наоборот. Чешское духовенство с неудовольствием допускают у себя служить русского священника, страшно боясь, что он нарушит их церковный обычай и „введет здесь русский обычай“» [5, с. 311]. Перед епископом Елевферием стояло множество политических задач, для разрешения которых и был так оперативно создан экзархат. Православная церковь столкнулась с «засильем католиков повсюду», в связи с этим нужно было активно действовать. В рамках православной церкви епископ Елевферий поставил целью установление ежедневного богослужения и учреждение в Словакии типографии для напечатания религиозных книг и брошюр [5, с. 315–317]. Но основным вектором деятельности ЧПЦ было максимальное укрепление православия за счет привлечения на свою сторону униатов и других немногочисленных поместных церквей, которые бы усилили борьбу ЧПЦ против католической церкви. Об этом свидетельствуют записи сотрудника Совета по делам РПЦ Н. И. Блинова о пребывании Г. Г. Карпова в Чехословакии: «Необходимо использовать компартию для повышения роли православной церкви, а также для разложения Национальной чешской церкви, во главе которой стояли коммунисты, и перевода ее в православие. А также воспользоваться недовольством униатов переходом к новому стилю для разложения униатской церкви и перевода ее в православие» [5, с. 288]. Результативно затронули православные и старокатолическую церковь, о чем сообщает Борис Черкес в письме о конфессиональной обстановке в стране 17 июля 1946 г.: «несколько дней

тому назад умер епископ старокатолической церкви Пашек. Эта церковь незначительна по количеству священников и верующих, но нам во что бы то ни стало нужно всех перевести в православие. Примерно 6 месяцев тому назад к нам перешло уже около 250 людей. Начинаем работать по вербовке священников, а потом автоматически перейдут и верующие» [5, с. 325]. Проведение мероприятий данного характера способствовало главной цели по укреплению позиций православной церкви в Чехословакии и активизации борьбы с католиками и греко-католиками [5, с. 340].

Таким образом, переход Чешской православной церкви в юрисдикцию Московского патриархата произошел в относительно короткие сроки и ознаменовал возобновление былой мощи православной церкви на чешских землях путем борьбы с другими христианскими конфессиями за первенство в общественно-политической жизни Чехословакии. Утверждение Экзархата Московской Патриархии значительно укрепило и улучшило состояние поместной православной церкви, несмотря на отсутствие подходящих условий внутри государства.

Библиографические ссылки

1. *Волокитина Т. В.*, *Мурашко Г. П.*, *Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX в. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.

2. *Новак Г.* Православная церковь в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 9. URL: http://www.jmp.ru/a1943/y_pdf.php?y=61 (дата обращения: 10.03.2025).

3. *Данилец Ю.* «Поездка делегации Мукачевско-Пряшевской православной епархии в Москву и канонический переход в состав РПЦ (на материалах ГАРФ)» // Rocznik Teologiczny 1:131–150. URL: https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=585410 (дата обращения: 05.03.2025).

4. *Бурега В. В.* Чехословацкая Православная Церковь: путь к автокефалии. 1945–1951 / Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М., 2003. С. 200–219.

5. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1: 1944–1948 гг. 887 с.

6. О пребывании в Москве Чешской делегации // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 1. URL: http://archive.e-vestnik.ru/page/index/ 19460115.html (дата обращения: 10.03.2025).

7. *Кундера М.* Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1985. № 11–12. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/26065-40-milan-kundera-tragediya-centralnoy-evropy (дата обращения: 01.03.2025).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ПОХОДА КРАСНОЙ АРМИИ ОСЕНЬЮ 1939 г.

К. А. Платонов

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kirylplatonau@gmail.com

В статье представлен анализ общественных настроений населения Западной Беларуси в период освободительного похода Красной Армии. Выявлены факторы, оказывавшие влияние на них в преддверии осенней кампании 1939 г. Рассмотрены действия советского руководства по обеспечению эффективной пропагандистской работы среди местных жителей.

Ключевые слова: советская пропаганда; общественные настроения; Красная Армия, освободительный поход; средства массовой информации.

PUBLIC SENTIMENTS IN WESTERN BELARUS DURING THE LIBERATION CAMPAIGN OF THE RED ARMY IN THE AUTUMN OF 1939

K. A. Platonov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kirylplatonau@gmail.com

The article presents an analysis of the public sentiments of the population of Western Belarus during the liberation campaign of the Red Army. It is dealt with the factors that influenced them in the run-up to the 1939 autumn campaign. The author examines the actions of the soviet leadership to ensure effective propaganda work among local residents.

Keywords: soviet propaganda; public sentiment; Red Army, liberation campaign; mass media.

Осень 1939 г. стала переломным периодом в истории белорусской государственности. В условиях обострения международной обстановки, связанной с началом Второй мировой войны и разрушением Польского государства, Красная Армия начала освободительный поход в Западную Беларусь. Состоялся акт исторической справедливости: воссоединение белорусского народа. Данное событие вызвало широкий резонанс среди различных слоев населения региона. Однако общественные настроения в этот период были далеко не однозначными и определялись множеством факторов.

Актуальность исследования общественных настроений населения Западной Беларуси в период освободительного похода Красной Армии осенью 1939 г. заключается в том, что они отражают социальную историю

предвоенного времени, демонстрируя отношения местных жителей к историческому событию, а также влияние идеологии, пропаганды и культуры на их сознание и поведение.

На общественные настроения населения Западной Беларуси к концу 1930-х гг. оказывал влияние целый ряд социально-экономических и общественно-политических факторов. Во многом они зависели от того, какую позицию по отношению к той или иной социальной, этнической, религиозной группе занимало польское руководство. Суть внутренней политики властей Второй Речи Посполитой на данной территории можно определить кратко, но точно, «как Польша для поляков». По отношению к национальным меньшинствам попирались не только статьи Рижского мирного договора, но и положения Версальского трактата, статьи польской Конституции. В стране проводилась последовательная, наступательная и бескомпромиссная ассимиляция, которая осуществлялась методами экономической, политической, идеологической и культурной дискриминации национальных меньшинств [1, с. 29]. В этой связи закономерным является тот факт, что, несмотря на польскую антисоветскую пропаганду, значительная часть белорусов связывала свои надежды с Советским Союзом [2, с. 217]. Примечательно следующее воспоминание очевидца: «Пан… расказваў, што ў СССР народ кепска жыве, галадае, многіх у лагер камуністы пасадзілі і расстралялі. Але пры гэтым гаварыў: „Вы ж мне ўсё адно не верыце“. І праўда, не верылі. Калі бачылі самалёты, то думалі, што савецкія і гаварылі: „Нашы ляцяць“» [3, с. 190–191].

Вторая половина 1930-х гг. в Польше характеризовалась ростом антисемитских настроений. Усилились голоса тех политических сил, которые выступали за депортацию из страны еврейского населения. В этот период появляются новые законы, ограничивающие его права. Первым стал закон об убое скота 1936 г., суть которого в том числе состояла в вытеснении евреев с мясного рынка. Он под предлогом гуманного отношения к скоту лишал работы десятки тысяч людей, а общины — одного из основных источников дохода. Закон об адвокатуре 1938 г. лишил возможности представителей еврейской национальности устраиваться на работу в данной сфере. На местном уровне также вводились ограничения. Так, некоторые городские советы начали проводить ярмарки за городом, потому что на городских рынках находились еврейские магазины, переносить торговые дни на субботу и т. п. Эти и многие другие дискриминационные меры вызывали недовольство и чувство неуверенности в личной безопасности [4, с. 111–115].

Настроения недовольных польской властью групп на территории Западной Беларуси в довоенные годы во многом подогревались пропагандистской деятельностью КПЗБ. Листовки с изображением улыбающихся

жителей Восточной Беларуси, рассказы о счастливой жизни по ту сторону границы сыграли далеко не последнюю роль в формировании массового сознания. Немаловажное значение в сентябре 1939 г. имел и факт реальной опасности со стороны нацистской Германии, желание с помощью Красной Армии избежать войны и немецкой оккупации [5, с. 172–173].

Начало военных действий обострил комплекс противоречий, вызванных откровенными ошибками во внутренней политике межвоенной Польши. Через спецслужбы в Москву стали поступать данные о нарастающем напряжении среди местного населения на территории Западной Беларуси. НКВД БССР и НКВД СССР 12 сентября 1939 г. докладывали, что настроение белорусов и «батрацко-бедняцкой части польского населения» характеризовалось выражением симпатий к Советскому Союзу, нежеланием служить, воевать, стремлением сдачи в плен. Указывалось на готовность части населения бежать в СССР, однако от данного шага воздерживались из-за распространившихся слухов о возвращении бежавших обратно в Польшу. В сообщении утверждалось, что поляки усиленно скрывают от населения информацию о своих поражениях на польско-немецком фронте, «применяют репрессии, усилили режим» [6, с. 74–75].

Переход Красной Армией польско-советской границы 17 сентября 1939 г. был встречен подавляющим числом белорусского населения с чувством надежды и радости. Новость об этом достаточно быстро распространилась по городам и местечкам. Тайно готовились красные флаги и банты, собирались цветы. Из-за недостатка материи использовались красные платки, наволочки и государственные польские флаги, от которых отрывали белые полосы. Из отдаленных хуторов и деревень крестьяне приходили в крупные населенные пункты, чтобы увидеть Красную Армию. Организованные встречи красноармейцев зачастую превращались в стихийные митинги [7, л. 701]. Характерно высказывание белорусской крестьянки на одном из них: «Я рада до слез, что к нам пришли товарищи. Пропадом пропадите паны, мы тоже хотим жить как люди» [8, л. 229].

Старшее поколение отчасти идеализировало всех русских (разницы между понятиями «русские» и «советские» для жителей Западной Беларуси практически не было), исходя из собственного опыта: в годы Первой мировой войны многие белорусы-беженцы оказались на российской территории и с благодарностью говорили об оказанной в те годы помощи. Это отношение к «русским» отчасти восприняли представители младших поколений [9, с. 103–104].

Симпатии к Советскому Союзу значительной части еврейского населения также проявились в организации праздничных встреч частей РККА. Евреи м. Ружан восприняли день вступления советских войск в местечко

как религиозный праздник и приветствовали друг друга словами: «Мазл тов!». В Новогрудке еврейская молодёжь и дети собрались на улице, восторгаясь советскими войсками, их вооружением и танками. В некоторых районах активную помощь Красной Армии оказывали смешанные еврейско-белорусские партизанские отряды, проводившие диверсионные акты на железной дороге и действовавшие в тылах польской армии. Наиболее известным примером попытки захвата власти посредством восстания являются события, происходившие в м. Скидель [10, с. 92–95].

Большое влияние на общественные настояния оказывало масштабное информационное сопровождение освободительного похода Красной Армии. Главная роль в налаживании эффективной системы советской пропаганды на территории Западной Беларуси в этот период принадлежала военным структурам. В директивах Политуправления Белорусского фронта указывалось на исключительное значение их работы с населением. Полагалось организовать систематическое разъяснение среди местных жителей политики СССР, роли и задач РККА. Для достижения поставленных целей выделялись наиболее подготовленные агитаторы и пропагандисты. Тематика их докладов в основном была схожей:

1. Внешняя политика СССР.
2. Кого освобождает РККА в Западной Белоруссии и Западной Украине.
3. Национальная политика СССР.
4. Национальный и социальный гнет в бывшей Польше.
5. Зверская эксплуатация рабочего класса польскими помещиками и капиталистами.
6. Помещичье-полицейский гнет над крестьянством в бывшей панской Польше.
7. Положение трудящихся молодежи и женщин в бывшей панской Польше.
8. Положение интеллигенции в бывшей панской Польше.

Агитационно-пропагандистскую деятельность выстраивалась дифференцированно: среди рабочих, крестьян, интеллигенции, молодежи, женщин. Особое внимание лекторы при проведении политмассовых мероприятий должны были уделять разъяснению советской национальной политики и задач ликвидации национальной розни, объясняя межэтнические конфликты на территории Западной Беларуси результатом деятельности «польских панов и капиталистов», которые таким образом стремились укрепить свое господство [11, л. 80–81].

Дефицит информации о Советском Союзе, ситуации в регионе, а также беспокойство за свое будущее порождали массу вопросов у местного населения к красноармейцам: как живут народы СССР, какие порядки будут

в Западной Беларуси, будет ли повышение заработной платы рабочим и служащим, будет ли дана работа безработным, будет ли выдаваться инвалидам и нетрудоспособным пенсия, будет ли в продаже белый хлеб, будут ли даны дома вместо разрушенных, можно ли перевести родственников с территории занятой немцами и можно ли поехать за ними самим, можно ли поехать работать в СССР и т. д. [8, л. 69, 84].

Мобилизованные в ряды польской армии жители Западной Беларуси составляли 9,5 % от всего числа польских военнослужащих. В результате боевых действий на польско-германской фронте в немецкий плен попало до 70 тыс. бойцов, назвавших себя белорусами [12, с. 15]. Переживание и беспокойство за их судьбу отразилось в общественном дискурсе того периода. В Молодечно во время беседы с представителями Красной Армии одна из присутствовавших женщин заявила: «Почему вы раньше не пришли нас освободить, наши мужья были бы целы, а то сейчас поляки угнали их на германский фронт» [13, л. 98].

Предшествующие годы дискриминации по национальному и религиозному принципу, нестабильность военного времени, а также зачастую агрессивная советская пропаганда обострили межэтнический конфликт в регионе. В деревне Бородин отдельные крестьяне стали говорить полякам: «Освобождение должно быть только для Белоруссов». Усилились также антисемитские настроения. В деревне Цирын политруками было записано следующее высказывание местного жителя: «Евреи такой народ, который трудится не любит, старается пристроится на легкую работу или заняться торговлей, на земле они как правило не работают» [14, л. 57]. Особенно сильно враждебность к евреям проявилась в среде польского населения. Его патриотически настроенная часть восприняла прокоммунистическую ориентацию евреев как предательство по отношению к польскому национальному государству [10, с. 95]. Следует отметить, что в условиях вакуума власти по некоторым населенным пунктам Западной Беларуси прокатились антиеврейские погромы [15, л. 61].

Пропольски ориентированные жители воспринимали советские действия как нарушение суверенитета и интервенцию. 25 сентября 1939 г. П. К. Пономаренко в письме И. В. Сталину отмечал то, что за г. Белостоком местное население встречало советские войска сдержаннее. В нем секретарь ЦК КП(б)Б указывал на более сложную обстановку, чем в местностях, где проживало не подавляющее число белорусов: русский язык знали меньше, чаще раздавались выстрелы «из-за угла, из лесу» по красноармейцам, командирам, в городах действовали ППС и «рабочие пепеэсовцы» [16, с. 173]. 7 октября в Вильно состоялся митинг, на котором присутствовало более 30 000 человек. Политмассовое мероприятие, как

указывалось в оперативной сводке НКВД от 9 октября, в целом прошло с большим подъемом при активном участии присутствовавших. В то же время «отдельные группки реакционно-настроенных польских патриотов» обособлялись на митинге и высказывали антисоветские взгляды. Так, например, служащий Виленской почты, поляк, Вячеслав Адамович заявил: «Большевики пришли в Польшу русифицировать поляков, теперь не издают газет на польском языке, а присылают их на русском языке. В Вильно издают только белорусскую газету, которую нет никакого интереса читать. В Вильно проживают около 80 % поляков и все поляки будут теперь требовать себе автономию» [17, л. 18].

В аграрном регионе, каковым являлась Западная Беларусь, важным объектом приложения пропагандистских усилий стала конфискация помещичьей земли и распределение ее «между трудовым крестьянством», что, естественно, вызвало у последнего волну энтузиазма [18, с. 352]. Помимо организованных захватов земель и усадеб помещиков фиксировалась масса случаев разграбления имущества, парубки лесов. В политдонесениях указывалось, что на разъяснения не трогать кулаков крестьяне-бедняки и середняки не обращают внимания, а «осадчих пачками расстреливают» [8, л. 49]. Одновременно с этим отмечались случаи, когда крестьяне отказывались делить помещичью землю, заявляя о том, что «он [пан] для нас был хороший». Имелись факты, когда помещики, сами раздавали бедноте часть своего имущества [19, л. 178].

Еще одним важным фактором, иллюстрирующим общественные настроения в регионе, стало восприятие образа солдат РККА. Внешний вид красноармейцев произвел на местное население Западной Беларуси неоднозначное впечатление. Просоветски настроенные жители надеялись увидеть хорошо экипированных и дисциплинированных солдат сильной державы, что не всегда соответствовало действительности в полной мере. С одной стороны, встречались положительные отзывы. Так, например, лесничий Кунцевич заявил: «Много видел и знаю старую армию России, польскую, немецкую, а такой высокой культуры и дисциплинированности еще не видел. У вас боец разбирается в больших вопросах, его не застанешь врасплох. Я уже три дня встречаюсь с ними, поражает их вежливое обращение: мата, как это было в русской армии, я не слышал» [14, л. 149].

Отрицательное влияние на общественные настроения в регионе оказывало так называемое «барахольство». Закупка красноармейцами промышленных товаров в чрезмерных объемах шла вразрез с пропагандистскими нарративами, которые должны были транслировать сами солдаты. Кроме

того, вследствие данных действий происходило значительное повышение цен, которое приводило к «снижению жизненного уровня трудящегося населения и создавало у них нездоровые настроения» [11, л. 85].

Осень 1939 г. стала судьбоносным периодом для Западной Беларуси, определившим дальнейший путь её развития в составе СССР. Освободительный поход Красной Армии был воспринят большей частью населения региона положительно. Учитывая дискриминационное положение белорусов и евреев в межвоенной Польше, именно эти две этнические группы воспринимали происходящие события не только с большой степенью лояльности, но и активного участия. Многие из них надеялись на будущее изменения своего положения. Большое влияние на общественные настроения оказывала развернутая советским руководством широкая информационно-пропагандистская кампания.

Библиографические ссылки

1. *Данилович В. В.*, *Солопова О. В.* Воссоединение западнобелорусских земель с БССР в 1939 г.: политический контекст и историческая обусловленность // Человеческий капитал. 2024. № 11. С. 26–40.
2. Гарт: З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў (Глыбокае, Паставы, 1945–1947 г.) / пад рэд. Г. Кірылава. Мінск: Наша Ніва, 1997.
3. У новай айчыне: штодзённае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд // пад рэд. В. Луба. Беласток: Праграмная рада Тыднёвіка «Ніва», 2001.
4. *Рудницкий Ш.* Евреи Второй Речи Посполитой: 1918–1939 // Judaic-Slavic Journal. 2020. № 1(3). С. 97–130.
5. *Бригадина О. В.* События сентября 1939 г. в восприятии жителей Западной Беларуси // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., 17–18 верас. 1999 г. Мінск. С. 169–175.
6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 1. Кн. 1. М.: АО «Книга и бизнес», 1995.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 505.
8. РГВА. Ф. 9. Оп. 36, т. 2. Д. 3358 (ч. 2).
9. *Еленская И. Э.* События 1939–1941 годов в западных областях Белоруссии: устная история // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 107–120.
10. *Розенблат Е. С.* Евреи в системе межнациональных отношений в западных областях Беларуси. 1939–1941 гг. // Беларускі гістарычны зборнік. 2000. № 13. С. 89–104.
11. РГВА. Ф. 9. Оп. 36, т. 2. Д. 3406.
12. *Грыбоўскі Ю. В.*, *Козак К. І.* Забытыя жаўнеры Польскага войска ў часы Другой сусветнай вайны: матэрыялы і ўспаміны. Мінск: [б. в.], 2003.
13. РГВА. Ф. 9. Оп. 36, т. 2. Д. 3574.
14. РГВА. Ф. 9. Оп. 36, т. 2. Д. 3575 (ч. 1).
15. *Карпенкина Я. В.* Советизация еврейского населения Западной Белоруссии (1939–1941): дис. … канд. ист. наук: 09.00.02. Москва, 2018.

16. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: зб. арт. / пад агул. рэд. М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі. Минск: БелЭн, 1999.

17. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. О. 1. Д. 14616.

18. *Максименко Е. П.* Пропагандистское воздействие на население Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 годах // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления: сб. ст. Москва, 2011.

19. РГВА. Ф. 9. Оп. 36, т. 2. Д. 3575 (ч. 2).

ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ БДУ НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ «ЗА ЛЕНІНСКІЯ КАДРЫ» 1939–1941 гг.

Ц. С. Савасцюк

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, tim2006ox@gmail.com

У артыкуле аналізуецца адлюстраванне жыцця і дзейнасці гістарычнага факультэта БДУ на старонках газеты «За ленінскія кадры» за 1939–1941 гг. Разглядаюцца публікацыі, прысвечаныя выкладчыкам і студэнтам факультэта, іх поглядам, акадэмічнай дзейнасці і ідэалагічнай пазіцыі. Асаблівая ўвага надаецца рыторыцы газетных матэрыялаў, якія адлюстроўваюць асноўныя каштоўнасныя арыентацыі савецкай вышэйшай школы напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны. Аналізуюцца пытанні ідэалагічнага кантролю, фарміравання «савецкага гісторыка» і ўплыву дзяржаўнай палітыкі на адукацыйны працэс.

Ключавыя словы: «За ленінскія кадры»; гістарычны факультэт; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; перадваенныя часы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗА ЛЕНИНСКИЕ КАДРЫ» 1939–1941 гг.

Т. С. Совастюк

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, tim2006ox@gmail.com

В статье анализируется освещение жизни и деятельности исторического факультета Белорусского государственного университета на страницах газеты «За ленинские кадры» за 1939–1941 гг. Рассматриваются публикации, посвященные преподавателям и студентам факультета, их взглядам, научной деятельности, идеологическим позициям. Особое внимание уделено риторике газетных материалов, отражающих основные ценностные ориентации советской высшей школы накануне Великой Отечественной войны. Анализируются вопросы идеологического контроля, формирования «советского историка» и влияния государственной политики на образовательный процесс.

Ключевые слова: «За ленинские кадры»; исторический факультет; Белорусский государственный университет; предвоенное время.

HISTORICAL FACULTY OF BSU ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER “FOR LENIN'S CADRES” 1939–1941

T. S. Sovastyuk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, tim2006ox@gmail.com

The article analyzes the depiction of the life and activities of the History Faculty of the Belarusian State University in the pages of the newspaper “For Leninist Cadres” for 1939–1941. The publications devoted to the faculty’s teachers and students, their views, academic activities and ideological positions are considered. Special attention is paid to the rhetoric of

newspaper materials reflecting the main value orientations of Soviet higher education on the eve of the Great Patriotic War. The issues of ideological control, the formation of the "Soviet historia" and the influence of state policy on the educational process are analyzed.

Keywords: "For Lenin's Cadres"; Faculty of History; Belarusian State University; pre-war times.

Шматтыражныя газеты з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння гісторыі беларускай савецкай вышэйшай адукацыі. Гістарычны факультэт, з'яўляючыся часткай БДУ, адыгрываў актыўную ролю ў фарміраванні інфармацыйнай прасторы ўніверсітэта, што падрыхтавала глебу для выдання ў 1929 г. шматтыражнай універсітэцкай газеты, назва якой да 1941 г. змянялася: «Ленінскім шляхам», «За пролетарские кадры», «За ленінскія кадры» [1, с. 227]. Аналіз гэтых выданняў дазваляе папоўніць новымі дадзенымі гісторыю факультэта, зразумець тэндэнцыі савецкай адукацыйнай палітыкі, ідэалагічныя настроі і асноўныя недахопы напярэдадні вайны.

На момант пачатку 1939 г. гістарычны факультэт, які пачаў свой ужо 5 год дзейнасці, не быў поўнасцю забяспечаны ў сваіх патрабаваннях. Адзін з аўтараў шматтыражкі пісаў, што «Гістфак, які налічвае каля 300 студэнтаў і мае 12 вучэбных груп, вымушан займацца толькі ў трох аўдыторыях». Не гледзячы на гэта, прафесарска-выкладчыцкі склад, супрацоўнікі і студэнты шчыра верылі ў тагачасныя ідэалы і шмат рабілі на карысць універсітэта. Аб настроі, які быў характэрны для калектыву факультэта, распавядаецца ў артыкуле «Наш універсітэт» за аўтарствам прафесара, акадэміка АН БССР Уладзіміра Мікалаевіча Перцава [2]. Аналізуючы газетныя тэксты, зразумела, немагчыма не прымаць да ўвагі нядаўнія жудасныя рэпрэсіі, якія скасавалі вялікую колькасць універсітэцкіх кадраў, што значна прыпыніла развіццё БДУ, у тым ліку і яго гістфака. Ідэялагічны кантроль і палітычная агітацыя прысутнічалі амаль што ў кожнай публікацыі прагледжаных нумароў. А з нумара ў нумар падаваліся артыкулы агульнатэарэтычнага характару. Напрыклад, тагачасны загадчык кафедры асноў марксізма-ленінізма І. С. Чымбург, актыўны навуковец (гісторык і філосаф), нядаўні дэкан гістарычнага факультэта і ў будучым рэктар БДУ [3, с. 109, 111] у перадваенныя гады апублікаваў ва ўніверсітэцкай шматтыражцы артыкулы «За большэвіцкае вывучэнне марксісцка-ленінскай тэорыі», «Роль лічнасці ў гісторыі» і інш. [4].

У публікацыях газеты можна заўважыць некаторыя заканамернасці і абавязковыя элементы пры асвятленні як унутранага жыцця ўніверсітэта, так і ўсёй краіны. Напрыклад, друкаваліся справаздачы дэкана па выніках сесій, выходзілі спецыяльныя нумары, што былі адрасаваны выключна абітурыентам. Дарэчы, яны дасылаліся і ў саюзныя рэспублікі з-за зацікаўленасці там Беларускім універсітэтам.

На старонках газеты нярэдкімі былі крытычныя публікацыі. Студэнты выказвалі незадавальненне адсутнасцю падручнікаў, недахопам аўдыторый, а нават крытыкавалі сваіх выкладчыкаў. Так, ананімны першакурснік напісаў невялікі артыкул, у якім выказаў незадавальненне дзеяннямі дэкана А. П. П'янкова: маўляў, не дае студэнтам заўсёды зайсці на пару яшчэ на перапынку, а сам скончвае лекцыі не па званку. Аўтар задае пытанне: «хто даў права тав. Пьянкову злоўжываць совецкім законам?» [4]. Абсалютна крытычны змест меў артыкул пад характэрнай назвай «На гістфаке аб выпускніках не клапоцяцца» [5]. У артыкуле «На справаздачна-выбарчым сходзе» за аўтарствам К. І. Шабуні выказаны думкі аб прычынах нізкай студэнцкай дысцыпліны, не адпаведнай арганізаванасці кафедр, даецца крытыка ўзроўню кантролю за ўсім гэтым з боку партбюро факультэта [6].

Універсітэцкая газета абавязкова распавядала на сваіх старонках пра навукова-даследчую дзейнасць студэнтаў і выкладчыкаў. Адной з яе формаў быў конкурс даследчых студэнцкіх прац. У якасці ўзнагарод навучэнцы маглі стаць сталінскімі стыпендыятамі, атрымаць іншыя каштоўныя прэферэнцыі [7]. На факультэце праходзілі спецыяльныя канферэнцыі для студэнтаў. Напрыклад, адна з іх у 1939 г. была прысвечана вывучэнню прац Леніна і Сталіна [8]. Праводзіліся сумесныя навуковыя мерапрыемствы, як, напрыклад, канферэнцыя гістарычнага і філалагічнага факультэтаў па ўсебаковаму разгляду працы У. Леніна «Дзяржава і рэвалюцыя». Па яе выніках былі адзначаны не зусім прыймальныя веды выступаўшых у галіне ідэялогіі (акрамя выкладчыка Старжынокава), што патрабавала ўзмацнення самастойнага вывучэння марксізма-ленінізма, каб адпавядаць патрабаванням, якія прад'яўляліся да вучоных і выкладчыкаў, што працуюць з моладдзю [9].

У газеце асобнае месца займалі артыкулы сталых гісторыкаў. Так, Д. А. Дудкоў у артыкуле «Да гадавіны вызвалення Заходняй Беларусі» каротка падаў гісторыю жорсткага панавання палякаў у Беларусі, распавядаў пра ролю Сталіна, які ажыццявіў вызваленне беларускага народа ад засілля Польшчы, якую назваў увогуле штучнай дзяржвай [10]. Лёсавызначальная для беларускага народа і яго гісторыі падзея 17 верасня 1939 г. не засталася без увагі газеты. Дэкан гістарычнага факультэта А. П. П'янкоў узгадаў выступ па радыё старшыні СНК СССР і наркама замежных спраў В. М. Молатава. Ён адзначыў, што калектыў гістфака з задавальненнем сустрэў вызваленчы паход Чырвонай арміі, а студэнты выказвалі сваю падтрымку яднанню і бачылі ў гэтым злом дзяржавы, якая колькі часу прыгнятала беларусаў [11].

Іншая тэма закранута ў публікацыі акадэміка У. М. Перцава — аўтара артыкула «Кастрычніцкая рэвалюцыя і культура». Гісторык выказаў цікавае меркаванне наконт дэфініцыі тэрміна «культура». Ён піша, што «Пад

культурай наогул разумеецца паляпшэнне з дапамогай чалавечай працы — і разумовай, і фізічнай — умоў жыцця людзей і стварэнне новых сродкаў, з дапамогай якіх можна найлепшым чынам задавальняць нармальныя цатрабаванні чалавека — духоўныя і матэрыяльныя» [12]. На адной з тэарэтычных канферэнцый гістфака па пытаннях філасофіі і марксізма-ленінізма даследаванне «Паход Разіна к Сімбірску» атрымала шмат увагі і падтрымкі ў тым ліку ад дэкана А. П. П'янкова [13]. А яго аўтарам з'яўляўся студэнт Лаўрэн Абецэдарскі, які ў пасляваенныя гады стане адной з самых выбітных асоб беларускай гістарычнай навукі і ўніверсітэцкай адукацыі.

Гартаючы старонкі газеты за 1941 г. можна даведацца, што студэнцкі навуковы гурток на гістфаку напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны налічваў 30 студэнтаў. За першую палову 1941 г. яго ўдзельнікі прачыталі 6 дакладаў. Яго праца падмацоўвалася пастаяннай дапамогай з боку выкладчыкаў факультэта — дэкана А. П. П'янкова, акадэміка У. М. Перцава, дацэнтаў Л. М. Шнеерсона, Д. А. Дудкова і іншых. З ліку многіх газета вызначала тры найбольш добрыя студэнцкія даклады: Абецэдарскага (пра барацьбу беларускага і ўкраінскага народаў супраць Польшчы), Салтанава (пра першую хвалю рэвалюцыйнага настрою пасля рэвалюцыі 1905 г.), Цішкевіча (тэма даклада не пададзена) [14].

У газеце значная частка тэкстаў былі прысвечаны дакладнай асобе. Так, у 1939 г. адзін з нумароў распавядаў аб 35-гадовай навукова-педагагічнай дзейнасці Уладзіміра Мікалаевіча Перцава — аднаго з заснавальнікаў БДУ. Віншаванні і добрыя словы выказалі намеснік рэктара на вучэбнай працы дацэнт гістфака Леў Міхайлавіч Шнеерсон, аспірант Палуйка, шэраг студэнтаў [15]. У іншым нумары газеты У. М. Перцаў, як член дзяржаўнай экзаменацыйнай камісіі гістфака, даў свае каментары пра вопыт правядзення такіх экзаменаў і выказаў думку, што «Студэнты не павінны абмяжоўвацца веданнем тэмы толькі ў агульных рысах. Канкрэтнасць у ведах — гэта асноўнае патрабаванне, якое можна і патрэбна прад'яўляць да гісторыкаў» [16]. Распавядаецца і пра лекцыі самога акадэміка-гісторыка. Іх ацэнкі высокія — лекцыі вельмі якасныя, з прадстаўленнем схем, не «сухія», прыносяць нешта новае і цікавае [17].

У БДУ існаваў свой гісторыка-археалагічны музей, якім з 1938 г. кіраваў дацэнт кафедры гісторыі старажытнага часу і сярэдніх вякоў У. І. Шаўчэнка [18, с. 35]. Газета падае матэрыялы пра гісторыю ўтварэння, папаўнення і развіцця музея з восені 1927 г. (аб гэтым піша яго загадчык У. І. Шаўчэнка) [19]. Музей праводзіў экскурсіі для школьнікаў і студэнтаў, папулярызаваў гісторыю і дапамагаў пашырыць кола ведаў навучэнцаў. У музеі арганізоўваліся тэматычныя выставы (напрыклад, па гісторыі старжытнага Егіпта). Актыўны ўдзел у яго працы і складанні экспазіцыі

прымаў акадэмік М. М. Нікольскі. Музей прымаў новыя экспанаты ад студэнтаў і нават Эрмітажу, далучаў студэнтаў да прагляду савецкіх кінафільмаў [20]. Ужо пад час вайны, калі БДУ ўзнавіў сваю працу на станцыі Сходня пад Масквой, Уладзімір Іванавіч Шаўчэнка выконваў абавязкі загадчыка сваёй кафедры і нават некалькі месяцаў узначальваў гістарычны факультэт [18, с. 35–36].

Асаблівае месца ў штаттыражцы БДУ перадваенных гадоў займае падрыхтоўка да святкавання 20-годдзя БДУ. На працягу шэрагу нумароў пададзены разнастайныя нататкі да юбілею. У апошнім нумары перадваеннай газеты (№ 12 ад 12 чэрвеня 1941 г.) размешчаны план юбілейнай навуковай сесіі БДУ, дзе на 25 і 26 чэрвеня была запланавана дзейнасць гістарычнай секцыі. На ёй 25 чэрвеня адбыліся б выступленні акадэміка У. М. Перцава на тэму «Рэволюцыйныя элементы буржуазнай ідэалогіі ў Германіі ў XVIII стагоддзі», дацэнта І. С. Чымбурга — «Плеханаў у годы сталыпінскай рэакцыі», старшага выкладчыка К. І. Шабуні — «Аграрнае пытанне ў Беларусі напярэдадні рэволюцыі 1905–1907 гг.». На 26 чэрвеня былі запланаваны даклады акадэміка М. М. Нікольскага — «Прыватнае землеўладанне ў старажытным Двурэччы», дацэнта У. І. Шаўчэнкі — «Сялянская міфалогія эпохі крызісаў VIII–VIII і V–IV стст. да н. э. у старажытнай Грэцыі», дацэнта Г. В. Яфімава — «Да гісторыі Сімонасекскага дагавора» [21]. Аднак гэтыя планы парушыла Вялікая Айчынная вайна…

Вераломны напад ворага, нямецка-фашысцкая акупацыя Мінска не толькі адмянілі светкаванне юбілею, але часова прыпынілі дзейнасць БДУ. За 20 гадоў сваёй дзейнасці ўніверсітэт падрыхтаваў звыш 6000 спецыялістаў, а больш за 150 чалавек прайшлі аспірантуру [22, с. 162]. Сам гістарычны факультэт за 1934–1941 гг. выпусціў больш за 100 спецыялістаў (толькі ў 1941 г. планаваўся выпуск 24 гісторыкаў) [23].

Далей наступіць цяжкі час баявых дзеянняў і працы ў тыле, у барацьбе з ворагам загіне шмат выкладчыкаў і студэнтаў. Універсітэт і яго 6 факультэтаў восенню 1943 г. разпачнуць працу пад Масквой, а пасля перамогі вярнуцца ў Мінск. У хуткім часе адновіць сваю дзейнасць і ўніверсітэцкая газета, якая па-ранейшаму будзе шырока асвятляць самыя розныя бакі працы БДУ. Шматлікія нумары, якія захаваліся, сёння можна знайсці ў ацыроўцы. Яны з’яўляецца выдатнай друкаванай крыніцай па гісторыі БДУ, яго факультэтаў, кафедр, а нават і ўсёй Беларусі. Сучасныя даследчыкі могуць прасачыць праз газетныя публікацыі асноўныя падзеі ў жыцці калектыву, характар тагачасных праблем і шляхі іх вырашэння, этапы далейшай інстытуцыяналізацыі БДУ і беларускай вышэйшай адукацыі ў цэлым.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Яноўскі А. А.* Друкаваныя крыніцы па гісторыі Беларускага дзяржаўнага універсітэта 1920–1930-х гг.: стан і асаблівасці // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2002. С. 220–228.
2. За ленінскія кадры. 1939. № 1.
3. *Яноўскі А. А.*, *Зельскі А. Г.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў біяграфіях яго рэктараў, 1921–2001 (80 гадоў). Минск: БДУ, 2001. 319 с.
4. За ленінскія кадры. 1939. № 3–5.
5. За ленінскія кадры. 1939. № 10.
6. За ленінскія кадры. 1940. № 4.
7. За ленінскія кадры. 1941. № 2.
8. За ленінскія кадры. 1939. № 8.
9. За ленінскія кадры. 1941. № 6.
10. За ленінскія кадры. 1940. № 14.
11. За ленінскія кадры. 1940. № 17, 21.
12. За ленінскія кадры. 1940. № 18.
13. За ленінскія кадры. 1941. № 4.
14. За ленінскія кадры. 1941. № 7.
15. За ленінскія кадры. 1939. № 17.
16. За ленінскія кадры. 1941. № 11.
17. За ленінскія кадры. 1941. № 5.
18. *Евтухов И. О.* Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск: БГУ, 2015. 223 с.
19. За ленінскія кадры. 1941. № 3.
20. За ленінскія кадры. 1939. № 13.
21. За ленінскія кадры. 1941. № 12.
22. *Яноўскі А. А.* Універсітэцкія юбілеі — час падвесці вынікі і вызначыць перспектывы (1922–2001) // Роль университетского образования и науки в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. Д. Король (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 156–163.
23. За ленінскія кадры. 1941. № 9–10.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Р. Р. Траскевич

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, Rafael.traskevich@bk.ru

Статья посвящена изменениям во внешней политике Великобритании после окончания Второй мировой войны и начала «холодной» войны. Ближний Восток оставался одним из самых важных регионов с точки зрения национальных интересов Лондона. Набирающий оборот арабо-израильский конфликт, необходимость контроля добычи нефти в регионе, борьба за влияние на Ближнем Востоке — важнейшие направления внешней политики Соединённого Королевства.

Ключевые слова: Великобритания; Ближний Восток; арабо-израильский конфликт; Вторая мировая война.

BRITISH FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST AFTERTHE SECOND WORLD WAR

R. R. Traskevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, Rafael.traskevich@bk.ru

The article is devoted to the changes in British foreign policy after the end of the Second World War and the beginning of the Cold War. The Middle East became one of the most important regions in terms of London's national interests. The growing Arab-Israeli conflict, the need to control oil production in the region, and the struggle for influence in the Middle East are the most important areas of the United Kingdom's foreign policy.

Keywords: Britain; Middle East; Arab-Israeli conflict; World War II.

После окончания Второй мировой войны Британия с каждым годом все больше утрачивала свои позиции на Ближнем Востоке в связи с сильными экономическими потерями во Второй мировой войне, а также возвышением роли США и СССР на международной арене. Тем не менее, данный регион еще с XIX в. являлся одним из важнейших с точки внешнеполитического курса Соединенного Королевства. Контроль месторождений нефти, а также Суэцкого канала как важного морского пути оставался важным направлением усилий британской дипломатии и военных операций. Набирающий силу арабо-израильской конфликт стал стал одним из самых серьёзных и долгих конфликтов на Ближнем Востоке, который продолжается и по сей день. Формирующийся двухполярный мир определил Великобританию в качестве основного союзника США в «холодной войне» против СССР.

В условиях «холодной войны» было подписано британо-американское Соглашения о взаимной обороне в 1958 г., по которому осуществлялся обмен техникой и технологиями в оборонной сфере, в частности в области ядерного оружия [1]. Основой англо-американского сотрудничество оставалась Атлантическая хартии, подписанная 4 августа 1941 г. [2]. В англо-американской декларации содержалось видение и совместное строительство нового порядка на мировой политической карте. Решающими инструментами влияния и сохранения своего авторитета на международной арене стало включение Великобритании в список ядерных держав в 1952 г., использование своего статуса в Совете Безопасности ООН, а также поддержание «особых отношений» с США, Сочетание жесткой и мягкой силы, дипломатических и военных отношений с разными режимами на Ближнем Востоке [3].

Левантийский кризис 1945 г., который практически сделал возможным военный конфликт Великобритании и Франции закончился в пользу позиции Великобритании [4]. Результатом стал вывод французских войск и обретение Серией независимости в 1946 г. В этом же году вооружённые силы Соединенного Королевства покинули Дамаск. Это ненадолго улучшило дипломатические отношения Лондона среди формирующихся арабских государств.

В мае 1948 г. Великобритания эвакуировала последние военные части из Палестины после отказа от мандата в 1947 г. В результате активной поддержки сионистского движения со стороны Великобритании, отказа Британии от мандата, а также согласия США и СССР был принят план раздела Палестины. Создание еврейского государства вызвало отрицательную реакцию арабского мира, которая привела к арабо-израильской войне 1947–1948 гг. [5].

Контроль франко-британской компании Суэцкого канала центральный элемент нефтеконтроля Королевства на Ближнем Востоке. Важнейшим событием 50-х гг. является начало операции «Кадеш» (Суэцкого кризиса) 29 октября 1956 г. Причиной стала национализация Суэцкого канала правительством Насера в Египте, а также сближение Египта и СССР. Еще в 1955 г. Великобритания не стала продавать вооружение Каиру, а затем отказалась от финансирования строительства Асуанской плотины. В данном конфликте ясно прослеживается идея восстановления Британией утраченных позиций в регионе вопреки инициативе Вашингтона, который настаивал на прекращении боевых действий и выводе войск франко-британо-израильской каолиции. Великобритания столкнулась с осуждением

ряда стран и не смотря на успешные боевые действия, была вынуждена вывести войска из Египта, а Суэцкий канал восстановил свою работу лишь в 1975 г. [6].

5 июня 1967 г. началась Шестидневная война Израиля и ряда арабских государств, которая завершилась победой Израиля. Британское правительство заявило, что поможет Израилю, однако как такового вмешательства Лондона в боевые действия не было. Более того, авиацией Израиля был уничтожен самолёт Devon C1 Королевских ВВС Великобритании [7]. Этот факт вызвал неоднозначную оценку в британском обществе, МИД потребовало компенсаций и извинений. В свою очередь Израиль выразил глубокое сожаление. У исследователей до сих пор возникает вопрос: было ли это досадным недоразумением или же таким жестом хотели продемонстрировать Лондон свою силу и самостоятельность в принятии решений. Израиль с каждым годом становился все более решительным в вопросе военного столкновения с арабским миром, все менее прислушивался к реакции международного сообщества.

Закономерным итогом боевых действий в 1967 г. стала новая арабо-израильская война 1973 г., в которой вновь победителем стал Израиль. Попытки Великобритании на дипломатическом уровне предотвратить конфликты оказались тщетными. С каждым новым конфликтом в регионе все больше становилось понятно, что роль Великобритании как главного регулятора военных действий на Ближнем Востоке сходила на нет.

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия Великобритания пыталась укрепить утраченные позиции на Ближнем Востоке. Процесс деколонизации и обретения странами региона независимости сопровождался крупными столкновениями элит внутри государств, а также войнами между странами, интервенциями. Британия постепенно перестала играть главную роль в определении положения дел в регионе. Потеря британского влияния сопровождалось наращиванием сил США и СССР на Ближнем Востоке. Тем не менее Великобритания продолжала оказывать серьёзное влияние обстановку в регионе с учетом новой геополитической реальности.

Библиографические ссылки

1. 1958 US-UK Mutual Defence Agreement // British American security information council. URL: https://web.archive.org/web/20061130060326/http://www.basicint.org/nuclear/MDA.htm (date of access: 15.04.2025).

2. The Atlantic Charter. Declaration of Principles issued by the President of the United States and the Prime Minister of the United // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_16912.htm (date of access: 15.04.2025).

3. Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance // Arms Control Association. URL: https://www.armscontrol.org/factsheets/nuclear-weapons-who-has-what-glance (date of access: 16.04.2025).

4. Decolonisation in South East and South Asia, 1945–1948 // iwm.org.uk. URL: https://www.iwm.org.uk/history/britain-and-decolonisation-in-south-east-and-south-asia-1945-1948 (date of access: 16.05.2025).

5. *Кузнецов Д. В.* Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: в 2-х частях. Часть I: Арабо-израильский конфликт. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 366 с.

6. Suez Canal Clearance Operation, Task Force 65 // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/DTIC_ADA010261/page/n3/mode/2up (date of access: 29.05.2025).

7. UK Military Aircraft Losses // UK Serial Resource Centre. URL: https://www.ukserials.com/losses-1967.htm (date of access: 29.05.2025).

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (1945–1971)

Д. И. Шестеров

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, daniil.shesterov@gmail.com

В рамках исследования выявлены предпосылки внутренние и внешние факторы, подорвавшие устойчивость колониальных систем Великобритании и Франции, охарактеризованы статусы колониальных регионов Ближнего Востока и Северной Африки в составе европейских колониальных империй, отражена хронология и модели послевоенной деколонизации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Ключевые слова: деколонизация; Ближний Восток; Северная Африка; национально-освободительные движения; постколониальные государства.

POSTWAR DECOLONIZATION PROCESSES IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA (1945–1971)

D. I. Shesterov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, daniil.shesterov@gmail.com

Within the framework of the study, the internal and external factors that undermined the stability of the colonial systems of Great Britain and France have been identified, the statuses of the colonial regions of the Middle East and North Africa within the European colonial empires have been characterized, and the chronology and models of post-war decolonization in the Middle East and North Africa have been outlined.

Keywords: decolonization; Middle East; North Africa; MENA; anti-colonial struggles; postcolonial states.

После Второй мировой войны мир стал свидетелем масштабного пересмотра колониального порядка, в том числе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Этот регион, столетиями находившийся под контролем европейских империй, был непосредственно вовлечен в процессы деколонизации, где переплелись национальные устремления, геополитические интересы сверхдержав и наследие колониализма.

Цель исследования — комплексный анализ предпосылок, моделей и последствий деколонизации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки во второй половине XX в.

Задачи исследования:

1. Выявить внутренние и внешние факторы, подорвавшие устойчивость колониальных систем Великобритании и Франции.

2. Охарактеризовать модели деколонизации.

3. Проследить влияние холодной войны, международных институтов и экономических интересов сверхдержав на процесс деколонизации.

4. Отразить последствия распада колониальных империй для политической карты региона, включая военные конфликты и неоколониальные зависимости.

Предпосылки послевоенных процессов деколонизации. К предпосылкам деколонизации в Регионе Ближнего Востока и Северной Африки можно отнести как предпосылки внутри колониальных империй, так и внешние предпосылки. Ко внутренним предпосылкам следует отнести экономическое и военно-политическое истощение Великобритании и Франции в ходе Второй мировой войны (1939–1945). Истощенные войной Франция и Великобритания потерпели огромный ущерб, из чего следует усиление экономических позиций национального предпринимательства в отношении государств-метрополий. Происходил рост национального самосознания в колониях [5, с. 7]. Тут следует отметить, арабский мир, а точнее та его часть, которая попала под мандатное управление после Первой мировой войны, изначально была отнесена к мандатам класса «А», из чего следовало, что арабский мир достиг того уровня развития, при котором возможно создание независимых государств, следовательно, уровень национального самосознания в арабском мире был высоким. Укреплялось движение панарабизма, следствием которого стало провозглашение Лиги арабских государств в 1945 г. В связи с этим наблюдается постоянный рост расходов метрополий на удержание колониальных владений, в частности, на аппарат принуждения и аппарат управления.

Ко внешним факторам относится окончательная потеря Великобританией и Францией мирового лидерства, установление двухполярного мира, лидерство в котором перешло США и СССР. При этом оба новых центра силы выражали негативное отношение к колониализму, заложенное в основе либерального и социалистического интернационализма соответственно, оба государства исходили из принципа права наций на самоопределение. Внешние факторы катализировала Вторая мировая война, в ходе которой Франция была разгромлена в Европе и капитулировала Германии, а военное и экономическое положение Великобритании было подорвано настолько, что была вынуждена принять положения Атлантической хартии в 1941 г., 3-я статья которой декларировала право всех народов выбирать форму правления [1]. Из этого следует, что Великобритания была вынуждена согласиться на демонтаж собственной колониальной империи для продолжения войны в Европе. Позднее принцип «права наций на самоопределение» был закреплен в Уставе ООН [1]. Бенефициаром распада

колониальных империй становились США, которые, руководствуясь принципами свободной торговли, расширяли собственные рынки сбыта на бывшие колониальные империи Франции и Великобритании, потому что последние не могли конкурировать с американским производством в условиях свободного рынка, имея пострадавшую от войны экономику.

Таким образом, послевоенная деколонизация на Ближнем Востоке и в Северной Африке стала результатом сочетания внутренних и внешних факторов. Ослабление Великобритании и Франции после Второй мировой войны, рост национального самосознания в колониях и усиление экономической самостоятельности местных элит подорвали устойчивость колониальной системы. Внешнеполитический контекст, включая биполярное противостояние США и СССР, принцип самоопределения наций, закрепленный в Уставе ООН, и экономическую экспансию США, ускорил процесс распада колониальных империй.

Статус территорий Ближнего Востока и Северной Африки в составе европейских колониальных империй. После Второй мировой войны территории Ближнего Востока и Северной Африки оставались под управлением европейских колониальных империй. При этом территории в рамках этих империй имели различные формы зависимости.

Протекторатами в рамках французской колониальной империи являлись: Тунис (1881–1956) и Марокко (1912–1956), при этом небольшая часть на севере и юге Марокко была испанским протекторатом [2, с. 16]. Франция также осуществляла контроль над Сирией и Ливаном в форме мандата Лиги Наций группы «А» (1923–1943) [2, с. 16]. Территория Алжира находилась в составе Франции (1848–1962) [2, с. 16].

Протекторатами в рамках британской колониальной империи являлись Кувейт (1899–1961), Договорной Оман (совр. ОАЭ) (1820–1971), Бахрейн (1871–1971), Катар (1916–1971), Аден (южн. часть совр. Йемена) (1872–1967) [2, с. 16]. В форме мандата группы «А» Великобритания осуществляла контроль над Палестиной (совр. Израиль, Иордания и Палестина). Над Суданом осуществлялся совместный с Египтом контроль (1899–1956) [2, с.16]. Территории бывшей итальянской Ливии в период с 1943 по 1951 гг. находились под англо-французской оккупацией [4, с. 475].

Существовали также независимые государства: Египет, получивший независимость от Великобритании в 1922 г. и Ирак, получивший независимость от Великобритании в 1932 г. [4, с. 156].

В результате, после Второй мировой войны территории Ближнего Востока и Северной Африки сохраняли разнообразные формы зависимости от европейских держав: от прямого управления до протекторатов и мандатов. Даже формально независимые государства, такие как Египет и

Ирак, оставались в сфере влияния метрополий, в т. ч., на основании заключенных после получения независимости англо-египетский и англо-иракский договоры, в рамках которых, в частности, Великобритания могла перемещать армию по территориям Ирака и Египта.

Хронология и модели послевоенной деколонизации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Для процессов деколонизации на территории Ближнего Востока и Северной Африки характерно две модели деколонизации: передача власти путем договоренностей колониальных империй и местных национально-политических элит («деколонизация сверху») и получение независимости путем вооруженного противостояния с силами колониальной империи («деколонизация снизу»).

Первыми, в рамках обозначенной темы, независимость получили Ливан и Сирия, находившиеся в составе французской колониальной империи в качестве мандата Лиги Наций группы «А». В 1943 г., еще во время Второй мировой войны, Франция предоставила Сирии и Ливану независимость и полное внутреннее сохранение, однако сохраняла на их территории военное присутствие. В 1946 г., под давлением мирового сообщества, французские войска были окончательно выведены с территории Сирии и Ливана [5, с. 9]. В 1956 г. Марокко и Тунис получили независимость от Франции мирным путем [4, с. 476]. В том же году Испанский протекторат Марокко вошел в состав независимого Марокко, однако, Испания до сих пор сохраняет за собой контроль над городами Сеута и Мелилья. Алжир, в свою очередь, обрел независимость путем длительной кровопролитной войны с Францией (1954–1962) [4, с. 477–479]. Столь упорное желание Франции сохранить за собой Алжир объясняется тем, что, в отличии от Марокко или Туниса, которые были протекторатами, Алжир входил в состав Франции с 1848 г. и был наиболее заселен французами среди всех североафриканских колоний Франции. В результате, в случае с Францией, независимость Сирии, Ливана, Марокко и Туниса классифицируется как «деколонизация сверху», а в случае с Алжиром, в следствии вооруженной борьбы, как «деколонизация снизу».

Процесс деколонизации Британской империи после Второй мировой войны отличался разнообразием форм — от мирных переговоров до вооруженных конфликтов. Этот процесс был обусловлен сочетанием факторов: ростом национально-освободительных движений, экономическим истощением метрополии, давлением со стороны США и СССР. Как и в случае с Францией, британские колонии обретали независимость как через «деколонизацию сверху», так и через «деколонизацию снизу». Иордания стала одним из первых государств, формально вышедших из-под британского контроля. В 1946 г. Великобритания преобразовала свой мандат

в Трансиордании в независимое королевство, сохранив военное присутствие и влияние до 1957 г. [4, с. 411]. Этот шаг был продиктован желанием укрепить лояльный режим Хашимитов в условиях растущего арабского национализма. Израиль уникален: в 1948 г. его независимость была провозглашена на основе резолюции ООН о разделе Палестины, что привело к войне с арабскими государствами [3, с. 104–106]. Ливия, бывшая итальянская колония, перешла под англо-французское управление в результате боевых действий во время Второй мировой воны в 1943 г. В 1951 г. при посредничестве ООН она стала независимым королевством [4, с. 475]. В октябре 1954 г. правительства Египта и Великобритании подписали договор, согласно которому Судан получил независимость 1 января 1956 г. Кувейт, бывший британским протекторатом, мирно обрел независимость в 1961 г. [4, с. 426]. Южный Йемен обрел независимость вооруженным путем (1963–1967). После четырёх лет партизанской войны Национального фронта освобождения против британских войск в 1967 г. была провозглашена независимая Народная Республика Южного Йемена [4, с. 424]. Формально независимые Египет и Ирак смогли избавиться от британского неоколониального влияния в результате Революции 1952 г. в Египте и Революции 1958 г. в Ираке [3, с. 107]. В 1968 г., осознав, что не может удерживать свои позиции против нарастающего движения за независимость, Великобритания заявила о своем намерении вывести свои войска из региона. ОАЭ, Катар и Бахрейн стали независимыми в 1971 г. [4, с. 428].

При этом период послевоенной деколонизации региона характерен военными конфликтами между постколониальными государствами. Ключевой такой войной стала Арабо-израильская война 1947–1949 гг. [3, с. 104–106]. Первый этап конфликта начался еще в период Британского мандата как конфликт между еврейской и арабской общинами. На втором этапе ряд арабских стран, включая Египет, Трансиорданию, Сирию, Ливан и Ирак ввели в Палестину свои войска, стремясь не допустить реализации плана ООН по разделу Палестины, уничтожить еврейское государство и создать объединённое государство Палестины. Израиль одержал победу и захватил контроль над большими территориями, чем предполагал план ООН по разделу Палестины [3, с. 104–106]. Результаты этого постколониального конфликта определяют арабо-израильские отношения до сих пор. Другим важным конфликтом стал Суэцкий кризис (1956), ставший результатом национализации Суэцкого канала Египтом Г. А. Насера [3, с. 107]. При этом канал ранее принадлежал Франции и Великобритании. В результате Египет был атакован силами Израиля, Франции и Великобритании. Результатом стало мирное урегулирование, решительную позицию заняли СССР и США. Для СССР Египет успел стать одним из ключевых

ближневосточным союзником, США опасались боевых действий в зоне Суэцкого канала, которые могли парализовать мировую торговлю. Кроме этого, обе страны преследовали антиколониальные цели. Суэцкий кризис стал демонстрацией наступившего биполярного мира, новые сверхдержавы указали старым империям, что те более не могут вести империалистические войны. В результате был нанесен удар по французской и британской колониальным империям и подтверждено новое биполярное мировое устройство.

В заключении, деколонизация Ближнего Востока и Северной Африки после 1945 г. стала результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних сил. Во-первых, ослабление Великобритании и Франции, истощенных войной, лишило их ресурсов для удержания колоний. Рост национального самосознания, подпитываемый панарабизмом и деятельностью местных элит, превратил колониальные режимы в неустойчивые. Во-вторых, биполярный мир во главе с США и СССР создал новую реальность: обе сверхдержавы, руководствуясь идеологией и экономическими интересами, поддерживали деколонизацию, видя в ней инструмент ослабления старых колониальных империй.

Библиографические ссылки

1. Атлантическая хартия // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/about-us/history-of-the-un/preparatory-years (дата обращения: 10.03.2025).

2. *Денисов А. В.*, *Урнов А. Ю.* СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12(641). С. 15–20.

3. История международных отношений: учебник: в 3 томах / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского; ред. тома Ю. А. Дубинин; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 2-е изд., испр. Москва: Аспект Пресс, 2020. Том 3. Ялтинско-Потсдамская система. 552 с.

4. *Трошин Ю. А.* История стран Азии и Африки в новейшее время (1918–2000): учеб. пособие. М.: Весь мир, 2004. 587 с.

5. *Фурсов К. А.* Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2015. № 2. С. 5–19.

К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: БЫЛО ЛИ НАЦИСТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В СССР УПРЕЖДАЮЩИМ УДАРОМ?

В. Г. Шумилов

Государственное научное учреждение «Институт истории НАН Беларуси», 220072, г. Минск, Республика Беларусь, ул. Академическая, 1, mr.shumilov.1960@mail.ru

В статье исследуются проблемы фальсификации истории. Рассматривается, было ли нацистское вторжение в СССР упреждающим ударом. Целью статьи является представление доказательной базы в области истории Великой Отечественной войны как инструмента политики влияния на умы людей.

Ключевые слова: память о Победе; проблема фальсификации истории; история Великой Отечественной войны; нацистское вторжение; упреждающий удар.

TOWARDS THE RESEARCH OF THE PROBLEM OF FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: WAS THE NAZI INVASION OF THE USSR A PREVENTIVE STRIKE?

V. G. Shumilov

Institute of History, National Academy of Sciences, 1, Akademic Street, Minsk 220072, Republic of Belarus, mr.shumilov.1960@mail.ru

The article examines the problems of falsification of history. The author analyses if the Nazi invasion of the USSR was a preemptive strike. The aim of article is to present an evidence in the field of history of the Great Patriotic War as a tool of policy of influencing people's minds.

Keywords: memory about the Victory; falsification of history; history of the Great Patriotic War; Nazi invasion; preemptive strike.

Память о Победе в Великой Отечественной войне сегодня остается той мощной силой, которая объединяет всех людей доброй воли на планете. Эта память является одним из главных факторов, препятствующих реализации различных реваншистских замыслов и устремлений. Однако до сих пор, по истечении 80 лет, это событие мирового масштаба является темой новых исследований, дискуссий и политических заявлений. К сожалению, нередко и таких, где причины возникновения и главные итоги как Великой Отечественной войны, так и всей Второй мировой войны стали объектом откровенных политических манипуляций.

Мы никогда никому не позволим исказить и принизить великий подвиг советского народа, совершенный ценой более 27 миллионов человеческих

жизней. Вот почему в наше время столь актуальны ответы на вопросы о причинах Второй мировой войны, об уроках бескомпромиссной борьбы с врагами человечества и судьбе гуманизма уже в новом веке.

Документы довоенного, военного и совсем недавнего прошлого дают нам свидетельства, раскрывающие глубинные мотивы противоречий XX в. Подготовка к новой войне за передел мира началась, когда еще не закончилась Первая мировая война. Германский Генеральный штаб за год до поражения в Первой мировой войне, пришел к выводу, что установление безусловного германского преобладания в Европе и в мире не будет достигнуто в идущей мировой войне, необходима будет еще одна, новая схватка.

В 1920-е–1930-е гг. планов передела мира никто не скрывал. Самая сложная задача, задача выживания, была у Советского Союза, находящегося в международной изоляции и резко ослабленного после двух революций, Первой мировой и гражданской войн. СССР должен был либо решить эту задачу, либо перестать существовать как геополитический субъект.

Следует подчеркнуть, что СССР предпринимал все возможные меры, чтобы войну предотвратить. В то время Советский Союз был не готов к войне ни экономически, ни в военном отношении. Об этом много говорилось в послевоенный период. Но, к сожалению, сегодня кое-кто старается об этом «не помнить», обвиняя Советский Союз в развязывании войны.

Следует понимать, что если мы говорим о проблеме фальсификации истории Великой Отечественной войны, то только история является наукой, которая способна получить истинные знания о прошлых событиях. Поэтому выработка и осмысление критериев научности и объективности в историческом познании, которые позволяют выявлять ложь от правды, фальсификацию от истины — это первый предварительный вывод. Второй предварительный вывод, который можно сделать касается терминологии фальсификации истории. Фальсификация — это не просто бранные слова, используемые в пылу полемики применительно к оппонентам. Это термины, которые должны иметь достаточно определенное содержание. Как принято говорить *«ложка дегтя в бочке с медом»*. В области истории фальсификаторы могут преследовать цели разрушения исторической памяти, подрыва национальной идентичности, внушения таких представлений о прошлом, которые позволят тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем.

Дата 22 июня 1941 г. объединила абсолютное большинство советских людей одной главной задачей — отразить вероломное нападение врага. Это день памяти и скорби о тех миллионах советских граждан, которые погибли в ходе фашистского нашествия на СССР. Однако несколько десятилетий назад появился новый подход к этой дате, что главным

образом было связано с публикацией «произведений» Виктора Резуна. В 1978 г., будучи сотрудником ГРУ ВС СССР, он изменил присяге и бежал в Великобританию, после чего занялся «литературной деятельностью».

Виктор Резун под псевдонимом Виктора Суворова подверг коренному пересмотру и критике общепринятые в советской стране взгляды на причины и предпосылки Второй мировой войны, высказав гипотезу о том, что катастрофическое для Советского Союза начало войны объяснялось его подготовкой к наступательным операциям. Будто бы Гитлер, узнав об этом, на две недели опередил Сталина, застав Красную Армию врасплох и напав в самый неблагоприятный для нас момент. В действительности первые контуры вторжения в нашу страну возникли после падения Франции, а в конце 1940 г. план «Барбаросса» был положен на бумагу.

Приведенный один из многих примеров лжи показывает, что для фальсификатора, а в нашем примере для шарлатана В. Резуна, главными оказываются ненаучные цели внушения читателю каких-то идеологических или политических идей, пропаганда определенного отношения к прошлым событиям или вообще разрушение исторической памяти, а вовсе не поиск истины и о объективности.

Актуальность статьи заключается в определении фальсификации истории Великой Отечественной войны как инструмента политики влияния на умы людей. Необходимо ответить на вопрос, было ли нацистское вторжение в СССР упреждающим ударом?

Все опирается на глубокое знание истории. Речь идет об объективной трактовке истории, историю очень часто используют в современных условиях как средство достижения своих целей в политике. История — это мощнейшее оружие в руках противника. Игры на историческом поле — это не просто игры, они чреваты большими последствиями.

Рассуждая об истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., любой честный человек независимо от статуса, национальности, возраста просто обязан следовать нескольким постулатам общегражданского, общечеловеческого характера:

во-первых, войну развязала не СССР, а нацистская Германия;

во-вторых, для Советского Союза эта война была справедливой, освободительной;

в-третьих, решающий вклад в разгром Германского нацизма и фашизма внес Советский Союз, советский народ, советский полководец, советский солдат;

в-четвертых, нацизм, фашизм, милитаризм, как явления, противоречащие человеческой идеологии, никогда и не под каким предлогом не могут быть оправданы.

Наш священный долг — защитить историческое наследие Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. от искажений и политических спекуляций.

Было ли нацистское вторжение в СССР упреждающим ударом?

На поставленный вопрос ответила сама история, реальная историческая действительность. Факт неприкрытой агрессии со стороны фашистской Германии был юридически установлен международным Нюрнбергским трибуналом. Решения и приговоры этого трибунала признаны государствами всего мира. Несмотря на это, в ряде новых книг, статей, в телефильмах «Мировая революция для товарища Сталина» и «Последний миф», в передачах и публикациях СМИ продолжается муссирование ложной версии о виновности Советского Союза в развязывании Второй мировой войны, о превентивном, вынужденном характере гитлеровского нападения на СССР в 1941 г.

Необходимо отметить, что в работах, опубликованных в последнее десятилетие, историки и публицисты больше внимания стали уделять причинам, породившим эту кровавую бойню, более углубленно анализировать события первого периода войны, когда Красная Армия понесла значительные потери. Такой неожиданный поворот в выборе объекта исследования не случаен. На наш взгляд, толчком для обращения к этому вопросу стали публицистические статьи Виктора Суворова (Резуна) и особенно его сенсационная книга «Ледокол» [1]. В ней излагаются острые вопросы внешней политики советского правительства, выдвинута версия о готовившемся нападении СССР на Германию и превентивном характере войны со стороны последней. Версия В. Суворова о том, что Сталин готовил удар по Германии, нуждается в научной аргументации. В противном случае она окажется недоказанной.

Вероломный удар фашистской Германии по СССР — уже свершившийся исторический факт, но о совершенной Гитлером агрессии мало кто вспоминает. Зато с удивительным рвением ищут признаки виновности Советского Союза, который являлся жертвой агрессии. Абсурдность подобных усилий, казалось бы, очевидна. И в области науки, историографии им нет объяснения. Его надо искать в недрах определенной политики, из которых и извлекаются время от времени, но всегда отнюдь не случайно всякого рода домыслы и сплетни о Второй мировой войне, в том числе о подготовке упреждающего удара со стороны СССР.

Так, в «Литературной газете» за 21 июня 2000 г. появилась статья Владимира Сергеева под названием «У нас была своя „Барбаросса“». Автор пишет: «Но вот недавно в архиве президента РФ обнаружен сенсационный документ, который может придать „Ледоколу“ второе дыхание».

О каком документе идет речь? Это рукописный текст «Соображений по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» от 15 мая 1941 г. [2]. В статье говорится, что документ состоит из 15 страниц, есть приложение с картами и схемами. Автор пишет, что план упреждающего удара по немецким войскам готовил Г. К. Жуков, в подготовке документа принимал участие заместитель начальника оперативного отдела штаба, генерал-майор А. М. Василевский. Упреждающий удар должны были нанести войска Юго-Западного и отчасти Западного фронтов. Целью было разгромить германские войска и принудить Германию к безоговорочной капитуляции [3].

22 июня 2000 г. «Независимая газета» на эту же тему опубликовала большую статью генерала армии, доктора исторических наук М. А. Гареева под заголовком «Правда и ложь о начале войны. Готовил ли Сталин упреждающий удар по Германии в 1941 году?». К статье приложена «Карта-схема предполагаемых упреждающих ударов по германским войскам в соответствии с „Соображениями по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 г.“» («План Жукова») [4].

В действительности все документы, исторические факты и логика развития событий того времени полностью опровергают утверждения о том, что гитлеровцы были вынуждены начать превентивную войну, убедительно свидетельствуя о их несостоятельности и надуманности. Контуры видения мира и приоритетной политики Германии после поражения в Первой мировой войне были определены Гитлером уже в середине 1920-х гг. В целом они представляли сочетание гипертрофированной «национальной» идеи, стремления к реваншу за поражение в Первой мировой войне, расовой нетерпимости и антисемитизма, помноженных на постулат о необходимости возобновления энергичной борьбы за расширение «жизненного пространства». Гитлер исходил из императива о том, что отношения между народами изначально носят характер социал-дарвинизма, то есть ожесточенной борьбы за выживание [5, с. 25, 36, 41]. Кроме того, он был безусловным апологетом идеи немецкого мессианизма: «Душой и сердцем он верил в миссию немецкого народа, в его особый дар к организации и управлению, в призвание нордической расы к духовному лидерству» [6, с. 22].

Гитлер так определял внешнеполитические цели Германии: «Мы, наконец, завершаем колониальную политику… и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах» [7].

Во «Второй книге», написанной в 1928 г., «восточной политике» была отведена отдельная глава. В концентрированном виде идеи, изложенные в

ней, были высказаны Гитлером в разговоре со своими сподвижниками незадолго до прихода к власти: «Не только русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии» [8, с. 27].

Экспансионистскую политику на восточном направлении Гитлер намеревался использовать не только с целью «завоевания жизненного пространства», но и его «беспощадной германизации» [9, с. 437]. При этом, провозглашенный расовый характер в войне на Востоке, предполагавший истребление «лишнего» населения на завоеванных территориях и заселение этих территорий немцами, позволял идеологически обосновать целесообразность и «правомерность» этой войны для немцев, мобилизовать боевой дух вермахта на бескомпромиссную борьбу с противником, а также обеспечить реализацию так называемой политики гарантирования завоеванных побед, предполагавшей беспощадное подавление очагов сопротивления покоренных народов. Политика геноцида стала неотъемлемой частью планируемой немецкой оккупационной политики на территории СССР.

Для оправдания своих агрессивных планов по захвату «жизненного пространства» на Востоке немецкому руководству необходимо было создать видимость, что советское руководство готовиться к наступательным действиям. Такую же дезинформацию Гитлер готовил и при нападении на Польшу.

Во-первых, Гитлер и военное командование Германии не ждали никакого нападения со стороны СССР. Гитлер на секретном совещании в узком кругу руководящего состава вермахта 14 августа 1939 г. заявлял, что «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». На совещании 22 июля 1940 г. он опять утверждал, что «русские не хотят войны» [10, с. 188]. 31 июля 1940 г. фюрер впервые официально сообщил высшему генералитету о своем замысле развязать войну против Советского Союза. В этот день генерал Гальдер, начальник генштаба германских сухопутных войск, записал первые исходные данные о плане нападения: «Начало (военной кампании) — май 1941 года. Продолжительность операции — 5 месяцев. Было бы лучше начать в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России» [11, с. 60].

И далее Ф. Гальдер в своих дневниковых записях многократно отметил, что «Россия сделает все, чтобы избежать войны», подчеркнул отсутствие подготовки к наступлению со стороны Красной Армии. В оценке обстановки по плану «Барбаросса» немецкое командование исходило из того, что Красная Армия будет обороняться. В германской директиве по стратегическому развертыванию от 31 января 1941 г. было сказано: «Вероятно,

что Россия, используя частично усиленные полевые укрепления на новой и старой государственной границе, а также многочисленные удобные для обороны выгодные рубежи, примет главное сражение в районе западнее Днепра и Двины… При неблагоприятном течении сражений, которые следует ожидать к югу и к северу от Припятских болот, русские попытаются задержать наступление немецких войск на рубеже Днепр, Двина» [12].

Подобная оценка возможных действий Красной Армии содержится во многих донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, 7 июня 1941 г. посол сообщал в Берлин: «Сталин и Молотов делают все, чтобы избежать конфликта с Германией» [13].

Об этом же говорилось накануне войны в разведсводке № 5 от 13 июня 1941 г. генштаба сухопутных войск Германии: …«со стороны русских… как и прежде ожидаются оборонительные действия». Причем разведсводка классифицировалась как совершенно секретная и составлялась для реальной оценки обстановки, а не для пропаганды и введения в заблуждение общественного мнения.

Во-вторых, Гитлер отлично знал о неготовности СССР к войне летом 1941 г., учитывая, что в дальнейшем условия для нападения становились все менее благоприятными. Если бы он в самом деле был убежден, что Советский Союз изготовился для превентивного удара по германским войскам, он, видимо, не решился бы предпринимать агрессию.

Ф. Гальдер в своем дневнике 22 марта 1941 г. записал: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских» [11]. В таком же духе высказывался и генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт. Немецкий историк И. Цукерторт справедливо отмечал, что «гитлеровская выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего похода на Восток» [14].

Резкой критике подверг книгу В. Суворова израильский историк Г. Городецкий в своей книге «Миф Ледокола» [15]. Используя советские, немецкие и английские документы, Г. Городецкий развенчивал версию В. Суворова и обосновывал распространенную версию о том, что И. В. Сталин всеми силами стремился избежать германского нападения, при этом усиленно готовясь к его отражению. В отличие от мнения В. Суворова о численном превосходстве РККА над вермахтом, Г. Городецкий показал, что накануне войны советская армия была несравненно слабее немецкой. В качестве причин отставания Г. Городецкий указал на разгром офицерского корпуса РККА в ходе репрессий 1937–1938 гг., незавершенный

процесс перевооружения, проблемы с обучением огромного количества новобранцев и трудности оборудования новой западной границы СССР после присоединения Восточной Польши в 1939 г. [16].

Таким образом, приведенные обстоятельства, а также анализ дневников Ф. Гальдера, Й. Геббельса и других документов показывают, что гитлеровское руководство целеустремленно готовило агрессию против СССР, не ожидая нападения с его стороны.

Как бы ни вел себя Советский Союз, что бы он ни делал, нападение против него все равно бы состоялось. И никаких «поводов», на которые ссылается В. Суворов, Гитлеру не требовалось. План «Барбаросса» был разработан еще в 1940 г. Бесповоротное решение об агрессии было принято Гитлером задолго до того, как 5 мая 1941 г. состоялось выступление Сталина или началась переброска советских войск на Запад. И менять свое решение Гитлер не собирался.

Фальшивка о «советской угрозе» начала распространяться уже с 1940 г., хотя руководители Третьего рейха знали истинное положение дел. 26 апреля 1941 г. германский посол в Москве Шуленбург в беседе с Гитлером прямо заявил: «Я не могу поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию». Гитлер согласился с В. фон дер Шуленбургом и, отвечая ему, выразил недовольство тем, что «Советский Союз невозможно даже спровоцировать на нападение». Это не помешало нацистской пропаганде распускать слухи о том, будто «Россия собирается воспользоваться своим нынешним временным превосходством в силах для нападения на Германию».

На Нюрнбергском процессе Г. Фриче, один из ближайших помощников Й. Геббельса, показал, что «главная задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы оправдать необходимость этого нападения, то есть все время подчеркивать, что мы лишь предвосхитили нападение Советского Союза… Следующая задача германской пропаганды заключалась в том, чтобы излагать почти то же самое, то есть… подчеркивать, что не Германия, а Советский Союз ответственен за эту войну» [17].

Лживость легенды о «превентивной войне» признают и немецкие историки. В труде «Германский рейх и Вторая мировая война», описывая события, предшествовавшие нападению Германии на СССР, авторы отмечают, что в то время «наступления Красной Армии опасаться не следовало» и что со стороны Германии «характер войны как войны на уничтожение был предопределен и запланирован заранее» [18, с. 20–22].

Подтверждением тезиса о неспровоцированном нападении Германии на СССР лучше всего служит выступление генерала А. Йодля перед руководящим составом генерального штаба 29 июля 1940 г. А. Йодль сообщил,

что Гитлер принял решение «по возможности в самые ближайшие сроки посредством внезапного нападения на Советский Союз раз и навсегда ликвидировать опасность распространения большевизма во всем мире» [19]. Тем не менее, впереди были четыре тяжелейших года кровопролитной войны и величайшие победы под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, блестяще осуществленная белорусская стратегическая наступательная операция «Багратион» и поверженный Берлин.

В современных условиях особо ценен опыт взаимодействия мирового сообщества в 1940-е гг. с целью борьбы с нацизмом как главной угрозой человечеству. Белорусский народ по достоинству оценивает вклад в победу народов США, Великобритании, Франции, других стран антигитлеровской коалиции. Самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками партизаны Югославии. Мужественно сражались вместе с Красной Армией Войско Польское и Чехословацкая армия. Навсегда в летопись антифашистской борьбы войдут действия патриотов, участников движения Сопротивления, развернувшегося в оккупированных странах. Этот непреложный факт подтверждается взаимоотношениями СССР с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Примером тому служат послания лидеров США, Великобритании и Франции, где воздавалось должное доблести Красной Армии и руководству СССР, верного своим обязательствам.

Важнейший же вывод из итогов Великой Отечественной войны заключается в следующем. В результате Победы человечеству предоставлялся оптимальный шанс создания системы международной безопасности. Впервые были заложены основы послевоенного мироустройства, которые исключали большую войну из арсенала мировой политики.

К сожалению, этот шанс не использован. Сегодня мир разобщен и разделен, как никогда за последние десятилетия. Руководители западных стран США, Англии и Франции предали своих выдающихся лидеров времен Второй мировой войны, сражавшихся с фашизмом. Мир сотрясают многочисленные вооруженные конфликты и террористические акты. А пример Украины — это пример попыток реванша деструктивных сил.

Сегодня память о Победе остается той единственной силой, которая еще объединяет людей доброй воли, остается тем камнем, который способен устоять в буре разрушений нового тысячелетия. Там же, где отказались от завоеваний, обусловленных Победой над фашизмом и памяти о главном историческом событии прошлого века, где попытались возвеличить до уровня эпических героев противников Советского Союза в годы войны, там сегодня пожинают бурю. Здесь есть достаточное число жестоких примеров даже в текущем году. Пример тому — опять же Украина.

Что происходит сегодня в мире, какие глобальные процессы оказывают влияние на системы обеспечения безопасности и развитие человечества в целом? Аналитиками с высокой вероятностью прогнозируется попытки разрешения противоречий посредством войны, как уже дважды было в XX в. в ходе мировых войн. Но какое же противоречие следует рассматривать как главный источник угроз национальной безопасности на данном этапе?

В качестве важнейших выводов применительно к теме конференции уместно сформулировать следующие.

Беларусь в полной мере подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов, прежде всего связанных с попытками ответить на глобальные противоречия современности погружением целых регионов мира в хаос, что сочетается с ослаблением роли международных институтов обеспечения безопасности, включая ООН и, по существу, легитимизацией со стороны коллективного запада неонацизма, что особенно четко проявилось на территории Украины.

Решающее значение в данных условиях для парирования вызовов и угроз имеет национальная мобилизационная готовность, понимаемая как способность и готовность народных масс сражаться, защищать и отстаивать национальные интересы (территориальная оборона, народное ополчение). Основой решения этого является развитие в обществе патриотизма, воспитание у граждан чувства ответственности за защиту Отечества и обеспечение национальной безопасности. Следует формировать также понимание уроков истории, которые учат трезво оценивать и цену дружеских объятий в мировой политике: ею правят не благодарность и верность, а неизменные интересы.

Таким образом, вполне закономерно, что на первом месте среди стратегических национальных интересов Республики Беларусь стоят обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя. Соответственно формирование понимания современной внутренней и внешней политики Республики Беларусь, деятельности руководства страны, направленной на защиту национальных интересов, сплочение общества, и как результат — сохранение стабильности в мире и республике на фоне испуганного терроризмом мира — все это было и остается приоритетным направлением нашей работы.

Библиографические ссылки

1. *Исаев А. В.* Про комбригов и комдивов // Неправда Виктора Суворова. М.: Яуза, 2007. С. 214–256.

2. Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками. Народный комиссар обороны Союза ССР — И. В. Сталину. Май 1941 г. // Новая и новейшая история, 1993. № 3. С. 40–44.

3. *Безыменский Л. А.* О плане Жукова от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история, 2000. № 3. С. 58–67.

4. *Гареев М. А.* Правда и ложь о начале войны // Независимое военное обозрение, 2000. 23 июня. С. 2–3.

5. *Шубин А. В.* Идеология фашизма: сравнительные аспекты // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2014. С. 18–56.

6. *Дитрих О.* Воспоминание о Гитлере // Завещание Гитлера. К черному юбилею. М.: Российское возрождение, 1991. 64 с.

7. Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert. v. Gerhard L. Wenberg. Stuttgart, 1961. 227 s.

8. *Rauschning H.* Hitler's Aim in War and Peace. London: William Heinemann, 1940. 131 p.

9. *Цительман Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / пер. с нем. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. С. 431–440.

10. *Шпеер А.* Воспоминания / Перевод с нем. Смоленск: Русич; Москва: Прогресс, 1997. 700 с.

11. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании / Пер. с нем. И. Глаголева. М.: Воениздат, 1969. 328 с.

12. Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск Барбаросса. 31 января 1941 г. // Российский государственный военный архив. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 26. Л. 14–22.

13. *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 // М.: Вече, 2000. 543 с.

14. *Микрюков В. Ю.* Военно-историческое противоборство // Вестник Академии Военных Наук, 2017. № 2. С. 180–184.

15. *Городецкий Г.* «Миф Ледокола»: Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.

16. *Uldricks T.* The Icebreaker Controversy: Did Stalin Plan to Attack Hitler? // Slavic Review, Vol. 58, №. 3. P. 626–643.

17. *Дацишина М. В.* С Нюрнбергским трибуналом — не согласны!: Отклики немецких, австрийских, венгерских, румынских и японских военнопленных на приговор Нюрнбергского трибунала // Родина, 2020. № 3. С. 126–133.

18. *Zentner Ch.* Chronik Zweiter Weltkrieg / Otus Verlag AG, St. Gallen, 2007. 507 s.

19. *Pietrow-Ennker B.* Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. F/a Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. 214 s.

АРМИЯ И ТЫЛ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИЗ ЧИСЛА СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БГУ

Д. А. Артамонова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, artamonovaldarya@yandex.by

Статья посвящена Героям Советского Союза из числа студентов и преподавателей БГУ, проявивших героизм в период Великой Отечественной войны. Их жизнь и деятельность является примером смелости и стойкости для подрастающего поколения. В статье подчеркивается вклад каждого героя в достижение победы.

Ключевые слова: БГУ; Великая Отечественная война; награждение; указ; «Герой Советского Союза».

HEROIC DEEDS OF STUDENTS AND TEACHERS OF BSU DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

D. A. Artamonova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, artamonovaldarya@yandex.by

This article is dedicated to the Heroes of the Soviet Union from among the students and teachers of BSU who demonstrated heroism during the Great Patriotic War. The life and work of these people is an example of courage and fortitude for the younger generation. The article emphasizes the contribution of each hero to achieving victory.

Keywords: BSU; Great Patriotic War; awarding; decree; “Hero of the Soviet Union”.

В 1941 г. структура Белорусского государственного университета была представлена шестью факультетами и 33 кафедрами [1]. Количество студентов в 1940/1941 учебном году составляло 1337 человек, из них около 450 человек добровольцами ушли на фронт [2, с. 9].

Георгию Константиновичу Жукову, советскому полководцу, маршалу Советского Союза, четырежды было присвоено звание Герой Советского Союза в 1939 г., 1944 г., 1945 г., 1956 г. Родился Георгий Константинович

1 декабря 1896 г. Обучался в церковно-приходской школе, затем посещал общеобразовательные курсы. Участвовал в Первой мировой войне. В 1926–1931 гг. преподавал курс «Высшая допризывная военная подготовка студентов» в БГУ [2, с. 125]. В ходе Великой Отечественной войны занимал должности начальника Генерального штаба, командующего фронтом, члена Ставки Верховного Главнокомандования, Заместителя Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. В 1943 г. Г. К. Жукову было присвоено звание Маршал Советского Союза.

Яков Владимирович Смушкевич родился 1 октября 1902 г. В 1923–1926 гг. учился на правовом отделении факультета общественных наук БГУ. В 1932 г. окончил Качинскую военную школу лётчиков. В 1936–1937 гг. участвовал в Гражданской войне в Испании. За проявленные мужество и героизм при выполнении интернационального долга указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1937 г. ему было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением медалью «Золотая Звезда» [2, с. 130]. В 1939 г. участвовал в боях на Халхин-Голе в Монголии. 17 ноября 1939 г. было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением второй медалью «Золотая Звезда» [2, с. 130]. С 19 ноября 1939 г. Яков Владимирович являлся начальником ВВС Красной армии. Принимал участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. 4 июня 1940 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенант авиации. В декабре 1940 г. занял должность помощника начальника Генерального штаба Красной армии по авиации. Однако в начале июня 1941 г. Я. В. Смушкевич был необоснованно репрессирован.

Александр Васильевич Кирсанов родился 23 декабря 1898 г. Окончил реальное училище, затем учился в учительской семинарии. С августа 1939 г. являлся командиром 422-го гаубичного артиллерийского полка 157-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, затем — 76-й гвардейской стрелковой дивизии [3]. Воевал на Западном, Брянском, Центральном, 1-м Белорусском, 2-м Белорусском фронтах. Участвовал в Курской битве, в Орловской и Черниговско-Припятской наступательных операциях. Особо отличился в битве за Днепр в 1943 г. Затем сражался в Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Полесской, Прибалтийской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. Стрелковая дивизия под командованием А. В. Кирсанова участвовала в операции «Багратион». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 г. ему было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». После Великой Отечественной войны А. В. Кирсанов в

1955–1960 гг. являлся начальником военной кафедры Белорусского государственного университета. С 1963 г. по 1974 г. занимал должность проректора по административно-хозяйственной работе БГУ [3].

Алексей Федорович Патрин родился 2 мая 1910 г. В 1931–1933 гг. учился в Агролесомелиоративном институте. В 1933 г. был призван на службу в Красную армию. В 1935 г. окончил артиллерийские курсы. Во время Великой Отечественной войны являлся командующим 576 артиллерийского полка 167-й стрелковой дивизии 38-й армии 1-го Украинского фронта [4]. Отличился во время битвы за Днепр в 1943 г. 3 ноября 1943 г. у д. Лютеж обеспечил прорыв системы обороны противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. А. Ф. Патрин был удостоен звания Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После Великой Отечественной войны он в 1952–1955 гг. работал начальником учебной части военной кафедры и преподавал курс артиллерии в Белорусском государственном университете [4].

Мария Борисовна Осипова родилась 27 декабря 1908 г. В 1933–1935 гг. училась в Высшей сельскохозяйственной партийной школе имени В. И. Ленина. В 1940 г. окончила Минский юридический институт. С первых дней оккупации г. Минска стала организатором одной из первых подпольных групп, куда вошли преподаватели и студенты Минского юридического института. С августа 1941 г. подпольная группа начала выполнение разведывательно-диверсионных заданий. Одним из таких стала операция «Возмездие» в ночь на 22 сентября 1943 г., в ходе которой был ликвидирован генеральный комиссар Генерального округа Беларусь Вильгельм Кубе. Мария Борисовна вместе с подпольщицей Марией Григорьевной Грибовской, преодолевая ряд препятствий, доставила из партизанского отряда «Дима» в Минск две мины, одну из которых передала Елена Григорьевна Мазаник. Впоследствии одна из мин была задействована в ходе операции «Возмездие», и задание было успешно выполнено [5]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943 г. М. Б. Осиповой было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». После войны М. Б. Осипова участвовала в патриотическом воспитании молодежи и ветеранском движении по сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

Михаил Павлович Котловец родился 25 октября 1914 г. В 1938 г. он окончил Минский педагогический институт. Затем был призван на службу в Красную армию. В 1941 г. окончил курсы младших лейтенантов при Харьковском танковом училище. К январю 1944 г. являлся гвардии капитаном танкового батальона 41-й гвардейской танковой бригады 7-го механизированного корпуса. В бою около железнодорожной станции «Лелековка»

танковый батальон под его командованием уничтожил семь танков противника [6]. Затем была успешно форсирована р. Днестр и прорвана оборона противника на советско-румынской границе. М. П. Котловец погиб в бою 6 октября 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. ему посмертно было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Дмитрий Петрович Жмуровский родился 10 января 1918 г. В 1938 г. окончил Донецкий индустриальный рабфак. Затем начал обучение в Могилевском педагогическом институте. В июле 1941 г. был призван в Красную армию. Воевал на Брянском, Калининском и 2-м Украинском фронтах. К 26 марта 1944 г. Дмитрий Петрович являлся сержантом пулеметного взвода 936-го стрелкового полка 254-й стрелковой дивизии 52-й армии. В этот день у р. Прут в Молдавии должен был состояться сложный бой, в ходе которого предстояло преодоление водного рубежа, захват плацдарма и продвижение взвода в глубь Румынии. Возглавляя группу бойцов, Дмитрий Петрович форсировал р. Прут и, проявив мужество и героизм, освободил от захватчиков село Кырпици [7]. Далее Дмитрий Жмуровский руководил наступлением в направлении города Яссы. В результате взвод успешно занял «Безымянную» высоту и уничтожил 200 вражеских солдат [7]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 г. ему было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». В 1949 г. Д. П. Жмуровский окончил аспирантуру при кафедре истории КПСС Московского государственного педагогического института и в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1960 г. начал работу на кафедре истории КПСС БГУ, где занимал должность преподавателя, доцента, затем профессора кафедры.

Александр Андреевич Филимонов родился 9 мая 1918 г. В 1938 г. начал обучение в Белорусском государственном университете. 17 июля 1941 г. был призван на службу в Красную армию. Являлся командиром танкового взвода и танковой роты 5-го гвардейского механизированного корпуса. Принимал участие в боях с немецкими захватчиками в составе Второго Украинского, Первого Украинского фронтов за города Белгород, Харьков, Полтаву [8]. За геройство, проявленное во время штурма Берлина, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г. А. А. Филимонову было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». После демобилизации в 1949 г. окончил филологический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, затем в 1952 г. — аспирантуру [8].

Владимир Алексеевич Парахневич родился 18 января 1918 г. В 1933 г. окончил школу фабрично-заводского ученичества. Затем продолжил

обучение на физико-математическом факультете Белорусского государственного университета. В августе 1941 г. вступил в подпольную группу во главе с лейтенантом В. Л. Никитиным. До ноября 1942 г. входил в 537 партизанский отряд Кировского района. Затем В. А. Парахневич командовал диверсионной группой. Летом 1943 г. группой была проведена операция на участке железной дороги Бобруйск–Жлобин [9]. В одной из операций В. А. Парахневич совместно с партизаном Бондаренко спрятали на себе около 30 кг тола, которые были доставлены к железной дороге для подрыва вражеских эшелонов. В общей сложности на железной дороге группой под командованием В. А. Парахневича был подорван 21 вражеский эшелон, в том числе 6 — с живой силой противника, уничтожены 2 танка, 23 автомашины, 97 вагонов с боеприпасами и снаряжением, выведено из строя 20 паровозов [9]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 г. В. А. Парахневичу было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Жолудев Наум Ильич родился 13 января 1922 г. Получил среднее образование. В октябре 1941 г. он был призван в Красную армию. Являлся командиром миномётного расчёта 273-го гвардейского стрелкового полка 89-я гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии Степного фронта. Отличился в битве за Днепр, где миномётным огнём прикрывал переправу подразделений полка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 г. Н. И. Жолудеву было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». В 1950 г. Наум Ильич окончил Минский юридический институт, который в 1954 г. был реорганизован в юридический факультет БГУ [10].

Николай Яковлевич Зайцев родился 25 марта 1923 г. В марте–августе 1941 г. прошёл обучение в 121-й учебной авиаэскадрилье ГВФ в г. Актюбинск. В августе 1941 г. был призван в Красную армию. В 1943 г. Николай Яковлевич окончил Чкаловскую военную авиационную школу лётчиков. С октября 1943 г. служил лётчиком, затем старшим лётчиком в штурмовом авиаполку. В феврале 1944 г.–мае 1945 г. являлся старшим лётчиком и командиром звена 996-го штурмового авиационного полка 224-й штурмовой авиационной дивизии 8-го штурмового авиационного корпуса 8-й Воздушной Армии. В период войны совершил 185 боевых вылетов на штурмовике Ил-2 [11]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. Николаю Яковлевичу Зайцеву было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». В 1966 г. Н. Я. Зайцев окончил философское отделение Белорусского государственного университета. С 1967 г. работал лаборантом, затем ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры марксистко-ленинской философии БГУ [11].

Павел Антонович Горошек родился 10 июня 1925 г. В 1941 г. начал обучение в Стерлитамакской фельдшерской школе. В 1943 г. был призван в Красную армию. После учёбы в полковой школе стал командиром пулеметного расчета в составе 1-го мотострелкового батальона 69-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии Воронежского, затем 1-го Украинского фронта. Отличился в битве за Днепр 1943 г. Во время боя Павел Антонович уничтожил 9 немецких солдат. Помимо обязанностей командира во время боя оказал медицинскую помощь 26 раненым, вынес из зоны обстрела 32 раненых с оружием. П. А. Горошек принимал участие в Киевской наступательной операции [12]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. ему было присвоено звание Герой Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». В 1951 г. П. А. Горошек окончил Минский юридический институт [12].

Таким образом, Белорусский государственный университет по праву гордится своими 12-ю Героями Советского Союза, которые внесли значимый вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне. Сохранение памяти об их жизни и деятельности является важным аспектом работы Музея истории БГУ.

Библиографические ссылки

1. БГУ в первые дни войны // История БГУ. URL: https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1941-1945/bgu-v-pervye-dni-vojny.html (дата обращения: 04.04.2025).
2. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт у гады Вялікай Айчынная вайны. 1941–1945. Мінск: БДУ, 2005. 151 с.
3. Архив Белорусского государственного университета (Архив БГУ). Ф. 205. Оп. 1/сот. Д. 4305. Кирсанов Александр Андреевич.
4. Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 1пс. Д. 405. Патрин Алексей Федорович.
5. Герой Советского Союза М. Б. Осипова // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. URL: https://www.warmuseum.by/news/lyudi_i_sudby/geroy-sovetskogo-soyuza-mariya-borisovna-osipova-k-110-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (дата обращения: 04.04.2025).
6. Котловец Михаил Павлович // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8282 (дата обращения: 04.04.2025).
7. Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 710. Жмуровский Дмитрий Петрович.
8. Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 37. Филимонов Александр Андреевич.
9. Герой Советского Союза В. А. Парахневич // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. URL: https://www.warmuseum.by/news/lyudi_i_sudby/k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-geroya-sovetskogo-soyuza-v-a-parakhnevicha (дата обращения: 04.04.2025).
10. Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 298. Жолудев Наум Ильи.
11. Архив БГУ. Ф. 205. Оп. 10. Д. 522. Зайцев Николай Яковлевич.
12. Архив БГУ. Ф. 1110. Оп. 3. Д. 451. Горошек Павел Антонович.

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА, КОМИССАР: ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В. Е. ЛОБАНОК

А. Б. Богданович[1)], **А. С. Щур**[2)]

[1, 2)] *Университет гражданской защиты,*
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь, gumanitar@ucp.by

Тема Великой Отечественной войны актуальна и сегодня несмотря на то, что со дня Великой Победы прошло вот уже 80 лет. И в настоящее время продолжается написание летописи о подвигах и мужестве героев, внесших огромный вклад в Великую Победу.

Ключевые слова: война; партизаны; подпольщики.

SECRETARY OF THE DISTRICT COMMITTEE, COMISSAR: HERO OF THE SOVIET UNION V. E. LOBANOK

A. B. Bogdanovich[a)], **A. S. Shchur**[b)]

[a, b)] *University of Civil Protection, Mashinostroiteley str., 25, 220118, Minsk, Belarus, gumanitar@ucp.by*

The theme of the Great Patriotic War is still relevant today, despite the fact that 80 years have passed since the Great Victory. And currently, the writing of a chronicle about the exploits and courage of the heroes who made a huge contribution to the Great Victory continues.

Keywords: war; partisans; underground fighters.

Герой Советского Союза Владимир Елисеевич Лобанок был масштабной и знаковой личностью. Символично, что он родился 3 июля, в священный для каждого белоруса день. Безусловно, он внес свою неоценимую лепту в независимость нашей Родины, несмотря на тяжёлые годы военного лихолетья, по воспоминаниям современников Владимир Елисеевич: «Всегда спокойный и улыбчивый. Никто не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос. И с близкими и подчиненными он был предельно уважителен» [1, с. 29].

Родился В. Е. Лобанок 3 июля 1907 г. в крестьянской семье в деревне Остров Пуховичского района Минской области. Он был сыном малоземельного белорусского крестьянина, его детство не было легким [2, с. 7]. Специальность себе выбрал самую мирную — агроном. Но ему пришлось не возделывать землю, а защищать её от врага.

После окончания Марьиногорского сельскохозяйственного техникума, а затем Белорусской сельхозакадемии в 1931 г., В. Е. Лобанок работал в системе наркомата земледелия БССР, а с 1933 г. он уже был агрономом-экономистом уполномоченного Наркомата совхозов СССР по Беларуси. Затем в 1934 г. он был назначен директором Белицкого, а в 1940 г. и Смольянского сельскохозяйственных техникумов Витебской области.

В мае 1941 г. В. Е. Лобанок был избран первым секретарем Лепельского райкома КП(б)Б [3, с. 7]. Здесь на Витебщине и застала его Великая Отечественная война.

Владимир Евсеевич вспоминал, что утром 22 июня 1941 г. его разбудил телефонный звонок и секретарь Витебского обкома партии сообщил, что началась война. Было принято решение оперативно провести заседание районного партийного собрания [4, с. 281]. Была организована мобилизация. Очень важна была грамотная разъяснительная работа среди населения. Жители небольшого города в 12 часов услышали В. М. Молотова и узнали о начале войны.

Летом 1941 г. тяжёлые бои велись на всей территории Беларуси. С первых дней войны немцы бомбили Лепель. 2 июля немецкая авиация разбомбила военкомат с военнообязанными, собранными для отправки на фронт. Город защищали группы войск в составе местного гарнизона, курсантов Лепельского артиллерийско-минометного училища, созданного в июне 1940 г., ряд других подразделений [5]. Красная армия упорно сопротивлялась, но силы были не равны и 3 июля Лепель был захвачен. А 6 июля бойцами Красной армии был нанесен сильнейший контрудар по фашистам, состоялось одно из крупных сражений [6]. Контрудар наносился из района Богушевска в направлении на Сенно и Лепель по 3-й танковой группе немецко-фашистких войск силами 20-й армии Западного фронта. 7 июля — освобожден Лепель.

С обеих сторон задействовано до 3 тысяч танков бронетранспортеров, но у наших войск не было поддержки с воздуха. Отсутствовало снабжение топливом и боеприсами. Большую часть Советской группировки составляли устаревшие танки БТ-7; Т-26. В результате кровопролитных боев части Красной армии отступили к Орше. С 10 июля начался устанавливаться фашистский режим зверств, геноцида и изуверский издевательств над населением Лепельщины и военнопленными. Лепель имел важное стратегическое значение, так как был размещен на магистралях, которые связывали его с Минском, Витебском, Полоцком, Оршой, Борисовом. В Лепеле, Баровке размещались тылы 3 танковой армии войск немецко-фашистских захватчиков. Оккупация района — почти 3 года [4, с. 205].

Вся Витебская область была оккупирована к 15 июля 1941 г. [7, л. 117].

Еще до завершения захвата территории Беларуси партийные органы провели большую работу по развертыванию партизанского движения. В первые дни войны формировались отряды народного ополчения, истребительные отряды, батальоны для охраны предприятий, мостов, и борьбы с вражеским диверсантами. Райкомы партии и их руководство развернули среди населения работу, направленную на создание партизанских отрядов [8, с. 288].

В июле 1941 г. В. Е. Лобанок по заданию руководства был оставлен на временно оккупированной территории, а затем вышел за линию фронта, в Гомель, где прошел краткосрочные курсы при ЦК КП(б)Б. В августе он вернулся в район, где все годы оккупации возглавлял подпольный райком партии, опираясь на ближайших соратников К. А. Яско, П. Ц. Прудников, П. В. Хацько, Ф. Ф. Садовская, Ф. М. Юревич, А. С. Милый, А. А. Марунько и др. [8, с. 223].

Партизанские формирования были организованы в соединения, бригады, полки, отряды, группы. Предпосылками к разворачиванию партизанского и подпольного движения стали: директивы СНК СССР и ЦК ВКПБ(б) от 29 июня 1941 г. — «О мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом», ЦК КП(б)Б от 30 июня 1941 г. — «О подготовке к переходу на подпольную работу», от 1 июля 1941 г. «О развертывании партизанской войны в тылу врага» [6]. Партизанское движение и антифашистское подполье разворачивались в исключительно сложных условиях фашистской оккупации [9, с. 38].

Документ «Совершенно секретная директива верховного командованиями германскими вооружёнными силами от 16 декабря 1942 г.» № 1а 1388/42 «О борьбе с бандами» гласила: «Войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения даже против женщин и детей, если это только способствует успеху. Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте,который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и их сообщников… Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за своё поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечён к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке» [10].

Партизанские годы, безусловно, составляли важнейший период жизни В. Е. Лобанка [11–12]. В августе 1941 г. он возглавил Лепельский подпольный райком; одновременно с марта 1942 г. был командиром партизанского отряда № 681; с августа 1942 г. стал комиссаром Чашникской партизанской бригады «Дубова» (командир бригады, Герой Советского Союза, генерал-майор Ф. Ф. Дубровский) [8, с. 288], а в июле 1943 г. — командиром Лепельской партизанской бригады [13, с. 271].

Немецкие войска, вторгшиеся на территорию Беларуси, действовали в соответствии с расовой доктриной нацизма, не предполагавшей жалости к «унтерменшам». Так, немецкий солдат Эмиль Гольц в своём дневнике писал: «В одной деревне мы схватили первых попавшихся жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады» [14, с. 29].

В районе Лепеля фашистами был создан лагерь для военнопленных. Их удерживали в чистом поле, обтянутом колючей проволокой, в районе нынешних построек автовокзала, сельхозтехники, госпиталя, а также в деревнях Камень, Губино, Боровка. Большой концлагерь был размещен около железнодорожной станции в траншеях, часть которых была залита водой. Также в Лепеле был создан концлагерь для гражданского населения. Численность гражданских пленных возросла после карательной экспедиции «Котбус» и карательной операции против партизан «Праздник весны» на 1 тыс. человек [14].

Одной из составляющих частей фашистского оккупационного режима было проведение геноцида в отношении еврейского населения. В конце июля 1941 г. в Лепеле было создано гетто. Сразу после захвата Лепеля фашисты собрали всех евреев и переселили в гетто, которое находилось в районе улиц Вокзальной, Ленинской и Канальной. В него были заключены тысячи советских военнопленных. Условия там были невыносимыми: полная антисанитария, нехватка воды и пищи [10].

28 февраля 1942 г. квартал концентрационного лагеря гетто в г. Лепель оцепил наряд гитлеровцев и полицаев. В сильный мороз евреев выгоняли раздетыми из домов, грузили на автомашины и везли в д. Черноручье к приготовленным ямам, куда сваливали трупы расстрелянных стариков, женщин, детей. Убито более 2 тысяч человек [10].

В городском саду «Динамо», между улицами Советской и К. Маркса к заранее подготовленным ямам подвозили евреев из концентрационного лагеря гетто, затем избивали, заставляли раздеться и группами по 15–20 человек расстреливали. Замучено и загублено около 1 тысячи человек разных возрастов обоего пола. В г. Лепель на еврейском кладбище в 1942 г. гитлеровцы и полицаи провели массовые расстрелы евреев — стариков, женщин, детей и мужчин из концентрационного лагеря гетто. В 0,5 км севернее от д. Камень, слева от дороги в урочище Борки, похоронено 1500 евреев, которых 16–17 сентября 1941 г. гитлеровцы замучили и расстреляли.

С целью прямого физического истребления значительной части населения Беларуси гитлеровские оккупанты проводили карательные экспедиции. Так, 10 июня 1942 г. фашисты расстреляли всех жителей деревни д. Кистелёво. 28 октября 1942 г. за недовыполнение поставок зерна жителями деревни Кветча были расстреляны 40 человек, а деревня сожжена. Карательная операция деревни Слободка, Пунище и Кривицы. За годы войны на Лепельщине были расстреляны свыше 4700 человек из них 550 детей и 903 человека вывезены в Германию на каторжные работы, сожжены 47 деревень [14; 15, л. 45].

Когда осенью 1943 г. началось освобождение северо-восточных областей Беларуси частями Красной армии силы и средства партизанских отрядов были сосредоточены на ударах по тыловым коммуникациям 3-й немецкой танковой армии. Для руководства и координации боевых действий партизан в декабре 1943 г. была создана оперативная группа ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Полоцко-Лепельской партизанской зоне и ее возглавил В. Е. Лобанок. Группа базировалась в г. п. Ушачи и поддерживала связь с 1-м Прибалтийским фронтом и партизанским соединением других зон. Она координировала деятельность 16 партизанских бригад, в том числе вовремя Полоцко-Лепельской битвы, которая началась 11 апреля 1944 г. и продолжалась до 5 мая [16].

Полоцко-Лепельская битва — бои партизанских бригад Полоцко-Лепельской партизанской зоны против немецко-фашистских захватчиков. К концу 1943 г. площадь Лепельской партизанской зоны, созданной осенью 1942 г. в результате боевой работы белорусских партизан на территории Ушачского, части Лепецкого, Полоцкого и Глубокского районов, составила 3,2 тыс. км. Она включала 1220 населенных пунктов и более 73 тыс. человек населения. В зоне была восстановлена советская власть издавались районные и многотиражные газеты, действовали партизанские аэродромы, работали заводы и предприятия, три электростанции [17, с. 353].

В конце декабря 1943 г., когда фронт приблизился к северной границе зоны, гитлеровцы решили оттеснить партизан от дороги Витебск–Лепель–Парафьяново, которая связывала 3-ю немецкую танковую армию с тылом. Не добившись успеха, захватчики до февраля 1944 г. организовали карательные операции. Им противостояли 16 партизанских бригад (17,5 тыс. человек, 21 орудие, 143 миномета, 151 противотанковое ружье, 721 пулемет и другое вооружение), объединенных под руководством оперативной группы ЦК КП(б)Б и БШПД (руководитель В. Е. Лобанок), находившейся в г. п. Ушачи [11].

6 апреля 1944 г. Лобанком был подписан приказ опергруппы с требованием «Повысить боевую готовность и организованность. Взыскивать и наказывать трусов и паникёров. На примерах героических подвигов бойцов-партизан воспитывать в личном составе мужество и бесстрашие к врагу» [17, л. 22].

Весной 1944 г. фашисты устроили карательную операцию «Праздник весны». Против 17 тысяч партизан из соединения Лобанка выступили 60 тысяч фашистов, 137 танков, 235 орудий, 70 самолетов, 2 бронепоезда [1, с. 135]. Партизаны в тяжелых боях нанесли врагу серьезный урон. Сперва выстояли, а затем, в мае 1944 г., организовали ошеломительный Прорыв из окружения. При этом вывели с собой 15 тысяч мирных жителей, которые были бы уничтожены фашистским извергами.

Именно за эту важнейшую операцию полковник, Герой Советского Союза В. Е. Лобанок был удостоен величайшей полководческой награды — Ордена Суворова I степени. Получая эту награду в сентябре 1944 г., Владимир Елисеевич сказал: «Фашисты хотели поставить белорусский народ на колени. Не вышло! Тысячи лучших сынов белорусского народа выступили на защиту своей свободы и жизни. Немцы бросали против наших партизан целые дивизии, танковые полки, эскадрильи самолетов. Но мы не покорились, не стали на колени перед проклятым врагом» [1, с. 35].

5 мая партизанские бригады 1-я Антифашистская, 16-я Смоленская, им. Ворошилова, им. ВЛКСМ и др. прорвали вражеское окружение в направлении д. Паперино-Двор Плино и вывели из блокады 15 тысяч мирных жителей.

В ходе боев (декабрь 1943 – 5 мая 1944) партизаны нанесли фашистам большой урон в живой силе и техники, прорвали блокаду и рассредоточились по партизанским зонам Витебской и Минской областей.

За успешно проведённую операцию по прорыву блокады в ночь с 4 по 5 мая 1944 г. и вывод из окружения 15 тысяч мирных жителей В. Е. Лобанок был награждён орденом Суворова 1-й степени.

Как считает доктор исторических наук, профессор Э. Г. Иоффе: «Военным орденом Суворова награждались маршалы и генералы — командующие фронтами и армиями, представители высшего военного командования и Генштаба. Всего за годы войны только орденом Суворова 1-й степени награждено свыше 390 человек. Мало кому известно, что среди них был и прославленный партизанский командир — Герой Советского Союза Владимир Елисеевич Лобанок. В истории партизанского движения на белорусской земле это единственный случай награждения партизанского командира этим высоким полководческим орденом» [18].

За особенные заслуги в развитии партизанского движения полковнику Владимиру Лобанку еще в сентябре 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Данная награда была вручена за умелое командование партизанской бригадой в тылу немецко-фашистских войск, проявленный при этом мужество и героизм. Также В. Е. Лобанок был награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и многими медалями.

После освобождения Беларуси Владимир Лобанок с июня 1944 г. работал на ответственных государственных и партийных должностях.

Ушел из жизни легендарный партизанский комбриг в 1984 г. С почестями его похоронили на Восточном кладбище столицы. До последнего дня он был в строю, служил родной Беларуси, которую так горячо любил.

Библиографические ссылки

1. Партизаны Беларуси = Partisans of Belarus / автор и составитель О. А. Усачев. Минск. Беларусь, 2024.
2. *Кавалёў П. Н.* Герой Савецкага Саюза Уладзімір Лабанок. Мн.: Дзярж. выд-ва БССР, 1945.
3. *Тараткевич М. В.* Такой и должна быть легенда: о партизанах и подпольщиках / М. В. Тараткевич. М: Политиздат, 1985.
4. Памяць: Лепельскі раён: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск: Бел. Эн., 1999.
5. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга. Мінск: Бел. Эн., 2005. 592 с.
6. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. Минск: Беларусь, 1965.
7. Национальны архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 5.
8. НАРБ. Ф. 3893. Оп. 1. Д. 5.
9. *Брюханов А. И.* В штабе партизанского движения. Минск: Беларусь, 1980.
10. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 т. / Под ред. К. П. Горшенина. М.: Юридическая литература, 1987–1999.
11. *Лобанок В. Е.* В боях за родину. Минск: Беларусь, 1964.
12. *Лобанок В. Е.* Партизаны принимают бой. Минск: Беларусь, 1976.
13. Навечно в сердце народном / Гл. ред. П. У. Бровка. Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1975.
14. Лепель 1941. Великая Отечественная война. URL: http://mistikatv.ru/istoriya-lepelya/lepel1941.-velikaya-otechestvennaya-voyna.html (дата обращения: 15.03.2025).
15. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 47.
16. *Гигин В. Ф.* Прорыв. URL: http://www.comparty.by/vgigin-proryv (дата обращения: 15.03.2025).
17. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 41.
18. *Иоффе И. Г.* Кавалер ордена Суворова. URL: http://museum.mgatk.by/material-o-lobanke (дата обращения: 15.03.2025).

МЕДИЕВИСТЫ БГУ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, Ewtuhow@bsu.by

Рассматривается деятельность сотрудников кафедры истории Средних веков (профессора В. Н. Перцева и доцента Г. М. Лившица) во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу. В частности, подчеркивается, что агрессия со стороны нацистской Германии привела профессора В. Н. Перцева к участию в работе Всеславянского комитета. На страницах издаваемого комитетом журнала «Славяне» историком была сформулирована рамочная концепция истории прусского народа.

Ключевые слова: медиевистика БГУ; В. Н. Перцев; история древних пруссов; Г. М. Лившиц.

BSU MEDIEVALISTS AT THE FRONT AND IN THE REAR

I. Yeutukhou

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, Ewtuhow@bsu.by

The article examines the activities of the Department of Medieval History (Professor V. N. Pertsev and Associate Professor G. M. Livshits) during the Great Patriotic War at the front and in the rear. In particular, it is emphasized that the aggression of Nazi Germany led Professor V. N. Pertsev to participate in the work of the All-Slavic Committee. On the pages of the journal "Slavyane" published by the Committee, the historian formulated a framework concept for the history of the Prussian people.

Keywords: BSU medieval studies; V. N. Pertsev; history of the ancient Prussians; G. M. Livshits.

Введение. Как видно из названия доклада, нарратив распадается на три части: медиевисты БГУ, фронт и тыл. Первая из них также распадается на две части: сотрудники кафедры истории Средних веков БГУ, работавшие там по состоянию на июнь 1941 г., и сотрудники кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ из числа ветеранов Великой Отечественной войны, работавшие там в послевоенный период. К числу первых относятся профессор В. Н. Перцев и доцент (в дальнейшем — профессор) Г. М. Лившиц, к числу вторых: ученица профессора В. Н. Перцева профессор В. В. Чепко, профессор кафедры в 1983–2004 гг., и профессор Д. С. Климовский, заведовавший кафедрой в 1977–1982 гг.

Профессор Владимир Николаевич Перцев (1877–1960) стоял у самых истоков и Белорусского государственного университета, созданного в 1921 г., и исторического факультета, созданного в 1934 г.

Он писал в своей автобиографии о своей жизни в годы Великой Отечественной войны следующее: «24 июня 1941 г. я в связи с начавшейся

войной эвакуировался из г. Минска, добрался до г. Курска, где у меня были родственные связи и был зачислен в число профессоров Курского педагогического института. Курский институт 2 октября 1941 г. был эвакуирован в г. Сарапул, куда я направился с прочими работниками института. Но в Сарапуле я не мог развернуть своей работы. В качестве председателя государственной экзаменационной комиссии я провел экзамены для выпускников, а затем переехал в г. Ижевск для работы в Удмуртском педагогическом институте в качестве профессора и заведующего кафедрой истории. В июле 1942 г. я был избран профессором Казанского университета, но в связи с квартирными затруднениями и трудностями переезда, остался в Ижевске… В сентябре 1943 г. в связи с возобновлением деятельности Белорусского университета под Москвой (в местечке Сходня) я переехал в Москву и возобновил свою работу в Белорусском университете, а также в Академии наук БССР, в которой в скором времени был избран на должность академика-секретаря Отделения общественных наук. В январе 1944 г. я за научную деятельность был награжден Верховным Советом СССР Орденом Ленина, а Верховным Советом БССР — званием Заслуженного деятеля науки. С переездом [Белорусского государственного] университета и Академии наук в Минск в 1945 г. я также возвратился в г. Минск, где и продолжаю жить и работать до настоящего времени. В мае–июне 1945 г. я был назначен правительством БССР на конференцию Объединенных Наций в г. Сан-Франциско» [1, с. 55–56].

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза расставило новые акценты в интересе В. Н. Перцева к Пруссии. Теперь его внимание привлекла тема истоков германского милитаризма. В марте 1942 г. в выступлении на сессии Академии наук БССР в Казани В. Н. Перцев говорил: «Историей Германии я интересуюсь давно, теперь же я веду свою работу в области изучения начальных моментов германской захватнической политики. Эти начальные моменты падают на XIII–XIV столетия» [2, с. 89]. В докладе «Фашизм и средневековье» был предложен обстоятельный обзор германских исторических исследований конца 1920-х–1930-х гг. и дан отпор идеологии фашизма, отраженной в них. Опубликован доклад был в материалах сессии и журнале «Славяне».

В 1943 г. в журнале «Славяне» В. Н. Перцев опубликовал статью под символическим названием «Древняя Пруссия и агрессивное пруссачество». Как представляется, эта статья знаменовала ту грань прусской истории, которая как раз и привлекла его внимание — контрастное противопоставление миролюбивого прусского населения германским агрессорам.

Высказанные в журнале «Славяне» положения были развернуты в 1944 г. в весьма содержательную статью «Пруссия до ее завоевания

немцами» [3]. В. Н. Перцев выделил ряд этапов развития древней Пруссии, ориентируясь при этом не на внутреннее развитие региона, а на наличие свидетельств античных и средневековых авторов: 1) до конца II в.; 2) III–VI вв.; 4) VI–IX вв.; 5) X–XIII, включая завоевание Пруссии Тевтонским орденом. При этом он предложил последовательное краткое изложение социально-экономических и политических сюжетов прусской истории от начала н. э. до конца IX в. В результате В. Н. Перцев пришел к выводу, что на этих землях начались складываться феодальные отношения, «по крайней мере в зачаточной форме», а «завоевание Пруссии Орденом было по существу разбойничьим вмешательством, насильственно оборвавшим нить прусского исторического развития и задержавшим прогресс политической, общественной и экономической жизни Пруссии. Никакого цивилизующего влияния на историю Пруссию это завоевание не оказало» [3, с. 52].

В 1959 г. ученым было запрещено совмещение работы на полную ставку в АН БССР и БГУ. Таким образом перед В. Н. Перцевым стал выбор между должностями секретаря-академика Отделения общественных наук АН БССР и заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков БГУ. Владимир Николаевич выбрал кафедру и написал заявление об уходе из Академии наук.

Жизненный путь академика и профессора В. Н. Перцева завершился 3 июня 1960 г.

Профессор Гилер Маркович (Мордухович) Лившиц (1909–1983) родился в поселке Дараганово, относившимся тогда к Новодорожской волости, Бобруйскому уезду, Минской губернии (ныне Осиповичский район Могилевской области).

В 1934 г. закончил экономическое отделение социально-экономического факультета Белорусского государственного высшего педагогического института.

Профессор Владимир Николаевич Перцев, заведовавший в то время кафедрой всеобщей истории в педагогическом институте, пригласил в аспирантуру при кафедре показавшегося ему способным к истории молодого человека.

Профессор Перцев не ошибся в выборе. Гилер Лившиц успешно сдал вступительные экзамены и поступил в аспирантуру. Во время учебы он не только работал над кандидатской диссертацией, но и преподавал в педагогическом институте и на созданном в БГУ историческом факультете. Благо, что там работал тот же профессор В. Н. Перцев. В педагогическом институте Г. М. Лившиц работал как штатный сотрудник, в БГУ — как совместитель. По совместительству он также работал в Минском юридическом институте (ныне — юридический факультет БГУ).

В 1939 г. состоялась защита кандидатской диссертации Гилера Марковича Лившица «Социально-политическая борьба 60-х гг. I в. до н. э. в Риме и заговор Катилины». Это была первая защита кандидатской диссертации по всеобщей истории в Белоруссии. На следующий год Гилер Маркович стал первым в БССР доцентом по всеобщей истории. В 1941 г. доценту Лившицу с учетом его базового высшего экономического образования было присвоено достаточно высокое воинское звание интенданта 3-го ранга, которое соответствовало званиям капитан и старший политрук.

После начала Великой Отечественной войны Гилер Маркович переправил свою семью в Могилев, а сам явился в действующую армию. Воинская служба началась в комендантском взводе в городе Новозыбков. Его воинская часть, входившая в состав 13-й армии попала в окружение, но смогла вырваться из него под Пропойском и отойти с боями на восток.

В октябре 1941 г. Г. М. Лившиц был временно демобилизован. В то время на сборных пунктах и военкоматах скопилось большое число кадровых офицеров из разбитых частей.

В дальнейшем Гилер Маркович подпал под бронирование лиц высшей квалификации и был отправлен в эвакуацию к родственникам в южный Казахстан, где он встретился со своей семьей. Там его приняли на работу в Кзыл-Ординский педагогический институт (ныне университет) на должность доцента.

Война еще продолжалась. Но Минск уже был освобожден. В город с подмосковной станции Сходня вернулся БГУ. Для налаживания его нормальной работы со всей страны начали собирать старых сотрудников. В числе прочих был вызван из Казахстана и доцент Г. М. Лившиц.

По прибытии в Минск он написал следующее заявление на имя ректора: «Согласно Вашего вызова я сегодня прибыл в гор. Минск и готов приступить к своим обязанностям в качестве доцента кафедры истории ср[едних] веков. Прошу оформить меня штатным работником Белгосуниверситета». Резолюция ректора гласила: «В приказ: зачислить доц[ентом] каф[едры] ср[едних] веков с 25.X.44 г.» [1, с. 69].

В дальнейшем Гилер Маркович до конца жизни был связан с кафедрой истории Средних веков (с 1955 г. — истории древнего мира и средних веков), читая общие курсы по средневековой истории Западной Европы, стран Азии и Африки. Здесь он стал дважды доктором: исторических (1961) и философских (1977) наук, профессором (1962).

Жизненный путь профессора Г. М. Лившица завершился 27 июня 1983 г.

Профессор Валентина Владимировна Чепко (1925–2004) родилась в Минске. В 1940 г. закончила школу (учиться она начала с шести лет) и поступила на учебу в Ленинградский кораблестроительный институт.

Начало Великой Отечественной войны застало ее в Ленинграде. Была ранена при обстреле и вывезена из блокадного города зимой 1942 г. В 1943 г. Валентина Владимировна пошла добровольцем на фронт. Служила она в роте связи вместе со своей матерью, фельдшером. Вместе 27-й армией Валентина Владимировна прошла всю Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. В дальнейшем 27-ая армия была переброшена на Дальний Восток для участия в боевых действиях против Японии. В Маньчжурии Валентина Владимировна дошла до Мукдена. Демобилизовалась в ноябре 1945 г. и вернулась в Минск. Боевой путь Валентина Владимировна описала в своих мемуарах, опубликованных в 2005 г. [4].

На учебу в Ленинград она решила не возвращаться. Тем более, что практически все ее студенты-однокурсники погибли во время войны. Валентина Владимировна осталась в Минске и поступила на исторический факультет БГУ. Когда она была студенткой третьего курса, ее в первый раз избрали депутатом Минского городского совета. Всего же Валентина Владимировна была депутатом 12 лет. Работала в комиссии по народному образованию. В 1950 г. окончила университет и поступила в аспирантуру, где училась до 1953 г.

В 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Общественная и культурная деятельность Георгия Скорины». Ее научным руководителем был академик В. Н. Перцев, по рекомендации которого Валентину Владимировну приняли на работу в Институт истории АН Беларуси, где она работала до 1972 г. Во время работы в Институте истории ей было присвоено звание старший научный сотрудник (1956).

В. В. Чепко исследовала социально-экономические процессы в Белоруссии в первой половине XIX в., изучала вопросы аграрной истории Белоруссии, историю белорусских городов конца XVIII – первой половины XIX в., творчество Франциска Скорины, историографию Белоруссии эпохи феодализма.

Валентина Владимировна входила в состав авторских коллективов двухтомной «Истории БССР», пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР», подобрала, подготовила и опубликовала документы для 3-го и 4-го томов сборника «Белоруссия в эпоху феодализма».

Собранный и проанализированный фактический материал лег в основу монографии «Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в.», вышедшей в 1966 г. А уже через три года Валентина Владимировна защитила докторскую диссертацию на тему «Разложение

феодально-крепостнической системы и формирование капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века». В 1970 г. была награждена орденом «Знак почета».

С 1972 г. по 1978 г. работала заведующей кафедрой всеобщей истории в Минском государственном педагогическом институте имени М. Горького. В институте Валентина Владимировна также основное внимание уделяла истории Белоруссии — издала в 1972 г. монографию «Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века». При этом она не забывала и про историю средних веков: читала по этому предмету общий курс лекций.

С 1975 г. по 1983 г. была заведующей кафедрой истории БССР в БГУ. И здесь она также издала монографию: «Города Белоруссии в первой половине XIX века: экономическое развитие» (1981). В 1976 г. ей присвоили звание профессор.

В 1983 г. Валентина Владимировна перешла на должность профессора кафедры истории древнего мира и средних веков. Она читала курс истории средних веков на отделении истории КПСС, а также на вечернем и заочном отделениях. После ухода в 1992 г. на пенсию профессор В. В. Чепко читала спецкурс «Итальянское Возрождение» для студентов 4-го курса дневного отделения и 5-го курса заочного отделения, руководила курсовыми и дипломными работами.

До последних дней Валентина Владимировна работала на родной для нее кафедре: выпустившей ее в молодости и принявшей на склоне лет. Закончился ее жизненный путь 24 ноября 2004 г.

Профессор Даниил Сергеевич Климовский (1920–1982) родился в Брянской области. После окончания школы поступил в Смоленский электротехникум, но не закончил его. Даниил выбрал путь офицера и продолжил учебу в Ульяновском военном училище связи. Звание «лейтенант» он получил 10 июня 1941 г., а через 12 дней началась война. Всю войну Даниил Сергеевич был в действующей армии, пройдя путь от командира взвода до помощника начальника штаба полка. Воевал на Юго-Западном, Волховском, Ленинградском, III и II Прибалтийском, II и I Белорусском фронтах. Был трижды ранен. Всегда возвращался после госпиталя в действующую армию. За проявленное мужество был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, медалями.

В 1954 г. Даниил Сергеевич уволился из армии в звании майора и начал работать в Минске в Республиканском научно-методическом кабинете культурно-просветительской работы. В 1956 г. Даниил Сергеевич

закончил исторический факультет БГУ и поступил в аспирантуру. Здесь его научным руководителем стал доцент Г. М. Трухнов, один из ведущих германистов БГУ, специалист по германской истории 1920-х гг.

В 1964 г. он Д. С. Климовский защитил кандидатскую диссертацию «Германо-польский договор 1934 года», в которой особо подчеркнул, что договор не только определил всю внешнюю политику Польши, но и стал «троянским конем», приведшим страну к катастрофе 1939 г.

В 1977 г. Д. С. Климовский защитил докторскую диссертацию, после чего его рекомендовали к избранию заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков. Профессор Ф. М. Нечай, покидавший этот пост, так отозвался о своем преемнике: «Уверен, что под руководством доцента Климовского кафедра будет работать также хорошо, как до сих пор, и еще лучше» [1, с. 93]. В 1979 г. Даниилу Сергеевичу Климовскому была присуждена ученая степень доктор исторических наук. В 1980 г. присвоено звание профессор.

Возглавляя кафедру истории древнего мира и средних веков, он снова вернулся к проблемам, связанным с германским «Дранг нах Остен». Только на этот раз в эпоху средневековья.

Умер Даниил Сергеевич 30 июня 1982 г.

Библиографические ссылки

1. *Евтухов И. О.* Кафедра истории древнего мира и средних веков: к 80-летию создания. Минск: БГУ, 2015.

2. Выступление академика АН БССР В. Н. Перцева // Материалы Мартовской сессии АН БССР (12–13 марта 1942 г., г. Казань). М., 1942. С. 89–91.

3. *Перцев В.* Пруссия до ее завоевания немцами // Исторический журнал. 1944. № 4. С. 44–52.

4. *Чепко В. В.* Из воспоминаний // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 6. Мінск: БелНДІДАС, 2005. С. 197–213.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА КАРАКАЛПАКСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ф. М. Мадреймов

Нукусский государственный педагогический институт,
ул. П. Сейтова б/н, 230105, г. Нукус, Узбекистан, farxatmadreymov8183@gmail.com

В годы Великой Отечественной войны Каракалпакстан пережил глубокие социальные изменения. В статье рассматриваются демографические сдвиги, роль женщин в труде, условия жизни семей фронтовиков и адаптация общества к военным условиям. Особое внимание уделено тыловому труду, продовольственному обеспечению и государственной политике в регионе.

Ключевые слова: Социальные изменения; тыловой труд; эвакуация; женский труд; семьи фронтовиков; медицинское обслуживание; миграция.

SOCIAL RESTRUCTURING OF KARAKALPAKSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

F. M. Madreymov

Nukus State Pedagogical Institute, P. Seitov Street, 230105, Nukus, Uzbekistan,
farxatmadreymov8183@gmail.com

During the Great Patriotic War Karakalpakstan experienced profound social changes. The article examines demographic shifts, the role of women in labor, the living conditions of families of front-line soldiers and the adaptation of society to military conditions. Special attention is paid to the homefront, food security, and state policy in the region.

Keywords: social changes; homefront; evacuation; women's labor; families of front-line soldiers; medical care; migration.

Вторая мировая война 1941–1945 гг. стала серьезным испытанием для народов бывшего советского государства, в том числе для населения Каракалпакстана. Война затронула все сферы жизни общества, вызвав значительные демографические, экономические и социальные трансформации. В условиях военного времени происходили кардинальные изменения в системе социальной организации, занятости, обеспечении населения продуктами питания и медицинским обслуживанием.

В Каракалпакстане на повестке дня оказался вопрос мобилизации всех материальных средств республики для оказания помощи фронту. Республика обладала огромными ресурсами для удовлетворения нужд фронта и тыла стратегическим сырьем и продовольствием. Был определен общий прирост посевных площадей на 1941 г. в размере 38 815 га, из них под хлопок выделялось 10 700 га [1].

Одновременно была поставлена задача обеспечить республику собственным зерном. Для этого предполагалось увеличить в дальнейшем площади под основные посевы зерновых культур до 60 100 га и под повторные, под покровные посевы — до 22 132 га. Ставилась задача повысить урожайность хлопчатника до 18 ц/га, озимой пшеницы до 14,5 ц/га, яровой пшеницы и чистой шалы до 18 ц/га, бобовых культур до 11 ц/га [2].

Урожай 1941 г. оказался необыкновенно высоким. Сбор хлопка начался в августе. На хлопковых полях развернулась упорная борьба за сбор всего выращенного урожая. Государственный план развития животноводства в 1941 г. был выполнен по крупному рогатому скоту на 105,4 %, по каракульским овцам на 107,5 %, козам — на 111,7 %. Поголовье скота за 1941 г. возросло на 15,1 % по сравнению с 1940 г. Наряду с этим увеличилось количество скота на колхозно-товарных фермах. Если в 1940 г. было 147 ферм крупного рогатого скота (15 800 голов), 145 овцеводческих ферм (97 100 голов), то на 1 июля 1942 г. число ферм крупного рогатого скота возросло до 407 (58 990 голов), а овцеводческих — до 225 (358 300 голов) [2].

В Каракалпакстане наряду с предприятиями по первичной обработке хлопка-сырца, люцерны и рыбы в военное время особо важное значение имели предприятия местной промышленности. В 1942 г. выросло число предприятий и значительно расширился ассортимент выпускаемой продукции для обеспечения нужд населения. Предприятия Наркомата местной промышленности в 1941 г. выполнили годовой план выпуска продукции на 102,2 %, увеличив при этом выпуск продукции по сравнению с 1940 г. на 18,7 % [3].

Работники местной промышленности Каракалпакстана в 1942 г. обеспечили выплавку одной тысячи тонн чугуна, что дало возможность отказаться от завоза металла. На основе произведенного сырья местная промышленность республики в течение короткого времени выпустила 1100 печных приборов, 8000 втулок для арб, 11 000 штук запасных частей для сельскохозяйственных машин, 7000 наконечников для омачей, 29 000 конских подков, 9600 железных лопаток, 21 000 железных ведер, 23 000 серпов и др. Объем продукции местной промышленности вырос в денежном отношении по сравнению с сравнению с 1940 г. почти в 3 раза [4].

Население сдавало на нужды обороны собственные сбережения, драгоценности, облигации государственных займов. Народ жертвовал всем во имя защиты своей Родины. За первые девять месяцев войны в фонд обороны по республике было внесено 3652 тыс. руб. и на 3497 тыс. руб. облигаций. К 1 мая 1944 г. от населения Каракалпакстана поступило в фонд обороны 5 107 700 руб., перечислено вкладов на сумму 66 000 руб. и пожертвовано облигаций государственных займов на 4 863 000 руб. [5].

Обычным явлением стали воскресники. Средства, заработанные на них, молодежь передавала в фонд обороны. В 1942 г. по республике были засеяны зерновыми, бобовыми культурами и шалой дополнительные площади, из которых в фонд обороны шли 672,25 га, а в фонд помощи 463,06 га [6].

Большой вклад в фонд обороны внесла молодежь, собрав 1500 тыс. руб. на постройку танковой колонны и 500 тыс. руб. на постройку авиаэскадрильи «Колхозник Узбекистана». Среди молодежи республики началось движение за сбор металлолома. Только за январь–февраль 1942 г. было собрано 423 т черного и 5,4 т цветных металлов [7].

Началось всеобщее движение за сбор теплых вещей для армии. К концу 1941 г. в республике было собрано 4000 ватных курток, 3370 ватных брюк, 1344 свитера, 9217 кг шерсти, 10 058 овчин и др. Женщины-домохозяйки стали создавать бригады для шитья и вязания из собранных населением шерсти и тканей теплых вещей [8].

Методом народной стройки было успешно осуществлено строительство нескольких магистральных оросительных каналов. В Шаббазском районе силами 54 колхозов к середине 1942 г. был построен самотечный канал Боз-яб. В целях обеспечения водой плодородного Ходжакуль-Назарханского массива силами колхозников Куйбышевского, Кипчакского и Ходжейлинского районов был построен канал Таза-Ярмыш. Большие работы по освоению плодородных земель древнего орошения были предприняты в Турткульском районе. Здесь по трассе древнего канала был проложен канал Кырк-Кыз, оросивший весной 1942 г. 3133 га новых земель [9].

Говоря о героическом труде в тылу, следует особо сказать о женщинах. Борьба с нацистами, вторгшимися в нашу страну, потребовала привлечения в армию огромого числа людей, занимавшихся ранее мирным трудом. Мужчины ушли на фронт, их места у станков и в поле заняли женщины. В своей работе они нисколько не уступали мужчинам. За очень короткий срок из числа женщин, молодежи, подростков были подготовлены механизаторские кадры: трактористов — 660, механиков тракторных бригад — 60, механиков по ремонту — 32, учетчиков и заправщиков — 360, шоферов — 74, ремонтников — 51 [10].

Особое внимание проявили к эвакуированным детям, потерявшим своих родителей. В республике была создана комиссия по оказанию помощи эвакуированным детям. В комиссию поступили многочисленные заявления от семей, желающих взять на воспитание детей. В Шаббазском районе такие заявления подали 413 женщин. К февралю 1942 г. в Каракалпакии, по неполным данным, было собрано для эвакуированных детей 100 тыс. руб. деньгами и на 8615 руб. облигаций [11].

С 1 июля 1941 г. по 1 января 1943 г. в Каракалпакстане семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны было выплачено 9 282 290 руб. На многих предприятиях и в учреждениях республики создавались специальные фонды помощи семьям красноармейцев. В колхозах республики семьям красноармейцев также оказывалась постоянная помощь. Им выдавали деньги, а также продукты питания и скот во временное пользование. В Чимбайском районе для семей военнослужащих были выделены 37 т зерна и денежная помощь в 70 000 руб. Колхозники помогали ремонтировать дома семей фронтовиков, обрабатывать их приусадебные участки. Из колхозных фондов семьи фронтовиков обеспечивались семенами [12].

Колхозники республики ежегодно проводили сбор продуктов питания для защитников Родины, отправляли на фронт продовольственные посылки. В 1942 г. население республики послали на фронт 3437 пудов зерна, 2102 пуда мяса и 1230 пудов рыбы. Широко развернулся сбор продовольствия для украинских партизан. Для них собрали 500 000 руб. и 760 пудов сельскохозяйственных продуктов [11].

В 1943 г. 400 человек из Каракалпакстана работало на строительстве Бекабадского металлургического комбината. Многие девушки из Каракалпакстана поехали работать на шахты Ангрена. Население Каракалпакстана оказывало большую помощь крупнейшей энергетической стройке Узбекистана — Фархадской ГЭС. Для строителей собирали продовольствие и подарки. Многие колхозы засевали для них специальные гектары. Рыбаки Муйнака послали строителям 1000 т рыбы, выловленной сверх плана [8].

В 1944 г. продукция местной промышленности увеличилась до 3,4 млн руб. против 1,3 млн руб. в 1940 г. Объем продукции промысловой кооперации достиг 17 млн руб. по сравнению с 14,2 млн руб. в 1940 г. Расширилась производственная деятельность кооперации инвалидов. В 1944 г. она выпустила продукции на 2,9 млн руб. против 1,1 млн руб. в 1940 г. [13].

На работу в хлопководство вернулись с других участков 190 бригадиров и 560 звеньевых, имевших огромной опыт работы и необходимые знания. Проводилась энергичная борьба с маловодьем. В короткий срок колхозники построили 56 подпорных сооружений и пустили в ход дополнительно 115 насосных установок. Повысилась трудовая дисциплина. Количество трудодней, выработанных в хлопководстве, увеличилось в 1944 г. на 28 % по сравнению с 1943 г. [8].

В начале 1944 г. в колхозах республики 250 бригад и 613 звеньев развернули борьбу за право называться гвардейскими. Повысилось использование техники во всех отраслях сельского хозяйства. В 1944 г. МТС

республики выполнили годовой план тракторных работ. В результате всех осуществленных мероприятий план сдачи хлопка в 1944 г. был выполнен на 109,7 %, а урожайность с гектара повысилась в среднем в 2 раза против 1943 г. [9].

За годы Великой Отечественной войны колхозы Каракалпакстана сдали государству 285 тыс. т хлопка-сырца, 764 тыс. т коконов, 386 тыс. пудов зерна, 1050 пудов риса, 15,2 тыс. т мяса. 571 тыс. т жиров и масла, 609 т шерсти. Рыбозаводы Муйнакского района выпустили 622,3 тыс. т соленой, сушеной и копченой рыбы. Общая валовая продукция промышленности республики в 1945 г. составила 37,9 млн руб. Общая подписная сумма на государственные займы обороны составила 154 589 тыс. руб. [13].

Таким образом, годы Великой Отечественной войны стали для Каракалпакстана периодом серьезных испытаний и изменений. Несмотря на все трудности, регион внес значительный вклад в общую победу, а его население продемонстрировало стойкость, адаптивность и способность к самоорганизации. Опыт, накопленный в военные годы, продолжал ощущаться и в последующие годы, влияя на развитие социальной структуры и народного хозяйства Каракалпакстана.

Библиографические ссылки

1. Қызыл Қарақалпақстан, 1941, 20 сентября.
2. Қызыл Қарақалпақстан, 1942, 13 февраля.
3. Қызыл Қарақалпақстан, 1944, 5 апреля.
4. Советская Каракалпакия, 1942, 10 мая.
5. Қызыл Қарақалпақстан, 1943, 10 июля.
6. Советская Каракалпакия, 1944, 22 апреля.
7. *Бабашев Ш.* Труд во имя победы. Нукус, 1980. 270 с.
8. *Шарипова К. Г.* Қарақалпақстан партия шөлкеми Уллы Ўатандарлық урыс жылларында. Нөкис, 1974. 287 с.
9. *Кощанов Б. А.*, *Сайманов С. С.* Вклад Каракалпакстана в Великую Победу // Журнал исторических исследований, Москва, 2020. № 3. С. 12–19.
10. Национальный архив Узбекистана. Ф. Р-27455. Оп. 1. Д. 147. Л. 9.
11. Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 122. Л. 54.
12. Очерки истории Каракалпакской АССР. Том II. Ташкент: ФАН, 1964. 338 с.
13. Центральный государственный архив Республики Каракалпакстан. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 794. Л. 61.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЮГОСЛАВИИ И В СЛОВЕНСКОЙ КАРИНТИИ КАК ФАКТОР БАЛКАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, anatsalkov@mail.ru

В статье представлены формы, методы и особенности антифашистского сопротивления немецким и итальянским оккупационным властям в северо-западных районах Югославии, сопредельных территории Германии и Италии. Обстоятельства этой борьбы коррелировались с позицией союзников по антигитлеровской коалиции о будущем Австрии, а также с политикой фашистской Германии в своих Альпийских и дунайских рейхсгау.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Балканы; оккупация Югославии; Словенская Каринтия; региональная политика.

ANTI-FASCIST STRUGGLE IN NORTHWESTERN YUGOSLAVIA AND IN SLOVENIAN CARINTHIA AS A FACTOR IN BALKAN REGIONAL POLICY

A. P. Salkov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, anatsalkov@mail.ru

The article presents the forms, methods and features of anti-fascist resistance to the German and Italian occupation authorities in the northwestern regions of Yugoslavia, adjacent to the territories of Germany and Italy. The circumstances of this struggle correlated with the position of the allies of the anti-Hitler coalition on the future of Austria, as well as with the policy of fascist Germany in its Alpine and Danube Reichsgaue.

Keywords: World War II; Balkans; occupation of Yugoslavia; Slovenian Carinthia; regional policy.

Ряд важных международных факторов формировали военно-политическую повестку в данном регионе — позиция союзников по антигитлеровской коалиции о будущем Австрии, политика Германии в своих Альпийских и дунайских рейхсгау, обстоятельства антифашистской борьбы на северо-западе Югославии и в Словенской Каринтии (словен. Корошка).

В Декларации об Австрии, принятой на Московской конференции министров иностранных дел (19–30 октября 1943), она рассматривалась как «первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии». Ее присоединение к Германии оценивалось как «несуществующее и недействительное», из чего следовало восстановление Австрии в

границах до аншлюса [1, с. 328]. По итогам Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943) И. В. Сталин, отклонивший план У. Черчилля о Дунайской федерации, высказался за то, чтобы Австрия была отдельным государством [2, с. 117].

Германия на сопредельных территориях оккупированных стран (в Лотарингии, Эльзасе, Люксембурге) создала особые административные единицы — Область гражданского управления. Вместо военной здесь вводилась немецкая гражданская администрация, планировалась полная германизация и присоединение к рейху. Эти Области не считались заграницей. В немецкой зоне оккупации Словении в апреле 1941 г. были образованы две такие единицы. Первая — Область гражданского управления Каринтия и Крайна с центром в Фелдесе (словен. Блед), а позже в Клагенфурте. В нее входили северо-западные районы словенской Корошки и Крайны. В ноябре 1941 г. область передана в подчинение рейхсгау Каринтия. Вторая — Область гражданского управления Нижняя Штирия с центром в Марбурге-ан-дер-Драу, а позже в Граце. В нее входили северо-восточные районы словенской Нижней Штирии. В ноябре 1941 г. область была передана в подчинение рейхсгау Штирия [3, с. 300].

В этих двух областях сразу стала проводиться жесткая политика германизации, запрещалось употребление словенского языка. Были образованы Каринтийский народный союз и Штирийский отечественный союз. С целью вытравить словенское самосознание в эти фашистские организации загнали практически все население Нижней Штирии и Верхней Крайны. В апреле 1942 г. был даже разработан план переселения всех словенцев. Однако официальное присоединение двух областей к рейху так и не состоялось. Народно-освободительное движение здесь было почти полностью подавлено. После выхода Италии из войны в июле 1943 г. Люблянская покраина, созданная в итальянской зоне с правами автономии, была оккупирована Германией. В этих условиях словенские коллаборационисты тщетно пытались принять немецкий протекторат над объединенной Словенией или создать «рейхсгау Словения» [4, с. 89–92; 5, с. 178–179, 222–223]. Берлин, в свою очередь, считал уровень фашизации Штирии и Каринтии весьма высоким. По сведениям НКГБ СССР, полученным агентурным путем из Лондона в октябре 1944 г., в Германии под руководством личного секретаря фюрера и начальника партийной канцелярии НСДАП Мартина Бормана были разработаны планы по организации нацистского подполья для продолжения борьбы после возможного поражения в войне. Основным центром сопротивления считалась Штирия, второй базой — Тироль [6, с. 443].

Уже на ранних этапах освободительного движения определилось не только стремление руководства КПЮ к воспроизведению советского

строя, но и тенденция к возврату славянских земель, не вошедших в состав Королевства СХС [7, s. 750–762]. Более того, КПЮ стремилась начать по-строение советской модели именно с предъявления территориальных претензий почти ко всем своим соседям, основываясь на примере СССР конца 1930-х гг. Попытки же опереться в этом на Москву вызывали ее противодействие [8, с. 122].

Компартия Словении (основана в 1937 г., секретарь ЦК с 1937 по 1943 г. — Эдвард Кардель) уже с лета 1941 г. начала разворачивать антифашистскую борьбу, но в Корошке и Приморско ее структуры первоначально были слабы. В июле 1942 г. в Словенской Корошке появились первые комитеты Словенского освободительного фронта. В ноябре сюда была заброшена группа из 11 югославских партизан, которая выросла в батальон. В 1943 г. в Корошке и Приморско уже велась полномасштабная партизанская война с мыслью о возврате этнических земель [9, s. 124–129, 187–197, 276–311; 10, s. 57–72]. В ряде «Внутренних сообщений» Г. М. Димитрова весной 1943 г. говорилось о бурном народно-освободительном движении в крае, который многими уже считался германизированным. Отмечалось, что словенцы, которые «уже 23 года были оторваны от Югославии», поддерживали партизан [11, л. 12, 27–28].

Каринтийские партизанские соединения (более 3,5 тыс. чел.) вошли в состав югославской армии. Наступление против словенских приморских партизан в Люблянской провинции, предпринятое большими силами итальянцев, в июне потерпело полную неудачу [11, л. 73–74]. К концу 1943 г. партизанские отряды Штирии, Южной Каринтии и Зальцкаммергута (историческая область к востоку от Зальцбурга) примкнули к Австрийскому фронту свободы, возникшему осенью 1943 г. под Трофайахом (город в Штирии) [12, с. 402–403]. С помощью югославских партизан в 1944–1945 гг. было сформировано пять австрийских «батальонов свободы», в основном из коммунистов. Они действовали в Штирии (в районе г. Леобен и его пригорода Донавиц к северу от Граца) и в Каринтии (в районах г. Коральпе к западу от Граца и г. Гайльталь на стыке австро-итало-югославской границы) [13, с. 380]. Штирия и Каринтия, таким образом, были единственным регионом не только Австрии, но и Третьего рейха, население которого вело открытую вооруженную борьбу с фашизмом.

Глава правительственной делегации Югославии Андрия Хебранг, который был вторым человеком в исполнительной власти, на встрече с И. В. Сталиным 9 января 1945 г. заявил, что Югославия намерена участвовать в оккупации «отдельных германских районов». Он также развернул картину югославских территориальных претензий к Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Италии и Австрии. Касательно последней был поставлен

вопрос о присоединении части Корушки. Сталин выслушал перечень этих претензий, но почти по всем сюжетам, подобно Корошке и Истрии, озадаченно повторял: «необходимо, чтобы сами эти области требовали своего присоединения к Югославии» [14, с. 119, 126–127]. После встречи Хебранг телеграфировал главе правительства ФНРЮ (с марта 1945 по январь 1953) и генсеку КПЮ Иосипу Броз Тито 11 января: «По многим политическим вопросам их мнение отличается от нашего… Нужно быть осмотрительными во внешнеполитических вопросах. Надо избегать больших требований к соседним странам, чтобы не вызвать их негативного отношения или столкновения с нами» [15, с. 398].

9 марта 1945 г. была обнародована Декларация единого югославского правительства. В ней, в числе прочего, выдвигалась задача, чтобы «наши национальные территории, оставшиеся после Первой мировой войны вне границ нашего государства, были присоединены, тем более что общим народно-освободительным восстанием… они фактически уже присоединились и определились за демократическую федеративную Югославию». Подчеркивалось, что именно на этих территориях славянские народы своей борьбой «оказали большие услуги общему делу Объединенных наций» [15, с. 422, 605].

Территориальные претензии Югославии изложил и бывший премьер-министр эмигрантского, министр иностранных дел (в марте–октябре 1945 г.) единого югославского правительства Иван Шубашич на встрече с В. М. Молотовым 6 апреля 1945 г. Они «исчерпывались» Истрией и граничащими с Югославией районами Австрии и Венгрии. Шубашич полагал, что если «в ходе нынешней войны югославские войска займут Истрию, то в этом случае для Югославии будет легче разрешить вопрос об исправлении своих границ с Италией». Шубашич пообещал прислать Молотову меморандум и карту с подробной характеристикой югославских территориальных претензий [15, с. 429–430]. Такая позиция содержала своеобразное клише для решения пограничного спора и с Австрией, что подтвердили последующие события.

В Лондоне также царили довольно радикальные настроения. Вице-министр и «идеолог» Форин офис Орм Сарджент подготовил меморандум о позиции своей страны в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) по вопросу о послевоенном устройстве Германии, Австрии и Польши от 2 апреля 1945 г. Документ открывался резкой фразой (в изложении советского разведчика): «Хотелось бы знать, не пришло ли в связи с окончанием войны время пересмотреть наше оборонительное, почти примирительное отношение к СССР… Возможно настало время раскрыть карты… по следующим вопросам: 1) Германия и Австрия; 2) советский санитарный

кордон». В «Обзоре современных тенденций во внешней политике Англии» от 6 апреля прямо формулировалось: «Существует опасение, что Австрия также попадает в советскую сферу, хотя все еще имеется надежды помешать этому» [16, с. 347, 355].

Зревший геополитический конфликт усугубился занятием югославами ряда районов австрийской Каринтии и южных районов Штирии, которые, по мнению Белграда, должны быть воссоединены со Словенией. Значительным военным фактором в регионе был батальон «Лацкова чета». В 1941–1942 гг. в районе Птуя и словенской части Горицы словенский коммунист Йоже Лацко развернул партизанское движение и создал отряд, но в августе 1942 г. был замучен гестапо. 11 мая 1945 г. «Лацкова чета» начала оккупацию Лойчаха. В течение 40 дней гражданскую власть осуществлял присланный из Марибора «комиссар» Андреас Фишингер. Он установил суровый проюгославский режим, имея целью подготовить район к югославской аннексии. Однако 1 июля югославские войска были вынуждены покинуть Лойчах, который заняли советские части, но и они 24 июля были заменены британскими войсками. Аналогичная ситуация имела место в районе Собота, в который тоже вошла «Лацкова чета», а также в Радгонском треугольнике [17, s. 112–114].

Поскольку Югославия считала, что «территориальные изменения являются незначительными», то квалифицировала вопрос как исправление югославско-австрийской границы, которая на линии в 120 км была сопредельна землям Словенской Каринтии [18, л. 87, 191–192]. В случае реализации этого требования 70 тыс. югославян оставались бы в Австрии, а 60 тыс. австрийцев оказались в Югославии, тем самым по мнению Белграда был бы разрешен «мучительный спорный вопрос в Центральной Европе» [18, л. 94].

Территориальные притязания Югославии были тесно связаны с возможностью ее участия в оккупации Австрии. Еще 2 апреля 1945 г. была направлена нота правительствам СССР, Великобритании и США. В ней ставился вопрос о получении Югославией на территории Австрии особой зоны для осуществления от имени союзников военной оккупации и административных функций [17, s. 111]. Причем указывался конкретный регион вдоль австро-югославской границы, «включая, в частности, провинцию Корошка, тем более что в большей части этого региона проживает юго-славское население». В ответном советском меморандуме от 19 апреля, признавая «большие усилия» югославского народа в разгроме Германии, оценивалось «полностью оправданным желание Югославии разделить с союзными странами труд в деле оккупации вражеской территории, с

которой она граничит». Москва выразила готовность разрешить «ввод Югославской армии в ту зону Австрии, которая будет оккупирована вооруженными силами Советского Союза» [15, с. 611–612].

Это обстоятельство обусловило уверенность И. Броз Тито, как следует из протокола заседания политбюро ЦК КПЮ от 23 апреля 1945 г., что «наши части оккупируют часть Австрии». Речь даже шла о необходимости предусмотреть кандидатуры комендантов районов, городов, командные должности в тылу «для Истрии, Триеста, Корошки и австрийских районов». В меморандуме МИД Югославии посольству СССР от 28 апреля с радостью принималось разрешение на «вход югославской армии» в планируемую советскую зону оккупации Австрии. Югославы даже подробно уточнили географические параметры своего сектора внутри советской зоны, который охватывал «с одним исключением у Айзенерца [город на севере Штирии. — А. С.] часть Австрии, находящуюся в долине рек Драва (с Муром) и Рабо [Раба — правый приток Дуная, протекающий по Штирии. — А. С.]». Отмечалось, что самая южная часть этого сектора «населена и до настоящего времени югославами, а когда-то вся эта зона, как и территория за нею, была населена словенцами и являлась составной частью их государства — Карантании». МИД Югославии просил сообщить общие оккупационные правила, которыми руководствуется Красная армия, чтобы «мы своевременно могли принять все необходимые меры для осуществления оккупации» [15, с. 443–445]. Все эти приготовления получили реальное выражение в клагенфуртской авантюре с продвижением югославских частей в Словенскую Корошку. В течение суток 8 мая события в Клагенфурте разворачивались с калейдоскопической быстротой: глава немецкой Области гражданского управления Каринтия и Крайна Фридрих Райнер перед эвакуацией передал власть некой «демократической» словенской администрации, которую возглавил Ханс Пиш; в город вошли югославские части; ночью же туда вступили и англо-американские войска [19, с. 20–21; 20, с. 351–352].

Хотя И. В. Сталин еще 2 мая 1945 г. в послании президенту США (с апреля 1945 по январь 1953) Гарри Трумэну предлагал обозначить «временную тактическую разграничительную линию», стал очевиден жесткий перехват Москвой инициативы в определении подходов к будущему Австрии. Это вызывало нараставшие противоречия с Западом. Их попросту не допускали в Вену, а они отказались признать Временное правительство Австрии во главе с канцлером (с апреля по декабрь 1945) Карлом Реннером, которое без консультации с союзниками было сформировано в советской зоне оккупации.

Обстоятельства последнего военного месяца — с начала апреля до начала мая 1945 г. — возбудили у югославского партийного и военного руководства радужные надежды на скорую и легкую реализацию с советской помощью своих территориальных претензий к Австрии. Тем не менее, в период послевоенного урегулирования события вокруг проблемы Словенской Каринтии получили иное течение, связанное с ее рассмотрением на сессиях Совета министров иностранных дел пяти великих держав и наложившимися на это обстоятельствами советско-югославского конфликта [21, с. 46–54].

Библиографические ссылки

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: сб. док. в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.). М.: Политиздат, 1979–1984. Т. 1: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943). 1984. 384 с.

2. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы / Н. К. Капитонова, М. А. Липкин, В. О. Печатнов, С. Райек (сост.). М.: Аспект Пресс, 2021. 960 с.

3. *Сальков А. П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.

4. *Пилько Н. С.* Словения в годы оккупации. 1941–1945 гг. СПб: Алетейя, 2009. 160 с.

5. *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

6. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док.: в 8 т. / В. П. Ямпольский (автор-сост.) [и др.]. М.: Книга и бизнес: Кучково поле, 1995–2015. Т. 5. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля–31 декабря 1944 г.). 2007. 896 с.

7. *Godeša Bojan.* Oblikovanje odnosa do sosednjih držav (Italija, Avstrija) v slovanskem/jugoslavanskem partizanskem gibanji (1941–1945) // Annales. Anali za istrske in mediteranske študije (Koper). Series Historia et Sociologia / Zgodovinsko društvo za južno Primorsko. 2014. Br. 4. S. 750–762.

8. *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Ин-т славяноведения, 2002. 311 с.

9. *Barič Vida.* Komunistična partija Slovenije in revolucionarno gibanje 1941–1943. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2007. 410 s.

10. *Godeša Bojan.* Osvobodilna fronta slovenskega naroda in Jugoslavija (1941–1945) // Slovenija v Jugoslaviji / Zdenko Čepič (ur.). Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2015. S. 57–72.

11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК КПСС, 1903–1991). Оп. 125. Д. 159.

12. Коминтерн и Вторая мировая война [Документы]: в 2 ч. / К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян (отв. ред.). М.: Памятники историч. мысли, 1994–1998. Ч. 2: после 22 июня 1941 г. 1998. 597 с.

13. *Воцелка Карл.* История Австрии. Культура, общество, политика. М.: Весь мир, 2007. 512 с.

14. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.): в 2 т. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1: 1944–1948 гг. 1997. 985 с.

15. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. Док. и матер. / редкол. И. Б. Бухаркин [и др.]. М.: Терра, 1998. 656 с.

16. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док.: в 8 т. / В. П. Ямпольский (автор-сост.) [и др.]. М.: Книга и бизнес: Кучково поле, 1995–2015. Т. 6: Победа (1 января–9 мая 1945 г.). 2015. 560 с.

17. *Promitzer Christian.* How Not to Constitute a Minority. The Slovenians in Austrian Styria at the End of World War Two // 1945 – a Break with the Past: a History of Central Europian Countries at the End of World War Two / Zdenko Čepič (ed.). Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2008. P. 101–122.

18. Архив внешней политики РФ. Ф. 0431/IV (IV сессия СМИД в Москве, 1947 г.). Оп. 4. П. 3. Д. 3.

19. *Доленц Јанез.* Словеначка Корушка и Париски диктат. Београд: Глас, 1949. 46 с. («Политичка библиотека Народног фронта Србије». Бр. 56).

20. *Драгишић Петар.* Совјетски Савез и југословенско-аустријски територијални спор после Другог светског рата // Ослобођење Београда 1944. године / Александар Животић. Београд: Ин-т за славистику РАН: Архив Југославију, 2010. С. 349–356.

21. *Сальков А. П.* Проблема Словенской Каринтии как фактор советско-югославского конфликта (март 1948–ноябрь 1949 г.) // Гуманитарно-экономический вестник. 2016. № 3–4. С. 46–54.

ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОДПОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. С. Бомбель

Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно», ул. Гаспадарчая, 21, 230005, г. Гродно, Беларусь, niab@niab-grodno.by

Проведено исследование изменений демографической ситуации в границах бывшей Гродненской губернии во время Великой Отечественной войны и предвоенный период. Причины изменений и их следствие для народонаселения на исследованной территории.

Ключевые слова: демографическая ситуация; геноцид народа.

DEMOGRAPHIC COMPONENT IN PEOPLE'S LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. S. Bombel

State institution «National historical archive of Belarus in Grodno», Gaspadarchaya Street, 21, Grodno 230005, Republic of Belarus, niab@niab-grodno.by

The research examines the changes in the demographic situation within the borders of the former Grodno province during the Great Patriotic War and the pre-war period. Causes of changes and their consequences for the population in the studied area.

Keywords: demographic situation; genocide of the people.

Война пришла на земли Западной Беларуси ранним летним утром 22 июня 1941 г., как всегда неожиданно и незвано, застав жителей этой территории в своих домах и изменив обыденную жизнь. Эта была не первая война, пришедшая на эти земли, но отличалась от предыдущих стремительностью продвижения захватчиков и силой поражения их оружия.

Основная масса населения, даже не успев осознать произошедшего, осталась проживать на оккупированной врагом территории. А где люди, независимо от обстановки, там же и рождение детей, и браки, и смерти.

Поскольку оккупационные власти первоначально лояльно относились к религиозным учреждениям католического, православного, мусульманского вероисповедания, сохранились метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших многих костелов, церквей и мечетей за 1941–1944 гг. Одновременно с преследованием и уничтожением еврейского населения Западной Беларуси были уничтожены и сожжены метрические книги большинства синагог.

Длительная оккупация территории Беларуси немецко-фашистскими войсками привела к организации партизанского сопротивления со стороны местного населения. Это в свою очередь повлекло ответные акции германских властей. В 1942–1943 гг. на территориях наиболее активного партизанского движения были акты сожжения или массового расстрела жителей деревень. 10 декабря 1942 г. фашистскими карателями били расстреляны 364 жителя деревни Великая Воля Дятловского района Гродненской области (рис. 1, 2). Карательные акции коснулись также православных церквей. В 1943 г. были сожжены Скидельская церковь Гродненского района, Щарская церковь Мостовского района Гродненской области и другие религиозные учреждения. Одновременно с этим были уничтожены хранившиеся в этих храмах метрические книги. Поскольку до 1944 г. регистрацией рождений, браков и смертей занимались религиозные учреждения, была стерта и информация о проживавшем на этой территории населении.

Рис. 1. Место расстрела жителей д. Великая Воля Дятловского р-на Гродненской обл.

В архиве сохранились метрические записи о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за период Великой Отечественной войны 64 католических храмов, 168 православных. Однако, большинство из этих записей имеют фрагментарный характер, не охватывают весь военный период 1941–1944 гг.

В результате изучения и проведенного сравнительного анализа сохранившихся записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших, содержащихся в метрических книгах религиозных учреждений католического и православного вероисповедания, которые находятся на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, за предвоенный период 1935–1940 гг. и военный период 1941–1944 гг. можно сделать следующие выводы.

Рис. 2. Памятник расстрелянным жителям д. Великая Воля Дятловского р-на Гродненской обл.

Всякого рода катаклизмы, в том числе и война, приводят к всплеску веры в помощь и защиту высших сил. На основании изучения записей о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в сохранившихся метрических книгах религиозных учреждений наблюдается массовое увеличение регистраций крещений во всех храмах после июня 1941 г. Если, например, в период 1935–1940 гг. в бернардинском костеле г. Гродно регистрировалось в среднем от 170 до 180 рождений, в Фарном костеле г. Гродно — от 330 до 340 рождений, Покровском соборе г. Гродно — от 110 до 120 рождений, Владимирской церкви г. Гродно — от 110 до 120 рождений, соборе г. Брест — от 200 до 210 рождений, Николаевской церкви г. Брест — от 80 до 100 рождений, то в 1941 г. в бернардинском костеле г. Гродно зарегистрировано 208 рождений, в Фарном костеле г. Гродно — 381, Покровском соборе г. Гродно — 412, Владимирской церкви г. Гродно — 369, соборе г. Брест — 322, Николаевской церкви г. Брест — 785. Похожая ситуация наблюдается во всех остальных храмах. Всплеск регистрации рождаемости вызван не только увеличением крещений младенцев, но и крещением детей от 2 до 5 лет и взрослого населения.

Поскольку в 1939 г. территория Западной Беларуси была включена в состав СССР, сюда приехали жители регионов Беларуси, РСФСР

и других республик. В православных храмах крестили детей жители Гомеля, Витебска, Могилева, Полоцка, Минска и других городов Беларуси, а также других городов: Царицын, Ярославль, Арзамас, Воронеж, Саратов, Астрахань, Харьков, Ташкент, Черниговской, Донецкой, Смоленской, Запорожской, Курской, Омской, Алтайской, Ленинградской, Костромской, Куйбышевской, Харьковской, Тамбовской и многих других городов и областей СССР. Действующие храмы на территории Западной Беларуси и сложившая оккупационная ситуация сподвигли прибывшие население на массовое посещение этих храмов.

С регистрацией браков в 1941 г. идентичная ситуация. Если в 1935–1940 гг. в Фарном костеле г. Гродно зарегистрировано в среднем от 100 до 140 браков, францисканском костеле г. Гродно — от 58 до 64 браков, Покровском соборе г. Гродно — от 41 до 54 браков, соборе г. Новогрудок — от 62 до 81 брака, то в 1941 г. в Фарном костеле г. Гродно зарегистрировано 162 брака, францисканском костеле г. Гродно — 99 браков, Покровском соборе г. Гродно — 67 браков, соборе г. Новогрудок — 103 брака. В этом же году всплеск регистрации браков наблюдается и в других храмах.

Анализируя ситуацию с регистрацией смертей в предвоенный и военный периоды и причины, от которых наступал летальный исход, прослеживается следующая ситуация. В 1935–1940 гг. в Фарном костеле г. Гродно зарегистрировано от 166 до 214 умерших, костеле г. Брест — от 169 до 200 умерших, соборе г. Брест — от 100 до 110 умерших, Николаевской церкви г. Брест — от 38 до 70 умерших. Причины смертей: чахотка, дизентерия и другие болезни желудка, воспаления лёгких, грипп, болезни сердца, астма, старческая немощность, младенческая слабость и детские болезни: коклюш, веред, одра и др., что указывало на несоблюдение гигиены, отсутствие должной медицинской помощи и другие факторы.

В военные годы смертность увеличилась, особенно в 1942–1944 гг. Так в Фарном костеле г. Гродно зарегистрировано от 169 до 262 умерших, костеле г. Брест — 187 до 230 умерших, соборе г. Брест — от 120 до 230 умерших, Николаевской церкви г. Брест — от 71 до 120 умерших. К вышеуказанным причинам смерти добавили такие как «убит», «убит от взрыва снаряда», «убит от взрыва мины». В некоторых храмах эти фразы можно читать страницами. Так в Белицкой церкви Лидского района Гродненской области за 1943 г. зарегистрировано 78 умерших, из них 30 убитых и 11 детей умерли от одры, т. е. кори. Смертность в этом году по сравнению с 1941–1942 гг. составила 200 % (рис. 3, 4).

Изучая демографическую ситуацию в годы Великой Отечественной войны на территории Западной Беларуси по метрическим книгам и исповедальным ведомостям религиозных учреждений, находящихся на хранении

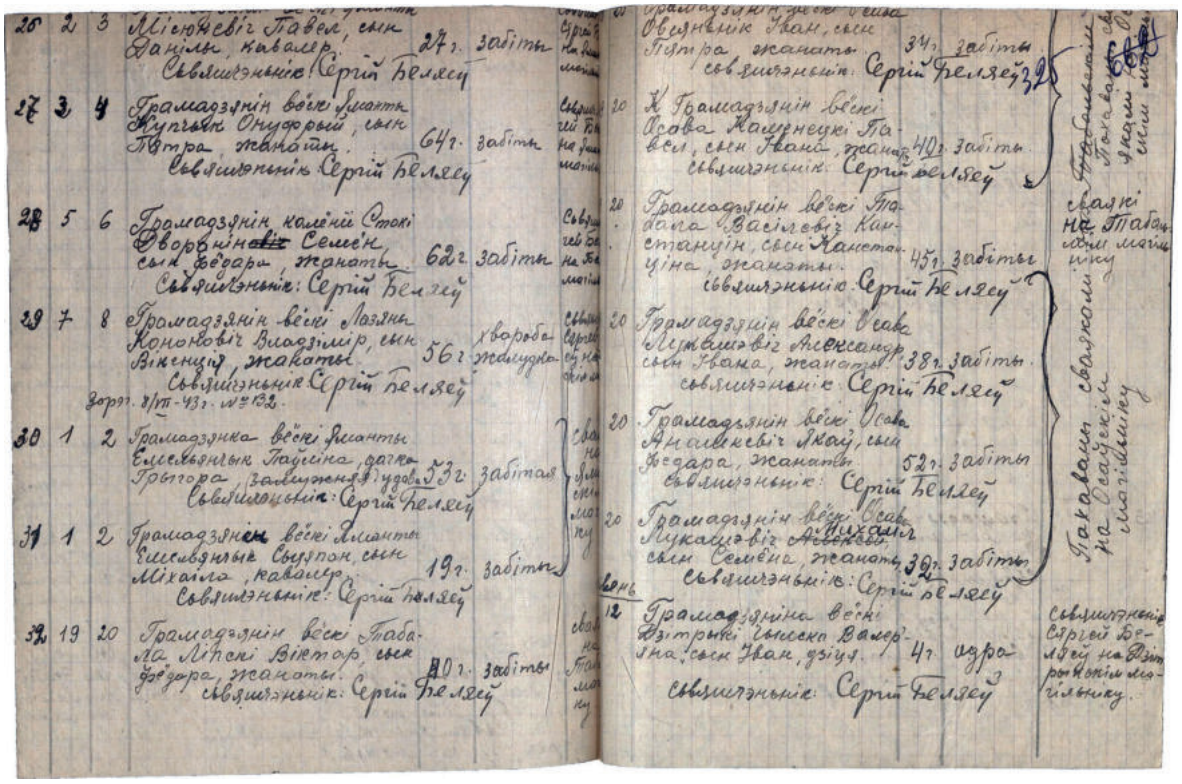


Рис. 3. Метрическая книга об умерших Белицкой церкви Лидского р-на Гродненской обл. за 1943 г.

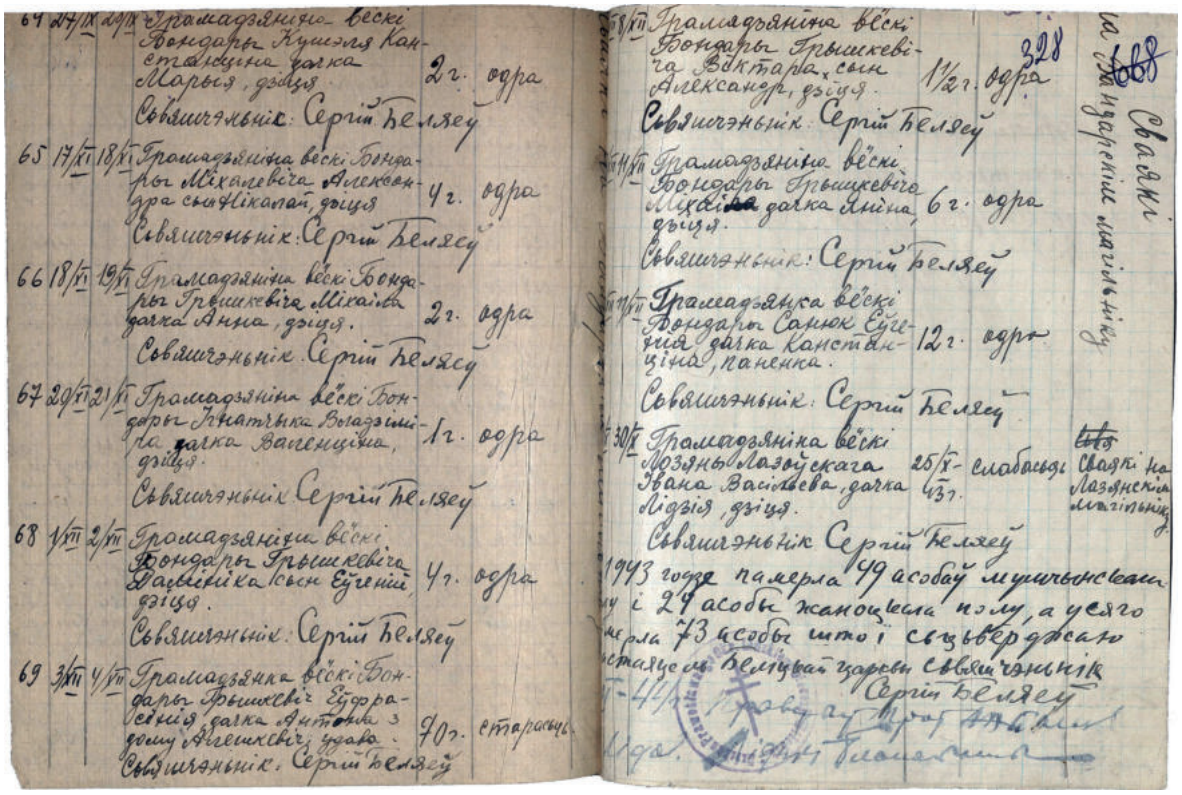


Рис. 4. Метрическая книга об умерших Белицкой церкви Лидского р-на Гродненской обл. за 1943 г.

в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, можно отметить, что в довоенные годы ситуация повсеместно оставалась стабильной, на территории проживало местное население, которое и определяло демографию. В военные годы на демографическую ситуацию повлияло много причин, среди которых миграция населения из других регионов, действия оккупационных войск, эпидемии, отсутствие медицинской помощи.

Можно утверждать, что война являлась одним из самых важных факторов демографических изменений на территории Беларуси. Проблема выявления размеров людских потерь (погибшие на поле боя, от ран в госпиталях военнослужащие, жертвы военных действий среди гражданского населения, рост инвалидности, обострение инфекционных заболеваний, эпидемии и др.) на прямую связана с военными действиями. Также значительное влияние на изменение демографических процессов во время войны внесли массовые военные и трудовые мобилизации и демобилизации, массовые миграционные процессы, эвакуации, беженцы, резкое ухудшение условий жизни, питания и общее психологическое напряжение и др.

Библиографические ссылки

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 886. Оп. 4. Д. 1–4, 6–30.
2. НИАБ в г. Гродно. Ф. 922. Оп. 3. Д. 43.
3. НИАБ в г. Гродно. Ф. 257. Оп. 3. Д. 14–17.
4. НИАБ в г. Гродно. Ф. 258. Оп. 3. Д. 12–15.
5. НИАБ в г. Гродно. Ф. 259. Оп. 5. Д. 19–22.
6. НИАБ в г. Гродно. Ф. 259. Оп. 6. Д. 6.
7. НИАБ в г. Гродно. Ф. 880. Оп. 2. Д. 91–102.
8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 881. Оп. 2. Д. 282–294.
9. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1818. Оп. 1. Д. 10–16.
10. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 8–9, 11–12.
11. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6, 8–12.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ РЕЙХСКОМИССАРИАТА «УКРАИНА»

Д. С. Важенин

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, vazhenindmitrij.ist@gmail.com

В статье рассматривается процесс формирования северной (северо-восточной) границы рейхскомиссариата «Украина» на территории Беларуси и последующее её изменение. Использование электронных копий документов военных и гражданских структур Третьего Рейха позволило детально реконструировать замысел германского командования, уточнить северо-восточную границу рейхскомиссариата «Украина» на территории Беларуси.

Ключевые слова: немецкий оккупационный режим; вторая мировая война; административно-территориальное устройство; рейхскомиссариат; Беларусь.

FORMATION OF THE NORTH-EASTERN BORDER OF THE REICHSKOMMISSARIAT UKRAINE

D. S. Vazhenin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, vazhenindmitrij.ist@gmail.com

The article examines the process of formation of the northern (northeastern) border of the Reichskommissariat Ukraine on the territory of Belarus and its subsequent change. The use of electronic copies of documents of the military and civilian structures of the Third Reich made it possible to reconstruct in more detail the plan of the German command, to clarify the northeastern border of the Reichskommissariat Ukraine on the territory of Belarus.

Keywords: German occupation regime; Second World War; administrative division; Reichskommissariat; Belarus.

Окончательный план раздела европейской части СССР был представлен Гитлеру 20 июня 1941 г. на берлинском совещании высшего военно-политического руководства Германии. Согласно ему, предусматривалось создание пяти административно-политических областей (рейхскомиссариатов): «Остланд», «Украина», «Московия», «Кавказ», «Туркестан». Будущий политический статус Беларуси до начала войны осталось нерешённым. Вследствие провала блицкрига германскому командованию удалось создать лишь два рейхскомиссариата: «Остланд» и «Украина», территория которых никогда не достигала первоначально задуманной [1]. К началу декабря 1941 г. оба рейхскомиссариата оформились в окончательном виде; территория БССР была разделена и находилась в составе 4-х военно-политических структур: рейхскомиссариатов «Остланд» (РКО) и «Украина» (РКУ), округа «Белосток», тылового армейского района группы армий «Центр».

Механизм создания рейхскомиссаритов был зафиксирован в Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса») и в приказе Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных территориях от 17 июля 1941 г. Согласно этим документам «как только театр военных действий достигнет достаточной глубины, в нём выделяется тыл» [2]. Предполагалось, что после прекращения военных действий управление областями будет переходить от военной администрации к гражданским властям. Основной целью передачи управления являлось создание политической власти на оккупированной территории, которая будет осуществлять колониальную политику Третьего Рейха. Области и момент их передачи определялись специальным указом фюрера [4].

Де-юре 20 августа 1941 г. приказом фюрера был образован РКУ, руководителем которого был назначен гауляйтер и обер-президент Эрих Кох с временной штаб-квартирой в Ровно. Высшее руководство принадлежало рейхсминистру по восточным оккупированным областям А. Э. Розенбергу [19, с. 195]. В тот же день был издан приказ Гитлера, определявший восточные области, которые будут переданы в гражданское управление с 1 сентября 1941 г. (12:00): на территории БССР восточная граница этих областей должна была пройти по линии р. Гарынь–впадение р. Гарынь в р. Припять–с. Сенкевичи–до северной границы рейхскомиссариата по линии Сенкевичи–Ленин (включает реки и населённый пункт). На севере эта область замыкалась границей между РКУ и РКО. В приказе она описана лаконично: проходит севернее Лунинец–Пинск–Кобрин–Брест [19, с. 196]. Как можно заметить, А. Гитлер устанавливал лишь основную границу рейхскомиссариатов, точное же определение переходило в юрисдикцию министерства по восточным оккупированным областям.

Одной из первых задач для сотрудников министерства восточных оккупированных областей стало формирование административно-территориального деления территорий гражданского управления. В августе 1941 г. были подготовлены общие директивы рейхсминистерства об административном делении территорий, которые образуют РКУ. Северная граница должна была пройти в среднем в 20 км к северу от железной дороги Брест–Гомель до пункта, который находится в 20 км на восток от Мглина [6, с. 162]. Южная территория БССР должна была войти в состав 3 генеральных округов (ГО) РКУ: «Волынь», «Житомир», «Чернигов».

Каждый ГО РКУ состоял из нескольких округов (гебитов, гебитскомиссариатов), которые обычно образовывались 2–4 бывшими советскими районами (что не всегда соблюдалось, исключение составляли северные районы РКУ, которые были разделены на 2 части проходящей границей). Районы в свою очередь складывались из волостей, созданных в границах прежних сельсоветов.

План ГО «Волынь» был подготовлен 25 сентября 1941 г. в его состав из районов БССР должны были сформироваться 4 гебита[1]: «Кобрин» (Жабинка, Антополь, Дивин, Кобрин), «Пинск» [Дорогичин, Иваново, Любешов (УССР), Маневичи*, Пинск], «Давид-Городок» [Лунинец, Высоцк (УССР), Столин, Давид-Городок], «Малорита» [Домачево, Заболотье*, Ратно (УССР), Камень-Каширск (УССР), Малориат]. Вероятно, в состав последнего гебитскомиссариата должен был войти г. Брест [12].

В тот же день был создан план ГО «Житомир». Районы БССР должны были сформироваться 6 гебитов: «Петриков» (Лельчицы, Петриков), «Житковичи» (Туров, Копцевичи*, Житковичи), «Мозырь» (Калинковичи, Мозырь), «Василевичи» (Хойники, Василевичи), «Камарин» (Брагин, Комарин), «Ельск» (Наровля, Ельск). В ходе реализации вышеназванные планы подвергались корректировке [10].

Ранее, 15 сентября 1941 г., был оформлен план ГО «Чернигов», который должен был объединить территорию Черниговской и Сумской областей (УССР), южные части Гомельской (БССР) и Орловской областей (РСФРС). Военно-стратегическое значение г. Гомеля подчёркивалось планами создания городского комиссариата (Stadtkommissariat). Советские районы БССР должны были войти в состав 2 гебитов: «Гомель» (Добруш, Речица, Гомель) и «Репки» [Лоев (БССР), Добрянка, Любеч, Репки (УССР)]. План ГО «Чернигов» не был реализован [11].

Определение северной границы ГО «Волынь» затруднено в связи с многократным её изменением, что требует дальнейшего изучения.

Следующий приказ фюрера, который определил передачу областей в гражданское управление, был издан 11 октября 1941 г. Согласно ему 20 октября 1941 г. (12:00) северо-восточная граница РКУ была продвинута на восток, и на юге-востоке БССР она проходила по течению р. Днепр–Речица–железнодорожная линия Речица–Лунинец до бывшей границы РКУ (включает Речицу, переправы через Днепр и железнодорожную линию Речица–Лунинец) [19, с. 202]. Передача территорий рейхскомиссариату «Украина» была официально оформлена в Киеве 20 октября 1941 г. между представителем командующего тыловым районом группы армии «Юг Пагенкопфом» (Pagenkopf) и представителем рейхскомиссара «Украины» Вуттке (Wuttke) [8]. Это передача стала последним расширением РКУ на территории Беларуси.

Вышеназванную границу подтверждает карта тылового армейского района группы армий «Центр» за 30 ноября 1941 г., чья оконечность на юго-востоке БССР проходила над железнодорожной линией: Житковичи–Копцевичи–Калинковичи–Речица–Гомель–Новозыбков [17].

[1] Названия районов (районных центров) здесь и далее указаны в скобах.

Знаком * помечены населённые пункты, стоящие по статусу ниже районных центров.

Сравнивая карты тыловых районов группы армии «Центр», «Юг» можно заметить, что в конце октября 1941 г. на южной границе тылового района группы армий «Центр» находился треугольный выступ по линии Новозыбков–Короп–Почеп [16]. Область позади выступа, включавшая южные части Гомельской и Орловской областей, северные районы Черниговской области, в начале ноября 1941 г. находились под контролем 202 запасной бригады (тыловой район группы армии «Юг») [13]. Подобное изменение тыловых районов можно аргументировать реализацией раннее обозначенного плана создания гражданского управления.

При формировании северной границы РКУ не брались во внимание никакие национально-этнографические и территориально-государственные принципы. Мотивы включения территории Беларуси в состав РКУ были как политико-идеологические, так и экономические. Референт министерства оккупированных восточных областей доктор Клейст в сообщении начальнику главного управления политики того же министерства доктору Лейббрандту от 6 мая 1942 г. отмечал, что единственным обоснованием вхождения в состав рейхскомиссариата «Украина» белорусских территорий была необходимость поддержки Украины как политического противовеса Москве [7, с. 75]. Заслуживает внимание, что запланированная германцами северная граница РКУ, подобно некогда существовавшей в Украинской народной республики. С другой стороны включение южных территорий Беларуси обеспечивало РКУ лесоматериалом, необходимым для строительства угольных шахт в Донбассе. Генеральные комиссары Беларуси В. Кубе и вступивший в должность после него К. фон Готтберг неоднократно оспаривали это деления, стремясь «вырвать» южно-белорусские территории у Э. Коха, который отказывал в таком решении территориального вопроса. На стороне последнего был и создатель границы А. Розенберг [3, с. 42–43].

Начало контрнаступления советских войск под Москвой не только привело к краху «молниеносной войны», но и заставило германское командование отказаться от дальнейшего расширения территории гражданского управления на центральном направлении. Треугольный выступ 15 декабря 1941 г. был разделён между двумя тыловыми районами группы армий, разграничение между ними, по всей видимости, прошло по предвоенной советской границе между Гомельской, Орловской и Черниговской областями до р. Десна [5; 15]. В начале декабря северные районы Черниговской области находятся в области контроля 197 полевой комендатуры [14].

К 15 марта 1942 г. северо-восточная граница РКУ претерпела изменения: северная границу была отодвинута на 20 к северу от железной дороги Пинск–Гомель; в состав ГО «Житомир» с левобережными частями были включены Речицкий и Лоевский районы (на картах тыловых районов группы армий «Центр» это не отражалось) [9; 18].

Таким образом, при формировании северо-восточного края рейхскомиссариата «Украина» его основную границу устанавливал фюрер, более точное определение находилось в юрисдикции рейхсминистерства оккупированных восточных областей. Согласно немецким планам, северная граница рейхскомиссариата «Украина» формировалась южными районами БССР, которые составляли северные оконечности трёх генеральных округов («Волынь», «Житомир», «Чернигов»), из которых было реализовано только два. Передача областей в гражданское управление в состав рейхскомиссариата «Украина» произошла в 2 этапа: 1 сентября 1941 г. и 20 октября 1941 г. В процессе установления границы она с течением времени видоизменялась. Контрнаступление советских войск под Москвой сорвало очередную передачу областей в гражданское управление, что утвердило границу рейхскомиссараита по р. Днепр. С включением в состав генерального округа «Житомир» Речицкого и Лоевского районов граница рейхскомиссариата «Украина» расширилась на левобережные части соответствующих районов.

Библиографические ссылки

1. *Романько О. В.* Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 4. С. 39–44.

2. Инструкция об особых областях к директиве № 21 / Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Г. Ф. Заставенко и др. М.: Экономика, 1985. С. 20–24.

3. *Ипатова О. В.* Административно-территориальное устройство Брестчины во время оккупации // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 6. С. 40–44. URL: https://rep.bstu.by/handle/data/3980 (дата обращения: 15.04.2025).

4. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях / Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Г. Ф. Заставенко и др. М.: Экономика, 1985. С. 51–54.

5. Административная карта Украинской ССР 1941 г. // ЭтоМесто. 2009. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_admin-1941 (дата обращения: 15.04.2025).

6. *Соболь І. І.* Особоливості організації влади та управління рейхскомісаріату «Україна» // Публічне урядування. 2016. № 3(4). С. 158–167. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-vlasti-i-upravleniya-reyhskomissariata-ukraina (дата обращения: 15.04.2025).

7. *Стельникович С. В.* Адміністративно-територіальний устрій генерального округу Житомир (друга половина 1941 – початок 1944 рр.) // Сумський історико-архівний журнал. 2014. № XXII. С. 73–78. URL: https://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream-download/123456789/41732/1/Stelnykovich_administrative-territorial%20structure.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

8. Anordnung, Kiev, den 20.10.1941 / ЦДАВО України. Ф. 3206. Оп. 4. Сп. 1. З. 12. // Е-ресурс ЦДАВО України. URL: https://e-resource.tsdavo.gov.ua/file-viewer/69005#file-2120859 (дата обращения: 15.04.2025).

9. Der Generalbezirk Shytomyr. Abgeschlossen am 15 März 1942 / BArch. R 43-II/690b, P. 91, 133 // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/3bb6a27b-4c58-4925-8bfc-41831ed24945 (date of access: 15.04.2025).

10. Generalbezirk Shitomir / ЦДАВО України. Ф. 3206. Оп. 2. Сп. 231. З. 22 // Е-ресурс ЦДАВО України. URL: https://e-resource.tsdavo.gov.ua/file-viewer/28466#file-13225734 (дата обращения: 15.04.2025).

11. Generalbezirk Tschernigow / ЦДАВО України. Ф. 3206. Оп. 2. Сп. 231. З. 25. // Е-ресурс ЦДАВО України. URL: https://e-resource.tsdavo.gov.ua/file-viewer/28466#file-1322577 (дата обращения: 15.04.2025).

12. Generalbezirk Wolhynien / ЦДАВО України. Ф. 3206. Оп. 2. Сп. 231. З. 57 // Е-ресурс ЦДАВО України. URL: https://e-resource.tsdavo.gov.ua/file-viewer/28466#file-1322609 (дата обращения: 15.04.2025).

13. Karte Bfh rückw. H. Gebiet Süd stand vom 10.11.41 / BArch. RH 22/16K P. 6. // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/0a08676d-42d7-4dbc-840f-a91f7aa2472f (date of access: 15.04.2025).

14. Karte Bfh rückw. H. Gebiet Süd stand vom 10.12.41 / BArch. RH 22–17K. P. 13. // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/ef0eac56-2c62-4a88-a64b-d6283c6530a5 (date of access: 15.04.2025).

15. Karte Gebietsveränderungen Rückw. H. Gebiet Mitte / BArch. RH 22/343. P. 1. // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/fdaaeab1-819d-40fb-8d7d-fdb61bd9e5fe (date of access: 15.04.2025).

16. Karte Rückw. H. Gebiet Mitte stand vom 31.10.41 / BArch. RH 22–227K. P. 11. // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/d884225f-be8d-4637-9356-6e0cfda0dddc (date of access: 15.04.2025).

17. Karte Rückw. H. Gebiet Mitte stand vom 31.11.41 / BArch. RH 22–344. P. 1. // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/72c6b9a9-a9ba-4ecb-bb96-3a93805ccc7d (date of access: 15.04.2025).

18. Karte Rückw. H. Gebiet Mitte / BArch. RH 22–239K. P. 2 // Invenio – Bundesarchiv. URL: https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/9ea561f7-a27e-4ec6-871e-af8822279ceb (date of access: 15.04.2025).

19. *Moll M.* (Hg.). "Führer-Erlasse" 1939–1945. Edition sämtlicher überlieferter, nicht im Reichsgesetzblatt abgedruckter, von Hitler während des Zweiten Weltkrieges schriftlich erteilter Direktiven aus den Bereichen Staat, Partei, Wirtschaft, Besatzungspolitik und Militärverwaltung, Stuttgart, 1997. p. 195–202. URL: https://archive.org/details/b32219751/page/194/mode/2up (date of access: 15.04.2025).

ПОЛОЖЕНИЕ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ — ФОЛЬКСДОЙЧЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. Е. Гавриленко

Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь, gkirill95@mail.ru

Данная работа посвящена изучению положения общности бужских голендров в условиях нацистской оккупации территории Беларуси (июнь 1941–июль 1944). Акцентируется внимание, что несмотря на то, что представители общности получили статус фольксдойче, содействие оккупационным властям со стороны бужских голендров представлено единичными примерами. Приводятся сведения о переселении бужских голендров — фольксдойче с территории Беларуси в условиях отступления вермахта. Делается вывод о влияния указанных событий на историческое развитие изучаемой общности.

Ключевые слова: бужские голендры; фольксдойче; оккупация; переселение.

THE SITUATION OF THE BUG'S HOLLANDERS – VOLKSDEUTSCHE ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

K. Gavrilenko

National institute for Higher Education,
15 Moskow st., Minsk 220007, Belarus, gkirill95@mail.ru

This work is devoted to the study of the situation of the Bug's Holländers community in the conditions of the Nazi occupation of the territory of Belarus (June 1941–July 1944). It is emphasized that despite the fact that representatives of the community have received the status of Volksdeutsche, support from the occupation authorities for the Bug's Holländers was limited to isolated cases. The study details the resettlement of the Bug's Holländers (Volksdeutsche) from Belarus during the Wehrmacht's retreat. The conclusion is made about the significance of these events on the historical development of the studied community.

Keywords: Bug's Holländers; volksdeutsche; occupation; resettlement.

Введение. Бужские голендры — это немногочисленная общность смешанного этнического (немцы, поляки) и конфессионального (лютеране, католики) состава, которая до начала Великой Отечественной войны проживала на юго-западе современной территории Беларуси (территория современного Брестского района). Ещё в 1939–1940 гг. примерно 2000 бужских голендров (потомков этнических немцев) были переселены на территорию Третьего рейха [1, с. 42–44]. Несмотря на это, в июне 1941 г. 284 представителя изучаемой общности получили статус фольксдойче (этнических немцев) [2, с. 179]. В работе дана оценка

правового и социально-экономического положения голендров (со статусом фольксдойче) в условиях оккупации, охарактеризованы их взаимоотношения с оккупационной властью, а также выявлены причины переселения представителей общности на территорию Рейха в 1944 г. Таким образом, целью работы является изучение особенностей положения бужских голендров — фольксдойче в 1941–1944 гг. на территории Беларуси.

К историографии вопроса относится текст раздела книги «Память» Брестского района, который подготовил к печати брестский историк Е. С. Розенблат [2]. В тексте представлены отдельные сведения о положении бужских голендров в годы войны из материалов института истории партии. В статье Н. П. Галимовой представляются сведения об открытии школы фольксдойче в колониях голендров Нейдорф и Нейбров [3]. Об участии Густава Рылля (одного из представителей общности бужских голендров) во вспомогательных отрядах в годы войны писал американский исследователь М. Дин [4]. Также для данного исследования были использованы работы белорусского исследователя В. В. Тугая, в которых характеризуется положение фольксдойче на территории Беларуси в годы войны [5].

К источниковой базе исследования относятся материалы Национального архива Республики Беларусь (ф. 1440 «Институт историко-политических исследований» и др.) [6; 7; 8] и Государственного архива Брестской области [9].

Основная часть. 20 августа 1941 г. в составе рейхскомиссариата Украины был образован генеральный округ Волынь-Подолье, в состав которого вошла южная часть современной территории Брестской области [2, с. 178]. На указанной территории (точнее — на территории Домачевского района БССР) на начало войны локализовано проживали представители общности бужских голендров. В сентябре 1940 г. к числу бужских голендров относилось 3279 человек (как потомков немцев, так и поляков) [6, л. 1]. Считается, что большинство представителей общности являлись потомками переселенцев из немецких земель или из Нидерландов. Никто из исследователей не смог дать однозначного ответа на вопрос о том, откуда прибыли предки голендров. Особый интерес к происхождению этой части общности бужских голендров был проявлен в работах немецких исследователей К. Люкка и В. Кауден. Данный исследовательский интерес был вызван тем, что абсолютно все бужские голендры говорили на польском языке, что затрудняло процесс признания за ними статуса фольксдойче. В своей работе К. Люкк пишет, что в 1617 г. голландскими переселенцами из данцигского «Вердерна» на реке Буг были основаны две деревни — Нейдорф и Нейбров, которые были повторно преобразованы в конце XVIII в. [10, с. 4–8]. В свою очередь В. Кауден отмечает, что

полонизированные голендры (Holländer) Полесья по происхождению являются немцами. По его мнению, переселенцы прибыли из нижнемецких земель (на это указывают их фамилии). Он считал, что в течение XVIII в. эта общность подверглась лингвистической полонизации, однако благодаря лютеранской вере сохранилась их немецкая идентичность [11, с. 6]. Также в ряде публикаций времен Третьего рейха подчеркивалось, что несмотря на польскоязычность представителей общности, по всем антропометрическим критериям значительная часть бужских голендров имела черты «нордической расы» [12, с. 34].

После оккупации Брестчины и образования оккупационных территориальных единиц, поселения бужских голендров оказались в составе Домачевского района Брест-Литовского округа. По статистическим данным, осенью 1941 г., на территории указанного региона проживало 284 фольксдойче (все они являлись представителями общности бужских голендров) [2, с. 179]. По приблизительным оценкам В. Косика, на территории всего округа «Волынь-Подолье» проживало около 3000 фольксдойче (0,7 % от общего числа населения) [13, с. 231]. Таким образом, бужские голендры составляли 9,5 % от общего числа фольксдойче региона на конец 1941 г. В сведениях, датируемых декабрем 1943 г., говорится о том, что на территории района проживает более 200 семей фольксдойче [8, л. 23]. Можно предположить, что в период с осени 1941 г. по осень 1943 г. продолжался период получения бужскими голендрами статуса фольксдойче. Также можно выдвинуть предположение, что в 1943 г. на территорию Домачевского района могли переселить фольксдойче с восточных регионов (это было обусловлено перемещением линии фронта). Таким образом, увеличение численности фольксдойче в районе могло являться следствием перемещения людей оккупационными властями.

Имеющиеся документы свидетельствуют, что все бужские голендры — фольксдойче проживали в Нейдорф, который в документах оккупационных властей называется «поселение фольксдойче». Площадь сельскохозяйственных земель фольксдойче составляла 339,87 га [9, л. 10а].

Для понимания особенностей жизни представителей изучаемой общности в годы оккупации необходимо провести анализ положения фольксдойче на территории генерального округа. Бужские голендры, как и другие фольксдойче, ощущали на себе последствия национальной политики Германии. Власти Третьего рейха, в соответствии со своей расовой доктриной, рассматривали этнических немцев, в том числе и бужских голендров, как проводников политики германизации оккупированных территорий. Иными словами, фольксдойче, в планах Рейха, должны были содействовать дальнейшей колонизации края. Одним из шагов к этому

могло являться улучшение материального положения фольксдойче. На основе имеющихся сведений можно предположить, что бужские голендры могли получать материальную помощь от оккупационных властей. После ликвидации еврейского населения этнические немцы генерального округа получали различные материальные блага (жилье, одежду и др.). По приказу Г. Гиммлера шеф экономического отдела СС организовывал выдачу всем фольксдойче рейхскомиссариата «Украина» по одному костюму, пальто, три рубашки, а также, по желанию, постельное бельё, несколько одеял и кровать, которые остались после уничтожения еврейского населения. Поставки также осуществлялись с территории генерал-губернаторства (территория оккупированной Польши), в частности из Аушвиц [14]. Также, после ликвидации ряда гетто в Брест-Литовском округе осенью 1942 г. фольксдойче получили вещи евреев-узников. Однако нет ни одного документа, который официально подтверждал факт получения бужскими голендрами материальных благ в годы войны.

Бужские голендры являлись объектами нацистской пропаганды. Одним из методов работы стало открытие школ для фольксдойче. По сведениям, опубликованным в работе Н. Г. Галимовой, на территории современного Брестского района с марта 1942 г. начали действовать школа «фольксдойче» в Нейдорф, которая была подностью подчинена оккупационному коменданту [3].

Необходимо отметить, что оккупационные власти могли привлекать фольксдойче для работы в органах гражданской администрации (например, назначить на должность бургомистра). К примеру, в феврале 1944 г. на должность бургомистра Домачево был назначен бужский голендр по фамилии Людвиг [7, л. 30].

По имеющимся сведениям, часть этнических немцев генерального округа вступали в ряды вспомогательной полиции, из их числа формировались отряды самообороны. Сведения, представляемые фольксдойче, использовались для поиска активистов коммунистической партии. Необходимо отметить и участие фольксдойче генерального округа «Волынь-Подолье» в реализации политики геноцида по отношению к еврейскому населению края, которое можно разделить на *прямое* и *косвенное*. На наш взгляд, к прямой форме участия в реализации политики можно отнести непосредственное физическое уничтожение евреев, охрану мест принудительного содержания, пытки, сбор контрибуции, проведение паспортизации, а к косвенным формам — информирование оккупационных властей о евреях среди местного населения (например, составление специальных списков) и др. Отметим, что сведений об участии всех представителей бужских голендров — фольксдойче в реализации оккупационной

политики Рейха не были найдены. Можно предположить, что большинство представителей общности не разделяли официальную идеологию нацистской Германии.

После проработки значительного массива источников удалось установить один случай, когда представитель общности бужских голендров принимал участие в коллаборации. Участие в реализации оккупационной политики Рейха принял Густав Густавич Рылль. В 1940 г. Густав Рылль вместе со своим отцом отказывается переселяться в Вартегау, чтобы следить за имуществом семьи, в том числе и за паровой мельницей. После прихода немецкой оккупационной администрации отца и сына зарегистрировали как фольксдойче. Густав Рылль вступает в ряды местной полиции и в годы войны принимал участие в расправах над местным населением [4]. Необходимо отметить, что представленные сведения говорят о моральном выборе одного единственного человека в годы военного противостояния, и данный пример не является основанием для того, чтобы говорить о каком-либо явлении, характерном для всей общности голендров.

Закономерно возникает вопрос: «Были ли ещё коллаборанты среди бужских голендров?». В отчете о нападении партизан на Домачево 22 ноября 1943 г. говорится о том, что в числе пострадавших от нападения на полицейский участок сотрудников двое были фольксдойче. Об этом нападении также сохранилось донесение, подготовленное командованием партизанского отряда имени И. В. Сталина. Однако в документах нет указания, что данные фольксдойче являлись представителями общности бужских голендров.

Активность партизанских формирований [отряда имени К. Е. Ворошилова, отряда имени Г. К. Жукова (позже имени И. В. Сталина) и др.] на территории Домачевского района значительно возросла в конце 1943 г. Согласно полицейским сводкам, только в декабре 1943 г. партизаны организовали два нападения (20 и 25 декабря) на Домачево и окрестности, в ходе которых пострадали и поселения фольксдойче. Ещё одно нападение партизан на Домачево и окрестности произошло 15 января 1944 г., в ходе которого пострадало 7 домов фольксдойче. После данного события было принято решение о переселении около 600 этнических немцев (в основном женщин и детей) в Белосток [7, л. 141]. Можно предположить, что на территории Домачевского района весной 1944 г. остались проживать бужские голендры (в основном мужчины). Эта идея подтверждается и документами из Государственного архива Брестской области, согласно которым голендры-фольксдойче проживали в районе вплоть до отступления вермахта в июле 1944 г. и даже после освобождения территории Беларуси. По статистическим данным 1948 г. в Домачевском поссовете проживало

5 немцев и 6 голландцев (скорее всего речь идет о голендрах. — прим. автора) [15, л. 71]. Тем не менее, большинство голендров были переселены на территорию Рейха.

После переселения в Германию голендры постепенно интегрировались в немецкое общество. До настоящего времени в ФРГ проживают последние представители изучаемой общности и несколько тысяч потомков. Несмотря на незначительное участие голендров в реализации оккупационной политики нацистской Германии, оно смогло повлиять на формирование травматической памяти у представителей общности и постпамяти у их потомков. В настоящее время потомки бужских голендров предпринимают усилия по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси, установлению контактов (культурных и деловых) между представителями двух стран в формате «народной дипломатии» и созданию позитивного имиджа нашей страны среди населения Германии [16]. На наш взгляд, подобные действия можно рассматривать как примеры акций искупления.

Заключение. Представленные сведения позволяют сделать несколько выводов.

1. В годы войны часть оставшихся на территории Беларуси бужских голендров получили статус фольксдойче, что существенно повлияло на их положение. Бужские голендры ощущали на себе последствия осуществляемой национальной политики нацистской Германии (по отношению к этническим немцам Восточной Европы). Скорее всего, представителей изучаемой общности предполагали привлечь для последующей колонизации захваченных территорий.

2. Нами был выявлен лишь один случай участия представителей бужских голендров в коллаборации (Густав Рылль). Абсолютное большинство представителей бужских голендров напрямую не принимали участие в реализации оккупационной политики нацистской Германии на территории Беларуси. К косвенному участию голендров можно отнести получение вещей и других материальных благ, которые перераспределялись оккупационными властями и в приоритете передавались фольксдойче. Таким образом, проводимая нацистской Германией политика по привлечению бужских голендров к германизации оккупированных территорий особых успехов не имела.

3. В соответствии с национальной политикой Третьего рейха по отношению к фольксдойче, бужские голендры были переселены с территории Беларуси в ходе отступления Вермахта в период первой половины–середины 1944 г.

Библиографические ссылки

1. *Гавриленко К. Е.* Переселение бужских голендров в Германию в 1939–1940 гг. // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: история и современность: м-лы респ. науч.-практ. конф. с междун. участием, Минск, 7 мая 2024 г. / РИВШ; редкол.: И. В. Титович [и др.]. Минск: РИВШ, 2024. С. 42–45.

2. *Разянблат Я. С.* Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Брэсцкага раёна // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Брэсцкага раёна / рэдкал.: У. А. Васілевіч [і інш.]. Мінск: БелТА, 1998. С. 178–185.

3. *Галимова Н. П.* События Великой Отечественной войны на территории Брестской области // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі): зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; рэдкал.: М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.]. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. С. 110–117.

4. *Dean M.* Case Study: Domachevo Precinct // The Shoah in Ukraine: history, testimony, memorialization. Bloomington: Indiana University Press, 2008. P. 258–261.

5. *Тугай В. В.* «Фольксдойче» в годы Великой Отечественной войны в Беларуси и их переселение в «Новый Рейх» (1941–1944 гг.) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы междунар. науч.-теорет. конф.; г. Минск, 23 июня 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; ред. кол. В. В. Тугай (отв. ред) [и др.]. Минск: БГПУ, 2011. С. 243–252.

6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16884.

7. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 971.

8. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1043.

9. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 851. Оп. 1. Д. 1.

10. *Lück K.* Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland. Posen: Historische Gesellschaft im Wartheland, 1940.

11. *Kauder V.* Das Deutschtum in Polen Ein Bildband. Teil 5 Das Deutschtum in Ostpolen. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1939.

12. Das General-Gouvernenent. Konrad Triltsch Verlag Würzburg, 1942.

13. *Косик В.* Україна та Німеччіна у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів: Наукове товариство імені Т. Шевченка, 1993.

14. *Коваль М. В.* Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 5. С. 15–28.

15. ГАБО. Ф. 892. Оп. 1. Д. 71.

16. «Кровь стынет в жилах». Немец о поселке Домачево и взаимодействии с местной школой // БелТА. URL: https://belta.by/society/view/krov-stynet-v-zhilah-nemets-o-poselke-domachevo-i-vzaimodejstvii-s-mestnoj-shkoloj-685934-2024/ (дата обращения: 15.04.2025).

КАДРОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР 1943–1945 гг.: МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ, КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, пр. Октября, 48, 246746, Гомель, Беларусь, sergeyelisarov@mail.ru

Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения восстановленных районных и городских органов государственного управления на освобожденной территории БССР в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны. Отмечается, что в 1943–1945 гг. решение кадровой проблемы характеризовалось, во-первых, практическим отсутствием на начальном этапе управленцев, обладавших необходимым опытом и знаниями; во-вторых, основным резервом управленческих кадров были люди, отличившиеся в партизанской и подпольной борьбе с оккупантами; в-третьих, если в 1944 г. в условиях острого кадрового дефицита часто приходилось мириться с занятием должностей лицами с низким образовательным уровнем, без необходимого управленческого опыта, умений и навыков, то массовое возвращение из армии и эвакуации из восточных областей СССР лиц с довоенным управленческим опытом привело к значительным переменам в составе советских госслужащих.

Ключевые слова: Белорусская ССР; восстановление; государственное управление; Советы; исполкомы; кадровая политика.

PERSONNEL NOMENCLATURE OF LOCAL GOVERNMENT BODIES OF THE BYELORUSSIAN SSR 1943–1945: MECHANISM OF FORMATION, QUALITATIVE COMPOSITION

S. A. Elizarov

Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 Kastryčnika Avenue, Homieĺ 246746, Belarus, sergeyelisarov@mail.ru

The issues of staffing the restored district and city government bodies in the liberated territory of the BSSR in the conditions of the ongoing Great Patriotic War are considered. It is noted that in 1943–1945, the solution to the personnel problem was characterized, firstly, by the practical absence at the initial stage of managers who had the necessary experience and knowledge to work; secondly, the main reserve of managerial personnel were people who distinguished themselves in the guerrilla and underground struggle against the invaders; thirdly, if in 1944 in conditions of an acute shortage of personnel, it was often necessary to put up with the occupation of positions by people with a low educational level, without the necessary managerial experience, skills, and abilities, while the mass return from the army and evacuation from the eastern regions of the USSR of people with pre-war managerial experience led to significant changes in the composition of Soviet civil servants.

Keywords: Byelorussian SSR; restoration; public administration; Soviets; executive committees; personnel policy.

По мере освобождения белорусской территории от нацистской оккупации восстанавливалась довоенная структура местных органов государственной власти и управления — Советы и их исполкомов. Несмотря на значительную историографию проблем белорусской истории первых лет после освобождения, вопросы качественного состава кадров госуправления регионального уровня научного анализа практически не нашли. В связи с этим в представленном материале предпринята попытка проанализировать качественный руководящий состав органов государственной власти районного и городского уровней — районных (РИК) и городских (ГИК) исполкомов, входивших в номенклатуры ЦК КП(б)Б (председатели сельских РИК и ГИК городов районного подчинения, председатели районных плановых комиссий) и обкомов КП(б)Б (руководители всех районных и городских отделов исполкомов).

В условиях продолжавшейся войны, экономической разрухи и сложной политической ситуации на освобожденных территориях было принято решение временно отказаться от проведения выборов в Советы депутатов и формировать составы исполкомов либо на сессиях соответствующих Советов, либо формироваться вышестоящими структурами. Возможности использования первого варианта были чрезвычайно ограничены из-за отсутствия необходимого кворума довоенных депутатов: даже на 1 января 1945 г. в составе местных Советов БССР всех уровней насчитывалось лишь до 40 % довоенных депутатов, в том числе из 6571 депутата районных (сельских) Советов — лишь 1496, городских — 3593 и 806 [1, л. 1–11].

В таких условиях исполкомы местных Советов практически повсеместно формировались партийными и советскими органами и утверждались вышестоящими структурами в том числе районные и городские — областными обкомами КП(б)Б и облисполкомами.

В первые годы после освобождения главная проблема кадрового обеспечения воссоздававшейся местной вертикали власти обозначилась очень быстро — дефицит управленцев с довоенным стажем. Из 223 довоенных председателей городских и районных исполкомов 70 ушло в Красную Армию, 43 — выполняли спецзаданий в тылу противника, 39 находились в резерве ЦК КП(б)Б, 20 работало в восточных областях СССР, 12 погибло, 30 пропало без вести [2, л. 17].

Главным источником пополнения их руководящего состава являлись бывшие партизаны и подпольщики В первой из освобожденных от оккупации областей — Гомельской — на 15 августа 1944 г. из 221 руководителя разного уровня из партизан было 164 [3, л. 18]. А на 1 января 1945 г. среди председателей районных и городских исполкомов БССР было 145 партизан и подпольщиков (73,6 %), в том числе 30 рядовых партизан, 15 участников Великой Отечественной войны в действующей армии (7,6 %), отозванных из тыловых районов СССР — 37 (18,8 %) [2, л. 18].

Автором проведен анализ информации (в том числе личных дел с автобиографиями) о 31 председателе сельских РИК, занявших свои должности в 1944 г. [4, л. 4–5, 130–132, 133–134, 150–151, 208–209, 285–286, 427–431, 587–588, 593–594; 5, л. 12–14, 18–20, 26–28, 64–68, 91–94, 136–138, 146–147, 152–154, 161–164, 244–245, 303–304, 394–395, 399–401, 412–414, 462–469, 495–497, 499–501; 6, л. 38–39, 305–306]. Из них 24 (77,4 %, что в целом соответствует общим цифрам) участвовали в партизанском и подпольном движении на оккупированной нацистами территории БССР. Девять возглавляли партизанские формирования (в том числе партизанские бригады — председатели Смолевичского РИК Арестович И. В., Уваровичского РИК Бойков А. П., Радуньского РИК Дячков М. И., Гресского РИК Коледа А. М., Дубровенского РИК Воронов С. Т.), 11 были комиссарами (в том числе партизанских бригад — председатели Петриковского РИК Волков М. А., Толочинского РИК Волков К. Ф., Миорского РИК Клименок М. А.). 10 в первые месяцы Великой Отечественной войны оказались на оккупированной врагом территории: одни не успели эвакуироваться, другие — попали в окружение в составе частей действующей Красной Армии. Все они в дальнейшем либо создавали самостоятельно группы сопротивления, либо вошли в состав уже действовавших партизанских формирований. Четверо перед этим побывали в немецком плену, откуда бежали и активно включились в партизанское движение. В частности, Безуглов В. П. (председатель Заславского РИК с августа 1944 г.), будучи оперуполномоченным НКВД мотострелковой дивизии Западного военного округа, в Бобруйске попал в облаву, оказался в концлагере № 126 в Минске под чужой фамилией, работал в рабочей команде по строительству бараков и был выпущен как местный житель. После этого был в партизанском отряде партизаном, затем — комиссаром отряда, начальником Особого отдела НКВД партизанской бригады.

Трое из 31 председателя РИК заняли свою должность после демобилизации из частей действующей армии, где занимали командные и политические должности, еще четверо были отозваны из тыловых районов с различных руководящих должностей.

Опыт работы. По данным отдела кадров ЦК КП(б)Б за 1944 г. до 1 года на своей должности работало 156 председателей РИК и ГИК, от 1 до 2 лет — 24, 2–5 лет — 13, 5–10 лет — 4 [2, л. 18]. Практически стаж работы до 1 года можно рассматривать как то, что человек занял должность председателя впервые. За 1944 г. на 191 должность председателей РИК и ГИК было выдвинуто с меньшей работы 134 человека, в том числе 25 зам. председателей и секретарей ГИК и РИК, 12 зав. отделами исполкомов, 9 директоров совхозов и председателей колхозов, 15 работников партаппарата.

Анализ информаций по 31 председателю РИК показывает, что только 9 из них имели довоенный опыт руководства РИК. Среди них самым опытным был Волков К. Ф., (председатель Толочинского РИК с августа 1944 г.), который в 1928–1933 гг. последовательно занимал должности председателя Меженского, Уллъского, Ряснянского и Комаринского РИК, а в 1938–1941 гг. — Меховского РИК. Большой опыт работы в должности имел и Качук А. М. (председатель Лиозненского РИК с октября 1943 г.) — в 1934–1939 гг. он возглавлял Сенненский и Лиозненский РИК. Еще 7 человек имели опыт руководящей советской работы, хотя и более низкого уровня — ранее работали руководителями различных отделов РИК.

У остальных председателей такой опыт вообще отсутствовал и им приходилось начинать работу председателя РИК «с чистого листа». Тем не менее 8 человек из них имели опыт руководящей работы на предприятиях народного хозяйства: директоров МТС и заводов местного значения (торфяного, спиртовых, льноперерабатывающих, председателей колхозов). Однако 5 человек и такого опыта не имели, занимая до Великой Отечественной войны лишь должности специалистов, главным образом — агрономов, зоотехников, бухгалтеров.

Образование. Уровень образования у председателей РИК был низкий. В 1944 г. лишь 16,2 % председателей РИК и ГИК имел высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование, в то время как 33,0 % — только начальное («низшее»).

Из указанных 31 председателя РИК высшее образование имели 4 человека: Яцына И. А. (председатель Краснослободского РИК) и Барсуков М. М. (председатель Давид-Городокского РИК) закончили сельскохозяйственные вузы, председатель Островецкого РИК Костюченко И. С. — Минский педагогический институт, Радуньского РИК Дьячков М. И. — Саратовский институт советского строительства. Еще трое закончили техникумы, один — учительскую семинарию. Образование в 10 классов имело 3, еще 5 — начальное, 15 — от 5 до 8 классов.

Крайне тяжелое положение сложилось с комплектованием отделов исполкомов (фактически важнейшем сегменте местного руководства) кадрами специалистов-профессионалов. На начало 1945 г. инструкторский аппарата райфинотделов (райфо) был заполнен на 79,1 %, при этом ни один из заведующих не имел специального финансового образования. В районных органах управления сельским хозяйством были заполнены лишь 39 % штатных единиц, остро ощущалась нехватка агрономов, зоотехников и ветработников. Лучше было состояние с кадрами в органах управления народным образованием: высшее образование имели 80 из 194 заведующих областными и районными отделами народного образования [2, л. 20–21, 28–29, 33].

По мнению работников отдела кадров ЦК КП(б)Б лишь 36,2 % председателей районных и городских исполкомов, подобранных из числа партизан в 1943–1944 гг., работали «не плохо» [8, л. 16].

Отсутствие опыта работы на партийных и государственных должностях и необходимых для гражданской работы организационных управленческих качеств «руководителя советского типа» были основной причиной большой текучести среди местных руководящих кадров, которая росла в масштабах по мере возвращения из рядов Советской Армии и из тыловых районов СССР управленцев с довоенным опытом. В связи с этим относительно низкий уровень мобильности районных руководителей в 1944 г. (за год сменилось лишь 24,1 % председателей РИК, 13,9 % председателей районных плановых комиссий, 23,8 % заведующих райфо, 22,9 % заведующих районными земельными отделами) резко возрос в 1945 г. (за год было заменено 53,1 % председателей РИК, 50,9 % председателей райпланов, 58,5 % заведующих райземотделами, 39,0 % заведующих райфо) [9, л. 30; 10, л. 18–32].

Основная причина замены все эти годы — «не справился с порученной работой». Среди оставивших свои должности председателей РИК и ГИК по этой причине в 1944 г. было заменено 23,9 %, в 1945 г. — 39,4 % человек. Среди руководителей структурных подразделений ГИК и РИК средний процент таких замен среди сменивших свои должности составил за 1945 г. 40–50 %. Вероятно, этот процент был еще выше. Часть работников переводилась со своих должностей с формулировками «для более правильного использования» и «перемещены в порядке изменения обстановки в работе», что нередко фактически являлось завуалированным признанием их неспособности справиться с порученной работой. Таких среди потерявших свои должности председателей РИК и ГИК в 1945 г. оказалось 21,2 %.

По статьям «за нарушение директив вышестоящих органов» и «как скомпрометировавшие себя» в 1944–1945 гг. снимались с должностей в среднем каждый пятый председатель РИК и 5–10 % руководителей отделов РИК. Ряд партийных и советских руководителей, чьи стиль и методы руководства сложились в условиях партизанской борьбы с оккупантами, и в новых условиях продолжали использовать прежние, ставшие привычными, насильственные средства. В отчетах Отдела Кадров ЦК КП(б)Б содержится немало примеров нарушений законности районными руководителями: «…грубый произвол и издевательства над населением», «грубое извращение устава сельскохозяйственной артели», «нарушение советских законов и зажим критики и самокритики», «недостойное поведение в быту», «присвоение трофейных коров», «неправильное проведение хлебозаготовок под силой оружия и избиения крестьян и систематическое пьянство», «присвоение государственных ценностей, трофейного имущества

и спекуляцию» и т. п. За 1945 г. (из известного автору) только решениями ЦК КП(б)Б за подобного рода нарушения были сняты с занимаемых должностей, привлечены к партийной и уголовной ответственности партийные и советские руководители 10 районов республики [8, л. 54–67].

В тоже время «позитивные» причины сменяемости управленцев в 1945 г. (перевод на более высокую должность, на укрепление отстающих участков, на учебу, занятие вновь созданных должностей) составили всего 13,5 % [подсчитано по: 10, л. 20–32].

Таким образом, процесс кадрового обеспечения районных и городских органов государственной власти и управления в 1943–1945 гг. характеризовался, во-первых, практическим отсутствием на начальном этапе управленцев, обладавших необходимым опытом и знаниями для работы в районном звене. Если на уровне председателей РИК и ГИК эта проблема несколько нивелировалась наличием в целом опыта руководящей работы, то среди руководителей структурных подразделений исполкомов требовались не просто работники, обладавшие опытом управленческой работы, а специалисты с высшим или средним специальным образованием. Во-вторых, основным резервом управленческих кадров были люди, отличившиеся в партизанской и подпольной борьбе с оккупантами, многие из которых не обладали необходимыми качествами руководителя советского типа мирного времени. В-третьих, если в 1944 г. в условиях острого кадрового дефицита часто приходилось мириться с занятием должностей лицами, в силу своей некомпетентности, низкого образовательного уровня, отсутствия управленческого опыта, умений и навыков не способных решать поставленные перед ними задачи, то массовое возвращение из армии и эвакуации из восточных областей СССР лиц с довоенным управленческим опытом привело к значительным переменам в составе госслужащих.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 968. Оп. 2. Д. 3.
2. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 303.
3. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 144. Оп. 1. Д. 15.
4. НАРБ. Ф. 7. Оп. 20. Д. 1.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 20. Д. 2.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 20. Д. 3.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 1.
8. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 395.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 41. Д. 302.
10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 109. Д. 4.

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ФОРМЫ, МЕТОДЫ, ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНОЦИДА

К. И. Козак

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kozak@ibb.by

В статье на примере германской оккупационной политики, деятельности на территории Беларуси формирований и служб вермахта, полиции безопасности и СД, СС, а также полицейских структур представлены формы, методы реализации геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Выявлены и представлены характеристики этапов его осуществления, а также особенности исторической памяти геноцида белорусского народа.

Ключевые слова: геноцид; оккупация; оккупационный режим; карательная акция; места принудительного содержания; лагерь; сожженные деревни; Беларусь, Минск; этапы; историческая память.

GERMAN OCCUPATION POLICY ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: FORMS, METHODS, STAGES OF THE IMPLEMENTATION OF GENOCIDE

K. I. Kozak

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kozak@ibb.by

The article presents the forms and methods of implementing the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War using the example of the German occupation policy, the activities of the Wehrmacht formations and services, the SD, the SS, and police structures on the territory of Belarus. The characteristics of the stages of its implementation, as well as the features of the historical memory of the genocide of the Belarusian people, are identified and presented.

Keywords: genocide; occupation; occupation regime; punitive action; places of forced detention; camp; burned villages; Belarus, Minsk; stages; historical memory.

Историография. В годы Великой Отечественной войны жертвами нацистской политики геноцида белорусского народа на территории Беларуси стали не менее трех миллионов. Тем не менее историками данная проблема стала исследоваться лишь со второй половины XX в. [1; 2; 3; 4], а более системно в 1990-е гг., в том числе о трагедии военнопленных Красной Армии [5; 6; 7; 8]. На современном этапе авторские работы белорусских исследователей остаются немногочисленными [9; 10; 11]. Положение изменилось с активной исследовательской работой Генеральной

прокуратуры Республики Беларусь, которая не только инициировала ряд важных законодательных и нормативных положений о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, но привлекла к поиску новых данных как белорусских, так и российских историков на базе российских архивов [12; 13; 14; 15; 16].

Основы войны на уничтожение. Разработанные политическим и военным руководством Германии положения составили основу оккупационной политики еще до нападения на Советский Союз: директива № 21 (операция «Барбаросса») о подготовке к войне против Советского Союза (18.12.1940); специальная «Инструкция об особых областях» к Директиве № 21 (план «Барбаросса»), отдельные положения «О военной подсудности в районе „Барбаросса“ и об отдельных полномочиях войск» (13.03.1941). В отличии от войны на Западе — война против Советского Союза будет «борьба между расами», «борьба идеологий», «борьба на уничтожение» (30.03.1941). Такое положение было уточнено приказами об установлении военного оккупационного режима (03.04.1941), о деятельности особых команд — «зондеркоманд» и специальных групп полиции безопасности и СД (28.04.1941) оперативных айнзацгрупп рейхсфюрера СС для массового уничтожения противника национал-социализма (13.05.1941), «12 заповедей поведения немцев на востоке и их обхождения с русскими» (01.06.1941), «Об обращении с политическими комиссарами» (06.06.1941). В итоге «в борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя! …Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью…». Приказ «О службе содержания военнопленных по плану „Барбаросса“» (16.06.1941) предусматривал особое положение для лагерей Красной Армии. Даже партизанское движение или партизанская война служила еще одной возможностью «уничтожать все, что восстает против нас» [17; 18, л. 2; 19, л. 44–45; 4, с. 34–39; 20, с. 150–152; 21, с. 217; 22, с. 55–58].

Таким образом главным ориентиром оккупации народов СССР явилось: уничтожение государственности Советского Союза; захват новых территорий для их последующей колонизации и эксплуатации в соответствии с концепцией расширения «жизненного пространства» германской нации. Специальные директивные документы санкционировали: физическое уничтожение «враждебных» групп, рассматриваемых в качестве защитников советского строя (к таковым в первую очередь причислялись сотрудники государственного аппарата, партийные активисты и состоявшие на государственной службе евреи); применение германскими войсками безнаказанного избыточного насилия в отношении советских военнопленных

и мирного населения (как славян, так и, прежде всего, евреев); организацию массовой смертности от голода военнопленных и мирного населения (как евреев, так и, прежде всего, славян) [23, с. 424; 24, с. 48].

Структура оккупационного режима. В соответствии с планированием подчинения оккупированных территорий на Востоке 16 июля 1941 г. была утверждена структура военно-полицейской и гражданской оккупационной власти, определены руководители и методы управления. На бывшем едином советском пространстве Беларуси было образовано пять новых административных частей. При этом в состав тыла группу армий «Центр» вошли 10 контрольных округов, что соответствовало Витебской, Могилевской, частично Гомельской и Минской областям. Генеральный округ Вайсрутениен (Беларусь) составил одну ее треть территории. Южная часть Беларуси вошла в Рейхскомиссариат Украина в составе генеральных округов Волынь-Подолия и Житомир. В состав генерального округа Литва и административной области Белосток вошли районы Гродно, Ошмян, Свири. В составе полевых, охранных дивизий, полицейские полки и батальоны обеспечивали военное административно-территориальное управление в созданных для контроля тыловыми районами Берюк и Корюк. Дополнительными силами для массового убийства противников германского оккупационного режима в составе оперативных айнзацгрупп рейхсфюрера СС было сформировано 6 подразделений. Всего на территории Беларуси в разные периоды таким образом действовало не менее 43 дивизий, 117 полков (пехотный, добровольческий, кавалерийский, егерский, СС); 114 батальонов (1941), 380 (1942), всего около 500 батальонов, в том числе восточные полицейские батальоны (37 латышских, 26 литовских, 18 украинских, 16 белорусских, 3 эстонских). Для усиления и активности вермахта к ним придавались части полиции безопасности и СД, СС. Германии также удалось для этого привлечь союзников — Италию, Венгрию, Словакию, Румынию, Финляндию, а также формирования из Франции, Дании и других стран. Для оперативного управления были созданы более 150 главных, полевых, окружные, районных местных и другого типа военных комендатур. Главными и наиболее массовыми центрами на местах были сформированные на протяжении всей оккупации не менее 2,5 тыс. полицейских гарнизонов и опорных пунктов. Всего военно-полицейский аппарат насчитывал от 160 тыс. в 1941–1942 гг. до 350–500 тыс. в 1943–1944 гг. [25, л. 40–40 об.; 35, л. 104; 20, с. 153–154].

Места принудительного содержания. Учитывая неудачи Красной Армии на первом этапе войны, быстрое продвижение германской армии и захват большого количества в плен, то наиболее массовыми местами принудительного содержания стали лагеря для военнопленных. С июня

1941 г. действовало 12 армейских сборных пунктов, 23 дулага, 18 шталагов, 2 офлага, 3 пересыльные и еще 121 лагерь неустановленной квалификации. Всего по уточненным данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь насчитывалось 588 мест принудительного содержания, из которых 560 лагерей смерти. Для массового уничтожения евреев 1941–1943 гг. было создано и ликвидировано 360 гетто (91 гетто, 1941; 153 — 1942, 116 — 1943). Нацистский декрет об эвтаназии — умерщвлении душевно- и неизлечимо больных также оперативно был исполнен: в Минске над больными психиатрической больницы «Новинки» (09–11.1941) и тяжелобольными 2-й клинической больницы (11–12.1941). Такое же преступление было осуществлено над психическими больными в Могилеве. Всего для гражданского населения было организовано не менее 110 лагерей. Например, в Минске в Дроздах, на улице Широкой, гетто и зондергетто для еврейского населения, а также с 1942 г. лагерь в Тростенце. В итоге за период оккупации там было уничтожено более 800 тыс. жертв всех категорий — военнопленных, партизан и подпольщиков, евреев, в том числе и депортированных из Германии, Австрии и Чехии для уничтожения, мирного населения, в том числе доставленного из ближайших районов города. Не менее 75 тюрем на территории Беларуси обеспечивали насильственное удержание, как и смертельное наказание для различных категорий гражданского населения [20, с. 156–163; 30].

Карательные акции. Регуляторами соотношения военных и гражданских структур в местах их дислокации и проживания, партизанских зонах, прифронтовых областях, а также особых категорий как военнопленные, евреи, партизаны и участники саботажа стали 187 карательных акций, проводимые силами вермахта, СС, полиции безопасности и СД с участием местных вспомогательных полицейских формирований. Так, начальник оперативного штаба полиции безопасности и СД в Минске штандартенфюрер СС Пифрадер в директиве начальникам разведывательных команд от 18 ноября 1942 г. требовал, чтобы сжигание деревень обязательно сопровождалось уничтожением всех жителей: «опыт учит, что коллективные расстрелы, сжигание деревень без полной ликвидации или выселения их жителей приводят только к отрицательным результатам». Также активно использовались для этого союзные Германии военные подразделения Венгрии, Словакии, Дании, Франции, Румынии. Так, при выполнении оперативных задач и обеспечения безопасности тыла группы армий «Центр», силами вермахта совместно с венгерской армией и частями, подчиненными высшему фюреру полиции и СС «Россия-Центр» и командующему вермахтом в Беларуси, было проведено 16 карательных операций. Каждая из них охватывала территорию одного или нескольких районов Брестской

и Пинской областей (2 акции в феврале, 5 в марте, 3 в апреле, 5 в мае, одна в июне 1944). Наиболее масштабные из них «Хортобадь» (05–08.05), «Мишкольц» (09–12.05) и «Брюлл» (18–20.05), где имели место сожжение деревень вместе с их жителями [31, с. 16, 320–321; 32; 24; 33, с. 107].

Значимым ресурсом для осуществления карательной деятельности на территории Беларуси для германских органов служили также полицейские батальоны Латвии, Литвы, Украины. Например, из состава полицейских батальонов, которые были направлены на территорию других областей, в том числе округа Белосток, Беларусь, тыл группы армий «Центр» отмечены: 1–3, 11–12, 15, 18, 26, 231, 254–257, 269, 336, 473, 653, 850-й литовские полицейские батальоны, а также отдельные части и подразделения корпуса самообороны, строительных батальонов, отрядов, роты Вильнюсской и Каунасской школ полиции [27, с. 61–62, 136–137; 28, л. 37, 60, 63, 82, 93, 99; 39; 29, л. 322].

Особого внимания заслуживает операция «1005», целью которой было сокрытие доказательств массовых убийств на территории Европы, в том числе и Беларуси. Так на протяжении 1943–1944 гг. документация служб и ведомств уничтожалась, тела жертв массовых захоронений извлекались и сжигались, а территория обустраивалась и озеленялась. Свидетели преступлений, а также привлекаемые вспомогательные команды, по завершению работ были ликвидированы [14, с. 72, 75, 148, 160].

Материально-экономический ресурс. В качестве одного из эффективных регуляторов количества населения служил голод с помощью реквизиции у населения продуктов питания, сельскохозяйственной продукции. Этому способствовали созданные с 1941 г. хозяйственные подразделения в составе вермахта. Только в тыловой части территории Беларуси действовали 3 армейских хозяйственных штаба с 2 хозкомандами, 21 продовольственное управление с 180 различными сельскохозяйственными производствами (03.1944). В области гражданского управления — армейский хозяйственный штаб с оперативной командой, 5 военно-хозяйственных команд и оперативных групп. Проводимые ими спецоперации, как и созданные для этого «оборонные деревни» — для «плана голода» или «политики голода» вызывали голод, болезни, массовые эпидемии несущие смерть и разруху. Например, рейхскомиссар Эрих Кох в телеграмме рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру в отношении населения южной части территории Беларуси, которая входила в Рейскомиссариат Украина предлагал рейсфюреру СС Генриху Гиммлеру «Я выступаю за полную эвакуацию деревень на территории шириной от 50 до 100 км по обе стороны железной дороги Брест–Литовск–Гомель, потому что эта территория, кроме лесного хозяйства, не имеет для меня никакого значения (02.1943). Таким

образом германским органам перед наступающими частями Красной армии удалось оставлять только мертвые зоны. Примером такой деятельности является с истощенным и зараженным инфекционными болезнями населением прифронтовой лагерь Озаричи [29, л. 416; 34, с. 98; 21, с. 174, 180; 20, с. 313–314].

Вывоз на принудительные работы. Еще один способ уничтожения — депортация гражданского населения на принудительные работы в Германию (около 400 тыс.), а часть, подверженных советскому влиянию, в лагеря смерти Аушвиц (Освенцим), Майданек, Собибор или концентрационные лагеря Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен и другие. Суть инструкций заключалась в том, что расово неполноценных русских нельзя содержать в тех же условиях, что англичан или французов. Соответственно, нормы питания должны быть меньше, а нормы выработки — больше [24, с. 27, 29–30, 36–37, 39].

Трагические последствия геноцида. Из 12 868 полностью или частично сожженных населенных пунктов, не менее 290 из которых разделили участь Хатыни — сожжены вместе с жителями и не восстановлены после войны. Такими символами стали сожженные деревни Беловежской пущи (07–08.1941, Брестская обл.), Борки — 2027 жертв (15.06.1942, Могилевская обл.), Хатынь — 149 жертв (22.03.1943, Минская обл.), Ола — 1758 жертв (14.01.1944, Гомельская обл.). Только в столице Беларуси — Минске за 1941–1944 гг. было разными способами убито 826 тыс.: Дрозды (10 тыс.), на Широкой (20 тыс.), шталаг 352 (80 тыс.), гетто (зондергетто) — около 100 тыс., Тростенец (Шашковка, Благовщина, Малый Тростенец) — 546 тыс. Так в трагедии Беларуси каждый третий стал жертвой геноцида. Из них, по уточненным данным, около 1060 тыс. гражданского населения, 810 тыс. военнопленных, 715 тыс. евреев, 173 тыс. из 400 тыс. депортированных для при принудительного труда, 251 тыс. солдат Красной Армии, 25 тыс. партизан. Отдельную группу из числа местного населения, составили вовлеченные нацистскую политику геноцида участники военно-полицейских формирований или оккупационно-административных органов (около 55 тыс.) [20, с. 164–166, 175–189; 21, с. 219, 224; 35].

Этапы реализации геноцида. Политика и тактика применения массовых форм уничтожения населения Беларуси при определенных особенностях ее осуществления позволяет определить первый этап 1941–1942 гг. как этап поиска и определения новых наиболее эффективных способов. В качестве устрашения планировалось перемещение населения из зон оккупации, сожжение населенных пунктов для предотвращения проживания там местных жителей, организация в июле–августе 1941 г. первых крупных карательных операций на примере «Припятские болота», апробация кроме пистолетных акций, массовых расстрелов вблизи населенных

пунктов, топление в реках и болотах. Обустройство для устрашения публичных мест казней через расстрелы, повешение. Применение директивных норм для более широкого определения узников из среды местного населения, участников сопротивления и саботажа германскому оккупационному порядку. Для активизации тактики массового уничтожения из среды местного населения с помощью пропагандистских способов поощрения поощрялись расправы над евреями, активистами советской власти, отказ от помощи окруженцам — солдатам Красной Армии, требовалась выдача подпольщиков, партизан. За нарушение директив и приказов — расстрел или же передача в лагеря для принудительного содержания как на территории Беларуси, так и за ее пределами. Директива о заложниках, где приговаривались невинные к расстрелам, применялась местным командованием без предварительных рассмотрений или выяснений обстоятельств гибели немецкого солдата или же представителей гражданской администрации или полицейский. Принятое решение о сожжении населенных пунктов вместе с ее жителями для ослабления растущего партизанского движения и подпольной деятельности открывало для нацистской политики уничтожение не только еврейского, но и местного белорусского населения.

Второй этап характерен тактикой массового сожжения населенных пунктов и населения. Одновременно с этим с лета 1943 г. практикуется отправка части жителей на принудительные работы в страны Третьего рейха, места принудительного содержания, в частности населения Витебской области в лагеря смерти Майданек и Освенцим (Аушвиц). Данный период характеризуется наибольшим числом на территории Беларуси карательных операций. В итоге более половины, из 12 868 частично или полностью сожженных населенных пунктов Беларуси, приходится на 1943 г.

Третий этап отмечен активной фазой массового уничтожения на оставшейся под оккупацией территорией Беларуси. В период одной из самых крупных операций Второй мировой войны — стратегической операции «Багратион» освобождения территории Беларуси, на пути Красной Армии были образованы «мертвые зоны». На этой части территории, оставшиеся по разным причинам, были насильно депортированы. Для многих такие марши смерти были гибельными, а судьбы других до настоящего времени остаются неизвестными.

Борьба за память. Историческая память трагедии Беларуси в годы Великой Отечественной войны прошла три этапа. На первом этапе от первых дней войны до 1990 г. — события и характер Великой Отечественной войны сформировали динамику коллективной идентичности. На втором этапе 1991–2020 гг. — процесс трансформации государственной в национальную память. Третий этап с 2021 г. характерен законодательным оформлением государственной политики исторической памяти, союзной

борьбой против искажения нацистской политики геноцида. Закон о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (2022), новые статьи Конституции Республики Беларусь (ст. 15, 54) обязывают граждан Беларуси бережно хранить историческую правду и память о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (2022). Особенно после принятой странами Евросоюза политики декомунизации и десоветизации, которая фальсифицирует понятия о нацизме, трагическое прошлое оккупированных нацистами народов, способствует разрушению многочисленных памятников и мест захоронений солдат Красной Армии [35].

Библиографические ссылки

1. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941–1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. М.: Политиздат, 1965. 388 с.
2. *Романовский В. Ф.* Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944): Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Минск, 1974. 46 с.
3. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 / редкол.: В. Е. Лобанок (отв. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 1984. 271 с.
4. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Заставенко Г. Ф. [и др.]; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. 3-е изд. М.: Экономика, 1985. 328 с.
5. *Савоняко М. Я.* Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: автореф. дис.… канд. ист. наук: 07.00.02; Белор. госуд. ун-т. Минск, 1993. 31 с.
6. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / Пад рэд. У. М. Міхнюка. Мінск: БелНДЦДААс, 1995. 416 с.
7. Месцы прымусовага ўтрымання грамадскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Даведнік. Мінск: БелНДІДАС, 1996. 75 с.
8. Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Минск: Натако, 1998. 80 с.
9. *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtsshafts- und Vernichtungs- politik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. 1232 s.
10. *Козак К. И.* Некоторые аспекты германской правовой концепции ведения войны на Востоке // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. У 2 ч. Ч. І. Мінск: БДПУ, 1999. С. 147–149.
11. *Литвин А.* Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941–июнь 1944 г.): общие черты и особенности практического осуществления // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: материалы международной научной конференции, Москва, 26–28 апреля 2010 года. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 67–86.
12. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2022. 175 с.

13. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В 2 ч. Ч. 1. Минск: Беларусь, 2023. 312 с.

14. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 335 с.

15. Архивы. Ничего, кроме правды. Минск: Белта, 2023. 250 с.

16. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Беларусь. [Витебская, Гродненская, Могилевская, Гомельская область]. Минск: НАРБ, 2020–2022.

17. Bundesarchiv Militärarchiv. 17/44.

18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 941.

19. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 943.

20. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. Минск: БЕЛТА, 2005. 544 с.

21. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 3. Минск: Беларусь, 1985. 531 с.

22. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1987. 302 с.

23. Hitler's Table Talks. 1941–1944. NEW YORK, 1953. P. 424. 476 s.

24. *Дюков А.* Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал Российских и восточноевропейских исторических исследований № 2(25), 2021. 68 с.

25. НАРБ. Ф. 1401. Оп. 1. ЕХ. 257.

26. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 745.

27. *Станкерас П.* Литовские полицейские батальоны 1941–1945. М.: Вече, 2009. 304 с.

28. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 930.

29. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 957.

30. *Докунова Е. Н.* Советские военнопленные на оккупированной территории Беларуси: условия содержания, сопротивление (1941–1944 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Минск, 2012. 24 с.

31. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. 484 с.

32. *Дин М.* Пособники Холокоста: преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг.: [перевод с английского]. Санкт-Петербург: Академический проект, ДНК, 2008. 267 с.

33. Хатынские Деревья жизни: документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Минск: НАРБ, 2015. 430 с.

34. *Факторович А. А.* Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Минск: Наука, 1979. 152 с.

35. Закон Республики Беларусь о геноциде белорусского народа от 5 января 2022 г. URL: https://etalonline.by (дата обращения: 10.03.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО БЫТА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

У. А. Колобаева[1, 2)]

[1)] *Национальный архив Республики Беларусь, пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Республика Беларусь, kolobaeva1567@mail.ru*
[2)] *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, kolobaeva1567@mail.ru*

В статье на основании архивных документов рассматриваются основные аспекты истории партизанской повседневности: условия жизни, питание, медицинское обслуживание и культурно-просветительская деятельность. В условиях оккупации организация качественной повседневной жизни «лесных солдат» имело важнейшее значения для их боеспособности. В научный оборот вводятся новые архивные документы и данные. Они свидетельствуют о высоком уровне организации партизанского быта и большой целенаправленной работе руководящих органов и самих партизан в этом направлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; культурно-просветительская деятельность; оккупация; партизанское движение; продовольственное обеспечение.

ORGANIZATION OF PARTISAN LIFE AS ONE OF THE FACTORS IN CONDUCTING CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK

U. A. Kolobaeva[a, b)]

[a)] *National Archive of the Republic of Belarus, Nezavisimosti Avenue, 116, 220114, Minsk, Republic of Belarus, kolobaeva1567@mail.ru*
[b)] *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kolobaeva1567@mail.ru*

The article examines the main aspects of the history of partisan everyday life based on archival documents: living conditions, food, medical care, and cultural and educational activities. Under occupation, the organization of high-quality everyday life for the “forest soldiers” was of paramount importance for their combat effectiveness. New archival documents and data are introduced into scientific circulation. They testify to the high level of organization of partisan life and the great targeted work of the governing bodies and the partisans themselves in this direction.

Keywords: Great Patriotic War; cultural and educational activities; occupation; partisan movement; food supply.

Тема «партизанской повседневности» и «партизанского быта» частично нашла свое отражение как в советской [1; 2; 3; 4; 5; 6], так и современной белорусской историографии [7; 8; 9; 10; 11]. Таким аспектам, как медицинское обслуживание [12; 13; 14], материально-техническое

обеспечение [15; 16] и пропагандистская работа [17; 18] историками было уделено большее внимание, в то время как в теме культурно-просветительской деятельности, организации быта до настоящего времени остается ряд «белых пятен».

Ежедневно партизанами проводилась большая работа по организации своего быта и повседневности. Наиболее безопасными для проживания были густые, еловые или смешанные массивы: такие хорошо скрывали огонь от костров и полностью загораживали места стоянок от чужих глаз. Важно было наличие водоема вблизи стоянки. Партизанские лагеря в ряде случаев представляли настоящие деревни. Они включали в себя партизанские и командирские землянки, хозяйственные постройки — конюшни, хлева, амбары, столовые, бани. Очень часто в партизанских лагерях были собственные госпиталя, оружейные мастерские, типографии, школы и небольшие сельскохозяйственные предприятия.

Основным местом проживания были землянки. Некоторые из них возводились из бревен и имели маленькие окошки, которые, как правило, зимой забивались досками, или затыкались подушками и тряпьем, и открывались только летом. В целях экономии тепла землянки строили небольшие: шириной — 1,5–2 м, длиной — 2–3 м, а людей проживало в них немало. Не только отапливались, но и освещались такие землянки нередко лишь от сделанных из железных бочек печей, на которых готовили и пищу.

В условиях оккупации проблема одежды и обуви, как и жилья, встала в качестве одной из важнейших. Единой униформы у партизан, конечно, не было. Одевались «лесные солдаты», как могли: встречались бойцы и в военной форме, и в самой разнообразной гражданской одежде, то же было и с обувью. Если кому-то даже удавалось раздобыть немецкую форму, её тоже носили. Мирные жители, помимо продуктов, приносили также одежду и обувь. Бывало, что партизаны шили одежду сами, не говоря уже о ремонте. Для этого в отряде были свои мастера и умельцы.

В условиях оккупации партизаны жили «по-военному» в строгом соответствии с расписанием дня. Приведем расписание дня для 1 роты одного из отрядов 2-й Минской партизанской бригады: «Подъем — 07:00. Физическая зарядка — 07:10. Осмотр оружия — 08:00. Туалет — 08:40. Завтрак — 09:00. Занятия — 10:00. Обед — 14:00. Политинформация — 15:00. Массовая работа — 16:00. Ужин — 19:00–20:00. Вечерняя поверка — 21:30. Отбой — 22:00» [19, л. 103].

Безусловно важнейшим вопросом партизанской повседневности было пропитание бойцов. Определены четыре основных источника продовольственного обеспечения партизанских формирований:

1. Захват продовольствия в результате нападения партизан на обозы, склады, предприятия и гарнизоны противника.

2. Целенаправленное снабжение (воздушное и наземное) с «Большой земли».

3. Производство продуктов питания — посев и сбор урожая в партизанских зонах и краях, организация небольших сельскохозяйственных предприятий (маслобоен, ферм, рыбных артелей и др.). Одновременно практически неисчерпаемым источником продовольствия для белорусских партизан являлся лес, обеспечивавший их мясом диких животных, ягодами, грибами и пригодными в пищу растениями.

4. Снабжение за счет местного населения (добровольное и принудительное) — фуражирование, реквизиции, хозяйственные заготовки и поставки [10, с. 608].

Нападение на воинские части (обозы, гарнизоны) и хозяйственные объекты противника как способ обеспечения себя продовольствием и трофейным вооружением применялся партизанами на протяжении всего периода оккупации. При нападении на продовольственные обозы и склады решались одновременно несколько задач: уничтожение врага и его продовольственной базы; захват продуктов питания для собственных нужд; частичная раздача захваченного продовольствия гражданскому населению.

Вторым источником снабжения продовольствием партизан были поставки с «Большой земли». Прежде всего отметим, что связь и поставки из Москвы значительно шире обычного понимания доставки грузов воздушным путем. Продовольствием (с запасом) обеспечивались отряды и группы, направляемые за линию фронта, а также выходившие из-за линии фронта для пополнения, отдыха. Кроме того, наличие «Суражских ворот» позволяло организовывать переброску грузов не только воздушным, но и наземным способом (продовольственные обозы и колонны).

Значительная роль в снабжении партизан Беларуси в 1942 г. принадлежала Северо-Западной группе при ЦК КП(б)Б, которая была создана 20 марта 1942 г. и работала под партийным руководством в полосе действий 3-й и 4-й армий Калининского фронта. Руководителем был назначен секретарь ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинов.

Отрицательным моментом в решении «продовольственного вопроса» было отсутствие четких указаний и рекомендаций партийного и военного руководства относительно объемов и сроков поставок. Фактически, эти вопросы были даны на откуп руководителям местных партизанских отрядов и бригад. Например, в зоне действия 3-й Белорусской партизанской бригады население сдавало хлеб, исходя из норм 1940 г. — 50–80 кг с гектара посева [20, л. 34–35].

Важным аспектом при заготовках продуктов было точное определение деревень и районов в которых производили заготовки те, или иные

партизанские формирования. Так, во 2-й Минской бригаде был составлен план заготовок хлеба и других продуктов. Каждому из 6 партизанских отрядов, входящих в бригаду, отводились свои районы и деревни: «Соколу» — Пуховичский район (18 деревень); имени А. В. Суворова — Пуховичский и Стародорожский (14 деревень); имени В. И. Чапаева — Руденский (19 деревень); имени К. Е. Ворошилова — Минский (20 деревень); имени М. И. Кутузова — Пуховичский и Гресский (9 деревень); имени И. В. Сталина — Руденский (13 девервень).

Необходимо указать, что в ряде случаев серьезные злоупотребления имелись и со стороны партизан. В первую очередь это грабеж и мародерство. Например, «в колхозе имени К. Е. Ворошилова Лиозненского района партизан 2-го отряда бригады имени ВЛКСМ Чернов, получив одну буханку хлеба и хорошо поев, произвел обыск, при котором изъял 2 кувшина молока, 3–4 фунта сала и др. Бывают случаи, что за ночь в деревне побывает несколько таких групп» [21, л. 126 об.].

Руководящие органы партизанского движения проводили большую работу по предотвращению противоправных действий «лесных солдат». В бригадах и партизанских зонах была организована достаточно эффективная система партизанского судопроизводства [22]. Командиры бригад и отрядов также издавали соответствующие приказы о борьбе с мародерством и грабежами. Так, 7 мая 1942 г. комбриг 1-й Белорусской бригады М. Ф. Шмырев подписал приказ, в котором требовал «строго взыскивать с лиц, занимающихся мародерством. Не один случай мародерства не должен пройти безнаказанно» [23, л. 44].

В партизанских зонах организовывалось собственное производство продуктов питания, которыми обеспечивались не только «лесные солдаты», но и гражданское население. Например, на территории Суражской зоны в местечке Пудоть действовали маслозавод, мельница, пекарня и другие объекты, которые обеспечивали продуктами действовавшие здесь партизанские соединения [10, с. 616–617].

Не менее важным вопросом партизанской жизни была организация медицинского обслуживания «лесных солдат». На начальном этапе партизанской борьбы остро ощущалась нехватка медицинских кадров (врачей, фельдшеров, медсестер). Однако благодаря тому, что постепенно в партизанские отряды ушло много медработников из городов и сельских населенных пунктов, а также благодаря целенаправленной работе БШПД в этом направлении кадровый дефицит был ликвидирован. Если на 1 января 1942 г. в партизанских соединениях БССР было всего 6 врачей, то через год — на 1 января 1943 г. — 166 [12, с. 148].

Отметим, что хорошо организованный партизанский быт благоприятно сказывался на организации культурно-просветительской работы: открывались «лесные школы», создавались кружки самодеятельности и т. д.

В партизанских лагерях действовали школы для детей, которые находили спасение у «лесных солдат». Учителя, оставшиеся на оккупированной территории, как и оказавшиеся в рядах партизан, раздобыли или изготовили столы, парты, классные доски, учебные и наглядные пособия, собрали детей и начали их обучать. Организацией работы школ и созданием их учебно-материальной базы занималось командование партизанских бригад и восстановленные при их содействии органы Советской власти. Трудности были немалые, поэтому приходилось изыскивать разные возможности и проявлять изобретательность: не было чернил — использовали сок красной свеклы, не имелось бумаги и тетрадей — аккуратно сняли со стен обои и писали на оборотной белой их стороне, не хватало учебников — учили уроки группами по 7–8 человек. Так, на территории современной Брестской области действовало не менее 20 «лесных школ». Одна из них была организована партизанским отрядом «Советская Беларусь» и размещалась в деревнях Волчие Норы и Окулино [24, с. 17]. Еще одна школа «Под дубом» начала действовать в семейном лагере при партизанском отряде имени Е. Г. Макаревича [25, с. 140].

Важное место в жизни партизан занимала организация досуга. Организовывались централизованные чтения агитационных и информационных материалов, в праздничные дни проводились концерты и капустники. Стихийно возник ансамбль березовцев — художественная агитбригада 760-го партизанского полка имени М. Березовского. В его состав входило 12 человек, в том числе и женщины. В районе Лиды и Тальки большую пропагандистскую работу вел агитколлектив 12-й кавалерийской бригады, которым руководили Г. Артамонов и А. Рожин. Зимой 1943 г. сформировалась агитгруппа лидских партизан, выросшая впоследствии в Лидский партизанский ансамбль. По инициативе командования в феврале 1944 г. был организован Вилейский партизанский художественный ансамбль, или Агитотряд имени М. Горького [4, с. 6–8].

Большое место в повседневной жизни играл фольклор. Выделим следующие основные его виды: партизанские частушки, песни и стихи, боевые походные марши, пословицы и поговорки, повествовательный. Тематика партизанского фольклора «полностью обусловлена теми событиями, которые характерны для жизни и борьбы людей во вражеском тылу» [1, с. 26]. Основными авторами и составителями партизанского фольклора были сами партизаны, а самыми распространенными жанрами партизанского творчества «были песни лирические, сатирические, походные марши,

героико-эпические сказания, частушки, шарады, боевые клятвы, марши, пословицы, поговорки, загадки, анекдоты, сказки, каламбуры… письма на Родину» [1, с. 29–30].

Подводя итог, укажем, что тема «партизанской повседневности и быта» разнообразна и до настоящего времени недостаточно изучена. Она включает в себя систему продовольственного и медицинского обеспечения, культурно-просветительскую деятельность, организацию бытовых условий жизни. В годы войны хорошо организованная «повседневность» партизан оказывала большое влияние на поддержание высокого морального и боевого духа «лесных солдат», позволяла проще переносить все тяготы и лишения жизни в оккупации.

Библиографические ссылки

1. *Гуторов И. В.* Борьба и творчество народных мстителей. Минск: Государственное издательство БССР, 1949. 300 с.
2. *Иванов Н. Г.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 304 с.
3. *Инсаров И. А.* Медицинская служба в партизанских соединениях Беларуси // Здравоохранение Белоруссии. 1972. № 7. С. 46–49.
4. *Мухаринская Л. С.* Белорусская народная партизанская песня. Минск: Беларусь, 1968. 63 с.
5. *Руденкова С. С.* Комсомолько-молодежная печать Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1944 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1987. 20 с.
6. *Хухлындина Л. М.* Роль печати подпольных партийных комитетов и партизанских формирований в мобилизации трудящихся Белоруссии на борьбу против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1987. 25 с.
7. Изобразительное творчество партизан: История партизанского движения / сост. С. В. Кулинок. Минск: Беларусь, 2024. 48 с.
8. *Каваленя А. А.* Да пытання адукацыі і выхавання моладзі ў гады Вялікай Айчыннай вайны // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Минск: [б. в.], 1992. Вып. 1. С. 183–187.
9. *Кнацько Г. Д.* Друкаваная прапаганда на Клічаўшчыне падчас фашысцкай акупацыі // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1994. № 3. С. 49–56.
10. *Красноженова Е. Е.*, *Кулинок С. В.* Продовольственное снабжение партизанских формирований Беларуси в период нацистской оккупации (на материалах Витебской области) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 3. С. 606–622.
11. *Павлова Е. Я.* Многогранье всенародной борьбы: отношения партизан с местным населением // Беларуская думка. 2014. № 2. С. 82–91.
12. *Козел Д. А.*, *Саевич Т. Н.* Медико-санитарная служба Белорусского штаба партизанского движения и ее деятельность по организации медицинской помощи партизанам Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Военная медицина. 2009. № 4. С. 145–149.

13. *Матусевич Ю. В.* Медицинская помощь партизанам и населению партизанских зон Беларуси в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Минск: БГУ, 2017. 29 с.

14. *Матусевич Ю. В.* Подготовка медицинских кадров в партизанских формированиях Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 10 крас. 2015. Мінск: МДЛУ, 2016. Вып. 14. С. 146–151.

15. *Кривицкий А. М.* Материально-техническое и продовольственное обеспечение партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 2017. 18 с.

16. *Якубовский Н. А.*, *Якубовский В. Н.* Крылатые помощники партизан. Минск: Беларус. навука, 1998. 188 с.

17. *Болсун Г. А.* Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск. 1999. 17 с.

18. *Ермолович В. И.* Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны как исторический источник (1941–1944): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск. 1993. 24 с.

19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 94.

20. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26.

21. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 20.

22. *Шарков А. В.* Партизанское правосудие на оккупированной территории Беларуси // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 55–64.

23. НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 104.

24. *Асмалоўскі А.* Школа ў тыле ворага // Народная асвета. 1970. № 5. С. 14–18.

25. *Бяганская Я.* Лясная быль // Ад школьнага парога…: нарысы. Мінск: Беларусь, 1985. С. 132–145.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К. В. Купченко [1)], **Д. К. Купченко** [2)]

[1)] *Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, ул. Большая Советская, д. 10/2, 214000, г. Смоленск, Российская Федерация, konstan1977@yandex.ru*

[2)] *Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», Софийская ул., д. 52, лит. А, 192241, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kupcenko1509@gmail.com*

В представляемом докладе на основе материалов региональных и центральных архивов рассмотрены основные положения правовых актов по организации движения партизан и подпольщиков на временно оккупированных территориях СССР на примере Смоленской области. Показаны основные направления деятельности советских государственных и партийных органов по развертыванию партизанского движения, цели партизанского движения. Рассмотрены нормы законодательства, устанавливавшего право участников партизанского и подпольного движения и членов их семей на денежное довольствие в годы Великой Отечественной войны. Отмечено, что в период войны нормативно-правовая база, регулировавшая денежное довольствие участников партизанского движения, соответствовала военным и политическим задачам. Рассмотрена практика награждения партизан и подпольщиков, отмечены меры их социальной поддержки как во время, так и по окончании Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Смоленская область; партизанское движение.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PARTISANS AND UNDERGROUND OPERATIVES IN THE TERRITORY OF SMOLENSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

K. V. Kupchenko [1)], **D. K. Kupchenko** [2)]

[1)] *Smolensk State Agricultural Academy, 10/2, Bol`shaya Sovetskaya Street, Smolensk, 214000, Russian Federation, konstan1977@yandex.ru*

[2)] *Saint-Petersburg name V. B. Bobkov branch of the state public institution of higher education "Russian Customs Academy", 52, Lit. A, Saint-Petersburg, 192241, Russian Federation, kupcenko1509@gmail.com*

The present report, based on regional and central archives, reviews the main provisions of legal acts on organization of guerrilla and underground movements in temporarily occupied territories of the USSR, using the example of the Smolensk region. The main directions of activities of Soviet state and party bodies for the deployment of the guerrilla movement,

the objectives of the guerrilla movement are shown. The norms of legislation establishing the right of members of guerrilla and underground movement and their family members to a cash allowance in the years of the Great Patriotic War have been considered. It was noted that during the war, the legal and regulatory framework regulating the salary of members of the guerrilla movement corresponded to military and political objectives. The practice of rewarding guerrillas and underground fighters was considered, their social support measures were noted both during and after the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Smolensk region; partisan movement.

В годы Великой Отечественной войны партизанское движение, поддерживаемое подпольными организациями, получило широкое распространение. Первые партизанские отряды на Смоленщине начали формироваться к концу лета 1941 г.

Всего на территории Смоленской области в период с 1941 по 1943 гг. действовало 119 партизанских отрядов и более 100 подпольных организаций, 32 подпольных райкома партии, горком партии, 16 подпольных райкомов комсомола.

Они активно работали над созданием партизанских формирований и системы управления ими, опираясь на помощь Военных советов объединений Красной Армии.

Так, начальником Западного (позднее — Смоленского) штаба партизанского движения был первый секретарь Смоленского обкома и горкома ВКП(б) Дмитрий Михайлович Попов. Сотрудник Смоленского обкома ВКП(б) Фёдор Иванович Крылов занимал пост первого секретаря подпольного окружного комитета ВКП(б), действовавшего на территории нескольких районов Смоленской области.

Формировались партизанские соединения как по принципу добровольности из числа попавших в окружение или бежавших из плена бойцов Красной Армии, местных жителей, недовольных действиями оккупантов, так и посредством указаний партийных и советских органов [1, л. 1; 2, л. 14]. В ряде случаев при приближении противника на положение партизанских отрядов переходили истребительные батальоны, созданные в прифронтовых районах органами НКВД для борьбы с диверсантами и шпионами, а также организованные группы из числа партийного и комсомольского актива, оставленные в намеченных районах перед захватом их врагом.

Управлением НКВД Смоленской области с 10 по 25 июля 1941 г. создано 54 партизанских отряда с общим количеством личного состава 1160 человек. С 1 по 15 августа 1941 г. организовано и направлено в тыл противника 11 вооруженных партизанских отрядов общей численностью 404 человека [3, с. 456].

Так же в ходе войны практиковалась заброска о тыл противника диверсионных групп, на базе которых развёртывались партизанские соединения.

Например, Службами и подразделениями УНКВД по Смоленской области оказывалось содействие отряду Особой группы при наркоме госбезопасности СССР, действовавшей в районе Смоленска и Брянска [4, л. 26].

Регламентировалось партизанское движение нормативными правовыми актами уполномоченных органов.

Уже 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали директиву № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» с задачей развертывания в тылу немецких войск партизанской войны, предписывавшей создавать партизанские отряды и диверсионные группы в занятых врагом районах для борьбы с частями вражеской армии, взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. Этой же Директивой предписывалось населению при вынужденном отходе Красной Армии «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику килограмма хлеба, ни литра горючего» [5, с. 38–39].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» были сформулированы требования о проведении необходимых мер для предотвращения захвата советской земли фашистами и строилась работа всех государственных органов, организаций и партийных объединений. На основании Постановления организовывались подпольные коммунистические ячейки, диверсионные группы и партизанские отряды, работа которых была строго законспирирована. Участники этих формирований обеспечивались оружием, боеприпасами, деньгами, материальными ценностями и продовольствием [6, л. 76–78].

29 июля 1941 г. было принято постановление ГКО № 326с «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов», в соответствии с которым за личным составом партизанских отрядов сохранялась средняя заработная плата, как за добровольцами [7, л. 10].

Денежное содержание партизанам (включая надбавки за выслугу лет, удержания, в т. ч. по аттестатам на семьи, пособия в случае гибели) осуществлялось по нормам, предусмотренным для действующей армии [8, л. 21–23]. Период выплат определялся сроком нахождения в партизанском отряде, но не ранее апреля 1942 г.

Летом 1942 г. была введена в действие совместная инструкция Народного комиссариата финансов и НКВД. На основании этой инструкции участникам партизанских отрядов, занимавшим должности начальствующего состава, назначалось пособие в размере среднего заработка по прежнему месту работы или учебы (основных окладов, стипендии) на день вступления в партизанские отряды [9, л. 6].

Постановлением СНК СССР от 19 октября 1943 г. № 1139-348сс был увеличен размер денежного содержания партизан, установлены оклады по новым должностям, появившимся в партизанских отрядах к середине войны [10, л. 176–177]. Это было обусловлено значительным увеличением масштабов партизанской войны, которая приобрела к этому моменту стратегическое значение.

Таким образом, за весь период войны денежное довольствие партизан соответствовало военным и политическим задачам, способствовало достижению победы над врагом.

Дальнейшая нормативная регламентация организации партизанского движения продолжилась.

Постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. «в целях объединения руководства партизанским движением в тылу врага» и для дальнейшего развития этого движения и централизации его управления был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования [11, л. 235–236] во главе с Главнокомандующим партизанским движением. Затем были учреждены республиканские и областные штабы. Штабы партизанского движения подчинялись также Военным советам фронтов. Смоленск, в частности, относился к Западному (позднее — Смоленскому) штабу партизанского движения.

Приказом Народного комиссариата обороны СССР № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» обобщался полученный на начальном этапе войны опыт партизанской борьбы и определялись основные задачи партизанского движения: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей [12, л. 48–54].

В 1943 г. партизаны были приравнены к военнослужащим. Командно-политическому составу партизанских сил стали присваиваться офицерские звания.

Отдельно регламентировались вопросы награждения партизан и подпольщиков.

Одной из первых мер стал приказ начальника Центрального штаба партизанского движения от 1 августа 1942 г., который предписывал «немедленно представлять к высшим правительственным наградам» группы партизан за каждый пущенный под откос поезд противника [13, л. 31–32 об.].

В октябре 1942 г. на оперативные центры партизанского движения была возложена функция по представлению командиров партизанских отрядов и групп к присвоению военных званий и наградам [14, с. 150–151].

Особо отличившиеся участники операции «Рельсовая война», проходившей в том числе и на территории Смоленской области, а также командиры и комиссары всех участвовавших в ней партизанских соединений были представлены к правительственным наградам [15, с. 311].

Кроме того, во многих партизанских отрядах вручали самодельные знаки отличия, которые затем могли быть заменены на официальные награды.

В 1943 г. была учреждена медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней, которая фактически приравнивалась к медали «За боевые заслуги».

Впоследствии участники партизанских формирований, подпольщики получили статус участников и ветеранов Великой Отечественной войны.

В заключение отметим, что организованное партизанское движение и работа подпольных организаций и групп явились важным фактором достижения победы над нацистской Германией и её союзниками. Оно охватило всю оккупированную территорию СССР и создало мощный фронт вооруженной борьбы в тылу врага, тесно взаимодействующий с регулярными войсками.

Впервые в истории войн партизанские силы под единым командованием проводили операции в тылу врага в тесном взаимодействии с оперативно-стратегическими объединениями Красной Армии.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.

2. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212. Л. 14.

3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Кучково поле, 2000.

4. Рапорт сотрудников Особой группы при наркоме госбезопасности СССР Окуня и Бойко-Павлова начальнику Особой группы при наркоме госбезопасности СССР П. А. Судоплатову о направлении из Москвы в район действий Брянск–Смоленск отряда под командованием Медведева в составе 30 человек 25 августа 1941 г. // ЦА ФСБ России. Т. 1.

5. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968.

6. Постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» / Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 662.

7. Постановление ГКО № 326с «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов» // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5.

8. Приказ НКО СССР «Об установлении порядка выдачи пособий и полевых денег военнослужащим действующей армии» от 26 июня 1941 г. № 224 // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 5.

9. Инструкции народного комиссариата финансов и НКВД Союза ССР «О порядке назначения и выплаты пособий и пенсий партизанам и их семьям» // Государственный архив Смоленской области. Ф. 2361. Оп. 5. Св. 5. Д. 40.

10. Постановление СНК СССР «О выплате денежного содержания командному составу партизанских отрядов». 19 октября 1943 г. № 1139-348сс // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 192.

11. Постановление Государственного комитета обороны «О создании штабов партизанского движения и их задачах» от 30 мая 1942 г. № ГОКО-1837сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36.

12. Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. № 00189 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 460.

13. Приказ начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко об активизации действий партизанских отрядов в тылу врага, с приложением перечня для рассылки от 1 августа 1942 г. № 0018 // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4.

14. Положение об оперативных центрах партизанского движения от 5 октября 1942 г. // Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 20(9). М., 1998.

15. Приказ начальника Центрального штаба партизанского движения от 15 октября 1943 г. «Об объявлении благодарности особо отличившимся партизанским соединениям при проведении операции „Рельсовая война“» // Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. 20(9). М., 1998.

ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ВЕРУЮЩИХ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

Т. В. Лисовская

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by

В статье представлены формы и методы сопротивления немецким оккупационным властям членов белорусских позднепротестантских общин в период Великой Отечественной войны. Отмечено, что верующие активно участвовали в сопротивлении немецким оккупантам, однако, основной формой сопротивления стали методы ненасильственной борьбы: антигерманская агитация, поддержка партизан, помощь беженцам и военнопленным, сокрытие евреев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; евангельские христиане; баптизм; поздний протестантизм.

FORMS OF RESISTANCE OF EVANGELICAL BELIEVERS DURING THE GERMAN OCCUPATION OF BELARUS

T. V. Lisouskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, Lisouskaya@bsu.by

The article presents the forms and methods of resistance to the German occupation authorities by members of the Belarusian late Protestant communities during the Great Patriotic War. It is noted that believers actively participated in the resistance to the German occupiers, however, the main form of resistance was non-violent struggle: anti-German agitation, support for partisans, assistance to refugees and prisoners of war, hiding Jews.

Keywords: Great Patriotic War; Evangelical Christians; Baptism; Late Protestantism.

Вторая мировая война внесла кардинальные изменения в жизнь и деятельность религиозных общин Западной Беларуси. Разрушения, вызванные Великой Отечественной войной, оккупация родных территорий и установление немецкой власти и применение ею методов геноцида привели к переосмыслению концепции пацифизма и отказа от применения оружия. При сохранении общего концепта «не убий» в позиции евангельско-баптистских церквей БССР и СССР, в период Великой Отечественной войны на первый план выходит вопрос возможности и способов сопротивления агрессору. Временный совет евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ), образованный в 1942 г. в годы войны занял патриотическую позицию. В письме-воззвании ко всем верующим в 1942 г. ВСЕХ указывал на долг каждого верующего перед Богом и Родиной противостоять гитлеровской Германии [1]. В Обращении к верующим, находящимся на

оккупированной советской территории ВСЕХБ обратился с призывом поддерживать партизанское движение [2]. Члены Московской и Ульяновской общин евангельских христиан в 1942 г. выступили с Обращением к женщинам — членам общин евангельских христиан и баптистов в СССР с призывом трудиться на благо Родины: «С радостью подвизайтесь на трудовом фронте — на полях по уборке урожая, на лесо- и торфоразработках, на всяком деле, которое вам поручили или поручат! Это тоже необходимое служение Родине! Чините белье и одежду красноармейцев! Жертвуйте теплые вещи для них! И все это делайте с радостью, во имя Христа» [3]. В 1944 г. в письме-обращении ВСЕХБ всем общинам евангельских христиан и баптистов в местностях, освобождённых от немецкой оккупации, указывалась необходимость участия верующих в противостоянии врагу и недопустимость отказа от службы в Красной армии по религиозным основаниям [4, л. 46–51].

В связи с этим, в условиях Великой Отечественной войны руководством евангельских христиан и баптистов вопрос службы в армии, изыскания как активных методов сопротивления агрессору, так и способов невооруженной борьбы выводился на первый план в общественной позиции евангельских верующих.

Несомненно, в период гуманитарной катастрофы войны каждый верующий был вправе самостоятельно «по убеждениям совести» определять свое отношение к вопросам организации религиозной жизни. Часть верующих, соблюдая христианскую заповедь «не убий», все же остались на позиции отказа от участия в военных действиях. В Белорусском военном округе в 1944 г. среди мобилизованных насчитывалось более 230 человек евангелистов и баптистов. Часть из них (преимущественно из Западной Украины), по прибытии в части, отказались брать оружие, мотивируя это своими религиозными убеждениями [5, л. 15]. При этом отказ верующих от использования оружия не приобрел массового характера. Значительная часть верующих, мобилизованных в начале войны, а также белорусские верующие, мобилизованные после освобождения Беларуси в 1944 г., приняли участие в военных действиях. Верующие были призваны как в начале войны в 1941 г. [6, л. 11], так и после освобождения БССР в 1944 г.: члены общины АСД д. Новый двор Логишинского района А. Гузаревич, А. Шарук [7, л. 8], пресвитер общины ЕХБ д. Жадин А. Жигар [8, л. 83, 179], член общины ЕХБ д. Островец В. Ермаш, пресвитер общины ЕХБ д. Белев Житковичского района И. Жоголь [9, л. 92, 99].

Содействие партизанскому и подпольному движению со стороны евангельских верующих было приняло разнообразные формы: верующие укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев,

бежавших военнопленных. Так, оказывал помощь партизанам пресвитер ЕХБ д. Зельва, передавая партизанам информацию о деятельности немцев [9, л. 32]. Община ЕХБ г. Минска выдавала справки о посещении молитвенного дома людям, подозреваемым в связях с партизанами и партизанам, для смягчения участи и для свободного выезда из города. Пресвитер общины на А. М. Кецко лично ходатайствовал в гестапо, свидетельствуя, что они посещают его общину, чтобы спасти их от смерти. Также он участвовал в выводе военнопленных из концлагеря при помощи трех немецких офицеров.

Несомненно, основное сопротивление немецким оккупационным властям верующие оказывали ненасильственными методами: антигерманская агитация, поддержка партизан, помощь беженцам и военнопленным, сокрытие евреев.

Одним из основных форм сопротивления агрессору и помощи верующих Красной армии стала активная социальная и медицинская помощь в тылу и в оккупации. Члены евангельских общин организовывали пошив и ремонт белья, сбор одежды и других вещей для армии и для семей погибших солдат, оказывали уход за ранеными и больными в госпиталях, обслуживали сирот в детских домах, укрывали бежавших военнопленных. Пресвитер общины баптистов д. Белавичи Ивацевичского района И. А. Можейко 7 января 1942 г. привез для советских военнопленных в концентрационный лагерь под Ивацевичами обоз с едой и одеждой, которые собрали верующие: телогрейки, кожухи, валенки, сапоги, шапки, а также и продукты: хлеб, сало, вареную картошку. Мотивировав тем, что и в Германии принято на Рождество помогать обездоленным, он смог убедить охрану передать вещи советским военнопленным.

Верующие БССР в оккупации и в эвакуации неоднократно собирали средства на помощь фронту. На собранные в общинах евангельских христиан и баптистов СССР деньги был построен санитарный самолет «Милосердный самаритянин» для перевозки в тыл тяжелораненых солдат. Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов 6 февраля 1944 г. поддержал инициативу Всемирного Союза баптистов о проведении всеобщего дня молитвы «О победе над общим врагом — немецкими фашистами». На этом же собрании был проведен сбор средств для восстановления разрушенных жилищ на освобожденных территориях и было собрано 26 000 р. [10, л. 9–12]. В целом от верующих БССР (не только членов евангельских общин) в период Великой Отечественной войны на оборону было собрано 6 млн рублей.

В период нацистской оккупации Беларуси десятки еврейских детей спаслись благодаря совместным действиям как верующих, так и

гражданами без активной религиозной позиции. Так, И. А. Можейко, пресвитер общины ЕХБ д. Белавичи Ивацевичского района спас еврейского мальчика Генриха Вейнбергера [11]. Во время войны он укрывал его в своем доме, а после войны усыновил его [12, л. 107].

Василий Орлов, сотрудник отделе образования Минской городской управы в период оккупации, заведовал распределением по детским домам и приютам бездомных и осиротевших детей. При обнаружении детей еврейской национальности он должен был передавать их в Минское гетто. Но вместо этого он скрывал их национальность, давал направления в городские приюты к доверенным лицам. Шесть детских домов г. Минска были отданы под патронат религиозным общинам: 2 — православной, 2 — католической, 2 — баптистской общине [13] под руководством А. Кецко. Верующие баптистской общины, в том числе Я. Ф. Рапецкий, А. В. Скуратович, М. И. Евтухович, В. Я. Канатуш и другие, собирали продукты, одежду, обувь, готовили еду для детей детских домов, лечили воспитанников [14, с. 189–191]. Усилиями все 126 воспитанников детских домов № 2 и № 7 были спасены от голодной смерти и истребления [15]. Кроме того, в детском доме № 2 директор В. Спарнинг и А. Кецко и другие сотрудники детского дома укрывали детей евреев. Во время инспекций детей с ярко выраженной еврейской внешностью подменяли на детей А. Кецко и детей членов баптистской общины, чтобы немцы не распознали в них евреев. За спасение 72 еврейских детей детских домов № 2 и № 7 г. Минска в период войны А. Кецко был удостоен звания «Праведник мира».

Семье доктора Г. Рида их Столинского гетто помог бежать католический ксендз Ф. Сморцевский, он предоставил свидетельство о крещении жене доктора Е. Рид и в ночь на 26 ноября 1942 г. отправил их в дом лесника В. Кийовски в Столинском районе, а затем к Мозоль к баптистам Степану и Агафье Мозоль недалеко от д. Хотомель. В середине февраля 1943 г. семья Рид покинула дом Мозолей и присоединилась к партизанам. За спасение семьи Рид Мозоль Степан и Агафья были удостоены звания «Праведник мира» [14].

Баптисты из г. Барановичи Малиновские Роман и Софья были удостоены звания «Праведник мира» за спасение Порфштейна Эрика [13].

Веру Бодня, двухлетнюю девочку-еврейку из Белостока приняла община баптистов и дали ей имя Вера, чтобы немцы не могли ее идентифицировать как еврейку. Затем девочка официально была удочерена Атилией Бружник из д. Стаи Борисовского района [16, с. 102]. Лизу Цоглина в 1943 г. смогли вывести из Минска летом 1943 г. в Столбцы. Руководитель общины баптистов Попов договорился, чтобы община взяла ее под свою опеку. опеку над ней приняла община баптистов. Лиза Цоглина прожила в

Столбцах до конца войны [13, с. 84–85]. В воспоминаниях спасенный евреев осталось много эпизодов, в который активную роль в спасении евреев сыграли евангельские верующие [13, с. 2].

Как мы видим, верующие евангельских общин Беларуси (евангельские христиане, баптисты, адвентисты седьмого дня) в условиях Великой Отечественной войны активно участвовали в сопротивлении немецким оккупантам. Несомненно, основной формой сопротивления стали методы ненасильственной борьбы, в которых сочеталась позиция неприятия оккупационных властей и немецкой политики, а также социальный концепт христианского вероучения — накормить голодных, напоить жаждущих, одеть раздетых, посещать больных, помогать заключенным, заботится о сиротах и др.

Библиографические ссылки

1. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Москва: Издательство ВСЕХБ, 1989. 623 с.
2. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 12. Д. 10.
3. *Рохацевич Е. Б.* Обращение к женщинам — членам общин евангельских христиан и баптистов СССР // Объединенный государственный архив Челябинской области. URL: https://archive74.ru/obrashchenie-k-zhenshchinam-–-chlenam-obshchin-evangelskikh-khristian-i-baptistov-sssr (дата обращения: 24.04.2024).
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188.
5. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 235.
6. Государственный архив Гомельской области. Ф. 1354. Оп. 4. Д. 2.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 1339. Оп. 2. Д. 19.
8. ГАБр. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 16.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 952. Оп. 1. Д. 4.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261.
11. Красивое сердце. URL: https://krinica.org/krasivoe-serdce (дата обращения: 13.08.2024).
12. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 5.
13. Праведники народов мира Беларуси: живые свидетельства Беларуси / составители: К. И. Козак, М. И. Крапина [и др.]; под ред. В. Ф. Балакирева, К. И. Козака. Минск: И. П. Ловинов, 2009. 292 с.
14. Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997.
15. *Короткевич Г. В.* Праведник народов мира А. М. Кецко // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны URL: http://www.warmuseum.by/index.php/yubilyary/740-110-let-so-dnya-rozhdeniya-antona-mitrofanovicha-ketsko (дата обращения: 13.08.2024).
16. Праведники народов мира // Яд Вашем. URL: http://db.yadvashem.org/righteous/righteousName.html?language=ru&item Id=4021560 (дата обращения: 21.09.2024).

ИВАН ПАВЛОВИЧ ПАРОМЧИК КАК ОРГАНИЗАТОР ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В МИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1942–1944)

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, lukashevand@mail.ru

В статье раскрывается роль Ивана Павловича Паромчика (1896–1960) как организатора партизанского движения в Минской области в 1942–1944 гг. На основе документов партийного учета, наградных материалов и мемуарных свидетельств проведена реконструкция партийно-государственной и партизанской деятельности И. П. Паромчика в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: И. П. Паромчик; Великая Отечественная война; партизанское движение; Минская область; Минск.

IVAN PAVLOVICH PAROMCHIK AS AN ORGANIZER OF THE PARTISAN MOVEMENT IN THE MINSK REGION (1942–1944)

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lukashevand@mail.ru

The article reveals the role of Ivan Pavlovich Paromchik (1896–1960) as the organizer of the partisan movement in the Minsk region in 1942–1944. Based on party records, award materials, and memoirs, a reconstruction of the party-state and partisan activities of I. P. Paromchik during the Great Patriotic War was conducted.

Keywords: I. P. Paromchik; the Great Patriotic War; partisan movement; Minsk region; Minsk.

В отечественной историографии большое внимание уделяется событиям Великой Отечественной войны и партизанскому движению, в частности. Тем не менее роль отдельных личностей в белорусской истории не полностью исследована. Поэтому в данной статье рассмотрим роль Ивана Павловича Паромчика (1896–1960) как организатора партизанского движения в Минской области.

Личность этого партийного и государственного деятеля уже рассматривалась в авторской монографии «„Градоправители“ Минска: история власти (февраль 1917–декабрь 2013)» [1, с. 360–374]. Однако его деятельность в годы Великой Отечественной войны была показана только вскользь. Опубликованные новые архивные документы [2], воспоминания современников (М. М. Джагаров [3], С. К. Лещеня [4], И. Л. Сацункевич [5] и др. [6]) и родственников И. П. Паромчика [7] позволили более подробно раскрыть его роль в организации партизанского движения в Минской области.

В первые месяцы войны. С апреля 1941 г. И. П. Паромчик занимал должность директора Белорусского государственного водомелиоративного треста Наркомата земледелия БССР «Белводмелиотрест» [1, с. 368]. Однако во многих документах военного периода, в т. ч. наградных, эта информация скрывалась. Указывалось только то, что он «до Отечественной войны работал председателем Копыльского райисполкома» [2, л. 41, 42, 43 об.].

Первые месяцы Великой Отечественной войны были трагическими не только для многих красноармейцев, но и простых граждан. В то же время часть руководящих работников республики подлежали эвакуации. В их числе оказался и И. П. Паромчик. Вместе с женой и тремя детьми он перебрался в г. Щучье Челябинской области, где с августа 1941 г. работал директором райпромкомбината [1, с. 368].

О том, как происходила эвакуация, впоследствии вспоминала дочь И. П. Паромчика — Инесса Ивановна Паромчик: «Когда началась война мне исполнилось 3 года. Мы жили в г. Минске по ул. Горького (ныне М. Богдановича) в 3-м доме Советов. Я помню начало войны и нашу эвакуацию. Немецкие самолеты бомбили город, горели дома, которые тушили пожарные бригады. Срочно приехал мой папа и помог эвакуировать нас и другие семьи. Образовался длинный обоз из многих семей, который под шквальным обстрелом добрался до поезда, и моя семья [папа, мама, брат Женя (13 лет) и сестра Галя (10 лет)] и я сели в поезд и последовали в пункт папиного назначения. По пути следования папа отмечался в военных пунктах и получал указание следовать с семьей. Так мы прибыли в Челябинскую область, в Щученский р-н. По прибытии на место мы тяжело заболели: папа — двухсторонним воспалением легких и дети — корью. Особенно тяжело болел мой брат, врачи боролись за его жизнь. Папу назначили директором Комбината местной промышленности, где он работал с августа 1941 по июль 1942 года» [7].

Отозван для подпольной работы. В июле 1942 г. И. П. Паромчик был отозван ЦК КП(б)Б в Москву и в августе того же года направлен на партийную подпольную работу в оккупированную Беларусь (под псевдонимом «Суворов»).

С 3 октября 1942 г. И. П. Паромчик вошел в состав Минского межрайонного подпольного комитета КП(б)Б Минской зоны. Создание подобных партийных органов стало новым явлением в системе управления. «В октябре 1942 года из Москвы в тыл врага, в Червенский район, прибыли Семен Лукьянович Балабуткин и Иван Павлович Паромчик, — вспоминал И. Л. Сацункевич, с октября 1942 г. секретарь этого подпольного комитета. — Они сообщили, что решением ЦК КП(б)Б на оккупированной территории создаются подпольные межрайкомы партии и межрайпартцентры. Партийное строительство еще не знало таких форм руководства» [6].

Иван Павлович активно включился в партийную работу. Как член Минского подпольного межрайкома КП(б)Б Минской зоны он принимал участие в организации партизанского движения в шести оккупированных районах: Дзержинском, Заславском, Минском, Пуховичском, Руденском и Червенском. «Наши задачи состояли в том, чтобы создать подпольные райкомы КП(б)Б и ЛКСМБ, партийные и комсомольские организации в отрядах и населенных пунктах, — вспоминал И. Л. Сацункевич, — развернуть широкую политмассовую работу среди партизан и местных жителей, усиливать удары по врагу» [6].

Первое заседание межрайкома состоялось 15 октября 1942 г. На нем обсуждался вопрос о состоянии партийной и комсомольской работы в отрядах и о мерах по ее улучшению. «Мы поставили в известность командиров и комиссаров партизанских формирований, которые находились в нашей группе районов, о создании межрайкома и о необходимости безоговорочно выполнять его решения и указания. На местах это восприняли с одобрением», — вспоминал И. Л. Сацункевич [6].

Кроме того, было принято решение создать из групп И. И. Апаровича и С. П. Питкевича, прибывших из-за линии фронта (около 30 человек), партизанский отряд «25 лет Октября» и направить его в Дзержинский район. Командиром отряда назначили И. И. Апаровича, комиссаром П. Г. Мартысюка. Также были приняты организационные решения. «Договорились, что И. П. Паромчик посетит районы, вошедшие в нашу зону, с целью изучения подполья и подбора кандидатур на руководящие должности в райкомы партии», — вспоминал И. Л. Сацункевич [6].

Поэтому И. П. Паромчик ушел всесте с отрядом «25 лет Октября» в Дзержинский район. «Потом Иван Павлович побывал в других районах, где действовали отряды А. К. Флегонтова, П. И. Иваненко, С. Н. Иванова, И. З. Кузнецова, В. П. Адамовича, — вспоминал И. Л. Сацункевич. — Паромчик пробыл там недолго, но свою задачу выполнил. Он принес точные сведения о состоянии подполья, о боевых делах партизан, изучал кадры, довел до коммунистов, чем занимается межрайком» [6].

О том, как был образован Руденский подпольный райком КП(б)Б сохранились свидетельства его бывшего секретаря. «В октябре 1942 года в бригаду прибыли член Минского межрайкома партии И. П. Паромчик и инструктор Г. А. Молчан, — вспоминал Ф. В. Глебов. — Они имели задание изучить положение в Руденском районе и подобрать кадры для восстановления подпольного райкома партии. Вскоре межрайком утвердил секретарем меня, а членами райкома — И. П. Тихончика, бывшего председателя Ковалевичского сельского совета Руденского района, пришедшего с группой из-за линии фронта, и А. М. Михайлова, комиссара 2-й Минской партизанской бригады» [6].

Об организационной деятельности И. П. Паромчика оставил свидетельства и секретарь подпольного Пуховического райкома КП(б)Б. «Райкомом постоянно руководили Минский обком партии и межрайком КП(б)Б Минской зоны, — вспоминал В. Я. Шклярик. — Через связных своих представителей и по рации нам передавали директивы и указания вышестоящих органов. С нашей работой знакомились на месте член межрайкома КП(б)Б И. П. Паромчик, инструктор ЦК ЛКСМБ А. Ю. Денисевич. Последний дважды приходил в Пуховичский район, приносил указания ЦК КП(б)Б и подпольного обкома партии, помогал райкому комсомола налаживать работу среди молодежи» [6].

Секретарь подпольного межрайкома КП(б)Б. С февраля (по другим данным — с 15 марта по 18 сентября) 1943 г. И. П. Паромчик являлся секретарем Минского межрайкома КП(б)Б Минской зоны [1, с. 369]. Одновременно он выполнял обязанности комиссара партизанских соединений Минской области [2, л. 43 об.].

Идея укрупнения партизанских отрядов исходила от Минского межрайкома КП(б)Б. В течение нескольких месяцев ему удалось объединить отряды «Разгром», «Коммунист», «Искра» и «Знамя» в бригаду «Разгром» в Червенском районе и назначить ее командование. На базе четырех отрядов была создана бригада «За Савецкую Беларусь». Начала выходить газета «В бой за Родину», орган Руденского подпольного райкома КП(б)Б, печатались и распространялись листовки.

Так, весной 1943 г. И. П. Паромчик побывал в бригаде имени В. И. Чапаева. «На собрании присутствовали В. Я. Шклярик — секретарь Пуховичского подпольного райкома партии и И. П. Паромчик — член межрайкома КП(б)Б Минской зоны, — вспоминал Ф. В. Глебов. — Иван Павлович принес рекомендации межрайкома, литературу, газеты и другие материалы. Василий Яковлевич Шклярик поделился своими планами работы» [6].

К осени 1943 г. в зоне ответственности И. П. Паромчика действовало более 10 тысяч партизан в составе 8 бригад: 1-й Минской, имени газеты «Правда», «Разгром», «За Савецкую Беларусь», «Полымя», имени С. М. Кирова, «Чырвоны Сцяг» и имени Н. А. Щорса. Недалеко от д. Володута в Червенском районе был создан партизанский аэродром «Площадка Паромчика (Суворова)» для посадки и взлета самолетов, связывающих партизан с советским тылом.

Секретарь Минского подпольного горкома КП(б)Б. В связи с начавшимся осенью 1943 г. массовым изгнанием врага с советской земли, потребовалось возобновление работы общегородского партийного центра. 28 сентября 1943 г. секретарь Минского обкома КП(б)Б В. И. Козлов и секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович в радиотелеграмме обратились в

ЦК КП(б)Б с предложением о воссоздании Минского подпольного горкома КП(б)Б [8] (два предыдущих его состава были арестованы в оккупированном Минске и казнены в 1942–1943 гг.) [9].

4 октября 1943 г. ЦК КП(б)Б утвердил предложение обкома о руководстве горкома. По воспоминаниям Н. Е. Авхимовича, в него вошли секретари — С. К. Лещеня (Савельев, первый), Г. Н. Машков (по пропаганде), И. П. Паромчик (третий). Затем в его состав в качестве членов горкома были введены С. А. Ваупшасов (Градов), И. М. Родин (Гром), М. Н. Изюмский, А. Д. Сакевич [6]. «При горкоме создавался оперативный отдел, на который возлагалось установление связи с подпольщиками города, расширение их рядов, — вспоминал С. К. Лещеня. — Возглавил его Михаил Николаевич Изюмский, которому обком передал своих работников Александра Михайловича Осадчего и Григория Степановича Алексеева» [6].

Минский подпольный горком КП(б)Б располагался не в самом городе, как это было раньше, а в местах базирования партизан. «Учитывая обстановку и сделав выводы из провалов в деятельности подполья, — вспоминал С. К. Лещеня, — обком партии решил, что горком должен находиться не в самом Минске, а в партизанской зоне, на территории Минского сельского района, вместе а отрядом «Местные» С. А. Ваупшасова. Нашей важнейшей задачей являлось восстановление и создание новых подпольных групп» [6]. Там же находилась редакция газеты «Минский большевик» (редактор — А. Д. Сакевич).

Связь с минскими подпольными организациями и группами поддерживалась через специально выделенных людей. Деятельность горкома и минского подполья направлялась из Москвы. Горком имел приемно-передаточную радиостанцию, с помощью которой осуществлялась устойчивая двусторонняя связь с ЦК КП(б)Б. Оттуда определялись конкретные задачи подпольщиков, осуществлялось снабжение их литературой, взрывчаткой, другими материально-техническими средствами. Была налажена постоянная связь и с Минским обкомом КП(б)Б [8].

В свою очередь, И. П. Паромчик находился в Червенском районе. Отсюда он нацеливал партизанские отряды Червенского и Пуховичского районов на действия в оккупированном Минске. Они должны были вести разведку, устанавливать связи с подпольщиками, развивать подпольную борьбу в городе, спасать население от угона в Германию, распространять газеты и листовки. И. П. Паромчик работал с командирами и политработниками 1-й Минской бригады, бригады имени газеты «Правда» и других отрядов. Связь с руководством ЦК КП(б)Б поддерживалась через разведчиков Г. С. Алексеева и И. П. Севостьянова [4, с. 20].

В декабре 1943 г. Минский подпольный обком КП(б)Б расширил задачи И. П. Паромчика. Он должен был нацеливать командование партизанских бригад и отрядов на проведение работы по сохранению предприятий, оборудования и жилого фонда, создание групп по наблюдению за минированием объектов в Минске. Совместно с командованием партизанских бригад и отрядов И. П. Паромчик также организовал работу по подбору кадров для освобожденного Минска. Благодаря ему из Минска и нескольких вражеских гарнизонов Смолевичского и Червенского районов были выведены более 500 семей. Их разместили в безопасной зоне и обеспечили продовольствием [10, с. 144].

Выступая на 6-й сессии Верховного Совета БССР, которая проходила в освобожденном Гомеле 21–24 марта 1944 г., Иван Павлович отмечал: «Партизаны и партизанки Минской зоны систематически наносят сокрушительные удары по коммуникациям противника. Только за 1943 г. и два месяца 1944 г. по Минской зоне пущено под откос 539 эшелонов живой силы и техники противника, при этом уничтожено 426 паровозов, разбито 2978 вагонов, при крушении погибло 27 943 немецких солдата и офицера» [11].

Усилия И. П. Паромчика были отмечены руководством. По представлению Белорусского штаба партизанского движения «за организацию подпольной партийной работы и партизанских отрядов на территории Минской области, а также личное активное участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» он был награжден орденами Красного Знамени (1943) и Ленина (1944), а также медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степени [1, с. 369; 2, л. 42].

При этом у И. П. Паромчика были натянутые отношения с секретарем Минского подпольного обкома КП(б)Б В. И. Козловым. По некоторым данным, именно он выступил против присвоения И. П. Паромчику звания Героя Советского Союза (получил только орден Ленина) [7]. Все это обусловило отзыв весной 1944 г. Ивана Павловича на «большую землю».

В марте 1944 г. И. П. Паромчик был эвакуирован в Москву. В мае того же года его назначили заместителем председателя Совета народных комиссаров (СНК) — заведующим Бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК БССР. Фактически И. П. Паромчик отвечал за распределение кадров на освобожденной территории республики. И за выполнение постановления Государственного Комитета Обороны был награжден орденом Красной Звезды (1945) и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [1, с. 369].

Характеризуя Ивана Павловича, секретарь ЦК КП(б)Б по кадрам Н. Е. Авхимович отмечал, что «на практической советской работе» он

проявил себя «энергичным, инициативным работником. Хорошо знает советско-организационную работу. Политически грамотный, правильно ориентируется в окружающей обстановке и своевременно делает соответствующие выводы» [1, с. 369].

Эпилог. Окончание Великой Отечественной войны поставило перед руководством БССР новые сложные задачи. Прежде всего необходимо было возродить разрушенные города и села. На повестку дня встал вопрос о разработке генерального плана восстановления и развития Минска. Реализовать эти сложные задачи был призван И. П. Паромчик. Однако этот выбор оказался крайне неудачным. И уже менее чем через год он был освобожден от обязанностей председателя исполкома Минского городского Совета депутатов трудящихся [1, с. 370].

В последующие годы Иван Павлович занимал различные второстепенные должности, и скончался почти забытым в 1960 г. [1, с. 370–374]. И только в 2023 г. на доме в Минске, где долгие годы жил И. П. Паромчик, ему была установлена мемориальная доска.

Библиографические ссылки

1. *Лукашевич А. М.* «Градоправители» Минска: история власти (февраль 1917–декабрь 2013 г.). Минск: Торгово-финансовый союз «БТФС», 2014. 527 с.
2. Паромчик Иван Павлович // Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси. URL: https://partizany.by/partisans/23657 (дата обращения: 10.03.2025).
3. *Джагаров М. М.* Костры партизанские: Записки командира. Минск: Беларусь, 1970. 288 с.
4. *Лещеня С. К.* С паролем горкома: Записки секретаря Минского подпольного горкома партии. Минск: Беларусь, 1981. 240 с.
5. *Сацункевич И. Л.* Суровая быль. Минск: Беларусь, 1969. 384 с.
6. Партийное подполье в Белоруссии 1941–1944: Страницы воспоминаний. Минская область и Минск. Минск: Беларусь, 1984. 367 с. URL: https://www.molodguard.ru/heroes4750.htm (дата обращения: 10.03.2025).
7. *Паромчик И. И.* Герои нашей Родины бессмертны! // Институт истории НАН Беларуси. URL: https://history.by/geroi_nashey_rodiny_bessmertny/ (дата обращения: 10.03.2025).
8. В непокоренном Минске: документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) / редкол.: Р. П. Платонов (пред.); сост. Л. В. Аржаева, П. П. Липило. Минск: Беларусь, 1987. 238 с., 8 л. ил. URL: https://www.molodguard.ru/heroes103.htm (дата обращения: 10.03.2025).
9. *Лукашевич А. М.* Офицер-пограничник, подпольщик и партизан Беларуси Ваагн Мартиросович Айрапетов (1901–1964) // Граница и пограничье. 2024. № 1. С. 31–47.
10. *Короткевич А. Т.* Обелиск у дороги. Минск: Беларусь, 1971. 184 с.
11. Шестая сессия Верховного Совета БССР 21–24 марта 1944 г.: Стеногр. отчет. Минск: Гос. изд-во БССР, 1946. 310, [2] с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И. А. Сороковик

Академия Управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, i.sorokovik@yandex.by

Статья посвящена особенностям развития партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Они заключаются в том, что на оккупированной территории Беларуси наиболее активным и действенным было движение советских партизанских отрядов. В Западной Беларуси отмечено развитие Армии Крайовой, а на юге республики — боевых групп и отрядов Украинской повстанческой армии Организации украинских националистов. Одни преследовали идею независимости Польши в границах 1793 г., а вторые — независимость Украины от СССР. Одни и другие выступали на этих территориях против белорусов, Красной Армии, советских партизанских отрядов, советской власти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; СССР; БССР; оккупация; нацисты; советское партизанское движение; Армия Крайова; ОУН.

FEATURES OF THE DEVELOPMENTOF THE GUERRILLA MOVEMENT ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

I. A. Sorokovik

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya St., 220007, Minsk, Republic of Belarus, i.sorokovik@yandex.by

The article is devoted to the peculiarities of the development of the partisan movement on the territory of Belarus during the Great Patriotic War. They consist in the fact that the movement of Soviet partisan detachments was the most active and effective in the occupied territory of Belarus. In Western Belarus, the development of the Regional Army was noted, and in the south of the republic – combat groups and detachments of the Ukrainian Insurgent Army of the Organization of Ukrainian Nationalists. Some pursued the idea of the independence of Poland within the borders of 1793, and the second – the independence of Ukraine from the USSR. Some and others opposed Belarusians, the Red Army, Soviet partisan detachments, and the Soviet government in these territories.

Keywords: The Great Patriotic War; the USSR; the BSSR; the occupation; the Nazis; the Soviet partisan movement; the Krayev Army; the OUN.

В годы Второй мировой войны Беларусь стала одним из главных театров военных действий на территории СССР. За короткое время с июня по август 1941 г. она была захвачена нацистами и полностью находилась под оккупацией по июль 1944 г. Однако покорить белорусский народ им

не удалось. Население Беларуси в своем большинстве с недоверием и подозрительностью встречало агрессоров. Несмотря на жестокость оккупационного режима и репрессии, патриотическое движение белорусского народа против германских захватчиков возрастало и расширялось, принимало эффективные организованные формы и разнообразные методы борьбы. С первых дней агрессии часть населения под руководством оставшихся партийных, советских и комсомольских работников, а также военнослужащих, попавших в окружение, создавала партизанские группы и отряды. Во многих населенных пунктах они возникали стихийно и под руководством активистов подпольных организаций и групп. Значительная часть населения не выполняла приказы оккупационных властей, всячески игнорировала их распоряжения и указания, оказывала моральную и материальную поддержку партизанам, подпольщикам, а также попавшим в окружение воинам Красной Армии. Такая форма борьбы получила название пассивного сопротивления народа.

Однако главную роль в борьбе с фашистами имели организованные формы сопротивления. Уже 26 июня 1941 г. на территории белорусского Полесья был создан истребительный отряд «Красный Октябрь» под командованием Т. П. Бумажкова и Ф. И. Павловского. Совместно с частями Красной Армии он разгромил штаб немецкой дивизии, уничтожил десятки немецких солдат и офицеров, броне-и автомашин, мотоциклов, захватил оперативные документы немецкого штаба. Первыми из советских партизан Т. П. Бумажков и Ф. И. Павловский 6 августа 1941 г. были удостоены звания Героя Советского Союза. На этом этапе проявили себя отряды под командованием В. З. Коржа, Т. П. Бумажкова, Ф. И. Павловского, М. П. Шмырева (батьки Миная) [1, с. 284].

Принято считать, что начало организованного партизанского движения связывают с тремя нормативными актами: Директивой СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей «О мобилизации всех сил и средств на отпор немецко-фашистским захватчикам» [2, с. 446–448], речью И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. и Постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск».

На территории Беларуси главная роль в создании организованного партизанского и подпольного движения принадлежала ЦК КП(б)Б. Уже 22 июня 1941 г. было принято его постановление «О задачах партийных организаций в связи с нападением фашистской Германии на СССР». В нем парторганизациям ставилась задача перестроить свою работу на военные рельсы; усилить охрану предприятий, транспорта, узлов связи, важнейших других объектов; оказать помощь военным комиссариатам; членам

бюро и секретарям ЦК поддерживать связь с партийными комитетами в районах боев и информировать их о решениях ЦК; ввести круглосуточное дежурство секретарей ЦК и др. [3, с. 410–411].

На следующий день была издана Директива ЦК КП(б)Б «О борьбе с вражескими парашютными десантами», 30 июня 1941 г. — Директива № 1 «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» [4, с. 47–49], а 1 июля 1941 г. — Директива № 2 «Партийным, советским и комсомольским организациям о развертывании партизанской войны в тылу врага». В этих документах была определена программа деятельности партийных и советских органов в начальный период войны: образование и деятельность истребительных батальонов, подпольных ячеек в составе секретарей райкомов, горкомов партии, военнослужащих и организационных работников, подбор командиров и костяка членов партизанских отрядов, определение места их дислокации, организация связи с центром и др.

Решение бюро ЦК КП(б)Б «О подготовке кадров для диверсионной работы в тылу противника из женщин» было принято 12 августа 1941 г. Обкомы партии обязывались с 13 августа ежедневно направлять в школу при ЦК КП(б)Б по 20 человек из числа женщин-комсомолок прифронтовых районов, готовых встать на борьбу с врагом [4, с. 62].

Тем не менее, с осени 1941 г. и по весну 1942 г. не всегда все получалось у защитников Отечества в смертельной схватке с врагом. Не было достаточно практического боевого опыта, не хватало тесных контактов с местным населением, не всегда имелось хорошее знание местности своей деятельности, а также конспиративной, оперативно-разведывательной работы, знание специфики деятельности немецких оккупационных властей. На это повлияли и особенно сильные морозы, которые наблюдались зимой с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. Не было и крупных побед Красной Армии, чтобы поднять моральный дух населения.

Однако победа Красной Армии под Москвой, деятельность партийных и советских органов СССР и БССР по отпору врагу внесли существенные коррективы на развитие партизанского движения на оккупированной нацистами территории Беларуси. На него повлияло и создание 30 мая 1942 г. Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, а 9 сентября 1942 г. — Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) во главе с секретарем ЦК КП(б)Б П. З. Калининым [5, с. 20–21]. Последний подчинялся непосредственно ЦК КП(б)Б, правительству республики и ЦШПД, за которым сохранялось общее руководство. БШПД являлся органом государственного управления. Он руководил боевыми операциями партизанских

отрядов и бригад, координировал их деятельность между собой и частями Красной Армии, снабжал партизанские подразделения кадрами, вооружением, медикаментами, продовольствием; представлял партизан к правительственным наградам, занимался материальным обеспечением семей партизан и другими действиями.

С организацией БШПД значительно активизировалась связь центра с областями и многими районами Беларуси. С большой земли партизанам отправлялись вооружение, боеприпасы, медикаменты; оказывалась помощь людьми. Для этого действовали спецшколы № 1–4, готовивших кадры для партийного и комсомольского подполья, организаторов партизанского движения, диверсантов и подрывников, связных и разведчиков, радистов [5, с. 20–22]. Только 22 июня 1942 г. по решению ЦК КП(б)Б в тыл врага из Подмосковья были направлены 12 хорошо вооруженных партизанских отрядов из числа военнослужащих-белорусов [5, с. 28]. Одновременно НКВД БССР организовывал разведывательную и диверсионно-террористическую работу через свои 73 резидентуры. За период с февраля 1942 г. по июнь 1945 г. НКВД направил в оккупированные районы Беларуси 43 разведывательно-диверсионные группы общей численностью 771 человек [6, с. 77].

В этот период в основном завершилась организационная постройка партийных и комсомольских органов. В июне – июле 1942 г. ЦК КП(б)Б возобновил работу Минского, Могилевского, Витебского, Гомельского, Полесского и Пинского обкомов КП(б)Б, в сентябре 1942 г. — Барановичского, Белостокского, Вилейского и Брестского. В начале 1943 г. уже существовала разветвленная система партийных и комсомольских органов в областях, районах и городах республики [5, с. 100, 105]. Такая система подпольных партийных и комсомольских органов активизировала деятельность патриотического подполья и партизанских формирований.

В результате деятельности руководства СССР и БССР, успехов Красной Армии значительно возросло участников партизанского и подпольного движения в Беларуси. На оккупированной территории героически сражались 374 тыс. партизан, которые почти на 80 % являлись местными жителями. На боевом учете партизан находилось около 400 тыс. человек резерва. Мужественную борьбу вели 80 тыс. подпольщиков. Большую часть белорусских патриотов составляли юноши и девушки. Молодежь до 26-летнего возраста составляла свыше 54 % белорусских партизан [7, с. 195]. Всего за три года героической борьбы в тылу врага партизаны и подпольщики уничтожили свыше 550 тыс. фашистов [6, с. 220]. За героизм и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, около 140 тыс. белорусских партизан и подпольщиков награжден орденами и медалями, 87 из них присвоено звание Героя Советского Союза [8, с. 416].

Это была мощная сила, с которой фашисты должны были считаться. Своими действиями они сковывали большие силы врага. По заключению российских исследователей А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной, с середины 1942 г. для борьбы с партизанами было задействовано до 10 % немецких войск. Против партизан они применяли самолеты, пушки, минометы, танки, кадровые дивизии [9, с. 223].

В то же время особенностью партизанского движения в Беларуси в годы оккупации было то, что советским патриотам приходилось бороться не только с нацистами, но и с отрядами и группами Армии Крайова (АК), которые действовали на территории Западной Беларуси. Они подчинялась польскому эмиграционному правительству В. Сикорского в Лондоне. Главная их цель — возрождение Второй Речи Посполитой в границах до 1939 г. Насчитывала АК 250–300 тыс. человек [6, с. 152].

В связи с разделами Польши в 1939 г. национально сориентированная часть польского общества видит в Германии и СССР двух врагов, с которыми необходимо вести непримиримую борьбу с целью восстановления своей государственной независимости. Однако с нападением Германии на СССР отношение к Советскому Союзу меняется и генерал Сикорский 30 июля 1941 г. в Лондоне подписывает с СССР Договор об установлении дипломатических отношений. Более того, в августе 1941 г. был подписан советско-польский Договор о формировании на территории СССР армии из числа польских военнопленных. 4 декабря 1941 г. В. Сикорский и И. Сталин подписали условия военной взаимопомощи в борьбе с фашистской Германией [10, с. 54, 70]. Первый настаивал на границе 1939 г., второй — от «линии Керзона». Будущее западной части Беларуси не было определено. Тем не менее негласно стороны согласились на том, что территория Западной Беларуси находится в зоне влияния Польши. Поэтому советских партизан там было мало. Когда в восточной части Беларуси на 10 тыс. гражданского населения приходилось 140–150 партизан, то в западной — не более 20. Контакты между АК и советскими партизанами строились не на основе общности политики и идеологии, наличия общего врага — немцев и белорусских коллаборационистов, а на основе военной необходимости, понимая, что такое положение временное.

С лета 1943 г. положение резко изменилось из-за так называемого «катынского вопроса»: расстрела НКВД польских офицеров в Катыни, который к тому времени подавался как немецкий расстрел. Это привело к разрыву советско-польских дипломатических отношений. Сталинградская и Курско-Орловская победы Красной Армии показали, что стратегическая инициатива переходит на советско-германском фронте полностью на сторону СССР, а, значит, и Западная Беларусь останется в составе БССР. С учетом всего

этого, не без указания Центра, ЦК КП(б)Б 22 июня 1943 г. направил всем подпольным партийным комитетам закрытое письмо «О военно-политических задачах работы в западных областях Беларуси». Подчеркивая положение о том, что западные области Беларуси являются неотъемлемой частью БССР, ставилась задача «изолировать» и «вытеснять» отряды АК, а их руководителей необходимо незаметным образом «уничтожать» [5, с. 102]. Это сразу же отразилось и на отношениях польских и советских партизан. По указанию ЦШПД было прекращено сотрудничество с АК, их отряды разоружались, а где они не подчинялись — уничтожались. В западные области Беларуси было передислоцировано с востока и из-за линии фронта 9 бригад, 10 отдельных отрядов, 15 диверсионных групп. В конце 1943 г. там насчитывалось 37 тыс. советских партизан — в три раза больше, чем год назад. В тоже времени усилились контакты между оккупационной администрацией, СС и вермахта с полевыми командирами АК. Нацисты стремились с АК активизировать борьбу против советских партизан, а АК — использовать военный потенциал гитлеровцев для борьбы с советами для того, чтобы к приходу в Западную Беларусь Красной Армии эта территория контролировалась бы АК и, следовательно, присоединена к Польше [11, с. 153]. Однако противостоять Красной Армии АК не смогла.

Тем не менее, после освобождения Западной Беларуси от нацистов подразделения АК продолжали подпольную войну против советской власти до 1954 г. О ее масштабах свидетельствует то, с ними вели борьбу 18 полков НКВД СССР, территориальные органы госбезопасности и милиции, истребительные отряды из числа бывших партизан и партийно-советского актива численностью в несколько десятков тысяч человек [10, с. 206, 215–217, 237].

Польский историк Т. Валихновский подтверждает зверства АК против мирного белорусского населения. Он пишет, что « только в конце января и в начале февраля один из отрядов АК сжег две белорусские деревни. Его бойцы убили или сожгли живьем 46 человек, в том числе приблизительно 15 детей в возрасте до 10 лет. Несколько десятков человек получили ранения и ожоги. Без средств к существованию осталось 104 семьи — 459 человек» [12].

Кроме АК на юге Беларуси действовали отряды Украинской повстанческой армии (УПА), созданной в 1942 г. В 1942–1944 гг. они вели сражения как с немцами, так и с отрядами АК, советскими партизанами, белорусскими коллаборационистами. Немцы оценивали численность УПА в 80–100 тыс. человек, а руководство УПА — 200–400 тыс. человек. Солдаты и офицеры УПА нападали только на небольшие группы и гарнизоны немецких военнослужащих [7, с. 143–144]. Аналогично они действовали в

отношении и мелких групп советских партизан: их разоружали, избивали, распространяли среди населения листовки с призывом: «Бий кацапа-москаля, гони його звідциля, він тобі не потрібен!».

К лету 1944 г. на территории Беларуси подпольные формирования ОУН–УПА оценивались примерно в 12–14 тыс. человек. От их действий с 1944 по 1956 г. погибли 3199 военнослужащих Красной Армии, пограничных и внутренних войск СССР [13]. В частности, только за 9 месяцев пребывания в Беларуси 201-й охранный батальон, костяк которого составили члены ОУН-Б, уничтожил более 2000 советских партизан [14, с. 555]. С лета 1944 г. и до 1946 г. подразделения УПА совершили на территории БССР 2384 диверсии и теракта. От них погибли 1012 человек. В 1945 г. ее бойцы убили 50 работников НКВД, 36 военнослужащих Красной Армии и войск НКВД, 171 партийно-советского активиста, 298 гражданских лиц [15].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны главной ударной силой в борьбе с немецкими нацистами на территории оккупированной Беларуси выступало организованное советское партизанское движение, которое действовало в контакте с Красной Армией. В силу сложившегося военно-политического положения ему приходилось идти из-за военных соображений на временные контакты, но больше всего сражаться на определенном этапе времени с вооруженными подразделениями как Армии Крайовой в Западной Беларуси, так и с Организацией украинских националистов и Украинской повстанческой армией на юге республики. Как АК, так и ОУН–УПА преследовали свои цели на территории Беларуси, стараясь объявить зоны их военных действий территориальными единицами Польши и Украины. Они виновны в гибели в ничем не виновных тысяч мирных жителей Западной Беларуси и Полесья. Как бы не менялась тактика АК и ОУН–УПА, их деятельность носила антибелорусский характер, была направлена против Красной Армии, советской власти. История партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны — одно из важнейших направлений сохранения национальной памяти белорусского народа и формирования патриотических чувств особенно у современной молодежи.

Библиографические ссылки

1. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 2. Мінск: Беларусь, 1995.

2. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2: Документы. М.: Демократия, 1998.

3. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 3 т. Т. 3. Минск: 1985.

4. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня–август 1941 г.): документы и материалы. Минск: НАРБ, 2006.

5. *Краўчанка І. С.* Работа Кампартыі Беларусі ў тылу ворага. Мінск: АН БССР, 1959. 174 с.

6. *Боярский В. И.* Партизаны и армия. Минск: Харвест, 2003.

7. *Каваленя А. А.*, *Саракавік І. А.* Беларусь напярэдадні і ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войн. Мінск: Беларусь, 2008.

8. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. Мінск: БелЭн, 1999.

9. *Данилов А. А.*, *Косулина Л. Г.* История России. XX век. М.: Просвещение, 1999. 336 с.

10. *Сямашка Я. І.* Армія Краёва на Беларусі. Мінск: Хата, 1994.

11. *Літвін А.* Акупацыя Беларусі (1941–1944). Пытанні супрацiву і калабарацыі. Мінск: Бел. кнігазбор, 2000.

12. *Петров М.* «Богатэры» или убийцы? Террор Армии Краёвой против беларусов. URL: http://inbelhist.org/bogatery-ili-ubijcy-terror-armii-krayovoj-protiv-belarusov (дата обращения: 02.02.2025).

13. Советская Белоруссия. 2014. № 62. 3 апр.

14. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. т. 1. 1939–1943. М.: РОССПЭН. 2012.

15. Деятельность украинских националистов в Белоруссии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 07.02.2025).

О ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И БОРЬБА ПРОТИВ НЕГО НА ПРИМЕРЕ БАРАНОВИЧСКОГО РАЙОНА

С. В. Сударев

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, sudarevstanislav2@gmail.com

Проведен сбор и систематизация воспоминаний очевидцев о геноциде в период Великой Отечественной войны на территории Барановичского района. Изучен архивный материал о жизни жителей района в период оккупации, исследованы места, связанные с опоминающимися в материалах событиями. Созданная в районе система концлагерей, сожжение деревень с жителями, отсылка жителей на принудительные работы в Германию, расстрелы населения — всё это подтверждается документально, материалами, имеющимися в Барановичской межрайонной прокуратуре, зональном государственном архиве г. Барановичи.

Ключевые слова: геноцид; архивный материал; система концлагерей; сожженные деревни; вывоз мирных жителей на принудительные работы.

GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE AND THE STRUGGLE AGAINST IT ON THE EXAMPLE OF THE BARANOVICHI DISTRICT

S. V. Sudarev

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, sudarevstanislav2@gmail.com

The collection and systematization of eyewitnesses memories of genocide during the Great Patriotic War in the territory of the Baranovichi district was carried out. Archival material about the life of the inhabitants of the region during the occupation period was studied, places associated with the events mentioned in the materials were investigated. The concentration camp system created in the area, the burning of villages with inhabitants, the sending of residents to forced labor in Germany, and the shooting of the population – All this is documented by the materials available in the Baranovichi interdistrict prosecutor's office, the zonal state archive of Baranovichi.

Keywords: genocide; archival material; the system of concentration camps; burned villages; transportation of civilians to forced labor.

В Великую Отечественную войну советского народа с гитлеровской Германией территория Беларуси была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками с лета 1941 г. Нацистские палачи уничтожили более 1,5 миллиона мирных жителей Беларуси, в том числе 80 тысяч детей. Умерли от голода, эпидемий и других причин, связанных с войной 800 тысяч человек. В лагерях на территории Беларуси были казнены или погибли

от нечеловеческих условий содержания свыше 800 тысяч военнопленных. Было сожжено и разрушено 209 городов и районных центров, 9200 деревень, из которых 628 уничтожено вместе с жителями [1, с. 3].

Следственная группа Генеральной прокуратуры Республики Беларусь располагает сведениями о не менее 187 карательных операциях, осуществленных нацистами на территории БССР в годы Великой Отечественной войны [2, с. 6].

Оккупационный режим на территории Барановичского округа действовал с 4 сентября 1941 г. до 4 июля 1944 г. В Барановичский округ входило 7 районов: Барановичский, Новомышский, Городищенский, Мирской, Столбцовский, Клецкий и Несвижский [3, с. 221]. Для придания максимально организованного характера истязаниям и истреблению советских людей на территории Беларуси, в том числе и в Барановичском округе, была создана система концлагерей. Десятки тысяч мирных граждан отправлялись в эти лагеря, часто вместе со своими семьями, без суда и какого-либо определения термина заключения. Условия заключения в этих лагерях были специально рассчитаны на то, чтобы довести узников до мучительной смерти [4].

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцы организовали в Барановичском районе, в деревне Колдычево, концентрационный лагерь, действовавший до июля 1944 г. На основании данных барановичской межрайонной прокуратуры была создана чрезвычайная комиссия под председательством секретаря Городищенского райкома КП(б)Б С. П. Лесничего, работавшей осенью 1944 г., и при помощи свидетельских показаний удалось восстановить картину трагедии. Выявленные архивные документы свидетельствуют о чудовищных злодеяниях нацистов, совершенных в том месте принудительного содержания и массового уничтожения людей [5].

Концлагерь открыли в 1942 г. Его территория ограждалась несколькими рядами колючей проволоки, дзотами, вкопанными в землю танками, прожекторами. Охрана усиливалась по ночам дополнительными огневыми точками и патрульными нарядами. Для узников соорудили и кое-как приспособили многочисленные холодные неотапливаемые помещения. Специально выстроили двухэтажное кирпичное здание тюрьмы. В двухэтажном деревянном доме жили комендант и охрана, здесь же размещались камеры пыток, где жертв подвергали страшным истязаниям. В лагере для узников установили голодный режим при одновременном непосильном, изнурительном труде, свирепствовали массовые эпидемии. О медицинской помощи нельзя было и мечтать, наоборот, делалось все, чтобы болезни распространялись все больше и больше, а смертность росла [6, с. 21].

Узники работали по 10–12 часов в сутки в неимоверно тяжелых условиях на добыче торфа в ледяной воде, а также в цехах — по изготовлению кирпича, мыловаренном, столярном, кожевенном, бондарном, сапожном, портняжном. Спали на нарах в 2–3 этажа на тонком слое соломы. Жилые постройки в зимнее время не отапливались. Кормили «баландой» заваренной в воде ржаной мукой. То, что называлось «хлебом», выдавалось по 150 г на человека, а с 1944 г. — по 140 г в сутки. Общение заключенных с внешним миром запрещалось. Все носили опознавательные знаки на груди, спине, а мужчины и на правой стороне брюк: красный круг с черной точкой — партизан, желтая шестиугольная звезда — еврей, буква «р» — поляк.

Каждые две недели в лагере проводили массовые казни и расстрелы. Рвы в березняках недалеко от лагеря наполнялись трупами невинных людей. Палачи загоняли туда беззащитных людей и затем расстреливали из пулеметов. В ноябре 1942 г. в урочище Погорелец (Лозы) была построена кремационная печь, в которой сожгли 600 трупов, доставленных из барановичской и столбцовской тюрем.

В Новомышском районе возле железнодорожной станции Лесная в сентябре 1941 г. гитлеровцы создали лагерь № 337 для массового уничтожения советских военнопленных. В бараках не было печей и нар. В стенах были щели, через которые зимой наметало много снега. На протяжении зимы 1941–1942 гг. большая часть заключенных находилась под открытым небом при 20–30-градусном морозе. В бараки могли попасть только по очереди и на непродолжительное время. Питание военнопленных выражалось в 125 г хлеба с опилками и полутора литрах баланды при общем расходе воды на одного пленного не более 2 литров. Все виды работы транспорта выполнялись силами военнопленных. Они за 6 км таскали доски на плечах, возили из леса дрова, впрягшись в сани по 10–15 человек. На работах от переутомления, голода многие падали и их тут же расстреливали конвоиры [7, с. 5].

Бывший заключенный врач Смирнов Петр Афанасьевич рассказывает: «Все мы, находившиеся в заключении, были покрыты вшами и рваной одеждой. Истощение дошло до такой степени, что мы были похожи на скелеты. Многие умирали, а некоторые не могли подниматься, и их немцы достреливали. За период моего заключения в тюрьме (около 2 лет) только от инфекционных болезней умерло 17 тысяч человек».

В декабре 1941 г. в Барановичах в районе улиц Гагарина, Лисина и Комсомольской оккупанты создали гетто, в которое было согнано 15 тысяч евреев (рис. 1). Территория была обнесена высоким, в три ряда забором из колючей проволоки. Условия содержания заключенных были ужасные. Согласно с распоряжением немецкой оккупационной власти, им

запрещалось самостоятельно покидать гетто, менять местожительство и квартиры, ходить по тротуарам, пользоваться общественным транспортом, парком, общественными учреждениями, детям посещать школы. Входя в лагерь, каждый должен был поднимать руки, и полицейские тщательно обыскивали его.

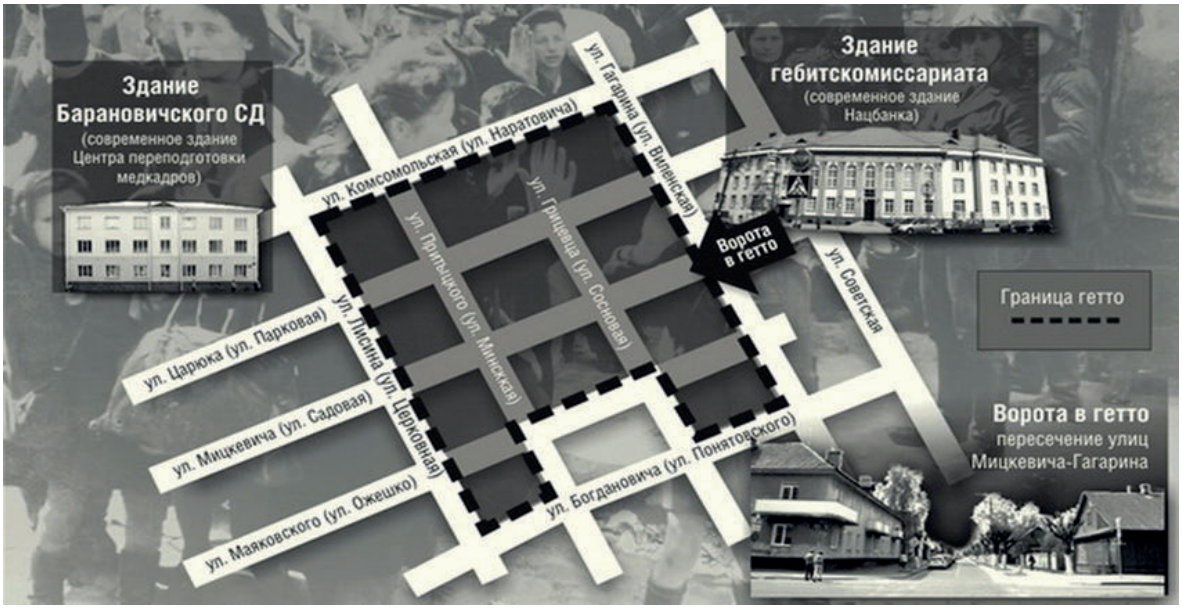


Рис. 1. Схема Барановичского гетто

Евреи должны были выполнять самые тяжелые работы для оккупантов, от которых многие из них умирали из-за нечеловеческих условий жизни и работы, из-за отсутствия медицинской помощи. Барановичское гетто существовало до декабря 1942 г. Все его заключенные были расстреляны немецкими захватчиками.

В конце июня 1942 г. на станции Барановичи в специальных эшелонах были привезены чехословацкие подданные с семьями из разных городов Чехословакии, преимущественно интеллигенция (врачи, инженеры, учителя) в количестве 3 тысяч человек. По прибытию эшелона на станцию привезенным было предложено оставить все свои вещи, сесть в машины и поехать на обед. Под предлогом обеда их вывозили за город на расстоянии 2 км в урочище Гай и там расстреливали. Часть была умерщвлена во время перевозки в «душегубках». Все их вещи из вагонов были перевезены в СД, а затем продолжительное время эти вещи немцы своим семьям отправляли в Германию.

Более 400 тысяч жителей Беларуси были угнаны на принудительные работы в Германию. Среди них 7593 человек — жители г. Барановичи, 1056 человек — жители Барановичского района.

Моя пробабушка Котович Эмилия Антоновна была родилась в деревне Альбинки Барановичского района Брестской области 19 марта 1926 г. (рис. 2). Она рассказала о своей судьбе следующее:

Рис. 2. Котович Эмилия Антоновна, 1926 г. р. 16 лет

«У нас была обычная семья, где было трое детей. Я была старшей сестрой и имела двух младших братьев. Когда мне было 16 лет, меня и пятеро моих односельчан вызвали в деревню Полонка в сельский совет и сказали, что отправляют нас на работу, через день необходимо было явиться на железнодорожную станцию в г. Барановичи. Мы вернулись домой и только в своей деревне узнали, что нам предстоит путь в Германию. Мой дедушка хотел меня спрятать. По деревне поползли слухи, что можно сбежать, но мой папа сказал, что слышал о том, что все, кто будут сопротивляться, будут расстреляны с семьями. У меня перед глазами сразу встала картина расстрела семьи из Альбинок. Было принято решение, что нужно ехать.

Вся молодёжь, подготовленная для вывоза в Германию, собралась утром на железнодорожной станции. Всех провожали родители, родственники и друзья.

Ехали мы в ненормальных условиях в вагоне поезда, который был прицеплен к эшелону. Пунктом назначения был город Мангейм (Германия). Нас всех распределили по предприятиям этого города. Я, вместе со своими односельчанками Ханцевич Брониславой и Скопец Юзефой, попала на самолётную фабрику „Людвиг Вафен“. Поселили нас в длинном-предлинном бараке вдоль дороги. Фабрика находилась недалеко.

Кормили нас вареной картошкой в мундирах и листьями салата, причем вся еда поливалась уксусом. Немцы говорили, что это для того, чтоб сократить наши желудки и чтоб мы не ощущали чувства голода. Работать было тяжело, так как не было никаких условий. Моей обязанностью было промывать в бензине детали самолетов, стоя по колено в холодной воде в летних тапочках. Уже через месяц у меня опухли ноги. Заболела вместе со мной и Ханцевич Бронислава. Немцы отправили нас в лечебницу, где врачи сказали, что по состоянию здоровья мы не можем продолжать

работать. Мы были очень напуганы, так как знали, что нас могут расстрелять. С медпункта на работу мы больше не вернулись. Медработники меня отправили домой, но уехать было очень тяжело. Спустя некоторое время нас в товарном вагоне привезли в Брест. Транспорта ехать дальше не было. Никаких помещений для ночлега не было, мы ночевали на улице и в дождь, и в зной. Лишь в начале августа 1942 г. нас привезли в Барановичи. Вот так я добралась до Родины. Мне было очень плохо: болели ноги и знобило. Как оказалось, у меня была очень высокая температура, а в голове было много вшей. Жар держался около недели. Как оказалось, это был тиф» (из воспоминаний Котович Эмилии Антоновны).

Великая Отечественная война оставила страшный след на барановичской земле. Огненным смерчем прошлась она по мирным деревням, уничтожив людей и попалив все, что создавали трудолюбивые сельчане. Немецкие захватчики не щадили не детей, ни стариков, особенно же зверствовали там, где население активно поддерживало партизанское движение [8, с. 4].

2 мая 1943 г. была проведена карательная операция «Молния» против жителей деревень Застаринье и Почапово Барановичского района, в ходе, которой в деревне Почапово расстреляли 16 местных жителей, в деревне Застаринье убито 16 партизан, замучено 382 мирных жителя. Имущество жителей деревень разграблено, а их дома сожжены [9].

В ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны Барановичская межрайонная прокуратура установила новые, ранее неизвестные места захоронения мирных граждан. В соответствии с планом полевых поисковых работ на территории Барановичского района в мае 2022 г. проведены раскопки в д. Серебрище вблизи кладбища и в лесном массиве около д. Тартаки.

Согласно свидетельским показаниям в период немецкой оккупации в 1942 г. местные жители деревни Тартаки видели 2 грузовых автомобиля, на которых немецко-фашистские оккупанты привезли 10–15 человек из числа мирных жителей, которых впоследствии расстреляли в поле вблизи указанного населенного пункта.

Из опроса местных жителей установлен факт расстрела двух семей из деревни Серебрище. Елена Ивановна Стрихар стала очевидицей того трагического события. В её родной деревне проживала семья евреев из шести человек, которая помогала сбежавшим от массовых расстрелов в лес семьям. Глава семьи был хорошим кузнецом, из-за чего староста деревни просил немцев оставить его с семьей в живых. Однако оккупантам стало известно о тайных визитах, и в один из летних дней 1943 г. семья кузнеца, а также евреи, которые прятались у них, были расстреляны [10, с. 3].

Конвенцией ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. понятие «геноцид» определяется как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую путем: убийство членов этой группы; причинения серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе; насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую; предумышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы [11, с. 6].

Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории Барановичского района по отношению к мирным жителям немецко-фашистскими захватчиками были совершены преступления, которые можно квалифицировать как геноцид.

Оккупационным режимом геноцид местных жителей, а также уничтожение доставленных на территорию района гражданских лиц, военнопленных осуществлялись в следующей форме: создание системы концлагерей; сожжение деревень с жителями; создание гетто; отсылка жителей на принудительные работы в Германию; расстрелы населения. Из самых вопиющих преступлений можно назвать: в концентрационном лагере в деревне Колдычево, в котором уничтожено свыше 22 тысяч человек; вместе с жителями на территории района было сожжено не менее 10 деревень; в лагере № 337 для массового уничтожения советских военнопленных в Новомышском районе — уничтожено более 60 тысяч человек; еврейское население уничтожалось в гетто в Барановичах в районе улиц Гагарина, Лисина и Комсомольской; уничтожение чехословацких граждан в урочище Гай и др. Этот список можно продолжать. Согласно акту фиксирования злодеяний, причиненных немецко-фашистскими преступниками на территории только одного Новомышского района Барановичской области, расстреляно и замучено советских граждан мирного населения 1586 человек из них мужчин 815, женщин 464 и детей 306 человек. Повешено 6 человек, погибло в результате бомбардировки 12 человек. Угнано в немецкое рабство 530 человек, по именным спискам установлено 352 человека. Убито и замучено советских военнопленных 60 199 человек. Численность могил с жертвами, погибшими от рук немецких варваров и убийц на территории Новомышского района, следующая: числится всего 219 могил.

Известно также, что более 400 тысяч жителей Беларуси были угнаны на принудительные работы в Германию. Среди них 7593 человек — жители г. Барановичи, 1056 человек — жители Барановичского района. В этих нечеловеческих условиях чудом выжила моя пробабушка Котович Эмилия

Антоновна (1926 г. р.)… Она пережила войну (умерла в 2021 г.) и многое успела рассказать нам, своей семье о тех страшных временах. Вывод, который я сделал из всего того, что она рассказала, а фактически её послание нам, потомкам — такое не должно повториться.

Библиографические ссылки

1. *Никитин М. Г.* Шаги Великой Победы. Освобождение Беларуси: для сред. и ст. шк. Возраста. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018.
2. *Толкачев В. В.* Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны 10–11 классы. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2023. С. 5–18.
3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на. Мн.: БЕЛТА, 2000.
4. Колдычевская тюрьма. Фото VII-1944 // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–20.
5. *Лихута И.* Колдычевский лагерь смерти. URL: https://www.sb.by/articles/koldychevskiy-lager-smerti.html (дата обращения: 06.02.2025).
6. *Гончар И.* Земля ничего не забыла // Наш край. 2020. 13 мая (№ 37). С. 21.
7. *Ракуть Е.* Не могу ходить у того оврага: всюду мерещатся кости // Наш край. 2022. 22 июня (№ 49). С. 5.
8. *Гончар И.* Из огненной деревни // Наш край. 2022. 23 марта (№ 23). С. 4.
9. Акт об уничтожении деревни Застаринье от 15.12.1944 г. // УКГБ РБ Брест. Д. 20334. Т. 9. Л. 316.
10. *Герцев В.* Александр Карлюк: «Ничто не забыто» // Наш край. 2021. 17 июля (№ 54). С. 3.
11. Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2022.

ДЗЕЙНАСЦЬ ПАДПОЛЬНАЙ ГРУПЫ ЛІП-ЦІ Ў ГОРАДЗЕ ВІЦЕБСКУ Ў 1942–1943 гг.

Чжу Пэйцзя

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, smilelikeachildjia@outlook.com

У дадзеным артыкуле на падставе дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь разглядаецца дзейнасць падпольнай групы, узначаленай ураджэнцам Кітая Ліп-ці, у горадзе Віцебску ў 1942–1943 гг. Мэта даследавання заключаецца ў асвятленні дзейнасці падпольнай групы Ліп-ці, аналізе яе ўнутранага складу, даследуецца фарміраванне падпольна-разведвальнай сеткі групы і правядзенне дыверсійнай работы.

Ключавыя словы: Вялікая Айчынная вайна; падпольная група; Ліп-ці; Віцебск.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНОЙ ГРУППЫ ЛИП-ТИ В ГОРОДЕ ВИТЕБСКЕ В 1942–1943 гг.

Чжу Пэйцзя

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, smilelikeachildjia@outlook.com

В данной статье на основании документов Национального архива Республики Беларусь рассматривается деятельность подпольной группы, возглавляемой уроженцам Китая Лип-ти, в городе Витебске в 1942–1943 гг. Цель исследования заключается в освещении деятельности подпольной группы Лип-ти, анализе ее внутреннего состава, исследуется формирование подпольно-разведывательной сети группы и проведение диверсионной работы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; подпольная группа; Лип-ти; Витебск.

ACTIVITIES OF THE UNDERGROUND GROUP LIP-TI IN THE CITY OF VITEBSK IN 1942–1943

Zhu Peijia

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, smilelikeachildjia@outlook.com

This article based on the documents of the National Archives of the Republic of Belarus, discusses the activities of the underground group led by Chinese-born Lip-ti in the city of Vitebsk in 1942–1943. The aim of the study is to highlight the activities of the underground group Lip-ti, to analyze its internal composition, to investigate the formation of the underground-intelligence network of the group and sabotage work.

Keywords: Great Patriotic War; underground group; Lip-ti; Vitebsk.

Сёлета спаўняецца 80 гадоў Перамозе ў Другой сусветнай вайне. Прайшло ўжо нямала гадоў, а цікавасць да вайны не згасае да гэтага дня. Падчас Другой сусветнай вайны кітайскі народ вёў 14-гадовую (1931–1945) упартую барацьбу з Японіяй. Разам з прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцяў кітайцы змагаліся супраць ворага за межамі Кітая. З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны ўраджэнцы Кітая ўступілі ў барацьбу з нямецка-фашысцкімі захопнікамі, яны ўдзельнічалі ў барацьбе ў складзе Чырвонай Арміі і ў радах партызан і падпольшчыкаў на тэрыторыі Беларусі, выяўляючы мужнасць і гераізм.

У гады Вялікай Айчыннай вайны ў горадзе Віцебску дзейнічала шырокае, арганізацыйна зладжанае партыйна-патрыятычнае падполле.

11 ліпеня 1941 г. нямецка-фашысцкія войскі акупавалі горад Віцебск. З першых дзён акупацыі горада фашысцкімі войскамі, у Віцебску разгарнулася актыўная барацьба патрыётаў супраць гітлераўскіх захопнікаў і іх памагатых. На чале гэтай барацьбы ішлі камуністы і камсамольцы, узначаленыя мясцовымі падпольнымі партыйнымі і камсамольскімі органамі.

Вясной і летам 1942 г. разгортваецца актыўная праца аператыўна-чэкісцкіх і армейскіх разведвальных груп «Няўлоўныя», М. Р. Яфімава, Ю. С. Рудакова, М. П. Салаўёва, П. А. Крылатых, П. В. Буткевіча і іншых, спецыяльна закінутых для актывізацыі падпольна-патрыятычнай працы ў тыле ворага, збору разведаных, правядзення дыверсій і г. д. Гэтыя групы, абапіраліся на партызанскія атрады і падпольшчыкаў горада, разгарнулі працу па расшырэнні сеткі разведчыкаў. Яны ўсталёўваюць сувязі з дзеючымі і ствараюць новыя патрыятычныя групы. У кастрычніку 1942 г. у Віцебск прыбыла В. Харужая. Звесткі, якія яна перадавала, прадстаўлялі вялікую каштоўнасць для камандавання Савецкай Арміі і партызан [1, л. 16–17].

Нягледзячы на жорсткі акупацыйны рэжым, суровыя рэпрэсіі з боку гітлераўскіх захопнікаў і выкліканыя гэтым сур'ёзныя страты ў шэрагах патрыётаў, падпольная сетка ў горадзе Віцебску ўвесь час расшыралася і ўмацоўвалася арганізацыйна. Як устаноўлена дзейнічала больш за 60 падпольных груп, якія аб'ядноўвалі многія сотні савецкіх патрыётаў. Яны вялі шырокую палітычную працу сярод насельніцтва і варожых фарміраванняў: распаўсюджвалі савецкія лістоўкі і газеты, выкрывалі хлусню фашысцкай прапаганды, здзяйснялі дыверсійныя і тэрарыстычныя акты супраць гітлераўскіх акупантаў і іх прыслужнікаў, забяспечвалі камандаванне Савецкай Арміі і партызанскіх брыгад каштоўнымі разведвальнымі дадзенымі, ратавалі моладзь ад выгану на фашысцкую катаргу ў Германію, садзейнічалі ўцёкам байцоў і камандзіраў. Савецкай Арміі, якія апынуліся ў фашысцкім палоне, з гітлераўскіх лагераў смерці і перапраўлялі іх у партызаны [1, л. 2–3].

Пастановай бюро Віцебскага абкама КПБ ад 25 мая 1982 г. (пратакол № 33, § 5) «Аб уключэнні падпольнай групы, якая дзейнічала ў пральні горада Віцебска, у склад Віцебскага партыйна-камсамольскага патрыятычнага падполля» была прызнана дзейнасць падпольнай групы на чале з камуністам Андрэем Іванавічам Ліп-ці ў пральні ў Віцебску. Група дзейнічала з красавіка 1942 г. па верасень 1943 г. У склад групы ўваходзілі 3 кітайцы (Андрэй Іванавіч Ліп-ці, Васіль Чу-Чалін, Сяргей Сюдаболь) і 2 беларускі (Міра Аляксандраўна Чжан Ван-фу, Зінаіда Аляксандраўна Шаракова) [2, л. 1, 7].

У гады вайны па вуліцы Леніна ў Віцебску працавала адзіная ў той час пральня, куды здавалі ў мыццё бялізну воінскія часткі акупантаў, якія размяшчаліся ў горадзе і яго навакольнай. Сярод працоўных, якія працавалі ў пральні, было шмат асоб кітайскай нацыянальнасці. Усе яны жылі на тэрыторыі Беларусі з дарэвалюцыйных часоў, абзавяліся тут сем'ямі.

На тэрыторыю Беларусі кітайцы патрапілі рознымі шляхамі. Сірату Ліп-ці (1894 г. н.) усынавіў і вывез з Кітая рускі афіцэр. Але Ліп-ці не знайшоў агульнай мовы са сваім прыёмным бацькам, яму было цяжка ад дапамогі бацькі і вельмі рана ўключыўся ў рэвалюцыйную працу. Яшчэ ў падполлі ён уступіў у Камуністычную партыю і самааддана змагаўся за Савецкую ўладу [2, л. 2]. Перад вайной ён працаваў загадчыкам пральні ў трудкалоніі НКУС, у Ліп-ці і яго жонкі Феадосіі Фадзееўны было трое дзяцей: дванаццацігадовы Пётр, дзесяцігадовы Анатоль і чатырохгадовая Тамара. У іх доме на вуліцы 12-й Гарадоцкай, 20/10 (суч. Пскоўская) знаходзілася канспіратыўная кватэра, якую часта наведвалі партызанскія сувязныя і якім дзеці дапамагалі выходзіць з горада. Заўважым, што маюцца і іншыя звесткі: у дакументах Віцебскай гарадской управы перыяду нацысцкай акупацыі пазначана, што на 19 ліпеня 1943 г. Андрэй Ліп-ці пражываў у Віцебску на вуліцы Суворaўскай, 29 з сям'ёй з шасці чалавек, з іх трое былі ва ўзросце да 14 гадоў [3, с. 406].

Васіль Чу-Чалін (1892 г. н.) і Сяргей Сюдаболь (1895 г. н.) прыехалі ў 1914 г. з Пекіна на два гады па вярбоўцы і засталіся на тэрыторыі Беларусі на ўсё жыццё. Удзельнічалі ў складзе інтэрнацыянальных фарміраванняў у Грамадзянскай вайне, абараняючы заваёвы Кастрычніка. Сяргей Сюдаболь удзельнічаў у баях пад Кіевам, Петраградам, змагаўся з бандытызмам у Беларусі. Да вайны працаваў грузчыкам канторы «Заготзерно», быў кандыдатам у члены партыі.

Акрамя кітайцаў, у падпольную групу ўваходзілі: Міра Аляксандраўна Чжан Ван-фу, 1928 г. н., піянерка, да вайны — вучаніца 3-й Сталінскай сярэдняй школы; Зінаіда Аляксандраўна Шаракова, 1926 г. н., ураджэнка Віцебска, беларуска, член УЛКСМ.

Ужо ў красавіку 1942 г. ў пральні, якой загадваў Чу-Чалін, склалася добра заканспіраваная падпольная група на чале з камуністам Ліп-ці. Група працавала выразна і строга канспіратыўна [2, л. 3, 7].

Сяргей Сюдаболь членам падпольнай групы стаў з красавіка 1942 г., пасля таго як Ліп-ці аказаў сілу, што камуністы павінны дапамагаць савецкай улады. Па даручэнні кіраўніка групы Ліп-ці ён хадзіў неаднаразова да аэрадрома на адну з Вінчэўскіх вуліц і перадаваў важныя звесткі. Акрамя таго, Сюдаболь збіраў зброю і хаваў у сябе. Чу-Чалін з'яўляўся найбліжэйшым памочнікам кіраўніка падпольнай групы і адказваў за дакладнасць разведвальнай інфармацыі. Немалая заслуга Чу-Чаліна і ў тым, што падпольная група Ліп-ці доўгі час паспяхова працавала без страты і правалаў [2, л. 11 аб., 12 аб.].

Група была звязана з партызанскім атрадам Біруліна, Верай Харужай і разведгрупай Паўла Крылатых.

Праз сувязную Клаўдзію Балдачову група звязалася з атрадам М. Ф. Біруліна. Балдачова Клаўдзія (падпольная мянушка «Бяроза»), пражывала ў вёсцы Койтава Віцебскага раёна, беларуска, беспартыйная. Падпольшчыцай-сувязной працавала з ліпеня 1942 г. [1, л. 61]. Сакратар падпольнага гаркама партыі В. Г. Кудзінаў указваў: «Балдачова была замужам за кітайцам, сваяк якога быў па прозвішчы Ліп-ці». Кватэра Ліп-ці служыла месцам адпачынку Клаўдзіі Балдачовы, яна тут звычайна пераапраналася, мяняла свой вонкавы выгляд, сустракалася з патрэбным людзьмі.

Група Ліп-ці перадавала партызанам каштоўную разведвальную інфармацыю. Па накладных на здадзеную ў пральню вайсковымі часткамі бялізну падпольшчыкі ўстанаўлівалі нумары воінскіх частак праціўніка, месцы іх дыслакацыі і прыкладную колькасць, а таксама час прыбыцця і ўбыцця з гэтага ўчастка фронту.

Але толькі гэтым не абмяжоўвалася дзейнасць групы. Падпольшчыкі здабывалі зброю і бензін для партызан, прыводзілі ў непрыдатнасць вялікія партыі бялізны, перапальваючы іх хімікатамі. Сюдаболь памятае, як аднойчы партызанам было адпраўлена 17 каністраў бензіну. На гэтай жа машыне быў вывезены партызанам хлеб з віцебскага хлебазавода. Сюдаболь даводзілася часам выконваць ролю сувязнога з партызанамі, калі сувязныя не маглі прыйсці ў горад. Звесткі патрабаваліся неадкладна, то пасылалі яго. Ён ішоў у вёску Маркавічы і перадаваў усё неабходнае [2, л. 3, 10 аб., 11 аб.].

Па накіраванні ЦК КПБ у жніўні 1942 г. ў прыфрантавую паласу, у Віцебскі абкам КПБ прыбыла Вера Харужая на чале патрыётак-добраахвотнікаў для падпольнай працы ў акупаваным нямецка-фашысцкімі войскамі горад Віцебск. У сярэдзіне верасня 1942 г. Вера Харужая з часткай

сваёй групы прыбылі ў тыл ворага ў размяшчэнне Віцебскай брыгады. У кастрычніку 1942 г. па прыбыцці пад Віцебск В. З. Харужай яе сувязнай стала вопытная і самаадданая Клаўдзія Балдачова [1, л. 30]. Так, праз сувязную Клаўдзію Балдачову Вера Харужая ўсталявала сувязь з падпольнай групай Ліп-ці.

Удзельніца падпольнай групы ў пральні Зіна Шаракова таксама ўсталявала з Верай Харужай сувязь.

Выходзячы ў Віцебск, Вера Харужая атрымала шмат адрасоў, у тым ліку адрас адной з актыўных удзельніц віцебскага падполля, гаспадыні явачнай кватэры армейскіх разведчыкаў па 5-й Вінчэўскай 17, Матроны Кліменцьеўны Оскер, а таксама адрас і запіску партызана Уладзіміра Германовіча і яго нявесце — Зіне Шараковай. Шараковы жылі недалёка ад аэрадрома і блізка ад Оскер. У адзін з вечароў М. К. Оскер арганізавала сустрэчу Веры Харужай з Зінай Шараковай у сябе на кватэры. З мэтай канспірацыі святло не запальвалася, гутарка праходзіла ў цемры. Харужая назвалася «цёткай Аняй» і сказала, што калі Зіна згодная дапамагаць сваім, то яна павінна паведамляць пра ўсё ўбачанае за дзень Матроне Кліменцьеўне, па магчымасці штодня і толькі вусна, строга выконваць канспірацыю. Харужую цікавіла колькі і якія самалёты знаходзяцца на аэрадроме, куды ляцяць і адкуль прылятаюць, дзе размешчаны бомба і бензасховішчы, нумары воінскіх частак, ахова аэрадрома і г. д.

З гэтага дня З. Шаракова, якая працавала прыбіральшчыцай на аэрадроме, стала баявой памочніцай Веры Харужай. Па просьбе М. К. Оскер Зіна Шаракова двойчы хадзіла ў пральню на вуліцы Леніна, каб сказаць кітайцу (прозвішчы яна не памятае), што ў іх сапсавалася швейная машына. Другі раз, што машына па-ранейшаму не працуе. З. А. Шаракова мяркуе, што гэта быў пароль. Штодня пасля працоўнага дня Зіна прыходзіла да Оскер, двойчы стукала ў дзверы і падрабязна расказвала пра свае дзённыя назіранні. Так працягвалася больш за месяц [2, л. 5].

13 лістапада 1942 г. арыштаваны Вера Харужая і Клаўдзія Балдачова [1, л. 61]. Пасля правалу Веры Харужай падпольная група ў пральні не была выкрыта.

Праз сясцёр Чжан-Ванфу Ірыну і Міру група звязалася з армейскай групай Паўла Крылатых і рэгулярна перадавала сюды каштоўную інфармацыю.

Ірына і Міра Чжан Ван-фу былі дочкамі чалавека, вядомага ў даваенным Віцебску. Камуніст Аляксандр Іванавіч Чжан Ван-фу з'яўляўся фактычным кіраўніком кітайскай калоніі горада з пачатку яе фарміравання ў 1920-х гг. Быў выхадцам з замежных наймітаў Чырвонай Арміі: у гады Грамадзянскай вайны камандаваў узводам. Пасля дэмабілізацыі служыў

у міліцыі Паўночна-Заходняй чыгункі, затым у гаспадарчым аддзеле Віцебскага гарвыканкама. У 1928 г. стаў адным з ініцыятараў стварэння і старшынёй кітайскага нацыянальнага калгаса ў былым памешчыцкім маёнтку «Маркавічы» пад Віцебскам. З 1934 г. — старшыня сельскага спажывецкага таварыства Мікалаёўскага сельсавета Віцебскага раёна, з 1936 г. — старшыня віцебскай пральні арцелі імя Кітайскай Чырвонай Арміі, напярэдадні вайны — загадчык складам Віцебскага плодаагародніннага завода. 23 чэрвеня 1941 г. Чжан Ван-фу быў падвергнуты так званаму прэвентыўнаму арышту, як асоба замежнага паходжання, так званы «сацыяльна-небяспечны элемент», і прысуджаны да дзесяці гадоў папраўча-працоўных лагераў [4, с. 73].

30 чэрвеня 1942 г. ў навакольнай горада Віцебска камандаваннем Савецкай Арміі была выкінута спецгрупа пад кіраўніцтвам Салаўёва Мікалая Пятровіча. Група Салаўёва знаходзілася пры партызанскім атрадзе Кірухіна. 28 верасня 1942 г. з-за лініі фронту для папаўнення спецгрупы Салаўёва прыбыў і ўзначаліў кіраўніцтва спецгрупы капітан Крылатых Павел Андрэевіч.

Спецгрупа Крылатых мела заданне па зборы даных аб нямецкіх гарнізонах у гарадах Віцебску і Гарадку, а таксама аб перамяшчэнні нямецкіх войск і тэхнікі праз чыгуначную станцыю Віцебск. Дадзенае заданне група выконвала асабістым наглядам, а таксама праз савецкіх патрыётаў, з якімі асобныя ўдзельнікі групы ўсталявалі сувязь. Кіраўнік спецгрупы Крылатых знаходзіўся пры партызанскай брыгадзе Біруліна і іншых, кіраўніцтва ўдзельнікаў групы, якія знаходзіліся на нелегальным становішчы, ажыццяўляў праз сувязных [5, л. 1].

Ірына і Міра Чжан Ван-фу прынялі прапанову Крылатых і сталі працаваць разведчыцамі і сувязнымі армейскай групы. Праз іх армейская група ўстанавіла сувязь з групай Ліп-ці, паколькі Ірына, Міра добра ведалі ўсіх, якія працавалі ў пральні кітайцаў яшчэ да вайны [2, л. 4].

Перабраўшыся з пачаткам вайны ў Маркавічы, сям'я Чжан Ван-фу здала свой дом у Віцебску ў арэнду, захаваўшы за сабой пакой, што вельмі спатрэбілася Ірыне для сувязі з горадам. Дзяўчына назірала за перамяшчэннямі нямецкіх вайсковых частак і за тымі, «хто прыслужваў немцам», дастаўляла партызанам нямецкія газеты, а ад іх прыносіла лістоўкі, якія хавала ў тайніку ў сваім пакоі. Амаль заўсёды Ірына хадзіла на сувязь разам з сястрой Мірай, паколькі тая, як дзіця, вызывала менш падазрэнняў і магла прайсці там, дзе ход для старэйшай сястры быў зачынены [4, с. 73–74].

З сакавіка 1943 г. Міра Аляксандраўна Чжан Ван-фу сышла ў партызаны брыгады Біруліна. Са жніўня 1943 г. Зінаіда Аляксандраўна Шаракова стала партызанкай брыгады «Аляксея» (А. Ф. Данукалава), якая дзейнічала ў Віцебскім і іншых Віцебскай вобласці [2, л. 7].

Правал у пральні адбыўся ў верасні 1943 г. З успамінаў Сяргея Сюдаболя пра падпольную дзейнасць у горадзе Віцебску ў гады Вялікай Айчыннай вайны: «У верасні 1943 года нас хтосьці выдаў. Гэта здарылася пасля таго, калі мы адправілі партызанам адразу 17 каністраў бензіну, Андрэй Ліп-ці, Чу-Чалін і я былі арыштаваны. Ліп-ці, Чу-Чаліна расстралялі. Мяне накіравалі ў канцлагер, дзесьці пад Бабруйскам, адкуль я бег. Пасля вайны вярнуўся ў Віцебск на ранейшае месца працы, у партыі не аднаўляўся, улічваючы свой узрост і цяжкасці зносін з людзьмі з-за дрэннага ведання мовы» [2, л. 17].

Такім чынам, у гады Вялікай Айчыннай вайны ў пральні Віцебска, дзе кітайскія работнікі разам з мясцовымі актывістамі сфарміравалі надзейную сетку для перадачы разведвальнай інфармацыі і забеспячэння партызан у неабходным матэрыяле. Нягледзячы на рэпрэсіі і здрады, кітайцы працягвалі змагацца, ахвяруючы жыццём дзеля агульнай перамогі. Іх уклад у барацьбу супраць нацызму застаецца прыкладам інтэрнацыянальнай салідарнасці і мужнасці ў найцяжэйшых умовах акупацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Подпольные партийно-комсомольские организации Витебской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 9.
2. Документы о включении подпольной группы, действующей в прачечной г. Витебска, в состав Витебского партийно-комсомольского подполья (постановление, справки, заключения, воспоминания, личные листки) // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 12.
3. *Воронкова И. Ю.* Беларусь и Китай: общие страницы военной истории (1921–1960 гг.). Минск: Беларуская навука, 2022. 430 с.
4. *Воронкова И. Ю.* Уроженцы Китая в Витебском антифашистском подполье (1942–1943) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зборнік навуковых артыкулаў] / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Інстытут гісторыі НАН Беларусі. Мінск. 2021. Вып. 19. С. 69–75.
5. Справки УКГБ по Витебской обл. и воспоминания участников о деятельности подпольной группы П. А. Крылатых в г. Витебске // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 15.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА: ИНИЦИАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А. Е. Веремейчик[1)], **А. И. Палаш**[2)]

[1)] *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, arh-muz@mail.ru*

[2)] *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, his.palash@bsu.by*

Проектная деятельность исторического факультета Белорусского государственного университета по сохранению исторической памяти и правды о событиях Великой Отечественной войны стала одной из наиболее значимых инициатив в канун 80-летнего юбилея Великой Победы. Проекты «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега», «Память и Слава» и «Память живет в поколениях» охватывают различные направления работы: от фундаментальных исследований и поисковой деятельности до образовательных и просветительских мероприятий. Эти проекты не только способствуют сохранению исторической правды о войне и увековечиванию памяти героев и жертв, но и играют важнейшую роль в гражданско-патриотическом воспитании студенческой молодежи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая память; исторический факультет БГУ; патриотическое воспитание.

PRESERVING HISTORICAL TRUTH AND PATRIOTIC EDUCATION: INITIATIVES OF THE HISTORICAL FACULTY OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE 80th ANNIVERSARY OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. E. Verameichyk[a)], **A. I. Palash**[b)]

[a)] *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, arh-muz@mail.ru*

[b)] *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, his.palash@bsu.by*

The project activity of the Faculty of History of Belarusian State University to preserve historical memory and the truth about the events of the Great Patriotic War became one of the most significant initiatives on the eve of the 80th anniversary of the Great Victory.

The projects “Masyukovshchina. Stalag 352. Biography of the Escape”, “Remembrance and Glory” and “Memory Lives in Generations” cover various areas of work: from fundamental research and search activities to educational and awareness-raising events. These projects not only contribute to preserving the historical truth about the war and perpetuating the memory of heroes and victims, but also play a crucial role in the civic and patriotic education of student youth.

Keywords: The Great Patriotic War; historical memory; Faculty of History of BSU; patriotic education.

Сохранение исторической памяти о героических и трагических страницах Великой Отечественной войны является фундаментальной задачей для любого общества, стремящегося к осмыслению своего прошлого и формированию устойчивых ценностных ориентаций у молодого поколения. В Республике Беларусь данное направление работы возведено в ранг приоритетов государственной политики, что находит свое концентрированное выражение в комплексе нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию государственной молодежной политики [1; 2]. Эти документы подчеркивают важность формирования у молодежи гражданственности, патриотизма, уважения к историческому прошлому и неприятия попыток искажения правды о войне. В контексте решения данных стратегических задач, особое место занимает деятельность учреждений высшего образования, которые, обладая значительным научным, образовательным и кадровым потенциалом, способны внести существенный вклад в процесс сохранения и трансляции исторической памяти. Белорусский государственный университет (БГУ) — старейший и крупнейший классический университет страны — является одним из ключевых акторов в этой деятельности. История самого университета неразрывно связана с событиями Великой Отечественной войны, что придает особую глубину и значимость реализуемым проектам.

Исторический факультет Белорусского государственного университета, являясь одним из ведущих центров исторической науки в Беларуси, играет ключевую роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. Деятельность факультета в этом направлении осуществляется в рамках ряда проектов, которые охватывают различные аспекты работы с историческим наследием и воспитания молодежи. Три наиболее значимых проекта: «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега», «Память и Слава» и «Память живет в поколениях». Эти проекты гармонично вписываются в систему мер по реализации государственной молодежной политики в Республике Беларусь, ориентированной на формирование у молодого поколения прочных духовно-нравственных основ и активной гражданской позиции.

Проект «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега» был инициирован историческим факультетом БГУ в 2022 г. Его основная цель — привлечение внимания широкой общественности к трагической истории лагеря военнопленных Шталаг 352 в Масюковщине и увековечивание памяти его узников. Лагерь в Масюковщине был одним из крупнейших на оккупированной территории СССР, где в нечеловеческих условиях содержались и уничтожались советские военнопленные и мирные жители. За годы оккупации здесь погибло более 80 тысяч человек.

В рамках проекта «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега» осуществляется многоаспектная деятельность, нацеленная на глубокое исследование, сохранение и трансляцию исторической памяти о трагедии и героизме узников одного из крупнейших нацистских лагерей на оккупированной территории Беларуси. Одним из ключевых направлений является исследовательская работа, в ходе которой студенты и преподаватели исторического факультета проводят углубленное изучение архивных документов, связанных с функционированием Шталага 352. Особое внимание уделяется поиску и анализу свидетельств о беспримерных попытках побега узников, раскрывающих стойкость духа и стремление к свободе даже в нечеловеческих условиях. Параллельно с исследовательской работой ведется систематическая деятельность по установлению биографических данных военнопленных, содержавшихся в лагере. На основе выявленных архивных материалов осуществляется работа по идентификации личности узников, прослеживанию их судеб и, по возможности, установлению мест захоронений. Эти данные имеют неоценимое значение и используются для пополнения общереспубликанской автоматизированной базы данных «Книга Памяти», возвращая имена и истории погибших из небытия. К настоящему времени удалось найти и верифицировать сведения о сотнях узников, что является важным шагом в восстановлении полной картины трагедии.

Проект «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега» получил высокую оценку на различных уровнях, став лауреатом республиканских конкурсов, что подтверждает его значимость и актуальность. Реализация проекта способствует не только сохранению исторической правды о трагедии военнопленных, но и формированию у молодежи глубокого понимания масштабов преступлений нацизма и ценности мира.

Проект «Память и Слава» направлен на сохранение памяти о сотрудниках и преподавателях Белорусского государственного университета, которые внесли значительный вклад в становление и развитие университета, отечественной и мировой науки, а также отстаивали свободу и независимость Отечества в годы Великой Отечественной войны. Проект стартовал в апреле 2020 г. и приурочен к столетию БГУ.

Многогранная деятельность в рамках проекта «Память и Слава» исторического факультета Белорусского государственного университета разворачивается по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых направлено на бережное сохранение и увековечивание памяти о выдающихся представителях академического сообщества БГУ, внесших значительный вклад в становление и развитие университета, науки и страны, а также проявивших мужество в годы суровых испытаний. В основе проекта лежит масштабная архивно-поисковая работа. Студенты и преподаватели проводят глубокие научные исследования в архивах Республики Беларусь и Российской Федерации, выявляя ценные сведения о жизни и деятельности профессоров, преподавателей и сотрудников БГУ, их роли в довоенный период, участии в событиях Великой Отечественной войны и в процессе послевоенного восстановления университета и страны. Особое внимание уделяется поиску мест упокоения и сбору подробных биографических данных, что позволяет восстановить неизвестные страницы истории и почтить память ушедших.

Неразрывно связанным с поисковой работой является направление по благоустройству мест захоронений. Организуются и проводятся работы по приведению в порядок и облагораживанию могил преподавателей и сотрудников БГУ, многие из которых десятилетиями оставались без должного ухода. Для систематического осуществления этой важной миссии в рамках проекта был создан специализированный студенческий сервисный отряд «Память и Слава», который носит имя первого ректора БГУ В. И. Пичеты. Бойцы отряда на регулярной основе выполняют работы по уходу за захоронениями на кладбищах Минска и других городов, отдавая дань уважения тем, кто заложил основы университетской науки и образования.

Проект «Память и Слава» имеет важное значение для сохранения преемственности поколений и формирования у студентов уважительного отношения к истории родного университета и страны. Деятельность проекта отмечена высокими наградами, в том числе Гран-при конкурса «Лучший молодежный проект БГУ — 2022».

Проект «Память живет в поколениях», запущенный в 2022 г., направлен на гражданско-патриотическое воспитание молодежи через углубленное изучение истории Великой Отечественной войны, в том числе малоизвестных страниц и личных историй участников событий.

В рамках проекта «Память живет в поколениях», реализуемого историческим факультетом Белорусского государственного университета, осуществляется комплексная деятельность, направленная на гражданско-патриотическое воспитание молодежи и углубленное изучение истории Великой Отечественной войны. Ключевыми направлениями реализации

проекта являются организация разнообразных образовательных мероприятий. Регулярно проводятся выездные экскурсии для студентов и сотрудников БГУ к местам боевой славы, в мемориальные комплексы и музеи, посвященные героическим и трагическим событиям Великой Отечественной войны. Эти поездки предоставляют уникальную возможность молодежи прикоснуться к «живой» истории, ощутить атмосферу тех лет и получить ценные уроки мужества, стойкости и патриотизма от непосредственного знакомства с местами, где ковалась Победа и совершались подвиги. Помимо выездных мероприятий, организуются тематические лекции, научные семинары, круглые столы и, что особенно ценно, встречи с ветеранами войны. Общение с живыми свидетелями тех событий позволяет молодежи услышать личные истории и воспоминания, которые не только расширяют знания, но и способствуют формированию глубокого эмоционального отклика и уважительного отношения к поколению победителей.

Проект «Память живет в поколениях» способствует формированию у молодежи активной гражданской позиции и понимания важности сохранения исторической правды. Проект получил признание, заняв первое место в конкурсе «Лучший молодежный проект БГУ — 2023». Мероприятия проекта вызывают значительный интерес и активно освещаются в средствах массовой информации.

Проектная деятельность исторического факультета Белорусского государственного университета по сохранению исторической памяти и правды о событиях Великой Отечественной войны является многоаспектной и высокоэффективной. Проекты «Масюковщина. Шталаг 352. Биография побега», «Память и Слава» и «Память живет в поколениях» охватывают различные направления работы: от фундаментальных исследований и поисковой деятельности до образовательных и просветительских мероприятий. Эти проекты не только способствуют сохранению исторической правды о войне и увековечиванию памяти героев и жертв, но и играют важнейшую роль в гражданско-патриотическом воспитании студенческой молодежи.

Деятельность исторического факультета БГУ в полной мере соответствует приоритетам государственной молодежной политики Республики Беларусь, направленной на формирование у молодого поколения прочных духовно-нравственных ориентиров, основанных на уважении к истории и традициям своего народа. История самого Белорусского государственного университета, неразрывно связанная с событиями Великой Отечественной войны, служит дополнительным мощным стимулом для осуществления данной работы.

В дальнейшем представляется целесообразным расширение географии и тематики проектов, вовлечение большего числа студентов и преподавателей, а также развитие международного сотрудничества в сфере сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Такая комплексная и системная работа позволит обеспечить неразрывную связь поколений и передать эстафету памяти о великом подвиге советского народа в борьбе против нацизма.

Библиографические ссылки

1. Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики». URL: https://bgaa.by/sites/default/files/inline-files/zakon-ob-osnovakh-gosudarstvenoy-molodezhnoy-politiki.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 г. № 57 «О Государственной программе „Образование и молодежная политика“ на 2021–2025 годы». URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100057 (дата обращения: 02.05.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Т. Д. Гернович

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, tat.gernovich@gmail.com

Статья посвящена вопросам применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе высшей школы для анализа и изучения исторических источников периода Великой Отечественной войны. Рассматриваются современные методы обработки фотодокументов, текстовых документов и других материалов с помощью ИИ, оценивается их эффективность, выявляются проблемы и перспективы использования данных технологий в историческом образовании.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Белорусский государственный университет; историческая память; цифровая история.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION: NEW APPROACHES TO STUDYING SOURCES ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

T. D. Hiarnovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, tat.gernovich@gmail.com

The article is devoted to the study of the use of artificial intelligence technologies in the educational process of higher education for the analysis and study of historical sources from the time of the Great Patriotic War. It examines modern methods of processing photo archives, textual documents, and other materials using AI, evaluates their effectiveness, and identifies the challenges and prospects of using these technologies in history education.

Keywords: Great Patriotic War; Belarusian State University; historical memory; digital history.

Цифровая трансформация высшего образования является сегодня неотъемлемой частью образовательного процесса. Внедрение новых технологий, включая искусственный интеллект, открывает широкие возможности для повышения качества учебного процесса и формирования новых компетенций у студентов и преподавателей. Особенно актуально это для гуманитарных дисциплин, таких как история, где объемы источниковой базы постоянно растут, и традиционные методы анализа не всегда бывают эффективными [1; 2; 3].

Современные подходы к интеграции искусственного интеллекта в образовательный процесс базируются на концепции AI Literacy — цифровой грамотности, предполагающей формирование у студентов и преподавателей навыков эффективного взаимодействия с ИИ-инструментами.

Ключевыми компонентами этой концепции являются понимание принципов работы нейросетей, этических аспектов их применения и способности критически оценивать полученные при их помощи результаты [4].

В сфере образования, использование ИИ-ассистентов наряду с новыми возможностями ставит также новые вызовы. В первую очередь это связано с тем, что автоматизация аналитических задач снижает мотивацию студентов к самостоятельному развитию исследовательских компетенций. Студенты, перепоручая свои учебные задачи, связанные с аналитической деятельностью, технологиям искусственного интеллекта, теряют возможность развития у себя таких навыков. С другой стороны, массовое внедрение ИИ требует переосмысления роли преподавателя, который становится не только носителем знаний, но и наставником по критическому использованию цифровых инструментов. Поэтому для высшей школы актуальным является разработка таких систем, которые были бы не только эффективными, но также этичными и контролируемыми. Ведущие мировые организации и исследовательские центры последние годы активно работают над разработкой принципов ответственного использования ИИ, осознавая его огромный потенциал и одновременно возможные риски.

В ноябре 2021 г. ЮНЕСКО приняла первый в мире международный акт по этике ИИ, который был поддержан 193 странами. Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах применения искусственного интеллекта направлены в первую очередь на сферу здравоохранения, образования и экономики [5]. В апреле 2021 г. Европейская Комиссия предложила Регламент об искусственном интеллекте. После длительного обсуждения, он был окончательно утвержден Советом ЕС и принят в мае 2024 г., став первым законодательным актом в этой сфере (Artificial Intelligence Act) [6]. ООН также активно работает над вопросами управления ИИ в интересах человечества. В 2024 г. был опубликован отчет ООН, в котором рассматриваются проблемы по управлению ИИ в мире и предлагаются меры по укреплению международного сотрудничества, включая создание глобального фонда для ИИ и сетей для наращивания его потенциала [7].

Под эгидой ЮНЕСКО в 2024 г. было разработано специальное Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях [8]. В Руководстве приводятся примеры возможного использования ИИ для подготовки научного исследования, сбора данных и обзора литературы, использование генеративного ИИ в роли соавтора учебной программы или курса, использование генеративного чат-бота в качестве помощника учителя, в роли оппонента учащегося в сократическом диалоге, в роли консультанта преподавателя по проектному обучению, для повышения доступности информации для учащихся с нарушениями слуха или зрения и т. д. (табл. 1).

Таблица 1

Методы, используемые в генеративном искусственном интеллекте // Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. ЮНЕСКО, 2024

Машинное обучение (МО)		Тип ИИ, который использует данные для автоматического улучшения своей производительности.
Искусственная нейронная сеть (ИНС)		Тип машинного обучения, аналогичный структуре и функционированию человеческого мозга (например, синаптические связи между нейронами)
Текстовый генеративный искусственный интеллект	Трансформеры общего назначения	Тип ИНС, способный концентрироваться на различных частях данных, чтобы определить, как они связаны друг с другом
	Большие языковые модели (LLM)	Тип преобразователя общего назначения, который обучается на огромных объемах текстовых данных.
	Генеративный предва-рительно обученный трансформер (GPT)	Тип большой языковой модели, предварительно обученной на обширных данных, повышающих ее способность к восприятию языковых нюансов и созданию качественного текста, адаптированного к конкретному контексту.
Генератор изображений ИИ	Генеративно-состязательные сети (GAN)	Типы нейронных сетей, используемых для генерации изображений.
	Типы нейронных сетей, используемых для генерации изображений. Вариационные автокадировщики (VAE)	

Источник: [8].

Однако также, в Руководстве ЮНЕСКО отмечается, что учащиеся, преподаватели и исследователи должны всегда подходить к информации, предоставляемой искусственным интеллектом, «с критическим взглядом». Документ обращает внимание на этические рамки использования генеративного ИИ в научных исследованиях, подчеркивая важность прозрачности методологии, достоверности результатов и уважения к интеллектуальной собственности. Руководство отмечает, что в современном академическом

сообществе новой нормой академической культуры должно стать обязательное уведомление о применении инструментов GenAI для обработки текста и изображения.

Преподавание истории в современной высшей школе также должно быть направлено на формирование компетенций в области ИИ, необходимых для работы с историческими источниками и архивными документами. Развитие таких компетенций становится неотъемлемым условием для подготовки конкурентоспособных специалистов. В Республике Беларусь вопросы цифровизации образования отражены в Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 гг. [9]. Так же в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. отмечается, что образование в высшей школе должно быть направлено на развитие цифровых компетенций у студентов всех уровней образования [10].

Образовательные стандарты высшего образования по специальностям «История», «Архивное дело», «Управление документами», «Документоведение и архивоведение» в Республике Беларусь предусматривают формирование ряда базовых цифровых компетенций, таких как: владение информационно-коммуникационными технологиями, умение работать с электронными ресурсами и базами данных, навыки работы с системами электронного документооборота (в рамках архивного и документоведческого профиля). Однако в действующих стандартах отсутствуют положения, прямо касающиеся искусственного интеллекта и специфических цифровых компетенций, применимых к работе с историческими источниками. В частности, не рассматриваются: методы компьютерного зрения, автоматического распознавания рукописного текста (HTR), обработка и интерпретация больших массивов данных (Big Data), методы критической оценки выводов, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта. Таким образом, несмотря на присутствие элементов цифровой подготовки, образовательные стандарты Республики Беларусь не в полной мере отражают актуальные вызовы, связанные с развитием технологий искусственного интеллекта. Это свидетельствует о необходимости их актуализации с учётом глобальных тенденций и цифровой трансформации гуманитарных наук.

Позитивным шагом в данном направлении стало внедрение в 2024/2025 учебном году на историческом факультете Белорусского государственного университета учебной дисциплины «Цифровая история» для студентов специальности «Архивное дело». Курс направлен на формирование общих компетенций в области цифровых методов анализа исторических источников и архивных документов.

В рамках дисциплины отдельное внимание было уделено формированию у студентов ключевых ИИ-навыков, необходимых для эффективной работы с историческими источниками и архивными документами. В курсе предусмотрено формирование компетенций, связанных с навыками работы с цифровыми копиями различных типов исторических источников (текстовых, графических, аудиовизуальных), навыков предварительной обработки цифровых изображений исторических документов [улучшение качества (апскейл, энхенс), выравнивание, удаление шумов], методов создания и управления цифровыми коллекциями исторических документов.

Одновременно, в ходе освоения курса, у студентов формировалось представление о современных подходах к автоматизированному анализу текстовых данных с использованием нейросетевых моделей. Современные подходы, включающие глубокое обучение (Deep Learning) и трансформерные архитектуры (BERT, GPT и аналоги), позволяют проводить комплексный семантический анализ, осуществлять точную категоризацию и эффективное информационное извлечение из обширных корпусов текстов.

Не менее значимым направлением выступает цифровая обработка визуальных источников методами компьютерного зрения. Применение современных алгоритмов машинного зрения, таких как сверточные нейронные сети (CNN) и генеративно-состязательные сети (GAN), позволяет автоматически систематизировать источники, а также восстанавливать поврежденные фрагменты.

В ходе прохождения курса студенты знакомились как современные языковые модели (LLM) и методы обработки естественного языка (NLP) могут использоваться для автоматической транскрипции исторических источников, машинного перевода древних языков, восстановления утраченных текстовых фрагментов в документах, а также генерации структурированных метаописаний цифровых копий документов.

В связи с тем, что освоение курса было построено на применении проектного подхода, основным итогом практической работы по курсу являлась разработка каждым студентом своего собственного проекта в области цифровой истории в виде цифровой выставки архивных документов, которую предлагалось реализовать с помощью платформы Tilda. В виду актуальности разработки проблематики, связанной с историей Великой Отечественной войны, в 2024/2025 учебном году студентам было предложено разрабатывать цифровые проекты на основе архивных документов этого периода.

Разработка такого проекта осуществлялась в несколько этапов, на каждом из которых использовались различные методики по формированию ИИ-навыков.

На первом этапе создания цифрового проекта студентам предлагалось с помощью ИИ решить задачу по выбору и формулированию проблемы, которой будет посвящен студенческий проект, а также планированию его структуры и содержания. Для этого в качестве инструмента студентам предлагалось использовать ряд текстовых моделей генеративного ИИ, которые относят к большим языковым моделям (LLM). В качестве основного продукта предлагалось использовать ChatGPT (табл. 2). Также по желанию предлагалось использовать и другие доступные нейросети, такие как Bing Chat, Microsoft 365 Copilot, Claude, Gemini, DeepSeek или другие специализированные платформы, обладающие функциями анализа, структурирования текста и генерации идей. Это позволяло студентам сравнивать возможности различных моделей, выбирать наиболее подходящие инструменты под конкретные задачи проекта и критически осмыслять полученные результаты.

Таблица 2

GPT от OpenAI //
Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. ЮНЕСКО, 2024

Модель	Год запуска	Объем обучающих данных	Количество параметров	Характеристики
GPT-1	2018 год	40 ГБ	117 миллионов	Способен выполнять задачи обработки естественного языка, такие как заполнение текстов и ответы на вопросы.
GPT-2	2019 год	40 ГБ	1,500 миллионов	Способен решать более сложные задачи по обработке естественного языка, такие как машинный перевод и обобщение.
GPT-3	2020 год	17 000 ГБ	175 000 миллионов	Способен решать сложные задачи обработки естественного языка, такие как написание связных абзацев и создание целых статей. Также способен адаптироваться к новым задачам всего на нескольких примерах.
GPT-4	2023 год	1 000 000 ГБ (сообщается, но не подтверждено)	170 000 000 миллионов (сообщалось, но не подтверждено)	Повышенная надежность и возможность обработки более сложных инструкций.

Источник: [8].

На втором этапе предлагалось с помощью различных ИИ моделей найти существующие интернет-проекты, содержащие цифровые копии архивных документов. Для этого в качестве инструмента студентам предлагалось использовать модель с функцией веб-поиска, например ChatGPT-4o или 4o-mini, Perplexity AI и др. Такой подход позволял студентам не только изучить существующую цифровую источниковую базу, находящуюся в открытом доступе в интернет по истории Великой Отечественной войны, но и оценить потенциал ИИ для навигации и анализа источников в цифровой среде. Полученные результаты, предлагалось в последствии сравнить с перечнем основных рекомендованных проектов, составленных преподавателем курса без применения ИИ, таких, как например, «Партизаны Беларуси. Подвиги и судьбы партизан — в документах»[1], «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны»[2], «Партизанская летопись. Рукописные партизанские журналы»[3], «Боевая летопись партизан»[4], «К 65-летию Победы. Великая Отечественная. Беларусь»[5], «Партизанские зоны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны»[6], «100 дней до Великой Победы. По страницам белорусских газет 1945 г.»[7], «Победа. 1941–1945»[8], «Вторая мировая война в архивных документах»[9], «Военный альбом»[10], «Письма

---

[1] Партизаны Беларуси. Подвиги и судьбы партизан — в документах. URL: https://partizany.by/ (дата обращения: 31.05.2025).

[2] Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны. URL: http://db.narb.by/ (дата обращения: 31.05.2025).

[3] Партизанская летопись. Рукописные партизанские журналы. URL: https://letopis.belta.by/ (дата обращения: 31.05.2025).

[4] Боевая летопись партизан. URL: https://archives.gov.by/home/boevaya-letopis-belorusskih-partizan (дата обращения: 31.05.2025).

[5] К 65-летию Победы. Великая Отечественная. Беларусь. URL: https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/velikaya-otechestvennaya-vojna-belarus (дата обращения: 31.05.2025).

[6] Партизанские зоны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. URL: https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/arhivnye-dokumenty-i-materialy-2/partizanskie-zony-na-territorii-belarusi-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny (дата обращения: 31.05.2025).

[7] 100 дней до Великой Победы. По страницам белорусских газет 1945 г. URL: https://www.nlb.by/content/news/praekt-100-dzyen-da-vyalikay-peramogi-pa-staronkakh-belaruskikh-gazet-1945-g-6995/ (дата обращения: 31.05.2025).

[8] Победа. 1941–1945. URL: https://victory.rusarchives.ru/ (дата обращения: 31.05.2025).

[9] Вторая мировая война в архивных документах. URL: https://www.prlib.ru/collections/1298142 (дата обращения: 31.05.2025).

[10] Военный альбом. URL: https://waralbum.ru/ (дата обращения: 31.05.2025).

Победы»[11], «Память народа»[12] и др. и оценить эффективность поиска с помощью ИИ (какой процент ресурсов из предложенного списка найден ИИ и какие ресурсы удалось найти дополнительно).

На третьем этапе найденные в интернет цифровые копии архивных документов, а также цифровые копии документов, предложенные преподавателем, по истории Великой Отечественной войны предлагалось обработать.

Обработка предполагала решение целого комплекса задач: для текстовых документов — распознавание печатного и рукописного текста; анализ содержания и выделение именованных сущностей (персоналии, географические названия, понятия, даты и события, титулы, должности, монеты, звания и др.); использование методов языкового, тематического моделирования для выявления скрытых тем в исторических документах; применение технологии автоматического реферирования и аннотирования исторических документов и др.

Для визуальных — автоматического распознавания и классификации изображений, распознавания лиц на исторических фотографиях, использования компьютерного зрения для анализа исторических карт, планов, схем, автоматической атрибуции и датировки изображений и др.

Также на этом этапе решались задачи по реконструкции, восстановление повреждений и улучшению качества визуального отображения как текстовых, так и фото, видео, аудио документов.

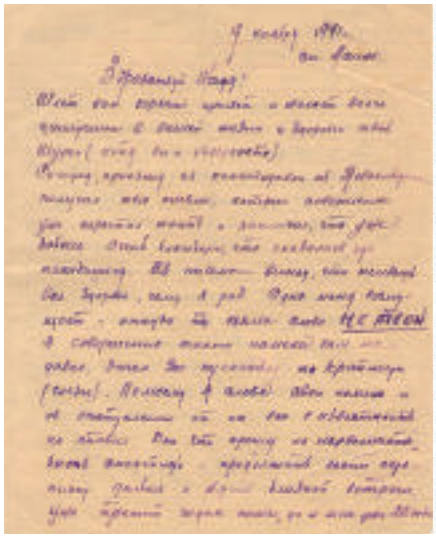
В качестве инструментов работы для распознавания предлагалось использовать онлайн-сервис Smallpdf, который позволяет распознавать текст в отсканированных PDF-документах, а также проект Transkribus для машинного чтения рукописей. В эти сервисы внедрены инструменты ИИ для работы с текстами различных эпох. После распознавания студенты вручную исправляли ошибки, анализировали процент ошибочного машинного распознавания и анализировали распознанный текст: составляли автоматически его краткое описание, выделяли именованные сущности, чтобы в дальнейшем составить базы данных-справочники для поиска информации и размещения гео-меток на картах.

Для видео и фотоматериалов предлагалось использовались продукты Topaz Labs: Gigapixel AI (увеличение разрешения изображений без потери качества), Denoise AI (удаление шумов с фотографий), Sharpen AI (улучшение резкости размытых изображений), Photo AI (автоматическая ретушь и улучшение фото), Video AI (апскейл и стабилизация видео), которые автоматически устраняют шум, повышают чёткость и даже дорисовывают

[11] Письма Победы. URL: https://pismapobedy.ru/ (дата обращения: 31.05.2025).

[12] Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 31.05.2025).

утраченные детали в видеоархивах десятилетней давности. Так же предлагалось сравнить результаты с возможностями сервисов bigjpg.com, PhotoRestore.io, colourise.com и palette.fm.



17 ноября 1941г.
ст Усихб.
Збравствуй Надя.
Шлет вам горячий привет и телаей всего
наилучшій в вашей жизни и Здоровья твол
Шурка (хотя вы а отвергаете).
Сегодня, признау из командировки из Новосиворси
получил твое письмо, которого совершению
уже перестая ждать и заключия, что уже
забыла. Очень благодарю; что сказалась, где
находишься. Из письма вижу, что жеивешь
все здорово, чему я рад. Одно меня возму
щает - откую ты езяла слово Не твой.
я совершенно такого намека вам не
давая, Зачем жсе пускаться на крайноети
(слезы). Помоему я слове свои помню и
об отступлянии от их вое о известность
не ставия. Так что прошу не незвничать,
быть спокойный - продолжать вести пере-
писку дальше и Адать близкой встречи.
уже
третий годак помся, да и мне уез2года

Рис. 1. Пример обработки студентом письма солдата 1941 г. на практических занятиях по дисциплине «Цифровая история» с помощью проекта Transkribus

Ввиду того, что ряд продуктов в бесплатном доступе доступны только в тестовом режиме в течении 30 дней, предлагалось сравнить их результаты с бесплатными сервисами Upscale.media, Media.io, Clipchamp и другими моделями, доступными онлайн. Также предлагалось познакомиться с возможностями бесплатных моделей, размещенными на платформе Hugging Face, которая является большой библиотекой нейросетевых моделей. Цель сравнения заключалась в оценке качества увеличения разрешения, устранения шумов и улучшения резкости изображений и видео, а также в определении целесообразности использования платных решений от Topaz Labs по сравнению с возможностями, которые предоставляют бесплатные инструменты.

В процессе реализации практико-ориентированных задач одновременно осуществлялось формирование у студентов компетенций, связанных с этически ответственным использованием технологий искусственного интеллекта в гуманитарных науках. Особое внимание уделялось вопросам сохранения исторической достоверности при применении ИИ-моделей: рассматривались потенциальные искажения исторических фактов, возникающие вследствие специфики работы нейросетевых алгоритмов, а также риски фальсификации истории Великой Отечественной войны с использованием современных цифровых технологий. Под руководством преподавателя у студентов формировалось уважительное отношение к исторической

памяти, предполагающее ответственный подход к интерпретации трагических событий как средствами искусственного интеллекта, так и при автоматизированной обработке исторических данных. Подчеркивалась необходимость обязательной верификации результатов, полученных с использованием ИИ, через обращение к традиционным источникам.

Рис. 2. Примеры обработки фотодокументов студентами на практических занятиях по дисциплине «Цифровая история» с применением технологий искусственного интеллекта

В итоге освоения дисциплины «Цифровая история», каждый студент создал свой проект на платформе Tilda, в виде цифровой выставки документов.

На итоговом занятии студенты в рамках группового обсуждения разработали методику оценивания проектов по десяти критериям, которые представляли собой десять вопросов для выявления: *I. Степени заинтересованности* (1. Может ли проект заинтересовать людей вне темы? 2. Интересен ли проект специалистам в области преподавания?); *II. Актуальности проблемы* (1. Актуальна ли тема проекта? 2. Востребована ли тематика в обществе в наше время?); *III. Степень раскрытия темы* (1. Доступна ли изложенная информация? 2. Комплексно ли раскрыта информация?); *IV. Источниковой базы исследования* (1. Полный ли комплекс источников, представленных в проекте? 2. Разнообразны ли источники по видам?); *V. Технические средства визуализации проекта* (1. Соответствует ли медиафайлы теме? 2. Удачно ли реализован шрифтовой дизайн и другие средства визуализации?). Положительный ответ на вопрос оценивался в 1 балл, что позволяло каждому студенту получить от 1 до 10 баллов по каждому представленному проекту.

Общим голосованием группы студентов 2 курса 5 группы, наиболее удачным проектом в 2024/25 учебном году был признан проект Вячеслава Пекарчика «Партизанское движение на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944 гг.)»[13].

Также студентам было предложено поделиться своими впечатлениями от выполнения заданий. Все студенты отметили, что использование ИИ повышает мотивацию решения поставленных задач. Так же студенты отмечали, что задание вызывало интерес и увлечение, так как использование современных технологий при работе с историческими источниками представляется им значимым и актуальным. Некоторые студенты отмечали, что «возможность исследовать, как нейросети могут помочь в восстановлении культурного наследия, вызывала вдохновение».

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс открывает широкие возможности для развития цифровых компетенций у студентов исторических специальностей. Опыт реализации курса «Цифровая история» на историческом факультете БГУ наглядно демонстрирует перспективность таких подходов.

В то же время с ростом популярности генеративного ИИ в образовательной среде перед университетами остро встаёт задача разработки локальных нормативных документов, определяющих допустимые формы использования подобных технологий. Определение этических норм и правил академической честности при использовании ИИ особенно важно для

[13] *Пекарчик В.* Партизанское движение на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944 гг.). URL: https://partizany.tilda.ws/by (дата обращения: 12.05.2025).

гуманитарных дисциплин, где существует высокий риск подмены самостоятельной исследовательской деятельности автоматически сгенерированным контентом.

Библиографические ссылки

1. *Ларионов В. Г.*, *Шереметьева Е. Н.*, *Горшкова Л. А.* Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-vysshego-obrazovaniya-tehnologii-i-tsifrovye-kompetentsii (дата обращения: 16.04.2025).

2. *Черных Д. В.*, *Фурер О. В.* Цифровая трансформация высшего образования // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2025. № 01(102). URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/tsifrovaya-transformatsiya-vysshego-obrazovaniya.html (дата обращения: 30.03.2025).

3. *Белоусова Т. П.* Цифровая трансформация высшего образования в России // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 303–309. DOI: 10.34670/AR.2023.51.30.039.

4. *Zhou X.* and *Schofield L.* Developing a conceptual framework for Artificial Intelligence (AI) literacy in higher education // Journal of Learning Development in Higher Education. 2024. № 31. URL: https://doi.org/10.47408/jldhe.vi31.1354 (date of access: 31.01.2025).

5. Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта. 9–24 ноября 2021, Париж. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 31.01.2025).

6. Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/1689) // Official Journal version of 13 June 2024. Interinstitutional File: 2021/0106(COD). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (date of access: 31.01.2025).

7. Управление искусственным интеллектом в интересах человечества: Заключительный доклад. Организация Объединенных Наций, 2024. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

8. Руководство ЮНЕСКО по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. 2024. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389639/PDF/389639rus.pdf.multi (дата обращения: 31.01.2025).

9. Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы. URL: https://drive.google.com/file/d/1T0v7iQqQ9ZoxO2IIwR_OlhqZ3rjKVqY-/view (дата обращения: 31.01.2025).

10. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 30 ноября 2021 г. № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.12.2021, 5/49678. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100683&p1=1 (дата обращения: 31.01.2025).

СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛДЗЯРЖМУЗЕЯ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

А. А. Гужалоўскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, huzhalouski@bsu.by

Артыкул прысвечаны аналізу ўзнікнення і першых гадоў дзейнасці Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, характарызуюцца асноўныя напрамкі яго работы: камплектаванне фондавага збору, праектаванне стацыянарнай экспазіцыі і выставак, арганізацыя культурна-адукацыйнай дзейнасці. Паказана вядучая роля партыйнага кіраўніцтва рэспублікі ў арганізацыю музея, а таксама ўклад яго першых супрацоўнікаў у стварэнне першай ў СССР музейнай установы, цалкам прысвечанай мемарыялізацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны.

Ключавыя словы: Вялікая Айчыннай вайна; камісія; музей; экспазіцыя; экспанат.

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛГОСМУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. А. Гужаловский

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, huzhalouski@bsu.by

Статья посвящена анализу возникновения и первых лет деятельности Белгосмузея истории Великой Отечественной войны, характеризуются основные направления его работы: комплектование фондового собрания, создание стационарной экспозиции и выставок, организация культурно-просветительской деятельности. Показана ведущая роль партийного руководства республики в организации музея, а также вклад его первых сотрудников в создание первого в СССР музейного учреждения, целиком посвященного мемориализации событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; комиссия; музей; экспозиция; экспонат.

BEGINNING OF THE BELARUSIAN STATE MUSEUM OF GREAT PATRIOTIC WAR

A. A. Huzhalouski

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, huzhalouski@bsu.by

The primary areas of the Belarusian State Museum of the Great Patriotic War's first years activities are described in this article, which focuses on the acquisition of the collections, the development of a stationary and temporary exhibitions, and the organization of cultural and educational events. It demonstrates the Communist Party of Belarus leadership's major

involvement in the museum's organization and the early staff members' contributions to the establishment of the first museum in the Soviet Union solely devoted to commemorating the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Committee; museum; exhibition; exhibit.

15 ліпеня 1941 г. выйшаў адрасаваны музейным супрацоўнікам дырэктыўны ліст Народнага камісарыята асветы РСФСР. Ён, у прыватнасці, паведамляў: «Наш народ уступіў у Вялікую Айчынную вайну, і ў гэтай вайне фашысцкая гадзіна будзе знішчана… Работа музеяў павінна спрыяць выхаванню людзей, бязмежна адданых радзіме, гатовых у любую хвіліну, па закліку партыі і ўрада стаць за справу Леніна — Сталіна, здзяйсняць подзвігі нечуванай мужнасці і гераізму ў барацьбе з фашысцкімі цемрашаламі, а калі трэба, то і аддаць за радзіму сваё жыццё» [1, с. 3]. Гэты першы з пачатку вайны «праграмны» ведамасны дакумент быў прыняты ў развіццё указанняў ЦК ВКП(б) і савецкага ўраду аб перабудове ўсёй дзейнасці дзяржаўных устаноў і грамадскіх арганізацый на ваенны лад.

У лісце Наркамасветы была прадстаўлена разгорнутая праграма дзейнасці савецкіх музеяў у ваенных умовах, пазначаны яе формы, падкрэслівалася неабходнасць стварэння стацыянарных і перасоўных выставак аб вайне, гераічнай барацьбе савецкага народа на фронце і ў тыле, аб героях-земляках. Дакумент пакрокава тлумачыў, які павінен быць ідэалагічны змест музейных экспазіцый. Уся культурна-адукацыйная і навукова-даследчая работа музеяў павінна была быць падпарадкавана інтарэсам барацьбы з фашысцкімі захопнікамі, задачы разгрому ворага. Акцэнт у экскурсійнай працы трэба было рабіць на тэмах: «Фашызм — злейшы вораг чалавецтва», «Наша справа справядлівая, мы пераможам», «Расавая тэорыя фашызму» і інш. [1, с. 5].

Аднак на першым этапе Вялікай Айчыннай войн гэтую задачу музеям было вырашыць вельмі цяжка: экспанатаў, якія служылі б «доказнай базай» гэтых тэзісаў, як і брашур і навуковых артыкулаў, практычна не было. Таму першапачаткова героіка распачатай вайны раскрывалася з выкарыстаннем рэліквій мінулых перамог. Сведчаннем гэтаму з'яўлялася разгорнутая ў верасні 1941 г. у Дзяржаўным гістарычным музеі сумесная выстаўка маскоўскіх музеяў «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа супраць германскага фашызму», дзе толькі 4 з 10 раздзелаў былі прысвечаны непасрэдна заяўленай тэме. Астатнія мелі «гістарычны» характар. Падобныя выстаўкі ў 1941 г. былі разгорнуты ў музеях Ленінграда і іншых савецкіх гарадоў [2, с. 13].

Новы штуршок музеефікацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны дала выдадзеная 18 чэрвеня 1942 г. Наркаматам асветы РСФСР інструкцыя «Аб зборы рэчавых і дакументальных матэрыялаў Вялікай Айчыннай вайны»,

якая ў шэрагу шматлікіх іншых аб'ектаў прапаноўвала музейнікам збіраць улёткі, аб'явы, лісты, загады. Важным крокам навукова-практычнага асваення тэмы вайны стала «Кіраўніцтва да збірання матэрыялаў па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны», распрацаванае па даручэнні Наркамата асветы прафесарам Навукова-даследчага інстытута краязнаўчай і музейнай работы М. М. Каробкавым і разасланае па музеях. У им была выкладзена праграма камплектавання матэрыялаў па сучаснасці, даваліся прафесійныя метадычныя рэкамендацыі па арганізацыі збіральніцкай работы, а таксама па пытаннях захоўвання і выкарыстання сабраных калекцый. Зыходзячы з асаблівасцей часу, М. М. Карабкоў у якасці асноўнай задачы бягучага камплектавання разглядаў фарміраванне крыніцавай базы для стварэння выставак і стацыянарных экспазіцый, прысвечаных вайне [3, с. 9–11].

Можна выказаць меркаванне, што згаданыя вышэй инструкцыі, навукова-метадычныя распрацоўкі, арганізаваныя ў музеях «ваенныя» выстаўкі абумовілі з'яўленне 2 чэрвеня 1942 г. пастановы ЦК КП(б) аб стварэнні ў Маскве рэспубліканскай Камісіі па збору дакументаў і матэрыялаў Айчыннай вайны. Старшынёй Камісіі быў прызначаны сакратар ЦК КП(б)Б па прапагандзе Ц. С. Гарбуноў, яе адказным сакратаром — журналіст В. Д. Стальноў. Галоўнымі крыніцамі паступленняў матэрыялаў у Камісію былі камандзіроўкі яе супрацоўнікаў у вайсковыя часткі, партызанскія фармаванні, на эвакуіраваныя беларускія прадпрыемствы. Яны прывозілі лісты з франтоў, інфармацыю аб баевых дзеяннях партызан, падпольныя газеты і часопісы, улёткі, фотаздымкі і інш. Вялікую ролю ва ўзбагачэнні калекцый адыграла так званая «Віцебская (Суражская) брама». Супрацоўнікі накіроўваліся праз іх у нямецкі тыл для збору матэрыялаў. Пасля ліквідацыі брамы, гэта работа праводзілася з дапамогаю ваенна-транспартнай авіяцыі. Паводле успамінаў удзельнікаў тых падзей, па вяртанні самалётаў з нямецкага тылу, на лётнае поле выходзілі супрацоўнікі камісіі, сценаграфісткі, каб не губляючы часу запісаць аповяды пілотаў і партызан [4, с. 5].

Вынікі першых шасці месяцаў дзейнасці Камісіі былі прадстаўлены на выстаўке «Беларусь жыве, Беларусь змагаецца, Беларусь была і будзе Савецкай», якая адкрылася ў пачатку лістапада 1942 г. у Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве. Яе дырэктарам была прызначана былы супрацоўнік Дзяржаўнай мастацкай галерэі БССР А. В. Аладава. Выстаўка складалася з пяці раздзелаў, на ёй было прадстаўлена 313 экспанатаў, якія адлюстроўвалі як жыццё ў акупіраванай Беларусі, так і ўдзел беларусаў у баях на франтах, а таксама тылавой працы [5, с. 4].

Пасля вызвалення Беларусі летам 1944 г., Камісія была пераведзена ў Мінск, дзе работала да 1946 г. У верасні 1944 г. з Масквы ў Мінск перавезлі

таксама выстаўку «Беларусь жыве…», якая стала асновай першай экспазіцыі Белдзяржмузея Вялікай Айчыннай вайны. Падчас прыбыцця ў Мінск экспанатаў выстаўкі, ЦК КП(б)Б у верасні 1943 г. ужо было прынята рашэнне аб стварэнні ў сталіцы БССР «музея па гісторыі барацьбы беларускага народа з нямецка-фашысцкімі акупантамі ў Вялікую Айчынную вайну» [6, арк. 57]. Работы па падрыхтоўцы да адкрыцця музея курыраваў асабіста старшыня СНК БССР П. К. Панамарэнка. Музею перадалі адзіны з лепшых ацалеўшых у Мінску будынкаў — Дом прафсаюзаў на плошчы Свободы, надалі 1-ю катэгорыю, зацьвердзілі штатную структуру ў памеры 167 чалавек. У адміністрыцыйным і гаспадарчым адносінах ён падпарадкоўваўся Упраўленню па справах мастацтваў пры СНК БССР, у ідэалагічным — ЦК КП(б)Б.

Дырэктарам музея быў прызначаны В. Д. Стальноў (ужо ў 1946 г. яго змяніў былы дырэктар Музея рэвалюцыі БССР М. Я. Гракаў), яго намеснікам па навуковай рабоце — У. У. Саблін. У першы навукова-творчы калектыў уваходзілі навуковыя супрацоўнікі П. М. Ганчароў, М. С. Абрамаў, П. С. Лавецкі, В. С. Раманоўская, мастакі С. Г. Раманаў, А. С. Бархаткоў і Г. Ф. Бржазоўскі і інш. У гэты перыяд пэўны час у музеі працавалі будучыя вядомыя беларускія гісторыкі — члены-карэспандэнты АН БССР К. І. Шабуня і У. М. Сікорскі. Ніводны з іх не меў вопыта музейнай работы. Гэта былі пераважна настаўнікі, журналісты, мастакі, якія змагаліся на франтах альбо ўдзельнічалі ў партызанскім і антыфашысцкім руху. Але недахоп ведаў і вопыту на першых кроках кампенсаваўся энтузіязмам і падтрымкай з боку партыйнага і ваеннага кіраўніцтва.

Увосень 1944 – увесну 1945 гг. было праведзена чатыры камандзіроўкі па збору экспанатаў на фронт, две у Польшчу, две у Берлін, якія далі тысячы каштоўных прадметаў. Адначасова актыўныя пошукі вяліся на тэрыторыі БССР. Атмасферу, якая панавала ў калектыве музея ў тыя дні перадаюць успаміны П. М. Ганчарова: «Дамовіліся на пачатак арганізаваць выстаўку „Узбраенне беларускіх партызан“. Але дзе ўзяць экспанаты? Партызанскія атрады раззброіліся пад Мінскам, у Лошыцы. Я, прызначаны начальнікам партызанскага аддзела музея, накіраваўся да прадстаўніка штаба партызанскага руху… Дазвол атрымаў. Але як даставіць усю гэтую зброю ў Мінск? Стаў шукаць ў горадзе грузавыя машыны. Каюсь: угаворваў вадзіцеля зрабіць незаконны рэйс. А што было рабіць? Разлічваўся са свайго рэчавага мяшка. Так, так! Перад тым як раз атрымаў заробак — амаль за палову сорак першага года, за сорак другі, сорак трэці і за поўгады сорак чацьвёртага. Амаль цэлы мяшок грошаў. Дык вось першыя буйныя сумы

выдаткаваў на аплату транспарта, які даставіў з Лошыцы ў музей вінтоўкі, кулямёты, самаробныя міны, гарматы, адрамантаваныя ў лясных майстэрнях, трафейныя аўтаматы…» [7, с. 8].

22 кастрычніка 1944 г. апоўдні адбылося ўрачыстае адкрыццё Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Экспазіцыя ў выглядзе двух выставак «Узбраенне беларускіх партызан» і «Бальшавіцкі друк Беларусі ў дні Вялікай Айчыннай вайны» была размешчана ў 15 адрамантаваных сіламі былых партызан залах. Адначасова з адкрыццём музея у раёне Дома Чырвонай Арміі была разгорнута Рэспубліканская выстаўка ўзораў трафейнага ўзбраення. Выстаўка складалася з чатырох раздзелаў: артылерыйскага, танкавага, авіяцыйнага і інжынернага. Большая частка ўзбраення, якое мела нямецкае, французскае, галандскае, бельгійскае, чэхаславацкае, югаслаўскае, польскае і нарвежскае паходжанне было дастаўлена з месцаў баёў у Мінскім і Бабруйскім «катлах». Экскурсіі па выстаўцы праводзілі афіцэры — удзельнікі аперыцыі «Баграціён». У 1948 г. выстаўка была дэманціравана [8, с. 4].

Пасля адкрыцця музея працягвалася інтэнсіўнае павелічэнне яго калекцый. Ішлі актыўныя паступленні ад Камісіі па збору дакументаў і матэрыялаў Айчыннай вайны, Беларускага штаба партызанскага руху, прыватных асоб, устаноў і арганізацый. На аснове гэтых паступленняў 1 мая 1947 г. была адкрыта першая стацыянарная экспазіцыя, якая складалася ўжо з шасці раздзелаў:

1) гістарычнае развіццё беларускага народа;

2–3) Вялікая Айчынная вайна Савецкага Саюза;

4) партызанскі рух у Беларусі;

5) вызваленне Савецкай Беларусі;

6) узнаўленне народнай гаспадаркі і культуры Савецкай Беларусі.

З гэтай структуры нецяжка заўважыць, што ў адсутнасці Беларускага дзяржаўнага музея, функцыі апошняга кіруючыя органы імкнуліся ўскласці на Белдзяржмузей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Аднак, улічваючы змест калекцый і тэрміны ў якія трэба было скончыць работы, спраектаваць экспазіцыю па «гістарычнаму развіццю беларускага народа» было немагчыма. Адразу ж пасля адкрыцця, новая экспазіцыя стала аб'ектам крытыкі Упраўлення агітацыі і прапаганды ЦК КП(б)Б. Ад кіраўніцтва музея патрабавалі зняць тэму «Другі фронт», скараціць паказ матэрыялаў аб масавым знішчэнні яўрэяў у мінскім гета. Адначасова экспазіцыя крытыкавалася за схематычны паказ падзей на франтах вайны, даваеннай гісторыі Беларусі, а таксама першых пасляваенных гадоў [9, арк. 39].

У 1948–1949 гг. амаль ва ўсе залы Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны былі ўнесены змены. Найбольш сур'ёзнай метадычнай

перарацоўцы падлягалі цяжкія для музейнага адлюстравання тэмы: «Савецкая Армія — вызваляльніца народаў Еўропы ад гітлераўскага рабства», «Народная гаспадарка і культура Савецкай Беларусі напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны» і г. д. Адначасова прыводзілася ў парадак фондавая «гаспадарка» музея — падчас адкрыцця першай стацыянарнай экспазіцыі палова прадметаў калекцый не была інвентарызавана, у тым ліку каля тысячы экспанатаў, якія знаходзіліся ў экспазіцыйных залах. Наладжваліся сувязі з прадпрыемствамі і вучэбнымі ўстановамі горада з мэтай арганізацыі наведвання музея на сталым грунце. Новы імпульс далейшаму развіццю музея павінен быў надаць Савет музея, куды ўвайшлі 26 прадстаўнікоў навуковых і грамадскіх устаноў, а таксама музеяў горада.

Такім чынам, першае пяцігоддзе работы Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ўяўляе вялікую цікавасць для гістарыяграфіі гісторыі Беларусі перыяда вайны і беларускага музеязнаўства як перыяд выключна інтэнсіўнага збірання фондавых калекцый, творчых пошукаў у экспазіцыйнай рабоце, разнастайных, не заўсёда ўдалых, спроб зрабіць экспазіцыю найбольш зразумелай масаваму гледачу. За першыя пяць гадоў музей сабраў каштоўныя калекцыі, яго экспазіцыю аглядзела звыш 100 тыс. чалавек [10, арк. 93].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР // Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени: директивные и инструктивные материалы для музеев. Вып. 4. Москва: Гос. библиот.-библиограф. изд., 1943.
2. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи Росии в 1941–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2017.
3. *Коробков Н. М.* Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). Москва: Нар. ком. прос. РСФСР, 1942.
4. *Воронкова И. Ю.* Создание и становление Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны [очерк]. Минск: [Б. и.], 2001.
5. Беларусь жыве, Беларусь змагаецца. Выстаўка ў Дзяржаўным гістарычным музеі // Савецкая Беларусь. 1942. 28 кастр. № 94.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Воп. 3. Спр. 1251.
7. *Щербаков А.* Обманчивая тишина музея // Огонёк. 1981. Май. № 20.
8. Беларускі дзяржаўны музей гісторыі айчыннай вайны // Звязда. 1944. 5 жніўня. № 48.
9. НАРБ. Ф. 790. Воп. 1. Спр. 154.
10. НАРБ. Ф. 974. Воп. 1. Спр. 45.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ЭССЕ О РОДНЫХ И БЛИЗКИХ, ПРОШЕДШИХ ВОЙНУ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

О. В. Лепеш

Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, oxanalepesch@rambler.ru

На примере изданных в последнее десятилетие в БНТУ сборников студенческих эссе, составленных на основе воспоминаний родных и близких, прошедших Великую Отечественную войну, анализируется жизнь белорусов в годы войны: на фронте, в оккупации, в антифашистской борьбе, за границами Родины. Делается вывод о целесообразности использования данных работ в качестве исторического источника личного происхождения на семинарских занятиях с учетом определенной критики.

Ключевые слова: БНТУ; студенты; эссе; война; оккупация; Красная армия; партизанское движение.

STUDENT ESSAYS ABOUT RELATIVES AND FRIENDS WHO WENT THROUGH THE WAR AS A HISTORICAL SOURCE

O. V. Lepesh

Belarusian National Technical University, Niezaliežnasci Avenue, 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus, oxanalepesch@rambler.ru

Based on collections of student essays published in the last decade at the BNTU, compiled on the basis of the memoirs of relatives and friends who went through the Great Patriotic War, the life of Belarusians during the war years is analyzed: at the front, in the occupation, in the anti-fascist struggle, beyond the borders of the Motherland. It is concluded that it is advisable to use these works as a historical source of personal origin in seminars, taking into account certain criticism.

Keywords: BNTU; students; essays; war; occupation; Red Army; partisan movement.

В последнее десятилетие в Белорусском национальном техническом университете (БНТУ) существует практика издания сборников студенческих эссе о родных и близких, участвовавших в Великой Отечественной войне, при поддержке профессорско-преподавательского состава гуманитарных кафедр БНТУ. Данные материалы издавались к юбилейным датами истории Беларуси: к освобождению Беларуси от немецко-фашистских захватчиков либо к Великой Победе. Последний подобный сборник был подготовлен в 2024 г. под названием «Войной опаленные…» как раз к 80-летию окончания войны на территории Беларуси и избавлению нашей Родины от немецко-фашистской оккупации. БНТУ принимал участие в совместных проектах по публикации подобных трудов также вместе с Ижевским государственным университетом.

Повествование в данных работах построено на воспоминаниях тех, кто прошел войну, но через одно поколение. То есть студенты получали информацию о родных-свидетелях войны не из уст непосредственно участвовавших в событиях 1941–1945 гг., а в результате обсуждения военной истории в семьях из рассказов бабушек и дедушек. В данном случае формой повествования эссе стала литературная запись воспоминаний, которая отражает сотрудничество опосредованного автора мемуаров с другим лицом, который, в том числе, оставляет свое «я» в мемуарах, выражая свое эмоциональное отношение к происходившему.

Несмотря на ретрансляцию информации о войне через поколение, особенностью студенческих эссе является их документальность, которая основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Поэтому вполне возможно причислить эссе к разряду источников личного происхождения — мемуарам «через поколение». В этом случае заметим, насколько долгим был промежуток времени между моментом свершения исторического факта и письменного показания о нем.

Наряду с устной историей об участниках войны, передаваемой из поколения в поколение, в работах студентов привлечены и другие источники: делопроизводственная переписка, наградные листы, письма с фронта, воспоминания не одного автора, но и других лиц, ордена и медали участников войны. В итоге некоторые эссе представляют собой мини исследовательские работы. Сами студенты зачастую являлись инициаторами поиска новой информации о своих прадедах и прабабушках с учетом цифровых возможностей.

Палитра студенческих эссе отражает разные стороны жизни населения Беларуси в оккупационный период 1941–1944 гг.: описываются стратегии выживания людей, нахождение их в нечеловеческих условиях в концентрационных лагерях (Тростенец, Озаричи, Колдычево и др.), содержится информация о проживании в гетто, о принудительном вывозе белорусских граждан на работу в Германию в качестве остарбайтеров, акцентируется внимание на организации антифашистской борьбы на территории Беларуси.

Ряд работ, отражающих повседневную жизнь мирного населения Беларуси после установления оккупационного режима, указывают на то, насколько тяжело было находиться в таких обстоятельствах, когда ежедневное существование для человека сопровождалось постоянным страхом быть убитым, обстрелами, голодом, проживанием вне своего дома — в землянках в условиях холода и антисанитарии. Однако желание выжить несмотря ни на что заставляло людей проявлять недюжинную моральную и физическую силу, бороться из последних сил, помогая, зачастую, ценой

своей жизни спастись и другим, например, партизанам или представителям еврейского населения. В эссе есть немало историй о том, как многие белорусы из чувства сострадания пытались спасти тех, кого можно было спасти, не взирая на национальность. Почему? Наверное, можно согласиться с одной из героинь повествования: «Спасая одного человека, ты спасешь весь мир» [1, с. 52].

В работах ребят есть сведения о функционировании некоторых концентрационных лагерей, созданных немцами на территории Беларуси. Например, о Колдычевском концентрационном лагере, действовавшем с 1942 по 1944 гг. недалеко от Барановичей, где было уничтожено свыше 22 тыс. человек. Так, со слов узника, содержавшегося там, в лагере были сооружены холодные неотапливаемые бараки с 3–4 этажными нарами для проживания, там же находилась камера пыток, где простых людей подвергали страшным истязаниям. Пленники были ранжированы по национальности: носили специальные опознавательные знаки на одежде [2, с. 199].

Нами выявлено четыре эссе-свидетельства о малоизученном до недавнего времени концлагере Озаричи. Все истории фиксируют нечеловеческие условия содержания узников концлагеря, созданном немцами на голой болотистой местности без построек как лагеря под открытым небом в марте 1944 г., когда холод и голод, побои и расстрелы за любую провинность стали причиной гибели более 20 тыс. человек. Фактологический материал из эссе подтверждает, что в концлагере в Озаричах немцы умышленно заражали узников, чтобы потом использовать их в качестве бактериологического оружия: тифозные больные должны были заразить впоследствии как заключенных там стариков и детей, так и наступавшие части Красной Армии [2, с. 207; 3, с. 49, 64].

Жуткие условия содержания военнопленных и мирных жителей представляются при характеристике молодеченского шталага 342, куда попала прабабушка в детском возрасте одной из наших студенток. Шталаг 342 представлял собой лагерь из неотапливаемых деревянных бараков без полов и потолков. Непригодность к проживанию в таких бараках приводила к смертности в период низких температур до 400 человек в сутки. К тому же в лагере было большое число тифозных больных, которых, естественно, не лечили [4, с. 151].

Некоторые эссе рассказывают о судьбах людей, попавших в концлагеря в Европе. Одним из таких узников концлагеря Штуттгоф (был создан на территории Польши) стал Иван Филимонович Козачук, на руках которого сохранялись выжженные лагерные номера [4, с. 68–69]. Иван Филимонович свидетельствовал о проведении опытов над людьми в этом лагере, инициатором которых был доктор Рудольф Шпаннер. Абсолютная

власть над заключенными, вседозволенность по отношению к ним сформировала у этого доктора ярое желание поставить на промышленную основу в концлагере производство мыла из человеческих тел [4, с. 69].

Известно, что многие молодые ребята из оккупированной Беларуси были насильственно вывезены на принудительные работы в Германию. Работы студентов раскрывают особенности существования остарбайтеров из Беларуси. Ребята, пересказывая воспоминания своих родных, отмечали, что в Германии белорусская молодежь, которой на тот момент могло не быть и 18 лет [2, с. 94], работала как в сельском хозяйстве, так на заводах по 12–15 часов, в основном жила в холодных бараках, сараях, питалась очень скудно [3, с. 15, 37; 4, с. 23]. Примечательно, что некоторые остарбайтеры, встречая в Германии советских военнопленных, при возможности иногда старались их подкармливать, прекрасно понимая с какими трудностями им приходится сталкиваться [4, с. 58]. В работах также содержится информация о практике германизации белорусских детей, если их забирали в немецкие семьи [2, с. 178].

Беларусь считается страной-партизанкой. Это утверждение нашло полное отражение в материалах студентов: родственники многих из них сражались в партизанских отрядах, совершали диверсии, добывали разведданные, участвовали в рельсовой войне, препятствовали угону белорусских граждан на принудительные работы в Германию [2, с. 126; 4, с. 116]. Среди родных нашей студенческой аудитории нашлись и легендарные личности, которые стояли у истоков формирования партизанского движения, ставшие командирами партизанских отрядов и бригад. Например, к ним можно отнести Михаила Ивановича Грибанова, командира бригады имени Чкалова, дислоцировавшейся в Налибокской пуще. Известно, что партизанами бригады было проведено 70 открытых боев и крупных засад, спущено под откос 209 эшелонов, уничтожено 235 немецких автомашин и 14 танков. Бригада имела свой аэродром в районе д. Печище, на котором одновременно могли садиться 2–3 транспортных самолета [3, с. 7–8]. Отрадно, что его правнук А. В. Грибанов, студент БНТУ, активно продолжает изучать историю своего прадеда, его семья поддерживает связь с родственниками тех, кто когда-то воевал плечом к плечу с Михаилом Ивановичем.

В одной из работ была раскрыта история Даниила Федотовича Райцева, почетного гражданина города Витебска, который организовал отряд в Витебской области в начале 1942 г. и проводил успешные диверсии. Позже отряд Д. Ф. Райцева стал частью 1-й Белорусской партизанской бригады под командованием Миная Шмырева, которая сумела к середине 1942 г., освободив 15 сельских советов, создать первый на Витебщине Суражский партизанский край [4, с. 102–103].

Среди родственников наших студентов оказался радист партизанского отряда «Храбрецы» (И. Е. Касьянов), установивший связь с механиком на станции Осиповичи Ф. Крыловичем, которому были переданы мины для установки на одном из эшелонов [1, с. 36]. Известно, что в ночь на 31 июля 1943 г. Ф. Крылович с помощью этих двух мин совершил самую крупную диверсию Второй мировой войны. Уникальными являются воспоминания партизана, начальника штаба отряда имени С. М. Буденного партизанской бригады имени К. Я. Ворошилова В. Забудьки о разгроме отряда фашистов у деревни Великая Раевка, что на Копыльщине, летом 1942 г. [1, с. 13–15].

Особо хочется отметить в эссе внимание к положению детей, прошедших войну: многие родственники авторов относились к категории детей, а значит они не достигли 18-летнего возраста. Пронзительными до глубины души считаю записи в дневнике вчерашнего школьника, прадеда нашего студента в далеком 1941 г.: «До сих пор меня учили и проверяли другие; теперь я сам себе учитель. Впрочем, у меня есть еще один наставник — война. Ее — единственную из всех моих учителей — я ненавижу и проклинаю. Война разлучила меня с матерью и братьями. Она на моих глазах убила девочку, с которой я десять лет просидел за одной партой. Она учит меня страхам. Но я хочу быть сильнее ее…» [2, с. 125]. Дети стали самыми уязвимыми жертвами войны. Они поневоле были свидетелями всех ужасов войны, их подвергали насилию, сгоняли в концлагеря, где брали кровь для немецких солдат. Многие из них стали сиротами, о которых некому было позаботиться. Некоторые из них, потеряв родителей, стали активными участниками партизанского и подпольного движения (выступали в роли связных, добывали разведданные, снабжали партизан едой, медикаментами, участвовали в боевых операциях). Это стало поистине уникальным явлением Великой Отечественной войны в Беларуси.

Поражает в данных работах география боевой деятельности солдат и офицеров Красной Армии белорусов по национальности либо уроженцев Беларуси. Где только они не воевали! Оборона Ленинграда и Москвы, битвы за Сталинград и Курск, штурм Кенигсберга, участие в освобождении Польши, Чехословакии, в Берлинской операции, в войне против Японии — далеко не все военные маршруты наших героев из эссе. Военные специальности, полученные в ходе войны, изобилуют разнообразием — артиллеристы, снайперы, танкисты, летчики, связисты, разведчики, медики, — это конечно не весь перечень квалификаций, которыми владели герои изученных материалов. Среди них был даже начальник похоронной команды, в обязанности которого входило ведения книг погребения и дислокации кладбищ, организация захоронений в соответствии с

утвержденным приказом [4, с. 107]. Данный факт свидетельствует о высокой нравственной составляющей со стороны руководства, заботившейся о формировании точной базы данных о погибших.

Таким образом, студенческие эссе о родных и близких, прошедших войну, можно рассматривать как источники личного происхождения — мемуары «через поколение». Безусловно, при изучении подобных работ надо учитывать субъективный характер воспоминаний героев эссе, обусловленных особенностями самой личности, степень достоверности и полноты информации, учитывая, что промежуток времени между 1940-ми гг. и современностью достаточно большой и повествование в эссе ведется, как правило, не от первого лица. Однако через такого рода работы, отличающееся эмоциональностью и живостью, можно помочь современной молодежи составить представление о событиях 1941–1945 гг.

Библиографические ссылки

1. Страницы подвига. Студенты размышляют, пишут о Великой Отечественной войне (к 70-летию освобождения Беларуси) / под ред. В. А. Божанова, Д. Н. Хромченко. Минск: Донарит, 2014. 167 с.

2. Мы помним… Студенческие эссе [К 70-летию Великой Победы] / под общ. ред. А. Г. Балицкого. Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2015. 256 с.

3. Войной опаленные…: сборник студенческих эссе о героях Великой Отечественной войны к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / Белорусский национальный технический университет. Минск: БНТУ, 2024. 114 с.

4. Помним, гордимся: материалы студенческой научной конференции (к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов) / под общей редакцией В. А. Бобкова. Минск: БНТУ, 2019. 187 с.

ТЕМА ГЕРОИЗМА В БАТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВКИ 1957 г.)

Лю Сюеци

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, sl4964221@gmail.com
Научный руководитель: Трифонова Н. Я., кандидат искусствоведения, доцент

В статье рассматриваются особенности темы героизма в китайской батальной живописи середины XX в. Основное внимание уделяется анализу произведений, представленных на юбилейной выставке 1957 г., посвящённой 30-летию создания Народно-освободительной армии Китая. затрагивается влияние идеологии в социалистическом Китае на визуализацию темы героизма в живописи.

Ключевые слова: героизм; военная живопись; социалистический реализм; искусство Китая; НОАК (Народно-освободительная армия Китая); выставка 1957 г.; визуальная идеология.

THE THEME OF HEROISM IN CHINESE BATTLE PAINTING (ON THE EXAMPLE OF THE 1957 EXHIBITION)

Liu Xueqi

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, sl4964221@gmail.com
Scientific Supervisor: Trifonova N. Ya., PhD in Art History, Associate Professor

The article examines the features of the theme of heroism in Chinese battle painting of the mid-20th century. The main attention is paid to the analysis of the works presented at the anniversary exhibition of 1957, dedicated to the 30th anniversary of the creation of the People's Liberation Army of China. The influence of ideology in socialist China on the visualization of the theme of heroism in painting is touched upon.

Keywords: heroism; war painting; socialist realism; Chinese art; PLA (People's Liberation Army); 1957 exhibition; visual ideology.

Героический образ в военной живописи Китая середины XX в. отражает синтез художественного выражения и идеологической задачи. Особое значение он приобрёл в условиях становления КНР, когда изобразительное искусство служило инструментом формирования коллективной идентичности. Цель настоящего исследования — выявить теоретические основы представления героизма и проанализировать их визуальную реализацию на примере выставки, посвящённой 30-летию Народно-освободительной армии Китая в 1957 г. Основное внимание уделяется символике, стилистике и типологии героев как элементам социалистического художественного нарратива.

Образ героизма в военной живописи представляет собой сложный многослойный феномен, глубоко укоренённый в историческом, культурном

и идеологическом контексте. Особенно значимым он становится в рамках государств с централизованной культурной политикой, таких как Китай середины XX в. В этих условиях визуальные искусства, включая живопись, не только выполняли эстетическую функцию, но и служили мощным средством политической коммуникации, играя ключевую роль в трансляции ценностей, норм и идеалов, навязываемых официальной идеологией. В частности, после основания Китайской Народной Республики в 1949 г. начался новый этап в развитии изобразительного искусства, в котором центральное место заняла фигура героя — как символ силы, самоотверженности, лояльности к государству и идеалам революции.

Военная живопись в Китае получила мощный импульс к развитию благодаря активному участию художников в государственных программах и выставках, направленных на формирование позитивного образа армии, укрепление патриотических настроений и прославление подвига китайского народа. Особенно важную роль в этом процессе сыграла выставка, посвящённая 30-летию основания Народно-освободительной армии Китая в 1957 г., ставшая одним из наиболее ярких примеров применения изобразительного искусства в служении государственной идеологии. Визуализация героических качеств в живописи требует особого подхода, поскольку художественные средства и приёмы призваны не только передавать внешний облик событий или персонажей, но и воплощать целостный образ героя, вмещающий в себя идеологическое, психологическое и культурное содержание. Это становится особенно актуальным в условиях социалистического реализма, в котором художественная правда тесно переплетается с идеологическим внушением. В китайской живописи 1950-х гг. это привело к формированию устойчивых визуальных кодов и образов, таких как солдат с поднятым красным флагом, военный командир, указывающий путь, или простая женщина, превращённая в символ национального сопротивления и самоотдачи [1, с. 312].

Выставка 1957 г., приуроченная к 30-летию основания Народно-освободительной армии Китая, стала не только значительным культурным событием, но и своеобразным итогом идеологического переосмысления героического в изобразительном искусстве КНР. Она открылась в Пекине во Дворце культуры трудового народа и представляла собой масштабный проект, организованный под руководством Министерства культуры КНР и Союза китайских художников. Экспозиция охватывала сотни живописных, графических и плакатных работ, созданных ведущими мастерами социалистического реализма Китая, и служила демонстрацией не только военных подвигов, но и идеологической устойчивости нового государства. Образ героизма стал центральной темой выставки, охватывая как личные, так и

коллективные проявления мужества, стойкости и революционного духа. В этом контексте живопись выступала как визуальный аналог партийной риторики, а художник — как «воин» на культурном фронте [2, с. 398].

Интересен и тот факт, что многие художники, представленные на выставке, сами прошли через войну, что придавало их работам особую аутентичность. Например, Ли Кэхань, автор картины «Сражение под Тайханем», был фронтовым художником и создавал свои полотна на основе собственных зарисовок и воспоминаний. Его произведение показывает сцену рукопашного боя в горах, в которой фигурки героев выполнены с предельной точностью и динамикой. Здесь героизм обретает черты трагической решимости: лицо центрального бойца искажено напряжением, его рука сжимает гранату, в то время как товарищи стремительно поднимаются в атаку. В этом полотне проявляется физическая и нравственная цена победы — героизм представлен как жертва, но также как моральный долг [3, с. 344].

Произведение Фу Баоши «Переправа через реку Даду», созданное в 1951 г. и представленное на выставке 1957 г., посвящено подвигу 18 воинов, форсировавших реку Даду во время Долгого марша. Картина воплощает героизм как проявление мужества и решимости перед лицом природных и военных испытаний. На полотне изображена небольшая лодка, борющаяся с бурными волнами реки. Красноармейцы сидят плотно друг к другу, сохраняя спокойствие и уверенность. Фигура на носу лодки указывает вперёд, её поза выражает непреклонность и веру в победу. На заднем плане видны суровые скалы и тёмное небо, подчёркивающие масштаб подвига [4, с. 24–25].

Фу Баоши использует технику «обтёсывания камней», характерную для традиционной китайской живописи, чтобы создать текстуру бурлящей воды и скал. Грубые мазки кисти передают движение волн, а подсветка выделяет реку, делая её центральным элементом композиции. Контраст между динамикой воды и статичностью фигур солдат подчёркивает их стойкость. Цветовая палитра включает холодные синие и серые тона, контрастирующие с тёплыми оттенками одежды героев, что усиливает драматизм сцены.

Картина прославляет революционный дух Красной армии, напоминая о жертвах, принесённых ради общей цели. Её присутствие на выставке 1957 г. подчёркивает непреходящую ценность подвига, вдохновляя зрителей на преодоление трудностей.

Работа Ван Шэнли «Восемь женщин, бросающихся в реку», созданная специально для выставки 1957 г., посвящена подвигу восьми женщин-бойцов Северо-восточной лиги сопротивления, которые в 1938 г. бросились в реку Ушунь, чтобы избежать плена японскими войсками. Картина представляет героизм как моральный выбор и высшую жертву ради свободы.

На полотне изображены восемь женщин, идущих к реке. Их лица полны решимости, а позы выражают единство и силу духа. Они держатся за руки, что символизирует их солидарность. На заднем плане видны тёмное небо и бурные воды реки, контрастирующие с белыми одеждами героинь, которые сияют как символ надежды [5, с. 77–79].

Композиция строится на треугольной форме: фигуры женщин образуют вершину, устремлённую к небу, что придаёт работе ощущение возвышенности. Ван Шэнли сочетает западные техники — мощные линии и светотень — с традиционной китайской чеканкой, создавая выразительные образы. Контраст света и тени усиливает эмоциональную напряжённость, а проработка деталей лиц подчёркивает индивидуальность каждой героини.

Картина увековечивает память о женщинах-революционерках, подчёркивая их вклад в борьбу за освобождение. Она показывает, что героизм не ограничен полом или статусом, а является универсальной чертой тех, кто борется за правое дело.

Картина Дун Сивэня «Красная армия не боится долгого марша», написанная в 1956 г. и хранящаяся в Военном музее Китайской народной революции, изображает сцены Долгого марша 1936 г. Это произведение представляет героизм как стойкость и оптимизм перед лицом суровых испытаний.

На полотне красноармейцы в поношенной форме идут по извилистой дороге. Их одежда изодрана, обувь изношена, но лица выражают не усталость, а веру в будущее. Фигуры расположены в движении, их шаги ритмичны, что передаёт коллективную решимость. На заднем плане видны горы и тёмное небо, подчёркивающие трудности пути.

Дун Сивэнь использует реалистичный стиль, тщательно прорабатывая детали формы и лиц. Цветовая палитра включает контраст чёрно-синего фона и оранжевых тонов одежды, что усиливает драматизм. Композиция строится на горизонтальных линиях, подчёркивая бесконечность марша, но при этом фигуры солдат выделяются как центральный элемент, символизирующий силу духа [6, с. 78–82].

Одним из ярчайших образцов подобной визуальной стратегии стала картина Дон Сюйвэня «Великая победа на реке Хуайхай», в которой запечатлён момент, когда Народно-освободительная армия одерживает ключевую победу в ходе гражданской войны. Центральной фигурой композиции становится командир, указывающий вперёд, символизируя стратегическое руководство и уверенность в победе. Вокруг него — бойцы, напряжённые, но исполненные решимости. Художник мастерски использует диагональную композицию и игру света, чтобы направить внимание зрителя

к героическому центру действия. Здесь героизм возникает не только из подвигов на поле боя, но и из способности коллективно достигать исторических целей, преодолевая страдания и трудности [7, с. 267].

Работа Ай Чжунсиня «Красная армия над снежными горами», созданная в 1957 г., изображает переход Красной армии через снежные горы во время Долгого марша. Картина передаёт героизм как способность преодолевать природные преграды благодаря железной воле и товариществу.

На полотне солдаты идут цепочкой, держась друг за друга, через заснеженный перевал. Их фигуры сгорблены от ветра и холода, но движение вперёд не останавливается. Холодные синие и белые тона подчёркивают суровость условий, а тёплые пятна на одежде солдат выделяют их как символ жизни и сопротивления. Композиция строится на S-образной линии, которая ведёт взгляд зрителя через картину, усиливая ощущение пути. Контраст холодной палитры фона и тёплых тонов фигур создаёт драматический эффект. Ай Чжунсинь использует резкие мазки для изображения снега и ветра, подчёркивая борьбу с природой [8, с. 156–159].

Работа Хоу Иминя «Переправа через реку Ялу», представленная на выставке 1957 г., посвящена переходу китайских добровольцев через реку Ялу во время Корейской войны. Картина воплощает героизм как единство и патриотизм в борьбе против внешнего врага.

На горизонтальном полотне изображены ряды солдат с тяжёлым снаряжением, шагающих через реку. На противоположном берегу их встречает корейский народ, приветствуя с улыбками и флагами. Композиция подчёркивает порядок и мощь армии, а фигуры солдат и жителей Кореи создают ощущение братства. Хоу Иминь в работе использовал «горизонтальную волновую композицию», а цикл повторения динамики фигуры на картине измерял кульминационными точками через каждые 35 см. Он использует белый тон для изображения зимнего пейзажа, что усиливает суровость сцены. Плавные линии кисти придают работе величественность, а яркие цвета флагов добавляют оптимизма. Лица солдат полны решимости, а их строй символизирует дисциплину и силу [9, с. 188–191].

Образ героизма в китайской военной живописи 1950-х гг. сформировался на пересечении политической идеологии и визуального искусства. Выставка 1957 г. продемонстрировала, как живопись становится средством воспитания патриотизма и исторической памяти. Многие из представленных на ней образов стали каноническими, стали частью визуальной культуры. Визуальные средства выражения героизма на выставке 1957 г. были разнообразны, но объединялись общей задачей: вызвать у зрителя чувство гордости, сопричастности и готовности к самопожертвованию. Композиционно большинство работ строилось на контрасте света и тени,

подчёркивающем драматизм сцены. Цветовая гамма часто включала красный как символ революции, жёлтый — как знак света и надежды, и чёрный — как напоминание о суровости борьбы. Часто использовался приём «возвышенного ракурса»: герой изображался снизу вверх, словно возвышаясь над зрителем, что подчёркивало его моральную и духовную высоту. Такие приёмы были заимствованы как из традиционной китайской живописи, так и из европейского академического искусства, прошедшего адаптацию к задачам социалистического реализма Китая, воспроизводимой в учебниках, кино и массовых изданиях. Более того, эти образы начали восприниматься как часть коллективной исторической памяти: поколение китайцев, родившихся после 1950 г., воспринимало героев не только как персонажей искусства, но и как реальных участников героического прошлого [10, с. 306]. Через конкретные произведения художники не только фиксировали исторические события, но и создавали символические модели поведения. Представленные образы героев стали каноническими, определяя визуальный язык героизма в искусстве социалистического Китая на десятилетия вперёд.

Библиографические ссылки

1. *Васильева Е. В.* Социалистический реализм в искусстве Восточной Азии: Китай и КНДР. М.: Издательство Московского университета, 2012. 312 с.
2. *Смирнов И. П.* Искусство Китая в эпоху Мао: политика и эстетика. М.: Восточная литература, 2007. 398 с.
3. *Петров В. В.* Художники войны: искусство и память в Китае и СССР. 2010. 344 с.
4. *Фу Баоши.* Собрание картин Фу Баоши [Текст]. Пекин: Народное издательство изобразительного искусства, 1958. С. 24–25.
5. Государственный проект художественного творчества по важным историческим темам. Собрание произведений Государственного проекта художественного творчества по важным историческим темам [Изоматериал]. Пекин: Издательство культуры и искусства, 2011. С. 77–79.
6. *Дун Сивэнь.* Полное собрание произведений искусства Дун Сивэня [Текст]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2009. С. 78–82.
7. *Чжоу Л.* Военная тема в китайской живописи XX века; пер. с кит. А. В. Иванова. М.: Искусство, 2005. 267 с.
8. История китайского военного художественного творчества [Текст]. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии, 2012. С. 156–159.
9. История и теория китайской военной тематики в живописи маслом [Текст]. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии Китая, 2016. С. 188–191.
10. *Григорьев С. Н.* Визуальная пропаганда в Китае: от революции до современности. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. 360 с.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ (ПОСТСОВЕТСКИХ) ГОСУДАРСТВ

В. И. Меньковский

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,vmenkouski@gmail.com

Анализируется значимость памяти о Великой Отечественной войне как уникального героического и трагического события мировой истории в политических, культурологических, медийных практиках новых независимых (постсоветских) государств. Сделан вывод, что в процесс политики памяти входят практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность исторического сообщества, государственных институтов и социальных групп, механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историческим материалом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Советский Союз; постсоветские государства; Республика Беларусь; «места памяти»; политика памяти; мемориальная культура.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE NEW INDEPENDENT (POST-SOVIET) STATES

V. I. Menkouski

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, vmenkouski@gmail.com

The article analyzes the significance of the memory of the Great Patriotic War as a unique heroic and tragic event in world history in the political, cultural and media practices of the newly independent (post-Soviet) states. It is concluded that the process of memory policy includes practices of commemoration, the use of images of the past in the formation of collective identity, the activities of the historical community, state institutions and social groups, mechanisms of public debates about the past, methods of work of the media with historical material.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet Union; post-Soviet states; Republic of Belarus; “places of memory”; politics of memory; memorial culture.

80-летний юбилей Победы стал ключевым событием для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX–начале XXI в. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако

процесс самоидентификации общества новых независимых государств, поиск «национальной идеи» вернули советскую историю в центр общественного внимания. Положительное отношение к советскому периоду истории, к образу советского государства поддерживается общественным большинством.

В постсоветских государствах произошло «возвращение к истории». История оказалась мобилизована на службу национальному единству, т. е. страны региона оказались на этапе «национализации истории», которые Западная Европа прошла в XIX в. Это привело к актуализации прошлого, повышенному вниманию к истории и к ее активной политизации [см. например, 1; 2].

Современная геополитическая характеристика — «постсоветские», «новые независимые» государства представляется достаточно противоречивой. «Сложность определения феномена „постсоветской идентичности“ связана с несколькими уровнями расслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление „постсоветского пространства“, воспринимая его как политический конструкт» [3, с. 54]. В научной литературе до сегодняшнего дня нет консенсуса в определении той территории, которая более 30 лет назад была территорией Советского Союза, а сейчас юридически принадлежит другим государствам. Конечно, «постсоветское пространство», как и любой другой регион — это конструируемое понятие. Вместе с тем, необходимо понимать, что регион «…не появляется „из ниоткуда“. Конструкты такого рода основаны на природном ландшафте и определены реальными отношениями между человеком и тем, что его окружает. Эти основания придают региональной перспективе осязаемость. Иными словами, подобно нациям и государствам, регионы формируются в рамках сложного взаимодействия между изобретенным и реальным, между идеей и материей» [4, chap. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции].

Вероятно, адекватного термина для региона просто не существует, и сегодня продолжают использоваться условные обозначения, позволяющие исследователям понимать друг друга, но крайне уязвимые с научной точки зрения. Нам используемая терминология представляется полезной, но временной, необходимость в которой постепенно исчезнет, и будет заменена использованием понятий новой геополитической реальности, т. е. «постсоветскость» будет восприниматься как временное явление. «…регионы сами по себе историчны. Со временем они меняются — растут, уменьшаются или обретают иной статус. Некоторые становятся отдельными государствами, другие, напротив, теряют свою независимость, и их название

дает имя новому региону» [4, chap. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции]. В отношении сегодняшней практики, мы согласны со спецификой смыслового контекста: «понятие „постсоветское пространство“ подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие „новые независимые государства“ характеризует логику сегодняшнего дня — существование суверенных стран — бывших союзных республик» [5, с. 45].

Республика Беларусь, как и все новые независимые (постсоветские) государства находится в процессе поиска путей самоидентификации и формирования национальной идеи. На этом пути чрезвычайно важную роль играет историческая память. Ключевые положения концепции истории памяти (memory studies) были предложены немецким культурологом Я. Ассманом и заключаются в том, что историческая память подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности и благодаря социальной активности современников. Как писал Я. Ассман, «прошлое не вырастает естественным путём, оно является продуктом культурного творчества» [6, с. 50]. Таким образом, представление о прошлом перестает быть неизменным, а термины «историческая память» (как представление о прошлом) и «история» (как прошлое) не синонимичны.

Поскольку в социальных и гуманитарных науках терминология является предметом дискуссий, прежде всего следует объяснить, какое значение (из множества используемых и дискутируемых) вкладывается автором в понятие «историческая память». Мы соглашаемся с пониманием исторической памяти как совокупности научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Историческая память является сложным социокультурным феноменом, связанным с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно выступает как продукт формирования массового сознания.

Важнейшим инструментом формирования исторической памяти является коммеморация, т. е. социальная практика, основанная на мобилизации коллективной памяти о значимых событиях и личностях с помощью материальных компонентов. В этом процессе особую роль занимают «места памяти», объекты материальной и нематериальной культуры (памятники, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, картины, песни, книги), в которых воплощена национальная память. По мнению автора термина Пьера Нора, «для того чтобы проект „Места памяти“ стал возможен… потребовалась метаморфоза национальной истории в национальную память» [7, с. 13].

В Республике Беларусь одной из важнейших составляющих превращения национальной истории в национальную память, фактором формирования модерной белорусской идентичности, базирующейся на принимаемых обществом и государством представлений о прошлом стало комплексное изучение истории Великой Отечественной войны, в контексте предшествующих ей и последовавших за ней событий европейской и мировой истории.

Война принесла неизмеримые страдания и потери: разрушенные города и деревни, миллионы погибших и искалеченных судеб. Оккупация Беларуси длилась более трех лет — с 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г., за это время было уничтожено от 2,5 до 3 млн жителей Беларуси, т. е. не менее, чем каждый третий. На территории Беларуси действовало свыше 260 концентрационных лагерей и мест принудительного содержания. Более 209 городов и посёлков были полностью или частично разрушены. Свыше 9200 деревень были уничтожены, 628 из них — вместе с жителями.

«Места памяти» о героях и жертвах Великой Отечественной войны на территории Беларуси занимают особое место в национальной политике памяти. В Беларуси более 8 тысяч памятников Великой Отечественной войны, из которых 3,5 тысячи — павшим воинам, 2,2 тысячи — партизанам и подпольщикам, 1,4 тысячи — жертвам геноцида. Оценивая значимость этих объектов в контексте политики памяти, в анализе взаимовлияние фактов и символов, мы можем утверждать, что в Республике Беларусь происходит процесс превращения социальных, политических, идеологических, культурных символов Великой Отечественной войны в фактор конструирования реальности.

Историческая память о Великой Отечественной войне выступает фактором сплочения общества, поскольку формируется практически всеми государственными институтами и социальными группами. Современная белорусская ситуация подтверждает вывод П. Нора о том, что «эффект новой организации памяти состоит в том, что у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого… Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» [8].

В неопределённой, меняющейся ситуации современной исторической политики. многое зависит от корпорации историков. Историческое сообщество, опираясь на научную методологию, проверенные факты, использую современные средства массовой информации способно донести достоверные ответы на многие вопросы прошлого, предложить ту интерпретацию, которая связана не с конспирологией и сенсациями, а с глубинными социальными, национальными, политическими, экономическими проблемами, определявшими в прошлом и определяющими сейчас жизнь каждого человека.

О. Малинова, автор монографии «Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности» отмечает, что «в последнее время власть очень активно взялась за историческую память, за наше прошлое, причем делает это с определенными идеологическими целями. Историки нередко сетуют, что политика, вторгающаяся в поле истории, — это скверно, потому что тем самым история оказывается объектом идеологической интерпретации и злостного политического использования. Историю надлежит оставить историкам. Такая позиция, безусловно, имеет право на существование, однако я попытаюсь с нею поспорить. Моя книга — о том, как прошлое (точнее, его проекции в настоящее в виде истории и памяти) является чрезвычайно важным объектом символической политики. И не может им не быть в современных, модерных и постмодерных обществах. Следовательно, политики не то что не могут не работать с прошлым, они должны это делать» [9, с. 11]. Мы также разделяем позицию о необходимости участия властных структур в формировании политики исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. *Бордюгов Г. А.*, *Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. Москва: АИРО-XXI, 2011. 248 с.
2. Историческая политика в XXI веке [Текст]: [сборник статей] / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 646 с. (Библиотека журнала Неприкосновенный запас).
3. *Казаринова Д. Б.*, *Дунамалян Н. А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52–79.
4. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. Под редакцией Е. Болтуновой, В. Сандерленда. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. (Historia Rossica). Kindle edition.
5. *Пашковский П. И.* Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 1(67). 2015. № 4. С. 41–48.
6. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 355 с.
7. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с. (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).
8. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 2. 2005. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html (дата обращения: 05.03.2025).
9. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

ПАМЯТЬ О ВЕТЕРАНАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ БЕССМЕРТНА. ИВАН КОНДРАТЬЕВИЧ БЯКО

В. В. Сергеенкова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, sergeenkova_vera@mail.ru

Прослеживается боевой путь и служба полковника И. К. Бяко на благо Отечества, рассказывается о мужественной жизни его семьи в Беларуси в годы Великой Отечественной войны и о вкладе И. К. Бяко в успешные поиски картин Дрезденской галереи в 1945 г.

Ключевые слова: И. К. Бяко; Великая Отечественная война; Дрезденская галерея; семья; Беларусь.

THE MEMORY OF THE VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IS IMMORTAL. IVAN KONDRATIEVICH BYAKO

V. V. Sergeenkova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, sergeenkova_vera@mail.ru

The article is dedicated to the military path and service of Colonel I. K. Byako for the benefit of the Fatherland, the courageous life of his family in Belarus during the Great Patriotic War and the contribution of I. K. Byako to the successful search for paintings of the Dresden Gallery in 1945.

Keywords: I. K. Byako; the Great Patriotic War; Dresden Gallery; family; Belarus.

Великая Отечественная война была самой страшной по своей жестокости и жертвам войной в истории человечества. Чем дальше от нас события войны, тем ярче, объемнее, с огромным потрясением и сознанием мы оцениваем вклад советского народа в Великую Победу. Насколько надо было иметь глубокие душевные качества, невероятное человеческое чувство любви к своей Родине, своей земле, к своим близким людям, чтобы выдержать с достоинством все тяжелейшие испытания, выпавшие нашему народу, чтобы с достоинством выполнить свой патриотический долг. С каждым годом уходят ветераны войны. Их становится все меньше и меньше. Мы, их дети, их внуки и правнуки не имеем права забывать о их героической судьбе, об их вкладе в Победу над нацистской Германией. Если не будем изучать их судьбы, не будем рассказывать и писать об их героической жизни, мы не сможем осмыслить настоящее, чтобы не допустить повторения страшных событий.

Как правило, ветераны не очень хотели вспоминать и рассказывать о войне. Возможно, что-то было еще засекречено. Возможно, было очень тяжело вспоминать те тяжелейшие события, гибель друзей и близких. К сожалению, мы не успели о многом расспросить, узнать. Однако каждая отдельная судьба человека, воевавшего с нацизмом на фронтах, в партизанах и подполье — это маленькая капля, которая соединилась в большую реку, превращаясь в огромный мощный поток, приведший советский народ к Великой Победе.

Одним таким человеком со своей судьбой был Иван Кондратьевич Бяко. И. К. Бяко родился в 1918 г. в д. Заполье Логойского района Минской области в многодетной семье, в которой было пятеро детей: Елена, Иван, Наталья, Игнат, Степан. Семья Бяко пережила все тяжести войны, оккупации. Они были свидетелями уничтожения соседней деревни Новое Заполье, сожженной фашистами вместе с жителями. Игнат Кондратьевич Бяко (младший брат Ивана Кондратьевича Бяко, 1925 г. р.) был призван в армию в 1944 г. во время освобождения Беларуси в ходе стратегической операции «Багратион». Он был рядовым, воевал в 306 стрелковом полку 62 стрелковой дивизии. Он погиб 17 октября 1944 г. в боях за Польшу и был похоронен в Сувалкской области Тартакского повета южнее д. Лепалаты, на «безымянной высоте», как сообщается в документе [1].

Наталья Кондратьевна Машинистова (Бяко, сестра И. К. Бяко), 1922 г. р., была участницей партизанского движения. Она являлась связной партизанских отрядов им. Кутузова и им. Чкалова бригады «Смерть фашизму» Логойского подпольного райкома комсомола Минской области в период с ноября 1943 г. по июль 1944 г. Она была представлена к награде медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2].

Страшная судьба была у старшей дочери семьи Бяко — Елены Кондратьевны, которая была убита коллаборационистами, так называемыми «лесными братьями», в лесу в конце 1944 г.

Иван Кондратьевич Бяко после окончания Лепельской средней школы был районным сотрудником редакции районной газеты Логойска с мая 1935 г. по октябрь 1938 г. Затем он добровольцем ушел в Красную Армию. Первое военное образование он получил в полковой школе Корпусного тяжелого артиллерийского полка (КТАП) в г. Ленинград с октября 1938 г. по октябрь 1939 г., по специальности связиста [3; 4; 5].

И. К. Бяко участвовал в советско-финляндской войне с ноября 1939 г. (рис. 1). Во время войны получил серьезное обморожение ног, следы которого остались у него до конца жизни. Он лечился в госпитале в г. Кострома, затем был переведен в батальон выздоравливающих в г. Ярославль. Там Иван Кондратьевич стал курсантом Ярославского военно-хозяйственного

Рис. 1. И. К. Бяко, 1939–1940 гг. [6]

училища (ноябрь 1939–июнь 1941 г.). По окончании училища получил звание лейтенанта. Стал членом ВКП(б), занимался в училище партийной работой [5].

Держу в руках копию Учетной карточки члена КПСС И. К. Бяко. Поразительно, куда только не бросала военная служба И. К. Бяко в годы Великой Отечественной войны: июль 1942 г.–май 1943 г. — Калининский фронт, командир взвода снабжения, начальник продфуражной службы 62 гвардейского стрелкового полка 22 стрелковой дивизии; май 1943–май 1944 г. — Западный и 2 Прибалтийский фронт, помощник начальника продовольственного отделения начальника административно-хозяйственного отдела 22 гвардейской дивизии; октябрь 1944 г. – январь 1945 г. — слушатель курсов усовершенствования офицерского состава Академии тыла и снабжения Советской Армии (Московский военный округ); январь 1945 г.–октябрь 1945 г. — 1 Украинский фронт, представитель начальника тыла Вооруженных сил по учету промышленных предприятий и трофеев штаба тыла фронта; октябрь 1945 г.–июль 1947 г. — Прикарпатский военный округ, помощник начальника организационно-планового отдела, начальник административно-хозяйственного отделения 294 центральной базы Министерства вооруженных сил; июль 1947 г.–сентябрь 1950 г. — слушатель Военной академии тыла и снабжения Советской армии. Поразительная биография!

Еще в 1941 г., когда немецкие захватчики подходили к Москве, Ярославское училище, в котором служил И. Е. Бяко, было эвакуировано в Омск, Сибирский военный округ. В письме с фронта в 1944 г., рассказывая о себе своим родным в д. Заполье Логойского района Минской области после освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, он писал: «И вот я оказался в загадочной, известной по книгам и рассказам Сибири». Он пробыл там зиму и весну 1942 г. Вспоминая о своем пребывании в Сибири в письме 1944 г. к своей сестре И. К. Бяко писал: «И сейчас о Сибири складываются самые неплохие впечатления. Природа замечательная, похожая, почти такая как в Белоруссии. Немного суровый климат, но он зато легче переносится. Единственное что — это мало людей в сельском

хозяйстве. Если б там обрабатывали земли как у нас в Белоруссии, то там была бы не Сибирь, а лучше Украины. Сейчас в годы войны Сибирь стала центром всей промышленности». Это слова человека, который мог ценить прекрасное, и в то же время умного человека, понимавшего, что сельское хозяйство — залог продовольственной безопасности страны.

В июле 1942 г. добровольно по рапорту И. К. Бяко был направлен на формирование добровольческой армии добровольцев-сибиряков (Сталинская) (лагерь в Юрге). Уже с 9 октября 1942 г. он воевал на фронте, служил в 469 стрелковом полку 22 гвардейской стрелковой дивизией [5]. С этой дивизией его боевой путь был связан до конца войны [7].

С октября 1942 г. по октябрь 1944 г. являлся командиром взвода стрелкового батальона Калининского фронта, начальником продовольственной службы 469 стрелкового полка, помощником начальника продовольственной службы 22 гвардейской стрелковой дивизии. Это были очень сложные и материально ответственные должности, требующие от исполнявших их обязанности предельной честности, порядочности, особой добросовестности. Эти качества всегда характеризовали Ивана Кондратьевича до конца его жизненного пути. Затем И. К. Бяко был начальником Административно-хозяйственной части 22 гвардейской стрелковой дивизии, сражавшейся на Прибалтийском и Западном фронтах, участвовал в освобождении Латвии [8].

С октября 1944 г. по январь 1945 г. И. К. Бяко являлся слушателем курсов усовершенствования офицерского состава при Академии Тыла и снабжения Советской Армии. С января 1945 г. по май 1945 г. был представителем начальника тыла Вооруженных сил по учету промышленных предприятий и трофеев на 1 Украинском фронте. Тогда И. К. Бяко получил особое правительственное задание по поиску картин Дрезденской галереи (рис. 2).

Рис. 2. И. К. Бяко. 1944–1945 гг. [6]

Как вспоминал И. К. Бяко, он срочно был отправлен в Москву, где вместе с другими офицерами встретился с начальником тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым. А. В. Хрулев сказал: «Фашисты нас долго грабили. Сейчас, когда мы вступили на территорию

Германии, настало время компенсировать по возможности наши потери. Организовывается трофейная служба, и все молодые офицеры, присутствующие здесь, становятся ее первыми представителями» [9].

Перед группой из 26 офицеров во главе с И. К. Бяко была поставлена задача: «Развернуть работу по учету паспортизации техники предприятий, заводов и трофеев. Немцы разорили сотни наших городов и деревень. Нанесли огромный урон народному хозяйству. То, что имеет ценность, должно быть сохранено для народа» [10].

В итоге 26 человек, в том числе и И. К. Бяко, под общим руководством генерала Г. М. Шпикалова были направлены представителями начальника тыла Красной Армии на 1 Украинский фронт для выполнения специального задания Государственного комитета обороны. Начальником штаба группы был назначен капитан И. К. Бяко. Трофейные бригады каждые пять дней докладывали ему о проделанной работе. И. К. Бяко сводил воедино полученные данные и за подписью генерала Г. М. Шпикалова отправлял их в Трофейное управление Красной Армии [10].

В начале мая 1945 г. войска 1 Украинского фронта подошли к г. Дрезден. Агентурная разведка доложила, что здание Дрезденской галереи разрушено, а картины вывезены в неизвестном направлении. Сразу же генерал-майор Г. М. Шпикалов получил указание обратить особое внимание трофейных бригад на поиски картинной галереи. Это распоряжение дошло и до группы И. К. Бяко. В пригороде г. Дрезден группа встретила двух соотечественниц, которые были угнаны на работу в Германию. Они оказали помощь в поисках, поскольку уже хорошо знали местность [10].

Группа проезжала по левому берегу р. Эльба, внимательно осматривая стоящие дома, фольварки и проходившую рядом железную дорогу. Через 20 километров железнодорожное полотно оборвалось, и рельсы уходили под землю в старую каменоломню. У входа все заросло бурьяном, что скрывало закрытую на огромный замок дверь. Необходимо было найти ключи. Недалеко находилось деревня Котка, где нашли хозяина, имевшего ключи. Замок был открыт, а затем с огромным трудом — огромные скрипящие двери. За ними были найдены два вагона, наполненные какими-то финансовыми документами. Далее была обнаружена еще одна дверь, открыв которую увидели еще четыре вагона со специальными стеллажами. Там размещались большие полотна в подрамниках. Члены группы осознавали, что они нашли бесценные полотна Дрезденской галереи, спрятанные гитлеровцами. Группа под командованием И. К. Бяко была поражена. Тщательно закрыв все двери, (ключи были переданы И. К. Бяко [11]) группа на машине отправилась в штаб. Влетев в кабинет Г. М. Шпикалова, И. К. Бяко доложил: «Товарищ генерал, ваше указание выполнено! Дрезденская картинная

галерея найдена!». Первоначально генерал не поверил услышанному, но успокоившись, доложил начальнику тыла фронта генерал-лейтенанту Н. П. Анисимову.

Однако осмотреть картины начальство поехало лишь через несколько дней. Дело в том, что командующий 1 Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев изъявил желание лично посмотреть на картины. Кроме того, необходимо было найти специалиста, который смог бы дать найденным полотнам первоначальную оценку [9]. К сожалению, к приезду командующего к каменоломне, вагоны с банковскими документами были пусты. Немцы сумели их перепрятать. По-видимому, документы, находившиеся в них, были очень важными, и гитлеровцы поторопились их перепрятать, проигнорировав бесценную коллекцию галереи [9].

Таким образом, благодаря тщательной работе группы во главе с белорусом И. К. Бяко, были найдены сокровища Дрезденской галереи, имевшие мировое значение. Картинами до августа 1945 г. занимались эксперты под руководством московского искусствоведа Н. И. Соколовой. Н. И. Соколова принимала участие в спасении и возвращении полотен Дрезденской картинной галереи, в том числе картин П. Рубенса, знаменитого полотна Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна» и др. Для осуществления экспертизы найденных дрезденских полотен в Германии, Н. И. Соколова была включена в группу специалистов под ее общим военным руководством, ей было присвоено воинское звание майор. Поисково-экспертная работа осуществлялась в тесном взаимодействии с маршалом И. С. Коневым [12]. Произведения искусства были вывезены в Москву для реставрации и хранения. Позже в 1955 г. сокровища Дрезденской галереи были переданы в Москве немецкой правительственной делегации [10].

Спустя много лет немецкий журналист Тино Кюнцель заинтересовался фактом поиска шедевров Дрезденской галереи, приехал в Минск и встретился с И. К. Бяко. Беседа продлилась почти шесть часов [13]. Потом Тино Кюнцель напечатал в своей газете статью [«Moskauer Deutsche Zeitung» — «Московская немецкая газета», 2006, № 10(185), май]. Вместе с газетой он прислал в Минск и письмо. Через пару месяцев по электронной почте пришло письмо из Дрездена. От имени попечительского совета Дрезденской галереи сообщалось, что немецкая сторона рада «пригласить господина Бяко и помочь съемочной группе с организацией и проведением съемок в залах картинной галереи» [14]. Однако посещение Дрезденской галереи Иваном Кондратьевичем Бяко не случилось, так как 5 декабря 2005 г. он умер.

Находясь еще в составе 1 Украинского фронта, И. К. Бяко занимался трофейной службой. В горе Мукачево в Западной Украина он

познакомился со своей будущей женой — Марией Куприяновной Коробейниковой (1926 г. р.) (рис. 3).

Рис. 3. Мария Куприяновна Коробейникова (в замужестве — Бяко). 1945 г.

Она училась в железнодорожном техникуме в г. Ижевск и в 1944 г. была призвана в железнодорожные войска для сопровождения эшелонов на фронт и с фронта. Поезда, на которых она работала, нередко попадали под бомбардировки и обстрелы. Некоторые девушки погибали. Эта встреча И. К. Бяко и М. К. Коробейниковой переросла во взаимную симпатию и любовь, связавшие их до конца жизни. У них была замечательная дружная семья, в которой выросли сын, ставший, как и отец, офицером, и дочь.

Осенью 1943 г. он участвовал в освобождении Беларуси. В своем письме сестре он писал: «Мы дошли до Осинстроя, под Оршей, буквально были у стен Орши, но обстановка требовала другого, и действия там были прекращены и перенесены на другие участки. А в этом году (1944 г. — В. С.) в период освобождения Белоруссии, я не попал туда. И так было обидно в момент, когда многие офицеры и бойцы непосредственно сами освобождали свою деревню, находили своих родных. Как завидовал им в те минуты! А многие не находили ни дома, ни семьи! Отступая, немцы сжигали буквально все. Угоняли весь скот. Угоняли людей в немецкую каторгу. Как саранчой опустошаются посевы, так фашистской нечистью опустошаются целые районы и области».

После освобождения Беларуси в 1944 г. И. К. Бяко смог связаться со своими родными. Сохранился уникальный документ — письмо И. К. Бяко своей сестре в д. Заполье Логойского района. Все годы, пока шла война, он не знал о судьбе своих родных. По своему содержанию письмо очень трогательное. Он интересовался судьбой родителей, братьев и сестер и писал: «Радуюсь, тому, что вы остались нашими советскими людьми, не торговали Родиной». Судя по письму, он очень тосковал по Беларуси, по родным местам и родным людям, читал газеты, надеясь хоть что-нибудь узнать о своих родных местах.

И. К. Бяко за добросовестную службу в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии имел боевые награды: Орден Красной Звезды (01.08.1944),

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), Орден Отечественной войны II степени (02.06.1945), медаль «За взятие Берлина» (09.06.1945), медаль «За боевые заслуги» (20.06.1949), Орден Красной Звезды (30.04.1954), Орден Отечественной войны II степени (02.06.1985) [15; 16].

После окончания войны с июня 1945 г. по сентябрь 1947 г. И. К. Бяко служил начальником Административно-хозяйственного отдела, а затем начальником административно-хозяйственного отделения 294 центральной базы Министерства вооруженных сил. В 1947–1950 гг. являлся слушателем Военной академии тыла и снабжения Советской Армии на Факультете оперативно-штабной службы тыла. После окончания Военной академии И. К. Бяко был отправлен заместителем командира 82 механизированного полка по снабжению в г. Бобруйск. Далее его служба продолжалась в родной Беларуси. Он занимал разные должности: старший офицер отдела планирования штаба тыла Белорусского военного округа; старший офицер по боевой тыловой подготовке тыла 28 армии майор; начальник тыла бригады управления 348 артиллерийской бригады, подполковник, в г. Брест. С 1957 г. судьба И. К. Бяко была связана с МВИРТУ (Минское высшее инженерно-радио-техническое училище войск ПВО страны), позже называвшее МВИЗРУ (Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище, ныне — Военная академия Республики Беларусь). И. К. Бяко являлся помощником начальника МВИЗРУ по материальному обеспечению (рис. 4).

После окончания военной службы он трудился главным инженером института технической кибернетики Академии наук БССР, старшим инженером отдела внедрения разработок автоматизированной системы управления информационно-вычислительного центра Минздрава БССР. В 1975–1980 гг. И. К. Бяко работал проректором по Административно-хозяйственной части Белорусского государственного института культуры. В 1980–1982 гг. он был инспектором отдела кадров государственного проектного института по проектированию инженерных коммуникаций и сооружений (ГПИ Минскинжпроект), а затем до конца 1987 г. занимал должность экономиста отдела планирования

Рис. 4. Полковник И. К. Бяко

материально-технического обеспечения Горплана в Мингорисполкоме. Общий стаж работы И. К. Бяко составил 55 лет, из них 27 лет — в Советской Армии, а 28 лет — в народном хозяйстве.

В 1982–1987 гг. активно занимался общественной работой, был заместителем председателя Совета Белоруской организации ветеранов войны и Вооруженных Сил, председателем Комитета ветеранов труда. За свой добросовестный труд был награжден Грамотой Совета Министров Республики Беларусь. Имел следующие медали: «Ветеран Вооруженных сил», «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы», «50 лет Победы», «За безупречную службу», «30 лет Вооруженных сил», «40 лет Вооруженных сил», «50 лет Вооруженных сил», «60 лет Вооруженных сил», «70 лет Вооруженных сил» и др.

Иван Кондратьевич Бяко обладал замечательными человеческими качествами. Он был очень интеллигентным и образованным человеком, обладал необыкновенной выдержкой и самообладанием, никогда не повышал голос, отличался трудолюбием и выносливостью, умел дружить и ценить дружбу, искренне уважал своих друзей и их семьи, хранил верность своей семье, своему дому, своей Родине. Таких людей нельзя забывать. Они должны быть нам неизменным примером и в жизни, и в работе, и в преданности своей земле.

Библиографические ссылки

1. Бяко Игнат Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1152658840 (дата обращения: 01.04.2025).
2. Машинистова (Бяко) Наталья Кондратьевна 1922 год рождения — Партизаны Беларуси. URL: https://partizany.by/partisans/253992/ (дата обращения: 01.04.2025).
3. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok17692785/ (дата обращения: 09.04.2025).
4. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok17691620/ (дата обращения: 09.04.2025).
5. Бяко Иван Кандратьевич (Кондратьевич): Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok17698331/ (дата обращения: 10.04.2025).
6. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93042789/ (дата обращения: 12.04.2025).
7. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok17692821/ (дата обращения: 09.04.2025).
8. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer12400331/ (дата обращения: 09.04.2025).
9. *Корсак Д.* Рубенс из каменоломни // Беларусь сегодня. 2005. № 27(22184). 11 февраля. С. 23.
10. *Дубровский Н.* Спасение Дрезденской галереи. Мировые шедевры нашел белорус — капитан Иван Бяко // Знамя юности. 2005. № 11(14215). 18 марта. С. 8.

11. *Дубровский Н.* Спасли победители. Дрезденскую галерею отыскал белорус // Во славу Родины. Белорусская военная газета. 2005. № 54(24717). 25 марта. С. 2.

12. Соколова Наталия Ивановна, биография и открытия — РУВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Соколова,_Наталия_Ивановна (дата обращения: 09.04.2025).

13. *Алексейчик О.* Капитанский подарок Дрезденской галерее // Мінская праўда. 2008. №№ 116–117(13097–13098). С. 13.

14. *Степан В.* Уходящая натура, или история одного сценария // Беларусь сегодня. 2009. № 60(23202). 1 апреля. С. 5.

15. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero80363008/ (дата обращения: 09.04.2025).

16. Бяко Иван Кондратьевич: Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1518946721/ (дата обращения: 09.04.2025).

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А. А. Приборович

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, priborovich@gmail.com

В статье рассматриваются принципы применения технологий ИИ в расширении привычных подходов памяти событий Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется этическим аспектам применения ИИ, включая вопросы сохранения подлинности и уважения к памяти поколений. Подчеркивается роль искусственного интеллекта как инструмента, способствующего широкому изучению истории, формированию патриотизма и передаче знаний будущим поколениям белорусского общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; культура памяти; искусственный интеллект; цифровизация общества; этика.

PRINCIPLES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO CREATE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. A. Priborovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, priborovich@gmail.com

The article examines the principles of using AI technologies to expand conventional approaches to remembering the events of the Great Patriotic War. Particular attention is paid to the ethical aspects of using AI, including issues of preserving authenticity and respect for the memory of generations. The role of artificial intelligence as a tool that promotes the broad study of history, the formation of patriotism and the transfer of knowledge to future generations of Belarusian society is emphasized.

Keywords: Great Patriotic war; culture of memory; artificial intelligence; digitalization of society; ethics.

В этом году исполняется 80 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне (ВОВ). В очередной раз во всех учреждениях Беларуси и на центральных площадях населённых пунктов нашей Родины пройдут памятные мероприятия, посвящённые событиям прошедшей войны.

За 80 лет в белорусском обществе сложились крепкие традиции мемориализации войны. В Беларуси нет ни одного района, где бы не были созданы материальные объекты памяти ВОВ. Число таких памятников растёт каждый год, что подтверждает важность событий прошлого в сохранении основополагающих ценностей белорусского народа — мир, безопасность, свобода, порядок и справедливость.

В современных реалиях развития мирового сообщества Вторая мировая и Великая Отечественная война остались не только на страницах истории прошедшего XX в. На 2025 г. военные события 1939–1945 гг. стали объектом политической и идеологической борьбы, а нередко и спекуляций. Например, некогда дружелюбная для нас страна-соседка Украина проводит активную государственную политику десоветизации (дерусификации) своей культуры. За последние 30 лет на Украине разрушены сотни мемориалов памяти советским героям и жертвам ВОВ, а вместо их в учебниках истории, урбанистике городов появляются имена лиц, которые в годы войны были сообщниками немецко-фашистских оккупационных сил. Отсюда, в свете разных трансформаций, происходящих в мире, а также отдельной политики европейских стран о тотальном либерализме в оценке событий прошлого и роста информации, как никогда важно сохранение истиной памяти о ВОВ. В этой связи в Республике Беларусь органы власти уделяют большое значение памяти о Великой Отечественной войне. За каждым высшим государственным органам закреплены задачи по проведению мероприятий, направленных на сохранение уважительного отношения белорусского общества к событиям войны. Роль государства в этом случае носит как правило консолидирующий характер, так как само белорусское общество стремится не забыть уроки прошлого. Практически в каждой белорусской семье в годы войны кто-либо погиб, участвовал в боях и был насильственно вывезен. В культурном коде белорусов передаётся из поколения в поколение призыв тех, кто пережил тяжести войны — «Мы сохраним в веках имена солдат и мирных жителей, павших в борьбе за свободу Родины в годы Великой Отечественной войны».

В своей статье автор поднимает вопрос «Нужно ли менять сложившийся раньше подход (форму) мемориализации памяти событий войны»? Прошло действительно много лет с момента нашей Победы. Выросло несколько послевоенных поколений. С тех пор сильно изменился технико-культурный облик жизни белорусского общества. Всё это неоднократно приводило к обновлению форм памяти, но сохранялся подход освещения событий прошлого — историческая правдивость, неизменность мнения к фашизму, недопустимость сторонних попыток искажения истории.

Чем дальше мы отдаляемся от 1945 г. тем больше белорусское общество и государство обращает внимание о важности «Помнить». Это отражено в строительстве крупных объектов памяти (мемориальный комплекс «Тростенец», музей в мемориальном комплексе «Хатынь», Национальный исторический музей и др.), так и широкой образовательно-идеологической работе, приводимой на постоянной основе в учебных учреждениях нашей страны. Сейчас в Беларуси на накануне памятных дат идёт активный

процесс насыщения информационной среды, в которой правильно воспитывается наше подрастающее и взрослое поколение граждан. Учебные пособия по истории, художественная литература, кино, телевидение, музеи и др. — всё это должно по мнению государственной власти и экспертного сообщества в Беларуси создать надёжный фундамент нашего патриотизма, с чем согласен и автор статьи. Но как же быть с новым информационным вызовом, возникновение которого связано с широкой цифровизацией общества.

Известно, что в основном молодёжь получает информацию об ВОВ из ресурсов сети интернет, при этом гарантом «истинности» представленных сведений не всегда служит экспертность журналиста или автора сообщения. Порой неловкое искажение деталей (фактов) информационного сообщения приводит к изменению взглядов о войне. Чем дальше мы отодвигаемся на исторической линии времени от событий войны, тем сложнее нам представить, как всё было на самом деле раньше. Интересно в данном контексте выражение известного русского полководца Александра Васильевича Суворова «Война закончена лишь тогда, когда похоронен последний солдат». В Беларуси не так много осталось ветеранов Великой Отечественной войны. В скором времени живых очевидцев войны не останется вовсе. Историю о войне мы сохранили в большом количестве музеев, литературных произведениях, фильмах и др. Однако, сейчас остаётся важным донести информацию об войне вновь приходящим поколениям молодых граждан Беларуси с учётом их мировоззренческий особенностей. Повторюсь, что в условиях цифровизации общества и возрастающей скорости протекания всех социальных процессов, основная роль в формировании ценностных ориентаций личности и общества, сохранении исторической памяти переходит к медиакультуре и здесь главную роль играет интернет-технологии. Сегодня в цифровом пространстве наиболее активно развиваются новые технологии работы с информацией — нейросети (искусственный интеллект).

Каковы же принципы использования искусственного интеллекта для формирования памяти о Великой Отечественной войне? В широком смысле ИИ представляет собой область цифровых технологий, направленную на создание программных инструментов, способных выполнять интеллектуальные задачи схоже как человек [1]. На 2025 г. ИИ применяется в различных сферах как финансы, маркетинг, медицина, транспорт, образовании и др. Отметим, что ИИ не следует ассоциировать в прямом смысле как человеческий интеллект. В отличие от человека ИИ пока не может полноценно заменить человеческий мозг. Небольшая путаница в возможностях ИИ связана с тем, что уже на протяжении последних лет в

культуре сформировался образ об ИИ как полноценной альтернативе человеческой деятельности. На самом деле возможности ИИ не так широки. Умный цифровой помощник следует считать быстрым и эффективным программным инструментом, который полезен для людей при выполнении рутинных задач, связанных с анализом информации. Такой помощник может найти нужную для пользователя информацию в интернете, составить ответы на вопросы, подготовить макет текстового документа, перевести текст, транскрибировать выступление, сгенерировать изображение, оживить фотографию и многое другое.

Принципы применения ИИ в обществе можно разделить на четыре группы: этические принципы, правовые принципы, технические принципы, социальные принципы. В этот статье мы рассмотрим лишь этические принципы, так как раскрытие остальных групп затрудненно из-за наличия разных платформ ИИ, несовершенства правового обеспечения применения нейросетей в Беларуси, а также особенности выбранной исторической темы.

Этические вопросы применения ИИ уже давно являются предметом активных экспертных обсуждений, в том числе среди историков, при этом из-за некорректных определений и зачастую недопонимания сути проблем, возникает определенная путаница. Ещё в 2021 г. ЮНЕСКО разработало методический документ «Рекомендация об этике искусственного интеллекта», в котором этика ИИ рассматривается как систематическое нормативное отражение, основанное на системе взаимозависимых ценностей, принципов и действий, которые могут направлять общество в ответственном отношении к воздействию технологий ИИ на людей. Анализ содержания указанного документа позволяет нам выделить следующие ценностные установки и принципы применения ИИ в освещение истории ВОВ: 1. Уважение, защита и поощрение прав человека, основных свобод и человеческого достоинства. ИИ должен использован в освещении бесчеловечных поступков фашистов в годы войны, а также важности защиты прав и свобод людей в настоящее время; 2. Жизнь в мирных и справедливых общностях. Посредством ИИ необходимо поощрять мир, справедливость, равноправие и взаимосвязанность между людьми, не порождать разногласия и не ставить под угрозу сосуществование человека; 3. Справедливость и отказ от дискриминации. ИИ-система должна способствовать социальной справедливости, соблюдать принципы непредвзятости и следовать нормам международного права; 4. Многостороннее и адаптивное управление и взаимодействие. Использование исторических данных ИИ должно осуществляться на основе учёта белорусского права и уважения признаков национального суверенитета [2].

Как можно было увидеть выше, перечисленные этические принципы и ценности универсальны и не требуют какого-либо отдельного разъяснения, ведь ИИ — это цифровой инструмент, который должен помочь обратившемуся к нему пользователю. Отсюда, возможные перспективы и трудности задействования ИИ вызваны не столько алгоритмическими особенностями современной технологии, а профессионально-этическими чертами человека. ИИ сам по себе не имеет этических ограничений. Только человеку свойственно оценивать мир с позиции морали и нравственности, и поэтому от него зависит насколько справедливо и точно он хочет презентовать информацию о прошлом.

Тема ВОВ для белорусского народа особенно значима. Память событий войны имеет для нас «сакральное» значение, когда любая попытка иного толкования уже устоявшихся концептов памяти не допустима — это отражено в Конституции Республики Беларусь, где прямо указано «Ст. 15. …Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны».

Следование этическим принципам изучения событий Великой Отечественной войны посредством ИИ не напрасно. Принципы имеют особое значение для белорусского народа, так как они помогают сохранить историческую правду, уважать память о жертвах и героизме, а также формировать национальную идентичность. В годы войны Беларусь понесла огромные потери, искажение или фальсификация этих событий может нанести вред национальной памяти. Обращение к указанным принципам в период сплошной цифровизации общества способствует воспитанию уважения к подвигу соотечественников, что помогает укреплять чувство гордости за свою страну и её историю. Кроме этого, принципы направлены на борьбу с попытками переписать историю, что особенно важно в условиях геополитического вызова, когда из-за внешнеполитической конкуренции происходит искажение истории с помощью передовых медиатехнологий.

В завершении статьи отметим, что интеграция искусственного интеллекта (нейросетей) в процесс формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне представляет собой новый подход к патриотическому воспитанию подрастающего поколения, который, с учётом общих тенденций цифровизации, можно выделить в качестве перспективного.

Задействование цифровых технологий позволяет создать уникальную информационному среду, где традиционные методы сочетаются с передовыми программными решениями, что способствует лучшему восприятию событий прошлого. Одним из преимуществ ИИ является то, что его использование помогает визуализировать события прошлого, делая их более

понятными для молодого поколения белорусов. Автор статьи убеждён, что в результате такой интеграции формируются не только знания о прошлом, но и развиваются важнейшие навыки молодёжи: творческое мышление, воображение, способность к анализу и синтезу информации. При этом ИИ выступает не как замена традиционному воспитанию (обучению), а как эффективный вспомогательный инструмент, расширяющий информационные возможности.

Таким образом, внедрение ИИ в процесс формирования исторической памяти Великой Отечественной войны является очередным эволюционным шагом в развитии культуры, позволяющим сочетать инновационные технологии с задачами гражданско-патриотического воспитания и сохранения исторической памяти о белорусском народе.

Библиографические ссылки

1. *Приборович А. А.* Искусственный интеллект в решении профессиональных задач историка // Смена парадигм в исторической науке: новые вызовы, теоретические поиски, исследовательские практики: сб. науч. Гродно: ГрГУ, 2023. С. 64–69.

2. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // Цифровая библиотека «UNESDOC». URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus.locale=ru (дата обращения: 13.05.2025).

ЦИФРОВЫЕ ВЫСТАВКИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА САЙТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ

Н. С. Соломкина

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, solomkina.nadezhda@mail.ru

В статье рассмотрены цифровые выставки архивных документов, посвященные истории Великой Отечественной войны и размещенные на сайтах государственных архивов Республики Беларусь. Выделяется тематические направления выставок: 1) участники военных действий (партизанам и подпольщикам); 2) военные операции; 3) пострадавшие населенные пункты и города в годы Великой Отечественной войны; 4) отражение войны в художественных произведениях. В статье анализируются цифровые выставки и их роль в популяризации исторической памяти о Великой Отечественной войне. Выявляются основные тенденции в представлении исторического материала и его восприятии в современном обществе. Статья призвана способствовать более глубокому пониманию роли цифровых технологий в сохранении исторического наследия.

Ключевые слова: цифровая выставка; виртуальные выставки; онлайн выставки; выставка; Великая Отечественная война.

DIGITAL EXHIBITIONS ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE WEBSITES OF STATE ARCHIVES OF BELARUS

N. S. Solomkina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, solomkina.nadezhda@mail.ru

The article examines digital exhibitions of archival documents dedicated to the history of the Great Patriotic War, hosted on the websites of state archives in the Republic of Belarus. The thematic directions of the exhibitions are highlighted: 1) participants in military actions (partisans and underground fighters); 2) military operations; 3) affected settlements and cities during the Great Patriotic War; 4) reflections of the war in artistic works. The article analyzes digital exhibitions and their role in popularizing historical memory about the Great Patriotic War. It identifies key trends in the presentation of historical material and its perception in contemporary society. The article aims to contribute to a deeper understanding of the role of digital technologies in preserving historical heritage.

Keywords: digital exhibition; virtual exhibitions; online exhibitions; exhibition; Great Patriotic War.

В условиях цифровизации наблюдается значительное расширение доступа к разнообразным информационным ресурсам, базам данных и цифровым выставкам. Внедрение и функционирование виртуальных

читальных залов, а также подготовка и размещение цифровых выставок архивных документов становятся важными аспектами современного архивного дела. Возрастает значимость цифровых выставок архивных документов как инструмента для исследования и сохранения исторической памяти.

В 2007 г. на сайте «Архивы Беларуси» стали размещаться первые цифровые выставки, посвященные истории Великой Отечественной войне: *«Партизанские зоны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны»*, *«Участники партизанского движения в Беларуси — руководители БССР и СССР в 50–70-е годы XX века»* и др. Эти проекты были представлены в оцифрованных документах с сопровождающим их текстом [1].

На сегодняшний день практически каждый архив Республики Беларусь занимается созданием выставок архивных документов в интернет-пространстве. Тематика этих выставок охватывает широкий спектр вопросов, включая биографии значимых личностей, юбилеи государственных учреждений Республики Беларусь, Чернобыльская катастрофа, а также важнейшие события, связанные с историей Великой Отечественной войны.

Сегодня цифровые выставки архивных документов по истории Великой Отечественной войны, представленные на сайтах государственных архивов Республики Беларусь, демонстрируют широкий спектр документальных материалов. В их состав входят приказы, письма, протоколы, фотографии, наградные листы, изображения орденов и медалей, а также кинохроника и другие виды документов.

При проведении анализа цифровых выставок, посвященных истории Великой Отечественной войны, можно выделить несколько ключевых направлений. Эти направления включают:

1) *Участники военных действий (партизаны, подпольщики)* — рассматриваются судьбы партизан, подпольщиков, мирного населения и их вклад в борьбу с оккупантами;

2) *Военные операции* — подобраны архивные материалы, которые наиболее ярко демонстрируют страницы истории военных действий и победы;

3) *Населенные пункты и города, пострадавшие в годы Великой Отечественной войны* — рассматриваются документы, на которых фигурируют территории, пострадавшие в годы Великой Отечественной войны, с акцентом на их разрушения и восстановление;

4) *Великая Отечественная война в художественных произведениях*.

Выставки по участникам военных действий (партизаны, подпольщики) подготовлены Национальным архивом Республики Беларусь *«130 лет со дня рождения Орловского Кирилла Прокофьевича»* [2], *«125 лет со дня рождения Коржа Василия Захаровича»* [3], Белорусским

архивом кинофотофонодокументов *«„В годы лихолетья первым вступил в бой“ к 125-летию со дня рождения В. З. Коржа — одного из организаторов партизанского движения в Беларуси, Героя Советского Союза»* [4], *«Несгибаемый человек. 130 лет со дня рождения Кирилла Прокофьевича Орловского»* [5], *«В. Аркашев, „Моя война“»* [6], Государственным архивом Брестской области *«Архивисты-победители»* [7], Зональным государственным архивом г. Барановичи *«„Если погиб, то не подлецом, а за Родину, за народ“ к 110-летию со дня рождения Кабушкина Ивана Константиновича»* [8], *«„Подвиг женщин на фронте“ по воспоминаниям участниц Великой Отечественной войны — жительниц города Барановичи»* [9], *«Их именами названы улицы города»* [10], Зональным государственным архивом г. Лиды *«С честью по жизни. Балабай Зоя Дмитриевна»* [11], Государственным архивом общественных объединений Могилевской области *«Герои Советского Союза. Уроженцы Могилевщины»* [12], *«Опалённые войной страницы жизни»* [13], Зональным государственным архивом г. Кричева *«Память сильнее времени…»* [14], Государственным архивом Могилевской области *«История партизанского движения в документах фондов личного происхождения»* [15], *«Солдаты великой Победы…»* [16], Государственным архивом общественных объединений Гомельской области *«Героев помним имена…»* [17] и др.

Цифровые выставки, в которых фигурирует направление военных операций, событий войны подготовлены Национальным архивом Республики Беларусь *«Партизаны в операции «Багратион»* [18], *«Штабы приступить к работе…»* [19], Белорусским государственным архивом-музеем литературы и искусства *«Вызваленне Беларусі. Аперацыя „Багратыён“ (да Дня незалежнасці Рэспублікі Беларусь)»* [20], *«Будні партызан і падпольшчыкаў Бабруйшчыны»* [21], Белорусским государственным архивом кинофотофонодокументов *«Несколько мгновений из 45-го»* [22], Государственным архивом Брестской области *«Была война… была Победа»* [23], Государственным архивом Могилевской области *«Деятельность в немецком тылу партизанского соединения, действовавшего в Кировском районе»* [24], *«Деятельность партизанской бригады № 37 им. А. Я. Пархоменко, действовавшей на территории Бобруйской области»* [25], *«Партизанская память»* [26], *«Защитники г. Могилева в памяти горожан»* [27], Государственным архивом Гродненской области *«Тебе, Победа, посвящаем»* [28]. Документы по истории конкретного региона в период Великой Отечественной войны нашли свое отражение в цифровых выставках Зонального государственного архива г. Кобрина,

Зонального государственного архива г. Мозыря, Зонального государственного архива г. Барановичи *«Виртуальная выставка, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне»* [29; 30; 31].

Цифровые выставки, посвященные населенным пунктам, пострадавшим в годы Великой Отечественной войны подготовлены Национальным архивом Республики Беларусь *«Хатынь. Помним и не забудем…»* [32], *«Карты городов Беларуси периода Великой Отечественной войны»* [33], *«Мінск, які паўстаў з руін…»* [34], Белорусским государственным архивом кинофотофонодокументов *«Гомельщина непокоренная»* [35], Белорусским государственным архивом-музеем литературы и искусства *«80 гадоў Хатынскай трагедыі»* [36], Зональным государственным архивом г. Пинска *«Великая Отечественная война на Пинской земле»* [37], Государственным архивом Могилевской области *«Тяжкое бремя оккупации г. Могилев»* [38], *«15 июня 1942 года: деревня Борки — сестра Хатыни»* [39].

Великая Отечественная война в художественных произведениях нашла свое отражение в цифровых выставках, размещенных на сайте Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства:

1) *«У суаўтарстве з народам (кнігі „Я з вогненнай вёскі…“ і „Блакадная кніга“)»* [40], на которой экспонируются фрагменты подготовки сборника воспоминаний, книги-памяти, книги-документа А. Адамовича, Я. Брыля, В. Калесника, Д. Гранина «Я з вогненнай вёскі…» і «Блакадная кніга» про трагедию советского народа в годы Великой Отечественной войны;

2) *«Мінск. 3 ліпеня 1944 года»* [41] цифровая выставка посвященная подготовке знаменитого полотна, символа освобождения и Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, картине народного художника БССР Волкова Валентина Викторовича «Минск. 3 июля 1944 года»;

3) на выставке *«Абарона Брэсцкай крэпасці: адлюстраванне ў мастацтве»* представлены эскизы, этюды, зарисовки И. О. Ахремчика к полотнам «Абаронцы Брэсцкай крэпасці» і «Жанчыны Брэсцкай крэпасці» [42].

Ещё одна крупная выставка размещена на сайте «Архивы Беларуси» *«Огненный смерч войны на Белорусской земле»*. Она посвящена трем крупным войнам на территории Беларуси: война 1812 г., Первая мировая война и Великая Отечественная война. На выставке представлены документы из фондов государственных архивов: Директива № 1 ЦК КП(б) Белоруссии «О переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом», докладные записки, схемы, справки, приказы и др. [43].

Кроме цифровых выставок архивных документов на сайте Национального архива Республики Беларусь размещены базы данных

и электронные картотеки посвященные отдельным страницам истории Великой Отечественной войны. Одна база данных носит характер общего доступа *«Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны»* [44], а все остальные имеют статус для служебного пользования *«Германская неволя»*, *«Советские военнопленные офицеры»*, *«Конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья»*, электронная картотека *«Соединения и части бывшей германской армии и ее сателлитов на территории Белорусии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.»*, *«Участники партизанского и подпольного движения на территории Белорусии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.»* и др. [45].

Таким образом цифровые выставки архивных документов по истории Великой Отечественной войны появились на сайте «Архивы Беларуси» с 2007 г. На сегодняшний день в подготовке цифровых выставок по истории Великой Отечественной войны можно выделить несколько направлений: участники военных действий (партизаны, подпольщики), военные операции, населенные пункты и города, пострадавшие в годы Великой Отечественной войны, Великая Отечественная война в художественных произведениях. Документальный состав материалов, представленный на сайтах государственных учреждений, представляет собой кинохронику, фотографии, документы к орденам и медалям, приказы, справки, письма, карты-схемы и др. Так, большая часть выставок по данной тематике подготовлена Национальным архивом Республики Беларусь, Государственным архивом Могилевской области и Зональным государственным архивом г. Барановичи.

Библиографические ссылки

1. *Глазовская Д.* Виртуальные выставки архивных документов на сайте «Архивы Беларуси» // Архивы и делопроизводство: научно-практический иллюстративный журнал / основатель Департамент по архивам и делопроизводству Министерства Юстиции Республики Беларусь. 2012. № 5. С. 94–98.
2. Виртуальная выставка «130 лет со дня рождения Орловского Кирилла Прокофьевича». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-42263.html (дата обращения: 01.03.2025).
3. Виртуальная выставка «125 лет со дня рождения Коржа Василия Захаровича». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-36153.html (дата обращения: 01.03.2025).
4. Онлайн выставка «В годы лихолетья первым вступил в бой» к 125-летию со дня рождения В. З. Коржа — одного из организаторов партизанского движения в Беларуси, Героя Советского Союза». URL: https://bgakffd.by/exhibition/v-gody-liholetya-pervym-vstupilv-boj/ (дата обращения: 01.03.2025).
5. Виртуальная выставка «Несгибаемый человек. 130 лет со дня рождения Кирилла Прокофьевича Орловского». URL: https://bgakffd.by/exhibition/nesgibaemyj-chelovek-130-let-so-dnya-rozhdeniya-kirilla-prokofevicha-orlovskogo (дата доступа: 02.03.2025).

6. Онлайн выставка «В. Аркашев, „Моя война“». URL: https://bgakffd.by/exhibition/v-arkashev-moya-vojna/ (дата обращения: 02.03.2025).

7. Виртуальная выставка «Архивисты-победители». URL: https://brestjust.gov.by/virtualnaya-vystavka-arkhivisty-pobediteli/ (дата обращения: 06.03.2025).

8. Виртуальная выставка «Если погиб, то не подлецом, а за Родину, за народ» к 110-летию со дня рождения Кабушкина Ивана Константиновича». URL: https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/virt_vyst/zgabar_kabushkin.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

9. Виртуальная выставка «Подвиг женщин на фронте» по воспоминаниям участниц Великой Отечественной войны — жительниц города Барановичи». URL: https://brestjust.gov.by/pages/virtualnaya-vystavka-podvig-zhenshchin-na-fronte.php (дата обращения: 02.03.2025).

10. Виртуальная выставка «Их именами названы улицы города». URL: https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/virt_vyst/zgare_ulicy_rechicy.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

11. Виртуальная выставка «С честью по жизни. Балабай Зоя Дмитриевна». URL: https://just-grodno.gov.by/upload/medialibrary/49f/caf2ojgaqqlh793e7y2ecnhljfep6nqo/Virtualnaya-vystavka.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

12. Виртуальная выставка «Герои Советского Союза. Уроженцы Могилевщины». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/3898-heroes-mog (дата обращения: 04.04.2025).

13. Виртуальная выставка «Опалённые войной страницы жизни». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/3777-opaljonnye-vojnoj-stranitsy-zhizni (дата обращения: 03.04.2025).

14. Электронная выставка «Память сильнее времени…». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/1195-pamiat-silnee-vremeni (дата обращения: 09.03.2025).

15. Виртуальная выставка «История партизанского движения в документах фондов личного происхождения». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/3576-istoriya-partizanskogo-dvizheniya-v-dokumentakh-fondov-lichnogo-proiskhozhdeniya (дата обращения: 25.03.2025).

16. Виртуальная выставка «Солдаты великой Победы…». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/3066-soldaty-velikoj-pobedy (дата обращения: 05.04.2025).

17. Виртуальная выставка «Героев помним имена…». URL: https://archives.gov.by/?page_id=1020187 (дата обращения: 25.03.2025).

18. Виртуальная выставка «Партизаны в операции «Багратион». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-40323.html (дата обращения: 05.03.2025).

19. Виртуальная выставка «Штабы приступить к работе…». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-18873.html (дата обращения: 06.03.2025).

20. Выставка «Вызваленне Беларусі. Аперацыя „Багратыён“ (да Дня незалежнасці Рэспублікі Беларусь)». URL: https://bdamlm.by/vystavy/virtualnyya-vystavy/item/3979-vystava-vyzvalenne-belarusi-aperatsyya-bagratsijon-da-dnya-nezalezhnastsi-respubliki-belarus (дата обращения: 02.03.2025).

21. Выставка «Будні партызан і падпольшчыкаў Бабруйшчыны». URL: https://bdamlm.by/vystavy/virtualnyya-vystavy/item/3894-vystava-dy-ne-rabej-smuglyanka (дата обращения: 02.03.2025).

22. Экспозиция «Несколько мгновений из 45-го». URL: https://bgakffd.by/exhibition/neskolko-mgnovenij-iz-45-go/ (дата обращения: 27.03.2025).

23. Виртуальная выставка «Была война… была Победа». URL: https://brestjust.gov.by/pages/byla-voyna-byla-pobeda-2024 (дата обращения: 06.04.2025).

24. Виртуальная выставка «Деятельность в немецком тылу партизанского соединения, действовавшего в Кировском районе». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/1798-deyatelnost-v-nemetskom-tylu-partizanskogo-soedineniya-dejstvovavshego-v-kirovskom-rajone (дата обращения: 04.04.2025).

25. Виртуальная выставка «Деятельность партизанской бригады № 37 им. А. Я. Пархоменко, действовавшей на территории Бобруйской области». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/1769-deyatelnost-partizanskoj-brigady-37-im-a-ya-parkhomenko-dejstvovavshej-na-territorii-bobrujskoj-oblasti (дата обращения: 02.03.2025).

26. Виртуальная выставка «Партизанская память». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/1573-partizanskaya-pamyat (дата обращения: 07.03.2025).

27. Виртуальная выставка «Защитники г. Могилева в памяти горожан». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-ooad/archiving/174-virtual-exhibitions/1206-zashchitniki-g-mogiljova-v-pamyati-gorozhan (дата обращения: 05.03.2025).

28. Выставка «Тебе, Победа, посвящаем». URL: https://gagr.by/2024/05/08/тебе-победа-посвящаем/ (дата обращения: 24.03.2025).

29. «Виртуальная выставка, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне». URL: https://brestjust.gov.by/virtualnaya-vystavka-dokumentov-k-75-letiyu-pobedy-/zonalnyy-gosudarstvennyy-arkhiv-v-g-baranovichi.php?clear_cache=Y (дата обращения: 09.03.2025).

30. «Виртуальная выставка, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне». URL: https://brestjust.gov.by/virtualnaya-vystavka-dokumentov-k-75-letiyu-pobedy-/zonalnyy-gosudarstvennyy-arkhiv-v-g-kobrin.php?clear_cache=Y (дата обращения: 24.03.2025).

31. «Виртуальная выставка, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне». URL: https://brestjust.gov.by/virtualnaya-vystavka-dokumentov-k-75-letiyu-pobedy-/zonalnyy-gosudarstvennyy-arkhiv-v-g-pinske.php?clear_cache=Y (дата обращения: 23.04.2025).

32. Виртуальная выставка «Хатынь. Помним и не забудем…». URL: https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/virt_vyst/narb_khatyn.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

33. «Карты городов Беларуси периода Великой Отечественной войны». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-39503.html (дата обращения: 07.02.2025).

34. Виртуальная выставка «Мінск, які паўстаў з руін…». URL: https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-33243.html (дата обращения: 03.03.2025).

35. Онлайн выставка «Гомельщина непокоренная». URL: https://bgakffd.by/exhibition/gomelshhina-nepokorennaya (дата обращения: 01.03.2025).

36. Выставка «80 гадоў Хатынскай трагедыі». URL: https://bdamlm.by/vystavi/virtualnyya-vystavi/80-gadou-khatynskaj-tragedyi (дата обращения: 06.04.2025).

37. Виртуальная выставка «Великая Отечественная война на Пинской войне». URL: https://archives.gov.by/home/organy-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-i-sistema-gosudarstvennyh-arhivnyh-uchrezhdenij/oblastnye-i-zonalnye-gosudarstvennye-arhivy-v-brestskoj-oblasti/uchrezhdenie-zonalnyj-gosudarstvennyj-arhiv-v-gpinske/virtualnaya-vystavka-velikaya-otechestvennaya-vojna-na-pinskoj-zemle (дата обращения: 02.03.2025).

38. Виртуальная выставка «Тяжкое бремя оккупации г. Могилева. URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-oo-ad/archiving/174-virtual-exhibitions/2280-tyazhkoe-bremya-okkupatsii-g-mogileva (дата обращения: 02.03.2025).

39. Виртуальная выставка «15 июня 1942 года: деревня Борки — сестра Хатыни». URL: https://www.mogjust.gov.by/governance/str/uoiuekds-ooad/archiving/174-virtual-exhibitions/1903-15-iyunya-1942-goda-derevnya-borki-sestra-khatyni (дата обращения: 03.03.2025).

40. Выставка «У суаўтарстве з народам (кнігі «Я з вогненнай вёскі...» і «Блакадная кніга»). URL: https://bdamlm.by/vystavi/virtualnyya-vystavi/u-suautarstve-z-narodam-knigi-ya-z-vognennaj-vjoski-i-blakadnaya-kniga (дата обращения: 05.03.2025).

41. Выставка «Мінск. 3 ліпеня 1944 года». URL: https://bdamlm.by/vystavi/virtualnyya-vystavi/minsk-3-lipenya-1944-goda (дата обращения: 04.03.2025).

42. Выставка «Абарона Брэсцкай крэпасці: адлюстраванне ў мастацтве». URL: https://bdamlm.by/vystavi/virtualnyya-vystavi/abarona-brestskaj-krepastsi-adlyustravanne-u-mastatstve (дата обращения: 03.03.2025).

43. Виртуальная выставка «Огненные смерчи войны на белорусской территории». URL: https://archives.gov.by/home/virtualnaya-vystavka-ognennye-smerchi (дата обращения: 06.04.2025).

44. Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны. URL: http://db.narb.by/search (дата обращения: 15.08.2022).

45. Национальный архив Республики Беларусь. URL: https://narb.by (дата обращения: 15.08.2022).

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: К ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ АРХИВИСТАМИ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

Т. И. Тарасенкова

Государственный архив новейшей истории Смоленской области, ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru

В статье автор рассматривает вопросы послевоенного собирания документальных материалов о Великой Отечественной войне. Сотрудники архива Смоленского обкома ВКП(б) совместно с музейными работниками и бывшим командованием партизанских отрядов организовывали в послевоенные годы экспедиции по местам деятельности партизанских формирований в разные районы Смоленской области. Велась переписка с людьми, ранее воевавшими в партизанских отрядах, но в послевоенное время уехавшими за пределы Смоленской области. Наряду с собиранием устной истории активно разыскивались письменные источники. Стенограммы воспоминаний, собранные работниками областного партийного архива, являются важным источником не только по истории партизанского движения, но и по истории повседневной жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; архив Смоленского обкома ВКП(б); собирание документов военного времени; эго-документы.

THE DOCUMENTARY HERITAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ISSUES OF THE ARCHIVAL ACQUISITION OF EGODOCUMENTS

T. I. Tarasenkova

State Archive of Contemporary History of Smolensk Oblast, Lenin Street, 28, 214000, Russia, tata-tarasenkova@yandex.ru

In the article the author examines the issues of the post-war acquisition of documentary materials on the Great Patriotic War. In the post-war years employees of the Archive of the Smolensk Regional Committee of the VKPB together with museum staff and the former command of partisan detachments organized expeditions to the places of activity of partisan formations in different parts of the Smolensk region. Correspondence was conducted with those people who fought in partisan detachments, but left the Smolensk region after the war. Along with collecting of oral history, written sources were actively sought. The transcripts of memoirs collected by employees of the regional party archive are an important source not only on the history of the partisan movement, but also on the history of everyday life.

Keywords: the Great Patriotic war; Archive of the Smolensk Regional Committee of the VKPB; acquisition of wartime documents; egodocuments.

Сохранение документального наследия Великой Отечественной войны — важная и сложная задача. В Смоленской области собирание документов, характеризующих этот период, началось во второй половине 1940-х гг., когда сотрудники архива Смоленского обкома ВКП(б) приступили к работе по сбору воспоминаний участников партизанского движения.

Сотрудники областного партийного архива, приступая к собиранию материалов, определили несколько направлений поисков. Началась переписка с людьми, ранее воевавшими в партизанских отрядах и сотрудничавшими с подпольными райкомами партии, но в послевоенное время уехавшими за пределы Смоленской области.

Архивисты прилагали немало усилий, чтобы получить не только воспоминания участников событий, но и найти подлинники документов или их копии. После освобождения Смоленской области и расформирования партизанских отрядов часть документов оставалась в руках командования и не попадала в архив. Поэтому наряду с собиранием устной истории активно разыскивались письменные источники. Если владелец документов не желал передавать их в архив, ему предлагали сделать копии с оригиналов, и уже копии поступали на архивное хранение.

Поиск бывших партизан, воевавших на территории Смоленской области, велся по всей стране. Он активизировался в 1948 г. в связи с пятилетним юбилеем освобождения г. Смоленска и области от оккупации. О важности поисковых мероприятий свидетельствует то, что письма в другие города направлялись через региональные комитеты ВКП(б). Адресат, получив такое сообщение, должен был ответственно отнестись к выполнению задания [1, л. 8].

С теми людьми, которые проживали в Смоленской области, сотрудники партийного архива встречались лично. Сложилась практика вызова в архив для стенографирования воспоминаний. Как правило, для личной беседы вызывали рядовых партизан [2, л. 8].

Архивисты использовали все возможные способы поиска документов военного времени. В период оккупации области районные руководители прятали их, закапывая в землю. Для проведения раскопок создавалась комиссии в составе местных руководящих работников и представителя архива. Так, из Ярцевского района были привезены материалы о деятельности местного райкома партии, «вырытые из земли после изгнания немцев… на 800 листах в состоянии россыпи» [3, л. 7 об.]. Из Сычевского района также привезли 4 единицы хранения о деятельности местного подпольного райкома партии, сохранившиеся благодаря тому, что были спрятаны в земле.

Массовым источником сведений об оккупации области стали воспоминания бывших партизан. Руководство архива планировало собрать материалы по 24 районам области и опросить по 30 человек в каждом районе. Предполагалось записать беседы с секретарями и членами подпольных бюро райкомов партии, подпольщиками-одиночками, оставленными для нелегальной работы, связными, хозяевами явочных квартир, ответственными за радиостанции, ставленниками партизан в немецкой администрации [3, л. 8 об.–9].

Многие секретари подпольных райкомов партии в период оккупации возглавляли партизанские отряды, поэтому важной частью архивных экспедиций должны были стать поездки по местам их дислокации и боевых действий. Первые маршруты прокладывались по территориям Знаменского, Дорогобужского, Глинковского, Ельнинского и Ярцевского районов. К сентябрю 1947 г. сотрудники архива подготовили 69 стенограмм воспоминаний бывших партизан, проживавших в 12 районах области и г. Смоленске [3, л. 7–9].

Первая экспедиция состоялась в сентябре 1947 г. Ее маршрут проходил по местам боевой деятельности 5-й Ворговской партизанской бригады имени Сергея Лазо в Рославльском, Ершичском и Шумячском районах. Значимость работы определял состав экспедиции. В нее вошли бывший начальник штаба бригады Т. М. Коротченко, бывший комиссар Н. С. Шараев, фотограф Г. Д. Лотовкин, работники архива и музея. Руководитель группы Н. С. Шараев отмечал: «Разработанный заранее маршрут поездки в пути был несколько изменен в сторону увеличения с целью наибольшего охвата беседами участников партизанской войны на территории указанных районов и фотографирования мест наиболее выдающихся боев» [4, л. 33].

Всего было записано 26 интервью. Выбор опрошенных показывает, что зафиксировать старались как можно больше событий. Состоялись беседы не только с бывшими партизанами разных рангов, но и с местными жителями, свидетелями допросов и расстрелов партизан, очевидцами известного Пригорьевского боя 5 ноября 1942 г.[1]

В 1948 г. областной партийный архив запланировал три экспедиции по сбору материалов в районах боевой деятельности полка имени Лазо, полка имени 24 годовщины РККА и отряда «Смерть фашизму». Планировалось посетить Ельнинский, Дорогобужский, Знаменский районы. В состав экспедиций включались командиры и комиссары партизанских формирований, музей Отечественной войны представлял фотограф В. С. Воротынцев [5, л. 8, 16–17].

Сохранился отчет о работе экспедиции в Знаменском районе. Она «с 16 по 22 июля [1948 г.] исследовала северо-восточную часть Знаменского района (места действия 33 Армии Ефремова и партизанского отряда Холомьева), а с 22 по 29 июля с. г. — юго-западную часть района (места действия 1-го Знаменского партизанского отряда, о[тдельного] п[артизанского] п[олка] Жабо и десантных частей Красной Армии)» [5, л. 8].

[1] 5 ноября 1942 г. Ворговская партизанская бригада имени Сергея Лазо совместно с подразделением 2-й Клетнянской бригады совершила налет на станцию Пригорье. В ночном бою было истреблено 370 гитлеровцев, уничтожено 17 самолетов, 40 бронетягачей, 13 автомашин, два вещевых склада, станционные сооружения и два железнодорожных моста.

После завершения экспедиции ее участники сформулировали разноплановые задачи в мемориальной, культурной и даже социальной сферах. Предлагались мероприятия по увековечению памяти о событиях Великой Отечественной войны в Знаменской районе. Оказалось, что многие могилы погибших партизан и мирных жителей оставались неухоженными. Прозвучали предложения об установке памятника в Знаменке или Желанье, о приведении в порядок всех братских могил, об установке мемориальных досок на местах наиболее крупных боев партизан и нацистов.

Военные трофеи, которые все еще можно было найти на полях, в том числе зенитную пушку, стоявшую на высоте в районе с. Желанье, следовало перевезти в Смоленск и сохранить в качестве музейных экспонатов. Особая заслуга членов экспедиции в том, что они ходатайствовали о помощи местным жителям, передававшим в период оккупации свое имущество партизанам.

Документальные материалы, собранные в экспедициях, сотрудники архива называли воспоминаниями. Фактически это застенографированные беседы, которые можно назвать «устной историей». Конкретные вопросы, которые ставились перед опрашиваемыми людьми, в стенограммах отсутствуют, но из документов видно, что существовал общий план, которому следовали участники беседы. Повествование велось хронологически, в нем нужно было рассказать о том, как человек встретил начало войны, о появлении немцев в его населенном пункте, о жизни в оккупации, о связях с партизанами или личном участии в партизанской борьбе. Использовался метод перекрестного интервьюирования, когда о событии или человеке опрашивались разные свидетели, что создавало объемную картину, представленную с разных точек зрения.

Ценность записанных повествований очень высока. Помимо сюжетов о партийной работе и партизанской борьбе они содержат информацию о многих других темах. Главная фигура в них — человек со своей индивидуальностью, стратегиями поведения, социальными практиками. По времени создания материалы близки к описываемым событиям, что позволяет сохранить остроту переживаний и впечатлений.

В 1949 г. началась работа по подготовке публикаций на основе собранных материалов. На 1950 г. было запланировано еще две экспедиции с целью «собрать 200 воспоминаний партийных работников, участников партизанской борьбы в г. Смоленске, Красном Бору, в Батуринском, Холм-Жирковском, Сафоновском, Ярцевском, Дорогобужском, Всходском, Издешковском, Семлевском районах» [6, л. 28].

Последняя после долгого перерыва известная экспедиция, в ходе которой было опрошено 32 человека, состоялась в декабре 1959 г. в

Дорогобужский район и проходила в местах деятельности партизанского соединения «Дедушка». Запись стенограмм и их расшифровка осуществлялись в присутствии опрашиваемых людей. Они знакомились с окончательным текстом стенограммы и подписывали его. Благодаря этой экспедиции фонды архива пополнились воспоминаниями командира соединения «Дедушка» В. И. Воронченко [7, л. 10–16].

В дальнейшем областной партийный архив продолжал сбор воспоминаний бывших партизан, вступая с ними в переписку и предлагая прислать имеющиеся материалы. Но эти воспоминания имели существенные отличия. Они составлялись через много лет после описываемых событий, их восприятие и оценка человеком могли измениться под влиянием времени, сформировавшегося образа войны и оценочных суждений. Поэтому научная ценность стенограмм воспоминаний, полученных в первые послевоенные годы в результате интервью, представляется более высокой.

Стенограммы воспоминаний, собранные работниками областного партийного архива, являются важным источником не только по истории партизанского движения, но и по истории повседневности в условиях войны. В них зафиксированы стратегии выживания, которые использовались населением, быт военного времени. Стенограммы являются многоуровневым источником, позволяющим обогатить наши знания о Великой Отечественной войне.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 91.
2. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 85.
3. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 83.
4. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 98.
5. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 90.
6. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 104.
7. ГАНИСО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 227.

ПРОБЛЕМА КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ РОДОВ ВОЙСК НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1943–1944 гг.

С. Н. Темушев

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, stepnik_bsu@gmail.com

В статье на примере наступательных операций на территории Беларуси рассматривается проблема картографирования взаимодействия различных родов войск, прежде всего, разнообразных способов участия в военных действиях авиации. Военные исторические карты посредством специальных знаков позволяют наглядно продемонстрировать скоординированные действия воинских частей. Особые приемы и отображение условной наглядности дают возможность обозначить на картах также и координацию различных родов войск. Однако, учитывая современный уровень полиграфии и все большее применение электронных карт, признается достижение предельных возможностей в картографировании военных операций посредством традиционных способов создания карт на бумажном носителе.

Ключевые слова: историческая картография; Великая Отечественная война; освобождение Беларуси; Белорусская наступательная операция «Багратион»; военные действия; взаимодействие родов войск.

THE PROBLEM OF MAPPING THE INTERACTION OF VARIOUS BRANCHES OF THE ARMED FORCES USING THE EXAMPLE OF MILITARY OPERATIONS TO LIBERATE THE TERRITORY OF BELARUS IN 1943–1944

S. N. Tsemushau

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, stepnik_bsu@gmail.com

The article examines the problem of mapping the interaction of various branches of the armed forces, primarily the various methods of aviation participation in military operations, using the example of offensive operations on the territory of Belarus. Military historical maps, using special symbols, allow for a clear demonstration of coordinated actions by military units. Special techniques and the display of conditional clarity also make it possible to reflect on maps the interaction of various branches of the military. However, given the current level of printing and the increasing use of electronic maps, it is necessary to recognize that the limits of possibilities in mapping military operations have been reached using traditional methods of creating maps on paper.

Keywords: historical cartography; Great Patriotic War; liberation of Belarus; Belarusian offensive operation “Bagration”; military operations; interaction of combat arms.

Для проведения наступательных операций Красной Армии на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны использовались значительные людские и материальные ресурсы, разнообразное актуальное для того времени вооружение, в том числе все рода войск первой половины XX в., за исключением морского флота (но была задействована Днепровская флотилия). Одна из ключевых задач военного руководства состояла в координации действий не только отдельных фронтов, частей и подразделений, но и различных родов войск. Именно слаженное, рациональное и своевременное применение различных родов войск позволяло добиться наилучшего эффекта в ходе наступательных действий, нанести максимальные потери противнику и сберечь своих военнослужащих. Военные исторические карты посредством специальных знаков позволяют наглядно продемонстрировать скоординированные действия воинских частей. Особые приемы и отображение условной наглядности дают возможность обозначить на картах также и координацию различных родов войск. Одно из достоинств подготовленных автором данной статьи серии карт (опубликованы в монографии Д. Б. Хазанова) [1] заключается в наглядной демонстрации вклада Военно-воздушных сил РККА (советской авиации) в общие усилия по разгрому германской группы армий «Центр» в ходе Белорусской наступательной операции.

Белорусская наступательная операция лета 1944 г., известная под кодовым наименованием «Багратион», стала образцом высокого мастерства советских военачальников. Специалисты обращают внимание на такую важнейшую особенность этого масштабного военного мероприятия, как объединение единым замыслом действий группы фронтов, руководимых Верховным главнокомандованием. Для того времени это была новая форма стратегических действий. Координация действий 4-х фронтов, отдельные соединений и на более локальном уровне — подразделений — требовала серьезного планирования, при этом крайне важным было знание местности предстоящего наступления. Этими обстоятельствами определялась необходимость картографирования как движения отдельных группировок советских войск и их противников, так и операции в целом. Также и современному исследователю без карт невозможно понять общий замысел операции, ее масштаб и итоги. Дальнейшее углубление понимания обстоятельств освобождения Беларуси в ходе операции «Багратион» видится, прежде всего, на пути введения в научных оборот новых источников. Возможным это оказывается благодаря открытию архивных документов, в частности, Национального исторического архива Республики Беларусь, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, других зарубежных архивов. Так, стали доступны журналы боевых

действий — основной отчетный документ среднего командного состава вермахта [2, с. 60]. Итогом стало обнаружение новых исторических фактов, которые были включены в новейшие публикации по рассматриваемой теме.

В последнее десятилетие значительно увеличился объем публикаций по проблемам истории Великой Отечественной войны, включая тему освобождения Беларуси. Публикационная активность обусловлена в том числе отмечаемыми в нашей стране на государственном уровне юбилейными датами, связанными с основными событиями прошедшей войны. Тему освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков следует признать одной из самых разработанных в современной белорусской историографии. Так были опубликованы солидные работы, которые всесторонне раскрывают обстоятельства изгнания захватчиков с белорусской земли. Назовем лишь некоторые из них: «Минск: лето 1941, лето 1944» (автор: И. Ю. Воронкова) [3], «Освобождение Беларуси. 1943–1944» (коллектив авторов) [4], «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне» (коллектив авторов во главе с А. М. Литвиным) [5], «Страна в огне: в 3 т. Т. 3: Освобождение, 1944–1945» (коллектив авторов) [6; 7]. Ключевой проблемой 4-го тома «Истории белорусской государственности», подготовленного сотрудниками Института истории НАН Беларуси, также является тема Освобождения, которая рассматривается в контексте развития белорусской государственности [8]. Значительное количество работ, посвященных интересующей нас теме, издано и в России. Вот некоторые из них: «Операция „Багратион“. Взлом „белорусского балкона“» (автор: А. В. Исаев) [9], «Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год» [10], «Операция „Багратион“: материалы международной научной конференции» [11], «Авиация в операции „Багратион“» [1].

Введение в научный оборот новых источников, углубляющих наше понимание оперативной обстановки на фронте в период подготовки и проведения Белорусской наступательной операции, — это один из путей продолжения исследования по обозначенной тематике. Не менее важным представляется детальное картографирование военных действий данного периода. Именно на пути создания комплекса картографических материалов видится возможность дальнейшего исследования истории освобождения Беларуси. Это справедливо и в отношении всех других военных операций, но ряд обстоятельств придает особое значение картографированию именно операции «Багратион». Связано это не только с признанием данного масштабного военного мероприятия «шедевром военного искусства», а также с тем, что оно представляло собой комплекс отдельных операций или целый каскад окружений германских войск, т. н. «котлов».

Хотя и отмеченные обстоятельства также чрезвычайно важны, поскольку требовали рассчитывать операцию не только блестяще, но и с математической точностью (мнение Ю. А. Кнутова) [12]. Следует обратить внимание на не менее значимые особенности операции «Багратион», требующие обращения к ее детальному картографированию:

1) тесное взаимодействие различных родов войск — пехотных и моторизованных частей, включая разные виды бронетехники, артиллерии, авиации, речной флотилии;
2) прямая связь направления передвижения войск с характером местности (значительно пространство, занятое лесами и болотами);
3) активное партизанское движение на оккупированной противником территории, формирование партизанских зон и краев, действия партизан на коммуникациях.

В целом не остается сомнений в том, что Белорусская наступательная операция «Багратион» требует при ее изучении обязательного использования картографических материалов. К сожалению, не всегда понимание этого можно обнаружить даже в современных публикациях (это относится, в том числе, к некоторым перечисленным выше фундаментальным исследованиям по истории освобождения белорусских земель).

Все исторические события, тем более военного характера, характеризуются локализацией во времени и пространстве. Часто понимание происходящих событий оказывается невозможным без их пространственной приуроченности. Умение пользоваться исторической картой при этом является не самоцелью, а «средством для более осознанного восприятия событий и явлений истории» [13, с. 105]. Историческое событие заключает в себе временную и пространственную характеристику. Более того, многие события могут быть поняты только в связи с определенными пространственными условиями [14, с. 116–117]. Хотя исторические карты относятся к числу наглядных учебных пособий, следует обратить внимание на их принципиальное отличие от иных наглядных средств обучения: карты не дают конкретного, наглядного представления о событиях, а только воспроизводят пространственно-временные системы с помощью специального языка символов [13, с. 104]. Исторические карты обладают рядом особенностей: 1) в отличие от географических карт в исторических широко используется различная цветовая гамма (в чёрно-белом варианте — различные виды штриховки), посредством которой отображаются различные события и процессы во внутренней и внешней политике государств; 2) особыми методами (посредством изменения насыщенности цвета, нанесения штриховки, обозначением границ, изображения стрелок и т. д.) на исторических картах показывается динамика событий и процессов [13, с. 103]; 3) важнейшая

нагрузка исторических карт ложится на отображении событий, имеющих пространственную локализацию, что достигается посредством нанесения на карту специальных знаков, часто не имеющих отношения к географии.

Обязательным дополнением исследования военных событий является историческая карта, обращение к которой необходимо для понимания стратегических замыслов и тактических ходов противостоящих сторон. Правильно организованная карта должна отражать особенности местности — ландшафт, наличие лесов и болот, которые оказывают непосредственное воздействие на направления или скорость перемещения войск. На традиционных картах, которые в основных своих особенностях восходят еще к дореволюционному времени, может присутствовать также изображение основных коммуникаций — шоссейных и железных дорог, судоходных рек. Современные технологии позволяют значительно расширить и разнообразить применение картографической продукции. Так, на современной исторической карте может быть наглядно представлено взаимодействие различных родов войск, при этом благодаря применению особых приемов то или иное военное событие получает динамику — изменение локализации во времени.

Картографирование операции «Багратион» было осуществлено вскоре после завершения Великой Отечественной войны в рамках хорошо известного специалистам издания карт по военной истории — «Атласа офицера» (под ред. генерал-лейтенанта технических войск М. К. Кудрявцева). В данном издании карта, показывающая военные события 1944 г. [«1944 год — год решающих побед (десять сокрушительных ударов Красной Армии и полное изгнание немцев из пределов Советского Союза)», масштаб 1 к 6 000 000], еще достаточно обобщенная: с советской стороны указываются только фронты (нет армий и более дробных соединений) [15, с. 206]. Значительно более детализованной и информационно насыщенной является карта в следующем издании «Атласа офицера» 1984 г. Операции «Багратион» в данном издании посвящена отдельная страница. На карте «Белорусская наступательная операция. Освобождение Восточной Польши. 23 июня–14 сентября 1944 г.» в масштабе 1 к 4 000 000 присутствует указание на действия разных родов войск (включая авиацию), воинские соединения показаны на уровне армий и отдельных корпусов. Важно также, что на карте нового издания появилось обозначение рельефа местности и других физико-географических особенностей (болот) [16, с. 352]. Именно эта карта стала образцом для последующего тиражирования во множестве изданий.

В белорусской картографии сложилась своя традиция отображения военных событий освобождения территории Беларуси в 1944 г. Так,

операция «Багратион» представлена на одной из карт «Нацыянальнага атласа Беларусі» — «Вялікая Айчынная вайна. Вызваленне Беларусі. Верасень 1943 г.–жнівень 1944 г.». На данной карте достаточно наглядно представлена динамика военных событий, дополнительно размещена информация о датах освобождения белорусских населенных пунктов. Однако на карте «Нацыянальнага атласа Беларусі» не нашел отражения рельеф местности и заболоченность территории. Белорусская картографическая традиция в отображении событий Великой Отечественной войны нашла продолжение в рамках многотомного проекта «Вялікі гістарычны атлас Беларусі» [17; 18], а также атласов для учреждений общего среднего и высшего образования Республики Беларусь [19; 20]. Во всех названных изданиях на исторических картах присутствуют устоявшиеся в картографии способы отображения военных событий, которые дают достаточно наглядное представление о военных действиях и легко могут быть «прочитаны» даже неподготовленным пользователем. В целом присутствующие в современных изданиях карты Белорусской наступательной операции не в полной мере отражают один из важнейших принципов правильного организованной военной стратегии — четкое взаимодействие частей и разных родов войск. Именно на этой важнейшей черте операции «Багратион» писал в 1970-х гг. маршал авиации С. И. Руденко (летом 1944 г. он командовал 16-й воздушной армией): «Сейчас, восстанавливая в памяти эпизоды грандиозной битвы, отгремевшей 30 лет назад на земле и в небе Белоруссии, трудно избавиться от ощущения, что операция была нами выиграна еще до того, как о ее начале возвестили авиация и артиллерия. Впрочем, это чувство вполне естественно, когда анализируешь минувшие события и понимаешь, что успех дела был предрешен правильной оценкой обстановки, четким планированием, тщательной подготовкой, решительным осуществлением замысла. О значимости подготовительного периода свидетельствует и то, что потребовал он колоссального напряжения сил, мобильности всех звеньев фронтового организма» [цит. по: 21, с. 371].

Одним из способов расширить традиционное отображение на исторических картах обстоятельств освобождения территории Беларуси от нацистских захватчиков в ходе операции «Багратион» является подготовка автором данной статьи комплекса карт для монографии Д. Б. Хазанова, посвященной роли авиации в Белорусской наступательной операции. Как известно, в этом военном мероприятии было задействовано рекордное количество авиации, была достигнута небывалая ранее концентрация авиационных сил. В операции было задействовано более 5700 самолетов и вся авиация дальнего действия — 1007 самолетов. Именно в превосходстве советских сил в воздухе видели основную причину сокрушительного

поражения группы армий «Центр» независимые наблюдатели. Так, офицер СС П. Карель следующим образом оценивал ситуацию: «Почему русские смели с поля боя так много отважных, опытных, стойких дивизий и за сорок восемь часов ввергли группу армий „Центр“ в абсолютную катастрофу? Задавать эти вопросы — значит искать факторы, стоящие за советской победой. Может быть, сказалось их огромное численное превосходство? Однако немецкий фронт на Востоке часто успешно противостоял численно превосходящему противнику. Может быть, мощь советской артиллерии? Но в этом нет ничего нового, и, конечно же, не здесь причина катастрофы, немецкие дивизии не единожды сталкивались с такой плотностью артиллерийского огня. Решающий фактор состоял совершенно в другом — не в оглушающем численном превосходстве и великолепном вооружении Красной Армии, а прежде всего в появлении превосходящих красных воздушных сил, они решающим образом изменили баланс сил. Советское превосходство в воздухе явилось самым неприятным сюрпризом для немецких войск на Востоке. Долголетний немецкий контроль за небом над полями сражений в России неожиданно закончился» [22, с. 381].

Особое значение авиации в ходе Белорусской наступательной операции определяет необходимость адекватного отображения действий советских воздушных флотов на исторических картах. Такая попытка была осуществлена в упомянутой выше монографии российского историка Д. Б. Хазанова. На размещенных в ней картах с помощью специальных картографических приемов показаны действия дальней авиации накануне и в ходе операции «Багратион», роль советской авиации в общем замысле данного военного мероприятия. Но наиболее ценным представляется демонстрация тесного взаимодействия между советской авиацией и танковыми и конно-механизированными соединениями, особенно при прорыве немецких узлов обороны, подготовка и осуществление массированных ударов по укрепленным лагерям противника с целью ускорения ликвидации окруженных группировок и т. д. [1, с. 6]. В целом, серия из 12 карт позволила достаточно полно решить задачу демонстрации на картах действий авиации. На карты были нанесены: акции авиации дальнего действия, фронтовых бомбардировщиков ночью, фронтовых бомбардировщиков днем, штурмовиков по узлам сопротивления, отходящим войскам и окруженным группировкам противника. Необходимо также отметить информационную насыщенность данных карт, на которых присутствуют: особенности местности — гидронимия, болота; искусственные объекты — каналы, железные дороги; военные объекты — укрепленные линии, линии фронтов, расположение воинских соединений (армий и корпусов), авиационных частей и частей ПВО. Подготовленные для

московского издания карты обладают достаточной степенью детализации: показаны как общие карты военных действий, охватывающие всю территорию Беларуси и Восточную Прибалтику, так и отдельные операции — Витебско-Оршанская наступательная операция (23–28.06.1944); Могилевская наступательная операция (23–28.06.1944), Бобруйская наступательная операция (24–29.06.1944), Люблин-Брестская наступательная операция (24.07.–02.08.1944), Белостокская наступательная операция (05–27.07.1944), Шяуляйская наступательная операция (05–31.07.1944), а также ликвидация Минского котла [1, с. 433–440]. В целом рассмотренные карты можно считать пределом возможности традиционного изображения военных событий на карте с учетом современных полиграфических возможностей. В то же время следует отметить и недостатки этих и аналогичных карт. Так, хотя была сделана попытка показать синхронность и слаженность действий различных родов войск (это, прежде всего, пехотные подразделения, танковые части, авиация), но слабо представлены действия артиллерии. Кроме того, не показаны синхронные действия партизанских соединений, территории партизанских зон и краев (о возможностях картографирования действий партизан на территории Беларуси см.: 23). В последние годы открылась возможность более подробно показать действия противника с целью отражения наступления советских частей [так, недавно стали доступны ранее не публиковавшиеся картографические материалы по операции «Багратион», найденные в национальном архиве США (NARA)]. В недавно изданном авторском атласе, демонстрирующем развитие белорусской государственности, отдельная страница посвящена взаимодействию партизан и регулярных частей в ходе освобождения территории Беларуси [24].

Традиционная форма издания карт на бумажном носителе может быть расширена за счет указанной дополнительной информации, но дальнейшее развитие картографии видится в создании электронных исторических карт, которые обладают целым рядом преимуществ, включая более наглядную демонстрацию динамики событий. В самом же общем плане преимущество электронных исторических карт заключается в возможности более эффективно решать вопросы обучения истории в учреждениях общего среднего и высшего образования [25]. Применительно к военно-историческим картам электронных их вариант открывает следующие дополнительные возможности:

– масштабирование карты как с целью увеличения изображения, так и для большей детализации отображенных военных событий;

– значительно большая информативность карты, в том числе за счет создания гиперссылок и всплывающих окон (превращение карты в полноценную базу данных);
– широкое использование визуальных эффектов, в том числе анимации, позволяющей увидеть события в динамике;
– более полное представление взаимодействия различных родов войск, например, за счет использования нескольких слоев изображений на одной карте;
– включение отдельных военных операций (например, Белорусской наступательной операции) в широкий контекст военных событий на всех фронтах и в войне в целом (так, следует учитывать, что операция «Багратион» проводилась синхронно с высадкой союзников в Нормандии и открытием второго фронта).

Таким образом, в настоящее время существует необходимость дальнейшего совершенствования военно-исторических карт, иллюстрирующих события Белорусской наступательной операции 23 июня–29 августа 1944 г. Один из возможных путей совершенствования и дальнейшего развития исторических карт видится в наглядной демонстрации взаимодействия различных родов войск, а также частей регулярной Красной армии и партизанских соединений. Информационная насыщенность данных военных событий требует обратить внимание на электронный вариант карт.

Библиографические ссылки

1. *Хазанов Д. Б.* Авиация в операции «Багратион». М.: Фонд «Русские витязи», 2019.
2. *Иванова Т.* Операция «Багратион»: в свете новых научных исследований // Беларуская думка. 2020. № 11. С. 60–67.
3. *Воронкова И. Ю.* Минск: лето 1941, лето 1944. Минск: Беларуская навука, 2014.
4. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / В. В. Абатуров и др.; редкол. И. И. Басик [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014.
5. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.). Минск: Беларуская навука, 2015.
6. Страна в огне: в 3 т. Т. 3: Освобождение, 1944–1945: в 2 кн. Кн. 1: Документы и материалы / А. А. Коваленя, А. О. Чубарьян, М. Ю. Мягков [и др.]; отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред.-сост.: Д. В. Суржик. М.: Олма Медиа Групп, 2017.
7. Страна в огне: в 3 т. Т. 3: Освобождение, 1944–1945: в 2 кн. Кн. 2: Очерки / Отв. ред.: А. М. Литвин, ред.-сост.: Д. В. Суржик. М.: Олма Медиа Групп, 2017.
8. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя и др.; отв. ред. тома Н. Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2019.
9. *Исаев А. В.* Операция «Багратион». Взлом «белорусского балкона». М.: Яуза, 2019.

10. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012.

11. Операция «Багратион»: материалы международной научной конференции. М.: Яуза, 2020.

12. *Князев С.* «Шедевр военного искусства»: почему операция советских войск «Багратион» считается одной из самых успешных во время ВОВ // RT на русском. URL: https://ru.rt.com/dsnb (дата обращения: 03.07.2025).

13. *Студеникин М. Т.* Методика преподавания истории в школе. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.

14. *Короткова М. В.*, *Студеникин М. Т.* Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях. М.: Владос, 1999.

15. Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1947.

16. Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1984.

17. Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 4. Мінск: Белкартаграфія, 2018.

18. Гістарычны атлас Беларусі. Мінск: Белкартаграфія, 2020.

19. Атлас. Сусветная гісторыя Навейшага часу, 1945 г. – пачатак XXI ст. 11 клас. Мінск: Белкартаграфія, 2014.

20. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) [Карты]: атлас: учебное пособие для 10-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Минск: Белкартография, 2015.

21. Освобождение Белоруссии. 1944 / под ред. и с предисл. чл.-кор. АН СССР А. М. Самсонова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1974.

22. *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. Выжженная земля 1943–1944 (сборник). М.: Эксмо, 2003.

23. *Лукашоў А. А.* Картаграфічныя матэрыялы беларускіх партызан Вялікай Айчыннай вайны: азначэнне, віды, змест // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25–26 июня 2009 года) / [редколлегия: М. В. Мясникович (председатель) и др.]. Минск, 2009. С. 132–136.

24. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Атлас: Вучэбны дапаможнік для ўстаноў вышэйшай адукацыі / Распрацоўшчык карта атласа, іх тэматычнага зместу і метадычнага апарату С. М. Цемушаў; навуковы рэдактар І. А. Марзалюк. Мінск: Белкартаграфія, 2024.

25. *Темушев В. Н.* Исторические карты. Проблемы их создания и применения на уроках истории. Минск: РИВШ, 2007.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПОЛЬШИ В БОБРУЙСКУЮ И МОГИЛЕВСКУЮ ОБЛАСТИ В 1944–1947 гг.

Т. И. Брилева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, tatianabrileva@mail.ru

В статье рассматривается переселение белорусов из Польши в Бобруйскую и Могилевскую области в 1944–1947 гг. На основе архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, сделан краткий обзор расселения и устройства, а также представлены количественные данные о переселенцах на территории исследуемых регионов БССР. Затронут вопрос социального обеспечения прибывшего населения из Польши и проблемные ситуации, возникшие при обустройстве их на местах прибытия.

Ключевые слова: белорусское население; переселение; Бобруйская область; Могилевская область; Польша; обустройство.

THE RESETTLEMENT OF THE BELARUSIAN POPULATION FROM POLAND TO THE BOBRUISK AND MOGILEV REGIONS IN 1944–1947

T. Brileva

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, tatianabrileva@mail.ru

The article examines the resettlement of Belarusians from Poland to the Bobruisk and Mogilev regions in 1944–1947. Based on archival materials stored in the National Archive of the Republic of Belarus, a brief overview of the settlement and arrangement is made, as well as quantitative data on migrants in the studied regions of the BSSR are presented. The issue of social security for the arriving population from Poland and the problematic situations that have arisen during their settlement at the places of arrival were touched upon.

Keywords: Belarusian population; resettlement; Bobruisk region; Mogilev region; Poland; settlement.

Возвращение белорусского населения из стран Европы в первые послевоенные годы имело важное значение для общественно-политической и социально-экономической жизни БССР. Переселение белорусов из Польши в БССР в 1944–1947 гг. не стало исключением. Данные события нашли свое отражение не только в общесоюзной истории, но и отдельных регионов Беларуси.

Административно-территориальное деление БССР в изучаемых период отличалось от современного, что вынуждает обратиться к уточнению географических рамок исследования. Бобруйская область была образована согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Бобруйской, Гродненской и Полоцкой областей в составе Белорусской ССР» от 20 сентября 1944 г. В рассматриваемый период в состав Бобруйской области входили: Бобруйский, Глусский, Гресский (в 1956 г. упразднен), Кировский, Кличевский, Копыльский, Краснослободский (в 1959 г. упразднен), Любанский, Октябрьский, Осиповичский, Паричский (в июле 1961 г. переименован в Светлогорский район Гомельской области), Слуцкий, Старобинский (в 1962 г. упразднен), Стародорожский районы. Административный центр области — г. Бобруйск. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой областей Белорусской ССР» от 8 января 1954 г. Бобруйская область была упразднена[1].

Могилевская область образовывалась согласно решению I сессии Верховного Совета СССР от 15 января 1938 г. В исследуемый период в состав Могилевской области входили следующие районы: Белыничский, Быховский, Горецкий, Дрибинский, Климовичский, Краснопольский, Кричевский, Круглянский, Костюковичский, Могилевский, Мстиславский, Пропойский (с мая 1945 г. — Славгородский), Хотимский, Чаусский, Чериковский и Шкловский районы. Административный центр области — г. Могилев [1, с. 16, 53].

Переселение белорусского населения из Польши в БССР проводилось добровольно на основании Соглашения между правительством БССР и Польским Комитетом Национального Освобождения от 9 сентября 1944 г. (далее — Соглашение). Расселением и устройством прибывших из Польши белорусов занимался отдел по делам переселения и репатриации

[1] В ходе ликвидации Бобруйской области Октябрьский и Паричский районы вошли в состав Гомельской области, Глусский, Копыльский, Любанский, Слуцкий, Стародорожский, Старобинский и Краснослободский районы были включены в Минскую область. Осиповичский, Бобруйский, Кировский и Кличевский районы — в Могилевскую область.

СНК БССР (с марта 1946 г. — Совет Министров БССР)[2]. Подобные отделы были созданы на областном уровне. Всего в БССР действовали один отдел на республиканском уровне и двенадцать на областном. Персональная ответственность за работу органов переселения и репатриации в БССР возлагалась на заместителя Председателя Совета Министров БССР, народного комиссара иностранных дел БССР (с марта 1946 г. — министра) К. В. Киселева, а в областях — на первых заместителей председателей облисполкомов, в районах — на председателей райисполкомов [2, л. 24–26].

Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о поступлении отправленных хозяйств из Польши в Бобруйскую и Могилевскую области охватывают период с 11 декабря 1944 г. по 1 ноября 1948 г., однако для сравнения количественных показателей по двум областям использовались данные с 1944–1947 гг. (см. табл.).

Количественные данные о белорусах, прибывших из Польши в Бобруйскую и Могилевскую области в 1944–1947 гг.

Дата	Бобруйская		Могилевская	
	Количество хозяйств	Количество членов семей (чел.)	Количество хозяйств	Количество членов семей (чел.)
11 декабря 1944 г. [3, л. 53–54]	74	281	152	504
1 апреля 1945 г. [4, л. 59]	455	1636	415	1504
10 мая 1947 г. [5, л. 31]	222	–	103	–

На 1 ноября 1948 г. в Бобруйской области числилось 106 хозяйств, в которых проживало 465 чел. Наибольшее количество переселенцев в Бобруйской области проживало в Копыльском (35 хоз. с 154 чел.) и Осиповичском (27 хоз., 119 чел.) районах. Наименьшие показатели были в Слуцком (6 хоз., 26 чел.) и Бобруйском районах (3 хоз., 13 чел.). В областном центре числилось 9 хозяйств и 39 чел. В Бобруйской области 65 хоз. проживали в новых домах, 19 хоз. были расселены путем уплотнения, 22 хоз.

[2]Отдел по приему и трудоустройству советских граждан при СНК БССР был создан в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 24 августа 1944 г. Постановлением СНК БССР от 15 января 1945 г. отдел был переименован в отдел по делам репатриации, затем постановлением СНК БССР от 22 января 1946 г. в отдел по делам переселения и репатриации. Согласно постановлению Совета Министров БССР от 29 июля 1950 г. отдел был реорганизован в Управление переселения и репатриации при Совете Министров БССР. Ликвидирован 27 апреля 1953 г.

в домах госжилфонда. Получили земельный участок 51 хоз. Из учтенных 106 хоз. переселенцев, 7 хозяйств работало в колхозах, 63 — в единоличных хозяйствах, 24 хоз. были трудоустроены в промышленных предприятиях, 12 хоз. в прочих предприятиях. Белорусы, прибывшие из Польши, не проживали в Глусском, Гресском, Кличевском, Краснослободском, Октябрьском, Паричском и Старобинском районах [6, л. 64–64 об.].

В Могилевской области крайние сведения о количестве семей переселенцев представлены за 15 июня 1947 г. Всего хозяйств в области насчитывалось 73 хоз. с 303 чел. Наибольшие показатели были в Шкловском (18 хоз., 81 чел.) и Быховском (13 хоз., 59 чел.) районах. Наименьшие показатели были в Мстиславском (3 хоз., 15 чел.), Климовичском (2 хоз., 13 чел.), Чериковском (2 хоз., 4 чел.) и Хотимском (1 хоз., 5 чел.) районах. В области для переселенцев было построено 29 новых домов, 30 хоз. были расселены путем уплотнения, 13 хоз. в домах госжилфонда, а также 30 хоз. были наделены земельными участками, 64 хоз. приусадебными участками. Из перечисленных 73 хоз. Могилевской области, 23 хоз. числилась в колхозах, 36 хоз. — в единоличных хозяйствах, 8 хоз. — в промышленных предприятиях и 6 хоз. в прочих предприятиях. В Белынычском, Горецком, Дрибинском, Костюковичском, Славгородском и Чаусском районах переселенцы не проживали [7, л. 10]. В отличии от Бобруйской области, в Могилевской области практиковалось размещение прибывших семей в одно колхозное хозяйство. Например, в Кличевском районе все 59 семей были определены в один колхоз [8, л. 111].

В соответствии с положениями Соглашения полагалось на месте прибытия возместить всем переселенцам сданный ими урожай по выезду. Оказывалась материальная поддержка прибывшим из Польши в виде кредитования в банке, выделялись жилая площадь, а также предусматривалось наделение земельными участками. Тем не менее, реализовывались данные льготы лишь частично. Необходимо учитывать сложное послевоенное положение БССР, в котором проводилось переселение. За годы немецкой оккупации был нанесен значительный ущерб жилому фонду республики, что не позволило сразу обеспечить всех нуждающихся переселенцев жильем. Бюджетные средства облисполкомов и райисполкомов шли, прежде всего, на восстановление народного хозяйства, а не на выплату компенсации за оставленное в Польше имущество или оказание материальной помощи. Например, переселенцам, прибывшим в Бобруйскую область, предлагали заселиться в деревни, которым только предстояло восстановиться после разрушений военных лет или полностью сожженных. Угон населения на принудительные работы в Германию, а также политика массового уничтожения мирного населения в годы Великой Отечественной войны привела

к тому, что в населенных пунктах резко сократилось количество жителей, а некоторые из них полностью опустели. Более того, стоит учесть, что из исследуемых областей не выезжали люди в Польшу, а, значит, не было оставленных домов для взаимного переселения. Семьям предлагали получить земельные участки в сельской местности, расположенные в 20–25 км от районных центров. Многие переселенцы отказывались от таких предложений [8, л. 50].

Трудность вызывал возврат продуктов и урожая, сданного при выезде из Польши, переселенцам. В частности, в 1945 г. в Осиповичском районе ни одна семья не получила продуктов, а в других районах Бобруйской области они были выданы не в полном объеме. По чековым требованиям в Бобруйской области колхозы Слуцкого, Стародорожского и Копыльского районов рассчитались преимущественно картофелем, сеном, соломой, рожью, овсом, клевером и вики (горошек посевной). В Могилевской области был возмещен только полностью картофель, а остальные продукты лишь частично [8, л. 13, 15].

Правительство БССР и местная администрация не оставляли без внимания переселенцев, прибывших из Польши. В частности, на особом контроле находилось их трудоустройство. В отчетах инспекторов отдела переселения и репатриации при Совете Министров БССР указывалось, что в Бобруйской области отсутствовал насильственный загон в колхозы. Более того, после добровольного вступления в колхоз прибывшее население направляли на различные курсы для получения профессий. Подобная практика была распространена и в Могилевской области — после вступления в колхоз, переехавших мужчин отправляли на курсы шофера в г. Могилев [8, л. 13, 51]. Возникали ситуации, когда в области отсутствовали предприятия, соответствующие профессиональной специализации прибывших белорусов, что вынуждало их переселять в другие области республики.

Продовольственный отдел Белкопсоюза снабжал их товарами первой необходимости, выдававшиеся по спискам. В частности, в январе 1947 г. переселенцам Могилевской области было выделено 3 т соли, 6 ящиков спичек, 1 т керосина, 500 кусков туалетного мыла. В Бобруйской области выделили 2 т соли, 4 ящика спичек, 0,3 т керосина, 300 кусков туалетного мыла. Для переселенцев, расселенных в городской черте, было отпущено 1 т соли, 2 ящика спичек и 200 кусков мыла [9, л. 1, 15, 27].

Льготное кредитование также помогло обустроиться прибывшим белорусам на местах расселения. Зачастую вопросы об улучшении материального обеспечения переселенцев обсуждались на заседаниях облисполкомов, где также рассматривали поступившие от них жалобы. Так, в Могилевской области по решению областной администрации семьи

переселенцев получили гвозди, стекло и лес на строительство новых домов, а также семьям была оказана финансовая помощь и организована транспортировка имущества для обустройства своего хозяйства [5, л. 249].

Таким образом, наравне с другими регионами БССР, Бобруйская и Могилевская области стали местом для расселения прибывшего из Польши белорусского населения в 1944–1947 гг. Все хозяйства, прибывшие из Польши в области, были приняты и расселены преимущественно в сельскую область. Первоначально возникали трудности с выделением жилых площадей и компенсацией оставленного при выезде урожая. Предпринятые меры со стороны Правительства БССР и местной администрации способствовали в дальнейшем улучшению их материального положения и интеграции в общественно-политическую жизнь страны.

Библиографические ссылки

1. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі / Выд-ва «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі // склад. Камінскі М. І. Мінск: Выд-ва «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1985. 100 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 787. Оп. 1. Д. 20.
3. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1902.
4. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1905.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1938.
7. НАРБ. Ф. 787. Оп. 1. Д. 41.
8. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1907.
9. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1935.

ДАТЬ ЛЮДЯМ НЕОБХОДИМОЕ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В СТОЛИЦЕ БССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

А. В. Денисов

Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, dzianisau.1982@gmail.com

В статье на основе архивных источников затрагивается вопрос восстановления системы общественного питания в Минске в первое десятилетие послевоенного периода. В начале 1941 г. Минск, как и другие города БССР, имел разветвленную сеть предприятий общественного питания. Война и оккупация разрушила эту систему до основания. Восстановление сети общественного питания началось сразу после освобождения города вместе с возвращением к мирной жизни и восстановлением городской инфраструктуры. По генеральному плану Минск должен был быть фактически отстроен заново, произошло создание новых городских кварталов, архитектурных ансамблей и важных предприятий. Вместе с ними создавалась и новая сеть предприятий общественного питания: новые столовые, рестораны, кафе и закусочные, которые должны были дать работающим жителям города необходимое — пищу.

Ключевые слова: общественное питание; фабрика-кухня; Минский трест столовых и ресторанов; Министерство торговли БССР; столовые; буфеты.

GIVE PEOPLE THE NECESSARY FOOD. RESTORATION OF THE CATERING SYSTEM IN THE CAPITAL OF BSSR IN THE SECOND HALF OF THE 1940th – THE FIRST HALF OF THE 1950th

A. V. Denisov

Belarussian national technical university, Nezavisimosty Ave., 65, 220013, Minsk,
Republic of Belarus, dzianisau.1982@gmail.com

Based on archival sources, the article addresses the issue of restoring the public catering system in Minsk in the first decade of the post-war period. At the beginning of 1941, Minsk, like other cities of the BSSR, had an extensive network of catering enterprises. The war and occupation destroyed this system to the ground. The restoration of the public catering system began immediately after the liberation of the city, along with the return to peaceful life and the restoration of urban infrastructure. According to the master plan, Minsk was actually to be rebuilt, with the creation of new urban neighborhoods, architectural ensembles and important enterprises. Together with them, a new network of catering enterprises was created: new canteens, restaurants, cafes and snack bars, which were supposed to provide the working residents of the city with what they needed – food.

Keywords: catering; Factory-kitchen; Minsk trust of dining halls and restaurants; The Ministry of Trade of the BSSR; dining hall; canteens.

Перед началом Великой Отечественной войны в БССР действовала разветвленная система общественного питания. Она состояла из общедоступных столовых, столовых закрытого типа на предприятиях, специализированных столовых (диетических, студенческих), ресторанов и кафе, школьных буфетов и ларьков.

В Минске работала фабрика-кухня — крупное предприятие общественного питания, производящее не только готовые блюда, но и полуфабрикаты, которые доставлялись на предприятия.

В начале 1941 г. в Минске насчитывалось 326 предприятий общественного питания (из них 134 столовых и ресторана, 192 закусочные, чайные и кафе) [1, л. 184].

Война и нацистская оккупация полностью изменила жизнь белорусского народа в городах и сельской местности, люди оказались не только перед лицом нужды и голода, но и были поставлены на грань выживания. Большинство предприятий общественного питания были либо ликвидированы, либо обслуживали нужды оккупационной администрации.

После освобождения Беларуси перед руководством республики и союзных органов встала задача по восстановлению жизни страны. В Минске на момент освобождения из 332 довоенных промышленных предприятий сохранилось только 19. Городское хозяйство и жилой фонд были уничтожены на 80 %, были разрушены трамвайные пути и водопровод. Уничтожено и повреждено до 75 % государственных и общественных зданий. Общий урон городу, нанесенный войной, составил около 6 млрд рублей.

Это касалось и системы общественного питания. Согласно оценке состояния хозяйства столицы БССР, на 11 июля 1944 г. оккупантами была почти полностью уничтожена крупнейшая торговая сеть города. Из 482 магазинов было учтено и могло функционировать 63. Были уничтожены все крупные торговые предприятия: Центральный универмаг, 9 магазинов, гастроном, кондитерские магазины, два детских универмага и магазин стандартных цен.

Из предприятий общественного питания были уничтожены ресторан «Беларусь», ресторан «Европа», ресторан № 2, 1 кафетерий, около 30 столовых, более 100 буфетов. Всего по подсчетам город лишился 292 предприятия общественного питания. Аналогичная ситуация наблюдалась во всех городах БССР.

Несмотря на то, что здание Минской фабрики-кухни уцелело, у нее было разорено все кухонное хозяйство производственной мощностью до 43 000 блюд в сутки и вывезены все паровые котлы. Также уничтожены все гаражи, 70 % помещений овощехранилищ, 85–90 складских помещений [2, л. 67–68].

Возрождение Минска, налаживание его инфраструктуры началось сразу после освобождения. Причем это было не столько восстановление довоенного города, а строительство новой столицы республики.

Согласно генеральному плану города создавались новые промышленные и жилые районы, центральный архитектурный ансамбль и главная магистраль, новая система площадей и транспортных развязок. Изменить облик города и ускорить его возрождение должно было возведение новых крупных промышленных предприятий и жилых кварталов.

Воплощение в жизнь намеченных планов началось с разборки руин. Был создан специализированный трест по разборке руин и восстановлению строительных материалов. Активное участие в восстановлении Минска приняло его население. Люди выходили на разборку развалин не только в выходные, но и после рабочего дня. Жители города имели специальные трудовые книжки, в которой отмечалось отработанное им время.

Параллельно проходило налаживание мирной жизни, восстановление предприятий, организаций и учебных заведений. Горожане совмещали тяжелый и упорный труд, работу и учебу, общественную и политическую жизнь, находились в сложных жилищных и бытовых условиях. Люди нуждались в самом необходимом и этим необходимым была пища.

31 августа 1944 г. был издан приказ Народного комиссариата торговли СССР № 418 *«О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами населения БССР»*. Он предписывал снабжать население Минска продовольственными товарами (мясо, рыба, жиры, крупа-макароны, сахар-кондитерские изделия) по карточкам по нормам, установленным постановлением СНК СССР № 2148 от 19 октября 1941 г.

Рабочих и инженерно-технических работников (ИТР), занятых на восстановлении и эксплуатации предприятий военной и машиностроительной промышленности, станкостроения, электропромышленности и на восстановлении шоссейных дорог и средств связи снабдить продуктами по нормам особого списка.

Выдавать с 1 сентября 1944 г. второе горячее питание на 15 000 рабочих и ИТР, занятых на восстановлении промышленности и городского хозяйства и работающих с удлинённым рабочим днем.

Руководящим работникам, занятым на восстановлении обеды в порядке, установленном постановлением СНК СССР от 17 сентября 1942 г. на 550 человек и обеды литер «Б» с сухими пайками по нормам особого списка 100 человек.

Остальное население в городах и рабочих поселках городского типа предписывалось снабжать продовольственными товарами по безымянным талонам хлебопродуктовых карточек в порядке, установленном приказом № 32 от 18 января 1943 г.

Отпуск хлеба городскому населению предписано было производить по карточным нормам, установленным для районов, освобождённых от немецкой оккупации в граммах на одного человека в день: рабочим 500, служащим 400, иждивенцам и детям 300 г [3, л. 8, 9, 14].

Союзное руководство приняло ряд мер по оптимизации питания населения. Были изданы специальные инструкции по насыщении пищи витаминами, рациональному использованию пищевых отходов и крахмала, использованию новых видов продуктов, рассолов и маринадов от овощей и зелени и т. д. [3, л. 32].

Проблема общественного питания работников восстанавливаемых предприятий города была признана одной из самых важных, в частности было предписано уделить особое внимание на машиностроительных заводах имени С. М. Кирова и имени К. Е. Ворошилова [4, л. 1–6].

30 октября 1944 г. был издан приказ № 515 *«Об улучшении снабжения студентов продовольственными и промышленными товарами»* [3, л. 17].

Миссия по восстановлению сети общественного питания была возложена на Народный комиссариат торговли (Наркомторг) БССР, который возобновил свою деятельность в октябре 1943 г. Постановлением СНК БССР от 19 ноября 1943 г. № 188 в структуру Наркомата торговли был включен Сектор общественного питания.

В декабре 1943 г. Наркомторг БССР переехал из Москвы в Гомель, в июле 1944 г. он стал работать непосредственно в Минске. При Наркомторге действовало Главное управления столовых и ресторанов (Белнарпит), ему подчинялись городские тресты столовых и ресторанов (Минский, Витебский, Могилевский и Гродненский). С 15 марта 1946 г. Народный комиссариат был преобразован в Министерство торговли БССР.

Согласно отчетам Белнарпита Минский трест столовых и ресторанов начал работать в Минске в августе 1944 г., на тот момент функционировали 3 столовые. Сразу же началась деятельность по открытию новых столовых, восстановлению связей, подбору кадров [5, л. 113].

1 января 1945 г. удалось восстановить здание Минской фабрики-кухни и запустить ее в работу [6, с. 4]. Структура фабрики-кухни состояла из 4 столовых, ресторана и 9 буфетов). Кроме этого городская сеть уже состояла из 14 столовых, 17 школьных буфетов. Она ежедневно обслуживала около 20 000 чел. через столовые до 33 000 школьников (через буфеты) [4, л. 109].

К концу 1945 г. трест управлял 19 столовыми, ежедневно обслуживавших 75 000 человек. Столовые обслуживали фабрично-заводские училища, Белорусский государственный трест промышленного строительства, ТЭЦ, техникумы и другие учреждения [4, л. 113]. Большое внимание уделялось снабжению учеников школ и студентов, в частности БГУ. Но несмотря на

принятые меры, питание студентов вызывало нарекания, в частности в 1944–1945 гг. в столовых, обслуживающих студентов, не организована продажа хлеба по карточкам и отпуск горячих напитков чай-кофе, также не был обеспечен отпуск второго горячего питания студентам-отличникам и студентам-инвалидам войны и отпуск усиленного диетического питания студентам, нуждающимся в нем по состоянию здоровья в счет установленных для этих видов питания лимитов [7, л. 57]. Ситуация изменилась в лучшую сторону, когда на фабрике-кухне был открыт зал для студенческой столовой.

Рис. 1. Минская фабрика кухня после восстановления. Конец 1940-х гг.

Главными трудностями для треста было отсутствие транспорта (гужевого и автомобильного), трудности с ремонтом и обслуживанием, перебои со снабжением, нехватка кадров. В 1944–1947 гг. кадры треста на 90 % состояли из партизан, инвалидов отечественной войны и реэвакуированных. По работникам столовых штат состоял на 50 % из инвалидов и реэвакуированных [5, л. 115–116].

Были приняты меры по подготовке кадров, организованы курсы поваров и официантов в Минске и приглашены специалисты из союзных республик. Минская фабрика-кухня в 1945 г. располагала 1 автомашиной (30–35 % годности), 7 телегами и 9 лошадьми, что являлось недостаточным для доставки топлива, продуктов и воды [5, л. 101–104].

Во второй половине 1940-х гг. Минская фабрика-кухня была не только предприятием по производству обедов и полуфабрикатов. В ней проводились совещания работников торговли, проходили митинги,

конференции. Например, единственная парикмахерская, находящаяся в ведении Минского треста столовых и ресторанов, находилась в здании фабрики-кухни. Помимо этого, Минская фабрика-кухня стала центром диетического питания, для всех нуждающихся жителей города работала диетическая столовая.

Приказ № 675 по Наркомата торговли БССР от 20 декабря 1945 г. предписывал открытие коммерческих чайных в городах БССР.

«В коммерческих чайных организовать продажу чая, хлеба ржаного, пшеничного, баранок, кондитерских и хлебобулочных изделий, табачных изделий, спичек, курительной бумаги, вино-водочных изделий, пива, горячих и холодных закусок. Разрешить обжарку колбасы, варку яиц, изготовление яичницы, не требующих сложной обработки за плату в размере 1 рубля за каждое блюдо» [8, л. 151]. Кроме чайных, такое же внимание уделялось и буфетам, особенно в новогодние и посленовогодние дни.

Постановление Совета Министров БССР № 55 и ЦК КП(б)Б *«О проведении организованного набора рабочих-строителей для восстановления города Минска на 1946 г.»* обязывало Министерство торговли БССР и Управление по восстановлению города принять серьезные меры по улучшению общественного питания и продовольственного обеспечения рабочих-строителей, добиться быстрой реализации постановления Совета Министров СССР о снабжении строителей, занятых на восстановлении г. Минска, по нормам особого списка. Требовалось организовать сеть столовых, продовольственных и промышленных магазинов в районах размещения строителей и открыть к 15 июля 1946 г. благоустроенный универмаг для строителей, обеспечив в нем наличие лучшего ассортимента всех товаров [9, л. 34–36].

В 1947 г. был осуществлен переход к открытой торговле по единым ценам и освобождение Министерства торговли БССР от организации карточной системы. Власти старались удовлетворять растущие запросы населения, в том числе и в сфере питания. В 1946–1948 гг. Минский городской отдел торговли принял ряд мер по организации широкой сети буфетов на предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях, приказав *«…всемерно развивать в этих буфетах продажу продукции собственного производства в виде горячих и холодных закусок и завтраков (котлеты, буженина, жареная рыба, салаты, винегреты, запеканки и т. д.), закусок из мясной и рыбной гастрономии и консервов, сыра и масла, бутербродов, чай, кофе, какао, сладкие блюда (кисели, компоты), мороженое, мандарины, кондитерские и табачные изделия и т. д.»* [10, л. 396–405].

В праздничные дни предписывалось развернуть продажу с лотков и передвижных буфетов и мармитных тележек горячих и холодных закусок,

бутербродов, мандаринов, мороженого, табачных изделий, а с выносимых буфетов, киосков, ларьков, палаток и павильонов водки, вина, пива, чая и кофе.

Предприятия общественного питания открывали буфеты, оборудовали легкие павильоны, направляли на улицы и скверы Минска работников с лотками и разносками для продажи закусок и товаров.

Рис. 2. Реклама предприятий общественного питания: Минская фабрика-кухня и рестораны Белорусского Республиканского треста столовых и ресторанов. Конец 1940-х гг.

Сеть предприятий общественного питания постоянно увеличивалась. На конец 1947 г. в Минске работало 26 столовых (из них 4 коммерческих), 5 чайных, 7 закусочных, 28 буфетов и ларьков (13 коммерческих) [11, л. 115].

Руководство БССР уделяло много внимания расположению магазинов и ресторанов на центральных улицах Минска, в первую очередь — на ул. Советской (совр. проспект Независимости). Рестораны должны были быть визитной карточкой новой, строящейся столицы [12, л. 235–236].

В соответствии с приказом по Главному Управлению особых ресторанов Министерства торговли СССР от 13 июня 1946 г. был создан Белорусский республиканский трест особых (показательных) ресторанов. Он руководил деятельностью всех ресторанов и кафе Минска и областных центров [13, л. 3–7]. Исключение составлял только ресторан Минской фабрики-кухни, которая находилась в ведении Минского треста столовых и ресторанов. В помещении ресторана был проведен ремонт, на его кухне

установлен универсальный привод с полным комплектом машин, электрические мясорубки, миксеры и овощерезки, 4 паровых котла для приготовления пищи [14, л. 363–364].

Ресторан фабрики-кухни до 1948 г. оставался единственным городским рестораном, позже были открыты ресторан гостиницы «Беларусь». ресторан на Привокзальной площади, ресторан Минского аэропорта, ресторан «Заря» и др.

В первое послевоенное десятилетие в Минске происходило интенсивное строительство промышленных объектов. Были восстановлены все крупные довоенные предприятия (Минский радиозавод имени В. М. Молотова, Минский машиностроительный завод имени К. Е. Ворошилова и т. д.), а также построены новые: Минский автомобильный, Тракторный, Подшипниковый и Мотоциклетно-велосипедный заводы, часовой завод «Луч», Камвольный комбинат. Поселки автомобильного и тракторного завода стали новыми благоустроенными районами города с типовыми малоэтажными зданиями. Жителям этих районов необходимо было питаться в столовых, кафе и закусочных.

В 1951 г. по Минску насчитывалось 288 предприятий общественного питания: 6 ресторанов, 79 столовых, 4 чайных, 198 закусочных и буфетов. Как отмечалось в документах, существующая сеть составляла 70 % по отношению к довоенному уровню и не могла охватить активно растущее городское население. Нехватка предприятий общественного питания особенно ощущалась в районе Комаровского рынка, Сторожевке и других районах города. В действующие столовых во время проверок были выявлены факты антисанитарии, плохого обслуживания и хищения продуктов. Отмечалось, что руководство предприятий не проявляет интереса к работе вверенным им столовых. Не на должном уровне было организовано питание студентов БГУ и других учебных заведений [15, л. 181–185].

Для исправления этой ситуации Совет Министров БССР издал постановление по вопросам строительства, ремонта и приведения в порядок предприятий общественного питания. В Минске было запланировано провести ремонт 14 предприятиях общественного питания, открыть 15 новых предприятий (8 столовых, 3 закусочных, 1 кафе-кондитерскую, 1 кафе-мороженое, 1 пельменную и 1 ресторан). Кроме этого нужно было построить прачечный комбинат и овощехранилище [16, л. 9].

Минская фабрика-кухня в 1953 г. имела собственную сеть по Минску из 30 отделов, куда входили ресторан, общедоступная столовая, студенческая столовая, диетическая столовая, буфеты и ларьки в городе. Цеха фабрики-кухни снабжали готовыми обедами, хлебобулочными изделиями

и полуфабрикатами 14 школьных буфетов, буфеты Дома правительства, института физкультуры, института иностранных языков, Областного исполнительного комитета и других организаций [17, л. 62–63].

В 1950-е гг. вновь стал издаваться общесоюзный журнал «Общественное питание», в нем периодически появлялись материалы о БССР. Статья «Лучшие кулинары Минска» гласила *«…Сотни тысяч жителей Минска ежедневно посещают предприятия общественного питания; все чаще и чаще хозяйки освобождают себя от труда на кухне, берут домой готовую пищу или полуфабрикаты» в столовых, ресторанах, специализированных магазинах»*. Лучшими кулинарами были названы два работника Минской фабрики-кухни: мастер-бригадир кондитерско-булочного цеха с 40-летним стажем А. И. Савко и шеф-повар диетической столовой О. С. Петлицкая [18, с. 30–31].

В период 1951–1954 гг. сеть предприятий общественного питания продолжала расширяться, открывались новые столовые, закусочные и рестораны. Кроме этого некоторые предприятия реконструировались, переходили в подчинение другим организациям. В Минске к началу 1954 г. насчитывалось 88 столовых, 63 из них были столовыми при предприятиях и учебных заведениях [19, с. 206].

Таким образом, восстановление сети предприятий общественного питания проходило одновременно с восстановлением жизни города Минска. Первые шаги и распоряжения были предприняты сразу же после освобождения столицы БССР. Народный комиссариат торговли (с 1946 г. — Министерство торговли) БССР осуществлял политику по восстановлению предприятий общественного питания, в первую очередь столовых и буфетов при организациях и школах. Особое внимание уделялось питанию работников, занятых на восстановлении производства и строительства. В Минске действовал трест столовых и ресторанов, который руководил работой сети предприятий общественного питания.

Главными задачами в 1944–1947 гг. было восстановление старых предприятий общественного питания, их ремонт и модернизация, снабжение необходимым оборудованием и сырьем. Примером являлась Минская фабрика-кухня, крупное предприятие общественного питания, которое успешно работало в довоенный период, было восстановлено и приступило к работе, а также столовые восстановленных довоенных предприятий. Главными проблемами в первоначальный период были отсутствие материальной базы, перебои со снабжением, дефицит кадров.

Вторым направлением стало открытие новых предприятий общественного питания при государственных учреждениях и предприятиях, которые строились в городе в период с 1947–1954 г. Сеть общественного

питания расширялась как за счет постоянных предприятий (рестораны, столовые, закусочные, кафе и буфеты), так и временных мобильных пунктов питания (ларьки, передвижные буфеты, летние павильоны). Основой сети являлись столовые, которые делились на закрытые (столовые на предприятиях и организациях), общедоступные (коммерческие) и специализированные (диетического питания). Рестораны и кафе помимо обычного приема пищи являлись местом проведения торжественных мероприятий (банкеты, торжества, питание делегатов съездов и соревнований), закусочные, буфеты и ларьки выполняли функцию повседневного городского питания. Среди проблем системы общественного питания выделялись нарушение санитарных норм, плохое качество обслуживание, нехватка мест. К середине 1950-х гг. сеть предприятий общественного питания города Минска была полностью восстановлена и вышла на новый уровень по многим показателям.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 117. Оп. 2. Д. 125.
2. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 42.
3. НАРБ. Ф. 117. Оп. 2. Д. 21.
4. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 69п. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАМО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 1.
6. Ля фабрыкі-кухні // Звяда. 1944. 29 кастрычніка С. 4.
7. НАРБ. Ф. 117. Оп. 2. Д. 24.
8. ГАМО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 3.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 267.
10. НАРБ. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАМО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 6.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 356.
13. НАРБ. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАМО. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 18.
15. НАРБ. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. Ф. 117. Оп. 2. Д. 126.
17. НАРБ. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 10.
18. Лучшие кулинары Минска // Общественное питание 1957. № 4. С. 30–31.
19. Минск: Справочник-путеводитель / Сост. Е. Садовский. Мн.: Гос. изд-во БССР, 1956. 272 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ БССР ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В 1943–1945 гг.

О. И. Ершова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, ershova@bsu.by

В статье на основе архивных материалов и опубликованных документальных источников показана деятельность Народного комиссариата просвещения БССР в 1943–1945 гг., направленная на восстановление разрушенной во время немецкой оккупации общеобразовательной школы. Была восстановлена работа местных органов управления народным образованием, выделены необходимые финансовые и материальные средства, организован учет детей школьного возраста и учителей. Совместными усилиями государственных органов власти и общественности удалось обеспечить к началу 1945/1946 учебного года охват школьным обучением большинства детей школьного возраста.

Ключевые слова: Народный комиссариат просвещения; общеобразовательная школа; всеобщее обязательное обучение; комитеты содействия всеобщему обучению; реэвакуация.

ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF EDUCATION OF THE BSSR FOR THE RESTORATION OF A COMPREHENSIVE SCHOOL IN 1943–1945

O. I. Ershova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ershova@bsu.by

The article, based on archival materials and published documentary sources, shows the activities of the People's Commissariat of Education of the BSSR in 1943–1945, aimed at restoring the secondary school destroyed during the years of German occupation. The work of local public education authorities was restored, the necessary financial and material resources were allocated, the registration of school-age children and teachers was organized. The activities of local public education authorities were restored, the necessary financial and material resources were allocated, and school-age children and teachers were registered. By the joint efforts of state authorities and the public, it was possible to ensure that by the beginning of the 1945/1946 school year, most school-age children were enrolled in school.

Keywords: People's Commissariat of Education; comprehensive school; universal compulsory education; committees for the promotion of universal education; re-evacuation.

В БССР накануне Великой Отечественной войны действовала массовая государственная общеобразовательная школа, включавшая начальную (4 года обучения), неполную среднюю (7 лет обучения) и среднюю (10 лет обучения) школы. Государство обеспечивало бесплатное обучение

подрастающих поколений, для чего строились специальные школьные здания, выпускалось учебное оборудование и наглядные пособия, письменные принадлежности, издавались учебные программы и учебники, осуществлялась плановая подготовка учителей. В 1940/1941 учебном году (далее — уч. г.) в республике работало 12 149 общеобразовательных школ (из их — 8388 начальных, 2827 неполных средних, 934 средних), в которых обучалось 1 818 780 детей и работало 60 842 учителя [1, л. 26]. Школьная сеть обеспечивала всеобщее обязательное обучение (далее — всеобуч) детей в возрасте 8–15 лет в начальной и неполной средней школе.

Руководство общеобразовательной школой осуществлял Народный комиссариат просвещения (далее — Наркомпрос) БССР во главе с наркомом просвещения Е. И. Ураловой. После оккупации территории республики немецко-фашистскими войсками в июле 1941 г. Наркомпрос прекратил свое существование, а Уралова вошла в состав СНК БССР, работавшего в эвакуации в Москве до начала освобождения территории БССР [2, л. 2].

На оккупированной территории республики прекратилась деятельность государственных органов управления образованием и государственное финансирование, что парализовало работу общеобразовательных школ. Оккупанты фактически запретили советскую школу, разрушали школьные здания, разграбили учебное оборудование, арестовывали и убивали учителей. На несколько лет дети и подростки лишились права и возможности учиться. Большинство детей на оккупированной территории не посещали школу. Материальная база общеобразовательной школы была уничтожена. Во время боевых действий, бомбардировок и обстрелов разрушались школьные здания, а уцелевшие приспосабливались для нужд оккупационной администрации. В годы войны было разрушено и сожжено 6808 школьных зданий, почти полностью уничтожено школьное оборудование и фонд учебно-наглядных пособий и учебной литературы [3, л. 2]. Тысячи учителей эвакуировались, ушли в действующую армию, погибли в ходе боевых действий. В 1941–1943 гг. СНК БССР взял на учет 4189 работников образования, в том числе 3425 педагогов, эвакуировавшихся и проживавших в других советских республиках [4, л. 158–160].

В 1943 г. Советская армия приступила к осуществлению военных операций по освобождению от оккупантов территории БССР. Первыми в 1943 г. освободили районы Гомельской области, а летом 1944 г., в ходе наступательной операции «Багратион», всю территорию республики. Города и поселки лежали в руинах. Одной из главных задач советских органов власти стало восстановление советской общеобразовательной школы. После освобождения Гомеля в город сразу же переехали руководящие республиканские органы власти — ЦК КП(б)Б и СНК БССР. Возобновилась

и деятельность Наркомпроса БССР. 12 ноября 1943 г. СНК БССР принял постановление об утверждении его структуры (9 управлений, 6 отделов) и штатов на 1944 г. В январе 1944 г. местом работы Наркомпроса стал Гомель, его деятельность распространялась на освобожденную от оккупации восточную территорию БССР. В августе 1944 г. Наркомпрос переехал в Минск и возглавил отрасль народного образования на всей территории республики. На работу в аппарат Наркомпроса принимались в первую очередь его бывшие сотрудники из числа эвакуированных и отозванных из Красной Армии. В 1946 г. в аппарате работало 70 человек, из которых 34 составляли мобилизованные из Красной Армии, 31 — лица из числа реэвакуированных, пятеро проживали в годы войны на оккупированной территории [5, л. 84].

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б)Б» обязывало партийно-государственное руководство республики восстановить в освобожденных районах сеть начальных и средних школ, охватив обучением всех детей школьного возраста, приступить к печатанию учебников на белорусском языке [6, с. 38]. В связи с этим 18 марта 1944 г. СНК БССР утвердил Инструкцию «Об организации учета детей и подростков в возрасте 7–15 лет и о порядке контроля за выполнением закона о всеобуче» [7, л. 41]. По состоянию на 20 мая 1944 г. на освобожденной территории республики действовало 1458 школ со 147 092 учащимися (из них — 1146 начальных школ со 122 271 учащимся, 267 семилетних с 22 798 учащимися, 46 средних с 2489 учащимися) [4, л. 108]. В 1944/1945 уч. г. на всей территории БССР число школ составило 10 362 школ с числом учащихся 1 260 925 (из них 8613 начальных, 1563 неполных средних, 286 средних) [3, л. 5]. В 1945/1946 уч. г. работало 10 855 школ (из них — 8900 начальных, 1627 неполных средних, 328 средних), в которых обучалось 1329 тыс. учащихся [8, с. 30].

Анализ работы общеобразовательных школ в первые послевоенные годы показывает, что одной из актуальных проблем выступал отсев детей до окончания обучения. Главными причинами отсева являлись послевоенная экономическая разруха, тяжелые условия жизни и быта населения. Количество детей школьного возраста, не посещавших школу в 1944/1945 уч. г., составило свыше 80 000 чел. [3, л. 9]. На конец 1945/1946 уч. г. вне школы оставалось 187 899 детей (в том числе 163 342 ребенка, подлежавших обучению в начальной школе) [9, л. 14]. В 1946/1947 уч. г. вне школы оказалось более 100 тыс. детей (в том числе 70 064 ребенка, подлежавших обучению в начальной школе) [7, л. 157]. Среди основных причин непосещения школы указывались: отдаленность от места жительства учеников (до 4–5 км) и отсутствие подвоза, нехватка

одежды и обуви, длительная болезнь, трудовая занятость детей. Например, по состоянию на 1 декабря 1947 г. в Полоцкой области школу не посещали 2741 ребенок школьного возраста, их них 9 % — из-за отсутствия одежды и обуви, 40 % — из-за необходимости помогать родителям [10, с. 7–8]. В Плисском районе в течение 1948/1949 уч. г. выбыло из школы 398 учащихся в возрасте 8–15 лет, в том числе 25 % — из-за длительной болезни, 19 % — из-за занятости на сельхозработах и в домашнем быту, 10 % — из-за отсутствия одежды и обуви [10, с. 254–256]. Для обеспечения всеобуча при областных и районных исполкомах Советов создавались комитеты содействия всеобучу, в задачу которых входило оказание помощи детям и их родителям в посещении школы. Помощь заключалась в обеспечении одеждой, обувью, питанием, письменными принадлежностями, в организации горячего питания, подвоза детей в школу и др. [10, с. 119–121]. Так, в Браславском районе в 1947/1948 уч. г. детям из малообеспеченных семей выделили 150 пар нижнего белья, 700 носильных вещей, 163 пары обуви; 50 человек обеспечили горячими завтраками, 50 человек — сухими пайками на три месяца [10, с. 144–145].

Основными материально-техническими проблемами в 1944–1945 уч. г. являлись нехватка школьных помещений, стройматериалов, рабочей силы для восстановления разрушенных школьных зданий, учебно-хозяйственного оборудования, учебников и учебно-наглядных пособий, а также кадровая проблема — недостаточное количество учителей [4, л. 174]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 5 марта 1944 г. № 242 председатель СНК БССР П. К. Пономаренко предложил председателям облисполкомов освободить до 1 июля 1944 г. и вернуть принадлежавшие школам здания, занятые воинскими частями, госпиталями, предприятиями и другими организациями [4, л. 61]. При отсутствии школьных зданий школы размещались в коммунальных зданиях, зданиях общественных организаций, сельсоветов, в частных домах [8, с. 27]. Из-за нехватки школьных помещений в городских школах занятия проходили в три смены, а многие сельские школы ютились в землянках, как, например, 31 школа в Полесской области, 20 — в Витебской области. Световые площади на 50 % были закрыты досками и фанерой. Большинство школ не имели топлива, и занятия проходили в холодных классах [11, л. 25–26]. В 1944 г. в первую очередь восстанавливали школьные здания, планировка которых сохранилась и требовалось меньше затрат на стройматериалы. Взяли на учет коробки сгоревших зданий: по ним должны были составляться проекты на восстановление [4, л. 177–178].

Учителя, учащиеся и их родители привлекались к ремонту школьных помещений, заготовке топлива, собиранию уцелевших учебников и пособий. За лето 1944 г. «методом народной стройки», то есть силами населения, было восстановлено и приспособлено свыше 3000 школьных зданий,

изготовлено 92 тыс. парт. Вклад общественности в восстановление школ в 1944/1945 уч. г. составил 15 млн руб. [3, л. 4]. В целом за 1945–1947 гг. восстановили и построили 6675 школьных зданий [12].

Не менее остро стояла проблема отсутствия стандартной школьной мебели: столов, стульев, парт, скамеек, шкафов и др. Например, потребность школ республики в стандартных партах составляла 300 тыс., а чтобы изготовить их централизованно на предприятиях республиканского подчинения требовалось 6 лет [13, л. 72]. Промышленные наркоматы не справлялись с выполнением заказов на изготовление школьной мебели, а районные промкомбинаты ее изготовлением почти не занимались [11, л. 26–27]. Из-за отсутствия стандартной мебели дети сидели на наскоро сколоченных деревянных скамейках, классные доски заменялись некрашеными листами фанеры. Помощь оказывали родители и общественные организации. В 1946 г. силами общественности были изготовлены 47 тыс. школьных парт, 35 тыс. классных досок, 6 тыс. столов и другой мебели [14]. В последующие годы практика привлечения общественности к ремонту и изготовлению школьной мебели продолжилась.

К началу 1945/1946 уч. г. в школы республики поступило более 1 млн учебников, несколько миллионов тетрадей, карандашей, ручек и перьев. Начальная школа получила белорусский букварь, тираж которого составил 265 тыс. экземпляров). Вышли из издательства учебники по чтению для I–IV классов, учебники по белорусской литературе для V–VII классов, 53 наименования других учебников [15]. В 1945/1946 уч. г. издано 2100 тыс. учебников на белорусском языке, 1200 тыс. учебников на русском языке поступило из РСФСР [8, с. 30].

Пополнение состава учителей осуществлялось из числа реэвакуированных и лиц, мобилизованных из Красной Армии [5, л. 84; 16, л. 9]. В конце 1944/1945 уч. г. количество учителей в школах БССР составляло около половины их довоенной численности [3, л. 10]. На 1 января 1946 г. в школах работало 45 332 учителя (75 % от довоенной численности), из которых высшее образование имели 6,8 %, незаконченное высшее — 12,4 %, среднее — 51,4 %, незаконченное среднее — 29,4 % [5, л. 85]. Сразу же после освобождения от оккупации началось восстановление довоенной сети педагогических учебных заведений БССР. В 1944/1945 уч. г. начали деятельность БГУ, пять педагогических и девять учительских институтов, 24 педагогических училища [3, л. 272]. По состоянию на 1 июня 1946 г. подготовка педагогических кадров осуществлялась в БГУ, пяти педагогических институтах, 10 учительских институтах, 27 педагогических училищах, на 10 шестимесячных педагогических курсах с общим контингентом в 12 425 обучающихся [5, л. 83].

Окончательное восстановление общеобразовательной школы в БССР было осуществлено в рамках реализации четвертого пятилетнего плана (1946–1950). Развитие школьной сети шло по линии завершения всеобщего обязательного начального, а с 1949 г. — всеобщего обязательного семилетнего обучения. В 1950/1951 уч. г. в республике работали 11 767 общеобразовательных школ, из них 8086 начальных, 2904 неполных средних, 761 средняя школа. Общий контингент учащихся составил 1498,6 тыс., учителей — 63 377 человек [17, с. 400].

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. О. 1. Д. 18303.
2. НАРБ. Ф. 4п. О. 106. Д. 2075.
3. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 13.
4. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 5.
5. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 22.
6. Освобожденная Беларусь. Документы и материалы. В 2-х кн. Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944 / сост. В. И. Адамушко и др. Мн.: НАРБ, 2004.
7. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 52.
8. *Саевич П. В.* Народная асвета БССР за 30 год. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1948.
9. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 129.
10. Послевоенное восстановление системы народного образования в Браславском, Докшицком, Глубокском, Миорском, Поставском, Шарковщинском районах (1944–1950 гг.) / Зональный государственный архив в г. Глубокое. Мн.: Медисонт, 2012.
11. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 23.
12. *Умрэйка С.* Народная асвета ў Беларусі за 30 год Савецкай улады // Настаўніцкая газета. 1947. 9 кастрычніка. С. 3.
13. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 34.
14. Своечасова падрыхтаваць школы да новага навучальнага года // Настаўніцкая газета. 1947. 27 лютага. С. 1.
15. За работу, таварышы настаўнікі! // Звязда. 1945. 1 верасня. С. 1.
16. НАРБ. Ф. 42. О. 4. Д. 12.
17. Народное хозяйство БССР / Цент. Стат. Упр. При Совете министров БССР. Мн.: Гос. Изд-во БССР, 1963.

ДЗЕЙНАСЦЬ УПРАЎЛЕННЯ ПА ДЗЯРЖАЎНЫМ ЗАБЕСПЯЧЭННІ І БЫТАВЫМ ЎЛАДКАВАННІ СЕМ'ЯЎ ВАЕННАСЛУЖАЧЫХ І ПАРТЫЗАН (1943–1946)

Д. С. Іванова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, dashaivanovabelarus@gmail.com

У артыкуле разглядаецца дзейнасць Упраўлення па дзяржаўным забеспячэнні і бытавым ўладкаванні сем'яў ваеннаслужачых і партызан пры СНК БССР у 1943–1946 гг.; аналізуюцца змены ў арганізацыі дапамогі для сем'яў ваеннаслужачых і партызан.

Ключавыя словы: арганізацыя дапамогі; Упраўленне па дзяржаўным забеспячэнні і бытавым ўладкаванні сем'яў ваеннаслужачых і партызан; сацыяльнае забеспячэнне; сем'і ваеннаслужачых і партызан.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И БЫТОВОМУ УСТРОЙСТВУ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ПАРТИЗАН (1943–1946)

Д. С. Иванова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, dashaivanovabelarus@gmail.com

В статье рассматриваются деятельность Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан при СНК БССР в 1943–1946 гг.; проанализированы изменения в организации помощи семьям военнослужащих и партизан.

Ключевые слова: организация помощи; Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан; социальное обеспечение; семьи военнослужащих и партизан.

ACTIVITIES OF THE ADMINISTRATION FOR STATE SUPPORT AND HOUSEHOLD ARRANGEMENT OF MILITARY AND PARTISAN FAMILIES (1943–1946)

D. S. Ivanova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, dashaivanovabelarus@gmail.com

The article examines the activities of the Administration for State Support and Household Arrangement of Military and Partisan Families under the Council of People's Commissars of the BSSR from 1943 to 1946. It analyzes changes in the organization of assistance to military and partisan families.

Keywords: organization of assistance; Administration for State Support and Household Arrangement of Military and Partisan Families; social security; military and partisan families.

Абранне тэмы даследавання абумоўлена значэннем вопыту савецкай сістэмы сацыяльнага забеспячэння для сучаснай Рэспублікі Беларусь. Менавіта ў часы і адразу пасля Вялікай Айчыннай вайны фарміруецца нарматыўна-прававая база для сацыяльнай падтрымкі і абароны такой групы насельніцтва як сем'і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны.

Мэта даследавання — раскрыць сутнасць і змест мерапрыемстваў дзяржаўных устаноў па арганізацыі сістэмы сацыяльнага забеспячэння сем'яў ваеннаслужачых і партызанаў у БССР у 1943–1946 гг.

У гістарыяграфіі тэма сацыяльнага забеспячэння ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў БССР у 1943–1946 гг. не з'яўляецца дасканала распрацаванай і мае перспектыву для вывучэння. Сучасная гістарыяграфія прадстаўлена артыкуламі, якія прысвечаны асобным кірункам арганізацыі сістэмы сацыяльнага забеспячэння БССР у гэты перыяд, аднак адсутнічае найбольш грунтоўны, дакументальна падмацаваны аналіз дадзенага гістарычнага працэсу, які ахопіць усе напрамкі рэалізацыі палітыкі савецкай дзяржавы па падтрымцы сем'яў удзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў БССР 1943–1946 гг.

Аснову работы склалі архіўныя матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

У 1941 г. у сувязі з пачаткам вайны Народны камісарыят сацыяльнага забеспячэння БССР прыпыніў сваю дзейнасць на тэрыторыі Беларусі. Фактычна яна аднаўляецца толькі ў лютым 1944 г. у сувязі з пачаткам вызвалення ад акупацыі тэрыторыі Беларусі. Але для ажыццяўлення мерапрыемстваў па арганізацыі сацыяльнай дапамогі, яшчэ ў 1943 г. пачынаюць стварацца спецыяльныя дарадчыя органы.

Сем'і ваеннаслужачых і партызан былі найбольш вялікай групай насельніцтва, якое знаходзілася на дзяржаўным забеспячэнні, таму з мэтай паляпшэння абслугоўвання сем'яў удзельнікаў вайны 29 ліпеня 1943 г. на паседжанні Бюро ЦК КП(б)Б было прынята рашэнне стварыць пры СНК БССР па ўзоры Упраўлення пры Саўнаркоме РСФСР Упраўленне па дзяржаўным забеспячэнні і бытавому ўладкаванню сем'яў ваеннаслужачых для «забеспячэння пенсіямі сем'яў ваеннаслужачых радавога і малодшага кіраўнічага складу Чырвонай Арміі і Ваенна-Марскога флота, працоўнага ўладкавання, правядзення мерапрыемстваў для забеспячэння матэрыяльна-бытавых патрэб сем'яў ваеннаслужачых, нагляду за ажыццяўленнем ільгатавання, разгляду заяў і скаргаў» [1, с. 36].

Старшыня Упраўлення ўваходзіў у склад СНК БССР і з'яўляўся адным з намеснікаў старшыні ўрада. Адпаведна з палажэннем пра Упраўленне, якое было зацверджана пастановай СНК БССР ад 28 жніўня 1943 г., у яго абавязкі ўвайшло шырокае кола пытанняў па сацыяльнай падтрымцы

сем’яў ваеннаслужачых шараговага, сяржанцкага і афіцэрскага складу Чырвонай Арміі, Ваенна-марскога флоту і партызан. Гэта забеспячэнне грашовай дапамогай і пенсіямі сем’яў ваеннаслужачых і партызан (апроч сем'яў афіцэрскага складу, якія атрымлівалі грашовую дапамогу па грашовым атэстаце праз ваенкаматы), ажыццяўленне ўсталяваных законам ільгот, вырашэнне матэрыяльна-бытавых праблем, дапамога членам сем’яў у працаўладкаванні і ў атрыманні тэхнічнай адукацыі, набыцці вытворчых навыкаў і кваліфікацыі; уладкаванне дзяцей ваеннаслужачых у дзіцячыя сады, а пакінутых без бацькоў — на патранаж у сем’і. У абавязкі Упраўлення ўваходзіў разгляд заяў і скаргаў, дзейнасць на месцах [2, с. 428–429].

Першыя аддзелы па дзяржаўным забеспячэнні ствараюцца ў Віцебскай, Магілёўскай, Гомельскай і Палескай абласцях. Пры выканкамах усіх узроўняў дадаткова ўводзіцца пасада загадчыка аддзела па дзяржаўным забеспячэнні [3, арк. 209–210].

1 ліпеня 1944 г. Упраўленне распрацавала і зацвердзіла мерапрыемствы, накіраваныя на хуткую арганізацыю дзяржаўнага забеспячэння, у раёнах, якія вызваляюцца ад акупацыі. Асноўная нагрузка клалася на раённыя і гарадскія выканкамы Саветаў дэпутатаў, пры якіх фармаваліся аддзелы.

У месячны тэрмін ім трэба было арганізаваць улік сем’яў ваеннаслужачых і партызан, заснаваць камісіі па прызначэнні грашовых дапамог і пенсій у складзе намесніка аддзела па дзяржаўным забеспячэнні, вайсковага камісара і загадчыка фінансавага аддзела, заснаваць грашовыя і харчовыя фонды дапамогі для пазначанай катэгорыі насельніцтва. Таксама стварыць адмысловыя брыгады для правядзення рамонту кватэр, будавання новых хат і зямлянак, арганізаваць сетку майстэрняў для рамонту адзення і абутку. У абавязкі аддзела ўваходзіла працаўладкаванне сем’яў ваеннаслужачых і партызан, нават да арганізацыі надомнай працы, аднаўленне працы існаваўшых раней дзіцячых устаноў. Для своечасовых выплат грашовых дапамог планавалася ў раённых цэнтрах адкрыць аддзяленні Дзяржаўнага банка і сувязі.

Паводле даведкі «Аб стане дзяржаўнага забеспячэння і бытавога ўладкавання сем’яў ваеннаслужачых і партызан па БССР на 31 снежня 1944 г.» органамі сацыяльнага забеспячэння было ўзята на ўлік 601 861 сем’яў ваеннаслужачых і партызан, у тым ліку 17 860 сем’яў афіцэраў. За гэты час было разгледжана 855 334 заявы на прадмет устанаўлення грашовых дапамог і пенсій і выдзелена 204 106 грашовых дапамог, адмоўлена ў аказанні дапамогі і пенсіях 115 660 заяўнікам.

Дзяржаўныя грашовыя дапамогі сем’ям франтавікоў выплачваліся штомесячна. Аднак не ўсё мелі права на такую дапамогу. Па законе яно не

шырылася на сем'і, у якіх быў працаздольны з адным дзіцём, незалежна ад узросту, ці працаздольны з двума непрацаздольнымі сталымі людзьмі. Паводле дадзеных Упраўлення па дзяржаўным забеспячэнні на 1 жніўня 1944 г., з 243 267 сем'яў вайскоўцаў і партызан, пастаўленых на ўлік, грашовыя дапамогі і пенсіі атрымлівалі менш за палову — 112 009 сем'яў [4, арк. 35].

Сума грашовай дапамогі была рознай і залежала ад колькасці непрацаздольных і працуючых членаў сем'яў, ад колькасці непаўналетніх, ад наяўнасці ці адсутнасці ўласнай гаспадаркі. Напрыклад, калі сям'я ваеннаслужачага была звязана з сельскай гаспадаркай і не мела працаздольных, яна атрымлівала 50 рублёў на аднаго непрацаздольнага чалавека, 75 рублёў — на дваіх непрацаздольных, 100 рублёў — на траіх і больш. Пры наяўнасці аднаго працоўнага і больш за трое непрацаздольных сям'я атрымлівала 75 рублёў. Для не злучаных з сельскай гаспадаркай грашовая дапамога павялічвалася ў 2 разы [5, с. 7–8].

У некаторых выпадках асобным сем'ям выдаваліся аднаразовыя грашовыя дапамогі. Пенсія прызначалася толькі непрацаздольным членам сям'і загінуўшых ці зніклых без звестак ваеннаслужачых. Памер яе залежаў ад прычын смерці, ад характару ранейшай працы, ад колькасці непрацаздольных членаў сям'і. Калі загінулы не працаваў да вайны і яго сям'я была звязана з сельскай гаспадаркай, то пенсія прызначалася ў суме 40 рублёў на аднаго непрацаздольнага, на дваіх — 56 рублёў і г. д. Сем'і, якія жылі ў горадзе, атрымлівалі больш. Калі загінулы меў працоўны стаж, то сума пенсіі залежала ад сярэднямесячнага заробку. Сем'і ваеннаслужачых сяржанцкага і старшынскага складу атрымлівалі пенсіі з дадаткам у 25 % [6, с. 65].

З боку членаў сям'і патрабавалася сабраць дакументы, што пацвярджаюць іх права на дзяржаўнае забеспячэнне: заява, сведчанне аб смерці, дадзеныя пра ўсіх членаў сям'і, даведку з месца працы загінулага пра яго заробак за 12 месяцаў. Ва ўмовах, у якіх знаходзілася насельніцтва рэспублікі, гэта было складана, а часам проста немагчыма зрабіць — у выніку працэс арганізацыі своечасовай сацыяльнай дапамогі закрануў не ўсіх, хто па законе меў на яе права.

Пры аналізе архіўнага матэрыялу пра стан дзяржаўнага забеспячэння бачна, што нягледзячы на напружную, і часта паспяховую работу аддзелаў Упраўлення, заставалася значная колькасць праблем. Напрыклад, значная частка заяў на ўстанаўленне грашовых дапамог і пенсій на канец 1944 г. так і засталася неразгледжанай. Таксама, варта адзначыць, што некаторыя працаўнікі самога Упраўлення, так і яго раённых аддзелаў часам неадказна падыходзілі да сваёй працы. Прыходзіла шмат лістоў і скаргаў ад сем'яў пра тое, што некаторыя мясцовыя аддзелы адказваюць несвоечасова або зусім не адказваюць на заявы (для разгляду заяў прызначаўся

3-х дзённы тэрмін) [7, арк. 99–110]. Часта сустракалася затрымка выплаты пенсій і грашовых дапамог на некалькі месяцаў, пазбаўленне ільгот, адмова ў матэрыяльнай дапамозе.

У перыядычным друку таксама адлюстравалася выпадкі неналежнай і бюракратычны працы па разгляду заяў франтавікоў. Напрыклад, у Зеляновіцкім сельсавеце Васілевіцкага раёну (зараз Калінкавіцкі раён Гомельскай вобласці) заявы на матэрыяльную дапамогу некалькі месяцаў заставаліся без адказу, загадчык аддзела не рэагаваў на заўвагі [8].

Асабліва ў цяжкім становішчы знаходзіліся тыя, хто не меў дакументаў, пацвярджаючых іх права на грашовае забеспячэнне. Атрымліваць грашовую дапамогу такія сем'і маглі на падставе сведкавых паказанняў, але толькі цягам трох месяцаў, пакуль ішоў пошук ваеннаслужачага.

Вялікай праблемай былі неўкамплектаванасць аддзелаў па дзяржаўным забеспячэнні, а таксама частая змена іх загадчыкаў. Так, у некаторых раёнах за кароткі час змянялася па 2–3 загадчыка. Шмат хто з іх увесь час знаходзіўся ў камандзіроўках, не злучаных з іх асноўнай працай, у выніку пытаннямі сем'яў ваеннаслужачых і партызан займаліся шараговыя працаўнікі, якія былі не ў стане вырашыць іх праблемы.

Да пачатку 1945 г. арганізацыя і функцыянаванне аддзелаў па дзяржаўным забеспячэнні значна палепшыліся. Шмат у чым гэта было злучана са сталым кантролем, асабліва з боку партыйных органаў. Калі ў лістападзе 1944 г. колькасць сем'яў, што складаюцца на ўліку, склала 537 тысяч [9, арк. 3], то да лютага 1945 г. колькасць сем'яў павялічылася да 681 тысяч [10, арк. 166].

Аднак, формы дзяржаўнай дапамогі былі розныя: апроч грашовага забеспячэння, існавалі мэтавыя фонды прамысловых і харчовых тавараў, выдавалася аднаразовая матэрыяльная дапамога, падаваліся розныя ільготы — на падаткі, сельскагаспадарчыя пастаўкі, жыллё, квартплату, навучанне. Арганізоўваліся спецыяльныя брыгады для рамонту і пабудовы дамоў для інвалідаў, сем'яў ваеннаслужачых, партызан і дэмабілізаваных. Паводле даных на момант ліпеня 1945 г. для сем'яў ваеннаслужачых і партызан было адбудавана 55,5 тысяч новых дамоў, а ў гарадах і раённых цэнтрах адрамантавана 45 тысяч кватэр [11, с. 65].

Вялікую ролю ў аказанні матэрыяльнай дапамогі інвалідам вайны, сем'ям ваеннаслужачых і партызан, сіротам павінны былі адыграць калгасныя касы ўзаемадапамогі, якія пачалі аднаўляцца разам з узнаўленнем калгасаў [12, арк. 25]. Грошы і прадукты, якія атрымліваліся праз касы, Упраўленне строга размяркоўвала на патрэбы гэтых людзей па складзенымі аддзеламі паімённымі спісамі.

Але ў цяжкіх эканамічных умовах дзяржаўныя структуры былі не ў стане падтрымаць усіх, таму значную долю сацыяльнай дапамогі складалі

недзяржаўныя формы ў выглядзе збору грашовых ахвяраванняў, адзення, прадуктаў харчавання, правядзенні суботнікаў, дабрачынных мерапрыемстваў. Упраўленне сачыла за размеркаваннем і гэтых сродкаў.

Цераз гандлёвыя арганізацыі і з Фондаў Чырвонага крыжа 106 тыс. сем'яў атрымалі адзенне, абутак, былі забяспечаны палівам, 260 тысяч атрымалі ільготы па падаткам, 242 тысячы — ільготы па сельскагаспадарчым пастаўкам, 22 тысячы — ільготы пры аплаце за кватэру, 250 тысяч былі забяспечаны агародамі. Было выдадзена грашовых дапамог і пенсій на суму 178 мільёнаў рублёў [4, арк. 2].

У снежні 1944 г. у адпаведнасці з пастановай СНК БССР і ЦК КП(б)Б «Аб мерах дапамогі сем'ям франтавікоў і інвалідаў Айчыннай вайны» была арганізавана работа па зборы сродкаў з добраахвотных ахвяраванняў насельніцтва ў Фонд дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, партызан і інвалідаў Айчыннай войны. Пры Упраўленні па дзяржаўным забеспячэнню была створана Рэспубліканская камісія для ўліку і размеркаванню сродкаў, што паступаюць у гэты фонд [2, с. 126–131]. З створаных фондаў выдана было 396 тысяч пудоў прадуктамі (бульба, збожжа з большасці) і грашыма 658 тысяч рублёў у выглядзе аднаразовай дапамогі [13, с. 64–65].

У восені 1946 г. у сістэме арганізацыі забеспячэнне сем'яў ваеннаслужачых і партызан пачынаюцца карэнныя змены. З цягам часу адпадае патрэба ў існаванні асобнай структуры, накіраванай на дапамогу дадзенай групе грамадзян, таму адбываюцца структурныя пераўтварэнні самога Упраўлення.

Упраўленне было скасавана пастановай Савета Міністраў БССР ад 1 лістапада 1946 г. [14, с. 2–4], з прычыны масавай дэмабілізацыі, якая пачалася яшчэ з сярэдзіны 1945 г. Прыняцце пастановы вызначыла перааранізацыю Народных камісарыятаў: перайменаванне іх у міністэрства, перадача функцый Упраўлення Міністэрству сацыяльнага забеспячэння, а мясцовых аддзелаў Упраўлення — мясцовым аддзелам сацыяльнага забеспячэння.

Працэс аднаўлення органаў сацыяльнага забеспячэння адбываўся ў няпростых умовах, у тым ліку з-за таго, што працягвалася вайна. Можна адзначыць наяўнасць праблем у сферы дзяржаўнага забеспячэння. Недахоп кваліфікаваных кадраў і высокая іх цякучка адмоўна ўплывалі на якасць аказання падтрымкі насельніцтву. Праз бюракратычныя і фармалізаваныя працэдуры людзі, якія патрэбавалі дапамогу, не заўсёды маглі яе атрымаць. Гэта таксама магло прыводзіць да злоўжыванняў і абыякавасці з боку службоўцаў. Важнай праблемай была амаль поўная адсутнасць індывідуальнага падыходу да кожнай сям'і ваеннаслужачых, што істотна адбівалася на іх становішчы. Але нельга не адзначыць важныя дасягненні ў працы органаў сацыяльнага забеспячэння, якія здолелі забяспечыць падтрымку вялікай

колькасці людзей. У вельмі цяжкіх умовах была сфармавана асноўная заканадаўчая база для прызначэння і выплаты грашовых дапамог і пенсій, а таксама створана сістэма ільгатавання. Сем'ям ваеннаслужачых і партызан была прадастаўлена магчымасць ажыццяўлення навучання, перакваліфікацыі і працаўладкавання.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Картотека законодательных и инструктивных материалов НКМП РСФСР. 1943 год. Вып. 4–9 / Народ. комиссариат мест. пром-сти РСФСР. М.: Гос. изд-во мест. пром-сти РСФСР, 1944. 116 с.

2. Освобожденная Беларусь: док. и материалы. В 2 кн. Кн. 2. Январь–декабрь 1945 / сост. В. И. Адамушко [и др.]. Мн.: НАРБ, 2005. 506 с.

3. Проекты Указов о правительственных наградах бывших партизан, устройстве, размещении и оказании материальной помощи семьям партизан, перечень вопросов областных Советов перед Совнаркомом БССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Воп. 3. Спр. 695. Арк. 690.

4. Отчетный доклад ЦК о работе общества Красного креста БССР за период 1944–1947 гг. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 37. Спр. 210. Арк. 43.

5. Клопаты аб сем'ях ваеннаслужачых: памятка старшыні сельсавета / Упраўленне па дзяржаўнаму забеспячэнню і бытавому ўпарадкаванню сем'яў ваеннаслужачых пры Саўнаркоме БССР. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1945. 43, [1] с.

6. Материальное обеспечение при инвалидности, старости, за выслугу лет и по случаю потери кормильца: [Сборник указов, постановлений, распоряжений, приказов и инструкций] / М-во соц. обеспечения РСФСР. Москва, 1948. 703 с.

7. То же заседаний партбюро // НАРБ. Ф. 102. Воп. 8. Спр. 6. Арк. 7.

8. *Бандарчук Н.* Дапамога сем'ям франтавікоў // Звязда. 17 лютага. 1945. С. 3.

9. Переписка с Управлением гособеспечения о ходе трудоустройства и бытовому устройству демобилизованных старших возрастов по БССР // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 37. Спр. 132. Арк. 12.

10. Переписка с ЦК ВКП(б) // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 37.Спр. 185. Арк. 185.

11. Сёмая сесія Вярхоўнага Савета БССР, 3–5 ліп. 1945 г.: Стэнагр. справаздача. Мн.: Дзярж. выд-ва БССР, 1947. 170, [1] с.

12. Материалы об организации работы органов соцобеспечения Белоруссии (постановления, докладные записки, переписка и др.) // НАРБ. Ф. 102. Воп. 3. Спр. 1. Арк. 58.

13. Переписка с Управлением государственного обеспечения о состоянии государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих и партизан Белорусской ССР // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 37. Спр. 183. Арк. 41.

14. Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск: Управление делами Совета Министров БССР. 1946. № 8–9. 24 с.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БССР В РЕШЕНИЯХ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПБ (1952–1954)

И. В. Квашко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, his.kvashko@bsu.by

В статье рассматривается влияние Великой Отечественной войны на общественные процессы в Белорусской ССР на основе анализа деятельности Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. Выявляется роль Секретариата ЦК КПБ как одного из высших партийных органов в управлении республикой в условиях преодоления последствий войны. Показано участие Секретариата в решении кадровых вопросов и восполнении дефицита руководящих кадров, а также в реагировании на социальные изменения, вызванные войной. В статье рассмотрены ключевые аспекты идеологической работы и экономического восстановления, направленные на консолидацию общества и восстановление народного хозяйства в после войны. Указывается, что меры, принятые Секретариатом ЦК КПБ, являлись реакцией на долгосрочные последствия войны, способствуя стабилизации и укреплению партийно-государственной структуры Белоруссии. Делается вывод, что деятельность Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. стала ответом на долгосрочные вызовы, порожденные войной, и способствовала стабилизации обстановки и укреплению партийно-государственной системы в послевоенной Беларуси.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; БССР; Секретариат ЦК КПБ; послевоенный период; общественные процессы; кадровая политика; идеология; социальные проблемы; послевоенное восстановление.

THE INFLUENCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON SOCIAL PROCESSES IN THE BSSR IN THE DECISIONS OF THE SECRETARIAT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY OF BELARUS (1952–1954)

I. V. Kvashko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, his.kvashko@bsu.by

The article examines the impact of the Great Patriotic War on social processes in the Byelorussian SSR based on the analysis of the activities of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1952–1954. The role of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus as one of the highest party bodies in governing the republic in the context of overcoming the consequences of the war is revealed. The participation of the Secretariat in solving personnel issues and replenishing the deficit of leadership, as well as in responding to social changes caused by the war is shown. The article examines the key aspects of ideological work and economic recovery aimed at consolidating society and restoring the national economy after the war. It is indicated that the measures taken by the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party

of Belarus were a response to the long-term consequences of the war, contributing to the stabilization and strengthening of the party and state structure of Belarus. It is concluded that the activities of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1952–1954. became a response to the long-term challenges generated by the war and contributed to the stabilization of the situation and the strengthening of the party-state system in post-war Belarus.

Keywords: The Great Patriotic War; the BSSR; the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus; the post-war period; social processes; personnel policy; ideology; social problems; post-war reconstruction.

Великая Отечественная война оставила глубочайший след в истории Беларуси, оказав разрушительное воздействие на все сферы жизни республики — погиб каждый третий житель, было уничтожено более половины национального богатства, разрушены города и тысячи деревень [1]. Экономика была отброшена к уровню 1928 г., а по таким важнейшим отраслям как промышленность и энергетика — к показателям 1913 г. [1]. Период 1952–1954 гг. характеризуется не только активным восстановлением народного хозяйства на фоне колоссальных разрушений, но и продолжающимся процессом преодоления последствий военного времени, проявившихся в нехватке кадров, непростой социально-экономической обстановке, необходимости консолидации общества. Одновременно шел процесс укрепления партийно-государственной системы и усиления контроля Коммунистической партии над всеми аспектами жизни общества в условиях начавшейся «холодной войны».

Воссоздание Секретариата ЦК КПБ в октябре 1952 г., в соответствии с Уставом КПСС, принятым на XIX съезде [2, с. 8], стало одним из шагов в этом направлении. Согласно п. 42 Устава, Секретариат отвечал за рассмотрение текущих вопросов, проверку исполнения решений и подбор кадров. Фактически, его компетенция была значительно шире, охватывая экономику, идеологию, социальную сферу, кадровые назначения и другие вопросы.

В условиях послевоенного времени многие «текущие вопросы» были напрямую или косвенно связаны с последствиями войны. Это касалось как восстановления разрушенного хозяйства, так и работы с людьми, чьи судьбы были искалечены войной, а также формирования идеологического ландшафта, учитывающего опыт военного времени.

Одной из важнейших функций Секретариата была кадровая работа, включая подбор, расстановку и утверждение руководящих работников. Война внесла существенные коррективы в этот процесс.

Особое внимание уделялось проверке биографий кандидатов на руководящие посты, особенно тех, кто находился на оккупированной территории или в плену. Секретариат рассматривал дела лиц, скрывших

факты своего пребывания в плену или на оккупированной территории, а также компрометирующие данные о родственниках, сотрудничавших с оккупантами. Примерами могут служить дела Б. К. Маркиянова, заведующего отделом Витебского обкома КПБ, скрывшего факт пребывания в плену [3, л. 3–4], и М. С. Майсака, первого секретаря Новобелицкого райкома КПБ [4, л. 135–159], не указавшего компрометирующие факты о родственниках. Аналогичные проверки проводились и при приеме на работу на режимные предприятия, как в случае с заводом № 930 Министерства промышленности средств связи СССР (Витебская область), где, по данным проверки, значительная часть руководящих кадров (23 %) в период войны проживала на оккупированной территории, была в плену или работала на немцев [5, л. 4–8].

Война привела к гибели и инвалидизации значительной части населения, включая управленческие кадры. Секретариат занимался вопросами подготовки и переподготовки кадров, направляя работников на учебу в Республиканскую партийную школу при ЦК КПБ [6, л. 6], Высшую партийную школу при ЦК КПСС [7, л. 6–7], Ленинские курсы [4, л. 55–58]. Это было необходимо для восполнения кадрового дефицита, обострившегося в результате войны.

В условиях послевоенного усиления идеологического контроля со стороны партийных органов, немаловажным критерием при подборе кадров оставалась политическая благонадежность.

Письма и жалобы граждан, рассматривавшиеся Секретариатом, отражали трудности послевоенной жизни и социальные изменения в обществе. Сельское хозяйство республики находилось в тяжелом состоянии.

Многие обращения касались злоупотреблений со стороны местных руководителей, часто связанных с дефицитом ресурсов и тяжелыми условиями жизни. Рассматривались дела об использовании служебного положения [8, л. 12–13], о нарушениях в колхозах [9, л. 6–10], о фактах коррупции [10, л. 7].

Жалобы отражали бытовую неустроенность, плохое снабжение, тяжелые условия труда на предприятиях и в колхозах. Восстановление колхозно-совхозной системы, нехватка техники создавали крайне сложные условия для жизни на селе. Рассмотрение писем крестьян-единоличников Гродненской области о методах принуждения к вступлению в колхозы и изъятии земли [11, л. 22–23; 7, л. 2] свидетельствует о сложностях в реализации политики в разоренных войной западных областях республики.

Секретариат рассматривал апелляции по партийным взысканиям и исключениям из партии. Среди причин часто фигурировали формулировки, связанные с военным временем: «сотрудничество с немецкими властями»,

«служба у немецких захватчиков», «скрытие службы близких родственников у оккупантов», «недостойное поведение во время нахождения на временно оккупированной врагом территории» [3, л. 6–16]. Это показывает, что «эхо войны» продолжало влиять на судьбы людей и требовало вмешательства высших партийных инстанций.

Послевоенный период характеризовался усилением идеологического контроля во всех сферах жизни общества.

Особое внимание уделялось работе с молодежью, пережившей войну или родившейся в первые послевоенные годы. Организация летнего отдыха пионеров и школьников [13, л. 2–7], отбор кандидатов в Минское Суворовское училище (в том числе детей погибших воинов и партизан) [14, л. 4–5, 8], контроль за деятельностью комсомола [15, л. 8] были частью политики по воспитанию нового поколения в духе советского патриотизма, с опорой на героический нарратив о войне.

Хотя Секретариат не занимался непосредственным управлением экономикой, его решения отражали задачи восстановления народного хозяйства, разрушенного войной. Приоритет отдавался тяжелой промышленности, создавались новые отрасли, такие как автомобиле- и тракторостроение [1, с. 217]. Рассмотрение вопросов об увеличении производства строительных материалов [8, л. 8–9], состоянии дел в лесозаготовительной отрасли [16, л. 12], работе МТС [4, л. 7–10; 6, л. 18–21] и проблемах животноводства [6, л. 5–7] было напрямую связано с необходимостью преодоления последствий войны и наращивания экономического потенциала республики.

Анализ деятельности Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. показывает, что Великая Отечественная война продолжала оказывать существенное влияние на общественные процессы в БССР. Последствия войны, масштабы которой были катастрофическими для республики, пронизывали различные аспекты работы ЦК КПБ.

В кадровой политике сохранялась настороженность к лицам с «сомнительным» военным прошлым, усугубляемая общей атмосферой недоверия в обществе, а необходимость восполнения потерь стимулировала развитие системы партийного образования. Социальная сфера характеризовалась многочисленными проблемами, включая разруху, тяжелое положение в сельском хозяйстве, последствия коллективизации в западных областях, что находило отражение в жалобах и обращениях граждан, требовавших вмешательства партийных органов. Идеологическая работа была направлена на консолидацию общества, мобилизацию ресурсов для осуществления послевоенного строительства. Экономические решения были подчинены задаче скорейшего восстановления разрушенного потенциала, с акцентом на развитие тяжелой промышленности.

Таким образом, решения Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг., направленные на решение текущих задач управления, во многом были ответом на долгосрочные вызовы, порожденные Великой Отечественной войной. Деятельность Секретариата стала важным фактором стабилизации обстановки, укрепления партийно-государственной системы и определения траектории дальнейшего развития БССР в сложных условиях послевоенного восстановления.

Библиографические ссылки

1. ДОСЬЕ: 100 лет БССР: послевоенное восстановление // Белорусское телеграфное агентство. URL: https://belta.by/society/view/dose-100-let-bssr-poslevoennoe-vosstanovlenie-327819-2018 (дата обращения: 10.04.2025).
2. Устав Коммунистической партии Советского Союза (принят XIX Съездом партии). М.: Госполитиздат, 1952. 29 с.
3. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 1 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 94. Д. 2.
4. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 11 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 19.
5. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 7 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 11.
6. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 12 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 22.
7. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 21 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 36.
8. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 5 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 8.
9. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 3, 4 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 4.
10. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 4 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 6.
11. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 18, 19 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 31.
12. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 18 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 32.
13. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 17 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 30.
14. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 19 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 33.
15. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 13 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 24.
16. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 9 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 16.

УЧАСТИЕ МИЛИЦИИ БССР В ПРОЦЕССЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

А. В. Кухаренко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, vitArtem2003@gmail.com

В статье рассматривается деятельность милиции БССР в контексте процесса послевоенного восстановления. Даётся общая характеристика направлений работы милицейских подразделений, оцениваются результаты.

Ключевые слова: милиция БССР; МВД БССР; бандитизм; преступность; антисоветское подполье; ОБХСС; ГАИ; беспризорность.

PARTICIPATION OF THE BSSR MILITIA IN THE POST-WAR RECOVERY PROCESS

A. V. Kukharenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, vitArtem2003@gmail.com

The article examines the activities of the BSSR militia in the context of the post-war reconstruction process. It provides a general description of the areas of work of the militia units and evaluates the results.

Keywords: Militia of the BSSR; Ministry of Internal Affairs of the BSSR; banditry; crime; anti-Soviet underground; OBKhSS; SAI; homelessness.

Начавшийся процесс послевоенного восстановления БССР ставил целью ликвидацию последствий войны, что выражалось в восстановлении народного хозяйства и в стабилизации социальной ситуации. Среди элементов, которые дестабилизировали как социальную сферу, так и экономику, можно отметить возросший уровень преступности, отсутствие безопасности в общественных местах и на дорогах, беспризорность и безнадзорность детей.

Милиция БССР активно включилась в борьбу с уголовными проявлениями. 6 апреля 1946 г. МВД БССР издаёт директиву «О мероприятиях и борьбе с бандитизмом и антисоветскими проявлениями, а также уголовной преступностью в Белорусской ССР». Согласно документу, органам милиции на местах предписывалось активизировать борьбу с бандитизмом, организовать учёт всех преступлений, ускорить процесс изъятия трофейного оружия у населения. Указывались следующие меры действия: активное привлечение к борьбе с подпольными националистическими формированиями сотрудников всех служб милиции, усиление паспортного режима во всех населенных пунктах, проведение сотрудниками милиции

профилактической работы среди населения [1, с. 100]. Важную роль в деле поддержания порядка играли и участковые. Как отмечается: «помимо „традиционных“ обязанностей, на их плечи легла борьба (совместно с другими службами) с „политическим бандитизмом“, а также выявление и разоблачение карателей и пособников фашистов, замаскировавшихся среди мирных граждан, учет и контроль репатриированных лиц, организация работы сельских исполнителей и ночной охраны в сельской местности и др. [2, с. 12]». На март 1947 г. было ликвидировано 196 бандитских группировок, в которых состояло 769 человек. Бандитов одиночек было ликвидировано 2810 чел. [3, л. 5]. С марта 1947 по 1 января 1949 г. в восточных областях БССР ликвидировано 72 банды, в которые входило 322 человека и 114 бандитов-одиночек [3, л. 7–8]. В целом, о результатах борьбы с бандитизмом сообщает статистика — в 1946 г. в производстве органов милиции находились 597 дел о грабежах, 665 — о разбоях, 565 — об убийствах, в 1952 г. — соответственно, 32, 146, 167 [4, с. 282].

Обеспечением общественной безопасности занималась наружная служба, она же — постовая служба милиции. На наружную службу милиции были возложены следующие виды работы:

1) охрана общественного порядка и борьба с уголовной преступностью;
2) постовая и патрульная служба;
3) подсобные силы участковых уполномоченных милиции;
4) надзор за весоизмерительными приборами;
5) охрана и конвоирование заключённых;
6) охрана объектов подразделениями ведомственной милиции;
7) борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью;
8) административный надзор, привлечение нарушителей и наложение штрафа [5, л. 304].

В 1947 г. наружной службой милиции было задержано 9726 нарушителя порядка, в 1948 г. — 10 101 [3, л. 113]. За 1943–1949 гг. по линии охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью зарегистрировано 70 007 преступлений, из них раскрыто 85,3 %, предупреждено 4782 преступления [3, л. 9].

Борьба с антисоветским подпольем в основном легла на плечи сотрудников органов государственной безопасности НКГБ-МГБ-КГБ СССР. Непосредственно физической ликвидацией и арестом членов наиболее крупных подпольных групп занимались оперативно-чекистские группы [6, с. 47–52]. Силы милиции не только защищали мирное население от террора со стороны подпольщиков, но и активно включались в оперативно-розыскную работу, направленную на устранение преступников. В 1947 г. ЦК КП(б)Б принимает постановления «О политической обстановке в западных областях

БССР и мерах борьбы с националистическим подпольем и бандитскими проявлениями», «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и бандитизмом в западных областях». В соответствии с этими документами, МВД БССР увеличивало кадровую численность милиции на западе страны, создавалось больше оперативных групп для реагирования как на «политический бандитизм», так и на уголовный, который мог перерасти в политический [4, с. 262]. На март 1947 г. было уничтожено 92 антисоветские подпольные организации, с количеством участников в них равному 1170 чел. (задержаны, арестованы, явились с повинной). При этом, со стороны ОВД, войск и партийного актива было 209 убитых, среди которых было 49 сотрудников МВД [3, л. 5–6]. В марте 1947 г. функция борьбы с политическим бандитизмом на территории западных областей БССР была передана органам МГБ. Органы МВД БССР осуществляли борьбу с политическим бандитизмом только на территории восточных областей, а с уголовным бандитизмом, на территории всей страны [3, л. 7]. К середине 1950-х совместными усилиями органов НКГБ-МГБ-КГБ СССР и НКВД-МВД СССР антисоветское подполье на территории БССР было полностью разгромлено.

Вопрос экономической безопасности государства после окончания Великой Отечественной войны был особо актуален, ввиду не только начавшегося процесса восстановления, но и ограниченности материальных ресурсов. В этот период ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией) был сосредоточена на борьбе со спекуляцией, хищением денежных средств из касс предприятий и организаций, на наведении порядка в системе учёта и контроля материальных ценностей, обеспечении хранения квитанций, накладных, ордеров, пропусков на вывоз грузов. Шла активная борьба с хищениями и спекуляцией карточек на товары. В период до 1949 г. самым частым экономическим преступлением фиксировалась именно спекуляция [3, л. 11]. Как отмечается к докладной записке секретарю ЦК КПБ(б) Н. И. Гусарову от начальника управления милиции МГБ БССР Л. Семенова, преступления, связанные с хищениями и растратами, совершаются в том числе из-за того, что на должности материально-ответственных лиц принимаются лица без должной проверки (с судимостями, коллаборанты, с «пробелами» в биографии) [5, л. 275]. Кроме того, существовала проблема скотокрадства, которая, тем не менее, была полностью нивелирована к 1949 г. [7, с. 21]. Актуальной была задача обеспечения продовольственной безопасности государства. Сотрудниками проводились мероприятия, направленные на пресечение правонарушений, разного рода профилактические действия, которые включали в себя проверку технического состояния и состояния

безопасности складов, элеваторов, пунктов «Заготзерно». В процессе экономической реформы 1947 г. органы БХСС были сосредоточены на устранении фактов незаконного обмена денег, разоблачении махинаций с денежными массами и продовольственными карточками. В остальном же, деятельность отдела была сосредоточена на борьбе со взяточничеством, спекуляциями и хищениями.

С началом процесса послевоенного восстановления на базе Государственной автомобильной инспекции (ГАИ) были созданы подразделения регулирования уличного движения. Сотрудники подразделения размещались в городах, а их основной задачей было, с помощью флажков зелёного и красного цветов, регулировать автомобильное движение. Регулировщик, который допускал дорожно-транспортное происшествие (ДТП) на своём участке отправлялся под военный трибунал (практика передачи сотрудников милиции под трибунал была отменена только в 1953 г.) [8, с. 61, 67]. В разрушенных городах, порой, трудно было даже определить наличие перекрёстка в том или ином месте. Со временем, в городах начали вновь появляться светофоры, а на самых оживлённых перекрестках регулирование производилось в том числе с помощью сотрудника ГАИ, который находился в специальной будке. Всё же, основными направлениями деятельности ГАИ были: борьба с ДТП и нарушениями правил дорожного движения, учёт автотранспорта и, при наличии фактов незаконного приобретения, его изъятие. В данный период деятельности ГАИ регламентировалась «Инструкцией о надзоре за движением транспорта и пешеходов», которая была издана 3 декабря 1948 г. посредством Приказа МВД СССР № 0742. Согласно инструкции: «Надзор за соблюдением правил движения на улицах городов и на дорогах, а также использования общественного транспорта является основным средством в борьбе с дорожными происшествиями (авариями, наездами на людей и несчастными случаями)… эту работу, помимо инспекторов дорожного надзора, вменить в обязанность всем постовым милиционерам…» [8, с. 75]. Борьба с ДТП также происходила посредством учёта всех происшествий, для анализа их причин и предотвращения аналогичного в дальнейшем. За 1947–1948 гг. органами ГАИ было подвергнуто штрафу 1811 чел., уголовных проявлений (аварии, наезды, несчастные случаи) было зарегистрировано 49 [5, л. 27–28]. На основании Постановления СНК СССР № 890 от 26 апреля 1945 г. «О порядке изъятия у учреждений, предприятий и отдельных лиц незаконно приобретенных автомобилей и мотоциклов», сотрудниками ГАИ производился учёт и изъятие автотранспорта, владельцы которых, по запросу, не могли документально подтвердить законность приобретения того или иного средства передвижения.

Острой проблемой в белорусском обществе стала проблема детской беспризорности и безнадзорности. Непосредственно сотрудники милиции БССР, в основном это были участковые, выявляли несовершеннолетних, оставшихся без родителей и склонных к правонарушениям, изымали их с улиц и доставляли их по принадлежности в детские комнаты милиции или приемники-распределители МВД [9, с. 12]. Основной формой как профилактики детской преступности, так и борьбы с беспризорностью являлась организация специальных трудовых и воспитательных колоний МВД. За период 1944–1953 гг. через описанную систему прошли около 100 тыс. беспризорных детей и подростков, которые были в дальнейшем устроены в приёмные семьи, на работу и учёбу [10, с. 15]. К примеру, детскими приёмниками-распределителями МВД БССР в 1952 г. было принято 6898 беспризорных и безнадзорных детей и подростков. После предварительного изучения и проведения воспитательной работы большинство детей возвращались к родителям или к заменяющим их лицам (3479 чел.), а также отправлялись на перевоспитание в детские дома (2289 чел.) [3, л. 7].

Таким образом, в послевоенный период ключевое внимание милиции БССР было направлено на устранение острых социально-экономических и политических проблем, оставшихся после Великой Отечественной войны. К 1953 г. наблюдалось значительное снижение количества уголовных преступлений, а также достигнуты заметные успехи в решении проблемы беспризорности среди детей. Меры, предпринятые правоохранительными органами, позволили расправиться с антисоветскими подпольными группами и бандитскими формированиями, что сыграло определённую роль в возвращении общественной жизни к стабильному состоянию. Работа милиционеров в городах и сельской местности способствовала постепенному восстановлению правопорядка и созданию условий для безопасного и спокойного существования граждан. Можно заключить, что процесс восстановления БССР после войны неразрывно связан с работой милиции.

Библиографические ссылки

1. История органов внутренних дел: учебное пособие / А. И. Мурашко [и др.]; Минск: Академия МВД, 2021.

2. *Данилов В. А.* Правовые основы развития института участковых уполномоченных милиции в БССР в послевоенные годы (1944–1953) // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 апр. 2024 г.): тез. докл. Минск, 2024. С. 12–13.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 62. Д. 38.

4. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / В. Н. Савичев [и др.]; ред. кол.: В. А. Пискарев (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларусь, 1987.

5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 45.

6. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011.

7. Дело службы БЭП (БХСС) № 80/1937-2017: 80 лет на страже экономической безопасности государства / сост. Боярович Е. А.; под ред. Никитина Э. А., Шафаренко В. Н. Минск: Звязда, 2017.

8. 80 лет Государственной автомобильной инспекции МВД Республики Беларусь: документы, факты, события, люди / сост. Сушко А. А., Банадык А. Э. Минск, 2016.

9. *Данилов В. А.* Некоторые особенности правового регулирования деятельности белорусской милиции в борьбе с преступностью несовершеннолетних (1944–1953 гг.) // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.): тез. докл. Минск, 2021. С. 11–12.

10. *Данилов В. А.* Правовое регулирование борьбы белорусской милиции с детской безнадзорностью и беспризорностью в военные и послевоенные годы (1943–1953 гг.) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2008. № 1. С. 12–17.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА СЛЕПЫХ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

И. А. Мартинкевич

Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, пр. Фрунзе, 27, 210009, г. Витебск, Беларусь, janka.m@mail.ru

В статье исследуются ключевые аспекты социально-трудовой реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны в контексте деятельности Белорусского общества слепых в первые послевоенные годы. Анализируется его роль в организации трудоустройства и профессиональной подготовке инвалидов, выявляются основные трудности, с которыми сталкивались представители общества при реализации реабилитационных мероприятий. Особое внимание уделяется созданию специализированных предприятий и мастерских, направленных на адаптацию инвалидов к трудовой деятельности и их интеграцию в общество.

Ключевые слова: Белорусское общество слепых; инвалиды Великой Отечественной войны; инвалиды; социально-трудовая реабилитация; трудоустройство; профессиональное обучение; восстановление; послевоенные годы; социальное обеспечение.

SOCIAL AND LABOR REHABILITATION OF DISABLED PERSONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN SOCIETY OF THE BLIND IN THE FIRST POST-WAR YEARS

I. A. Martinkevich

Vitebsk State Order of Friendship of Peoples Medical University, Frunze Ave., 27, 210009, Vitebsk, Belarus, janka.m@mail.ru

The article examines the key aspects of social and labor rehabilitation of disabled persons of the Great Patriotic War in the context of the activities of the Belarusian Society of the Blind in the first post-war years. Its role in organizing the employment and professional training of disabled persons is analyzed, and the main difficulties that representatives of the society faced when implementing rehabilitation measures are identified. Particular attention is paid to the creation of specialized enterprises and workshops aimed at adapting disabled people to work and integrating them into society.

Keywords: Belarusian Society of the Blind; disabled people of the Great Patriotic War; disabled people; social and labor rehabilitation; employment; vocational training; recovery; post-war years; social security.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории нашей страны, затронув жизни миллионов людей. В условиях послевоенной действительности было необходимо заново восстанавливать экономику и инфраструктуру БССР. Республика постепенно осуществляла переход к

мирной жизни. Однако этот процесс проходил непросто, что было обусловлено экономическими трудностями и рядом других проблем, среди которых важное место занимала социально-трудовая реабилитация инвалидов, которым пришлось заново осваивать жизнь в условиях послевоенной разрухи. Социально-трудовая реабилитация этих людей стала одной из важнейших задач государства по предоставлению им государственной помощи.

После освобождения территории БССР от оккупации 24 августа 1944 г. СНК БССР принял специальное Постановление о возобновлении деятельности Белорусского общества слепых (БОС). На основании этого решения с декабря 1944 г. началось его организационное оформление. Важнейшей задачей на первом этапе стало формирование руководящих кадров, что в условиях послевоенной реальности оказалось весьма сложной задачей.

Кроме того перед руководством общества стояла ключевая проблема — трудоустройство слепых инвалидов. Её решение требовало значительных усилий, так как к концу 1944 г. лишь 26 инвалидов по зрению были трудоустроены в артели Белкоопинсовета, и их работа. В целях улучшения ситуации перед руководством общества была поставлена задача организовать производство в рамках своей структуры, аналогично тому, как это происходило до начала Великой Отечественной войны. Однако реализовать это в кратчайшие сроки было крайне сложно из-за острого дефицита подготовленных кадров. В то же время спрос на труд со стороны инвалидов по зрению оставался высоким, но трудоустроить их на тот момент не представлялось возможным. Артели Белкоопинсовета не справлялись с возложенным на них планом, и фактически их работа не осуществлялась.

В связи с этим Центральное руководство Белорусского общества обратилось к СНК БССР с предложением о передаче артелей в ведение организации. По их мнению, это могло бы послужить основой для развития производства и трудоустройства слепых. 1 июля 1945 г. СНК БССР эту просьбу удовлетворил [1, л. 277]. В результате Белкоопинсовет передал обществу слепых восемь артелей. Однако на тот момент реально действующими были лишь четыре из них — Минская, Борисовская, Оршанская и Гомельская. Артели в Слуцке, Могилеве, Витебске и Червене не функционировали. Практически все предприятия сталкивались с финансовыми трудностями: заработная плата не выплачивалась вовремя и была недостаточной, а общежития для слепых отсутствовали. В итоге производительность труда оставалась низкой и план не выполнялся [2, л. 34–35].

Чтобы наладить работу, организационно-хозяйственную деятельность предприятий в начале 1945 г. был утверждён план работы Центрального правления белорусского общества слепых на 1-й квартал 1945 г., согласно которому предусматривалось создание первых областных отделов.

В январе было принято решение организовать их в Витебске, Гомеле и Полоцке, а к февралю — в Пинске и Барановичах. С этой целью в регионы были направлены сотрудники центрального управления общества, а также запланировано проведение общего собрания сельских районов Гомельской области с их участием.

Параллельно велась работа по организации учебно-производственных мастерских для слепых инвалидов Великой Отечественной войны на 60 человек в Борисове. В марте планировалось провести полуторамесячные курсы подготовки 15 преподавателей для школ по ликвидации неграмотности, а также организовать трехдневное совещание председателей и заместителей областных отделов.

Принимались меры направленные на повышение осведомленности слабовидящих инвалидов о методах защиты зрения. С этой целью для них была прочитана лекция врача на тему «Как сохранить зрение». Кроме того, было запланировано обследование бытовых условий слепых инвалидов войны в Минске и Могилеве. Также в течение 1-го квартала Белорусское общество слепых планировало организовать в 5-ти областях для них школы по ликвидации неграмотности [3, л. 1].

К 27 октября 1945 г., в соответствии с постановлением СНК БССР «О трудоустройстве и улучшении материальных и культурно-бытовых условий слепых», деятельность Белорусского общества слепых была официально восстановлена [4]. Начало реализации комплекса организационных мер, направленных на улучшение работы действующих и создание новых производств, вскоре принесло первые результаты: к 1 января 1946 г. функционировало уже 7 предприятий общества. На момент передачи под руководство Белорусского общества слепых (БОС) численность персонала составляла всего 76 человек, из которых лишь 28 были слепыми (табл. 1). Однако к 1 января 1946 г. общее количество сотрудников возросло до 272 человек, при этом половину из них, а именно 136 человек, составляли инвалиды по зрению.

Таблица 1

Динамика численности персонала предприятий Белорусского общества слепых в 1945–1946 гг.

	На 01.07.1945 г.		На 01.01.1946 г.		Прирост	
	Всего	В том числе слепых	Всего	В том числе слепых	Всего	В том числе слепых
Всего персонала	76	28	272	135	196	107
В т. ч. рабочих	55	26	199	126	144	100

Источник: [2, л. 34].

Важным направлением работы Центрального правления Белорусского общества слепых стало восстановление производственных помещений и организация общежитий. В течение 6-ти месяцев они были организованы и отремонтированы в Минске (на 30 мест), Борисове (20 мест), Червене (20 мест), Орше (20 мест). Это позволило существенно улучшить жилищные условия 90 сотрудникам из числа артелей. Все общежития были обеспечены топливом и необходимыми постельными принадлежностями [2, л. 34].

Принимались меры по дальнейшему улучшению снабжения рабочих артелей, в рамках которых, для улучшения обеспечения питанием, рабочие предприятий были приравнены по нормам снабжения питанием к школам фабрично-заводского обучения (ФЗО). Отремонтированы две столовые в Минске и Борисове. Всем слепым, состоявшим на работе в артелях, была выдана одежда и продукты питания. Рабочим на предприятиях было предоставлено 54 тонны картофеля и 2 тонны овощей. В целом на улучшение условий проживания и труда инвалидов из числа Белорусского общества слепых выделялись немалые средства. Так, на вышеуказанные мероприятия было израсходовано 159,1 тыс. руб. В том числе 60 тыс. руб. на ремонт и оборудование общежитий. С 1945 по 1946 гг. на оказание помощи инвалидам по зрению было израсходовано 90 тыс. руб. Более 500 из них (инвалиды Великой Отечественные войны и вновь трудоустроенные) получили денежную помощь.

Серьёзной проблемой, с которой столкнулись предприятия общества в процессе своего дальнейшего развития, стало практически полное отсутствие транспорта в производственных структурах, переданных от Белкоопинсовета. Это значительно усложняло процесс организации на них производства. Чтобы исправить эту ситуацию за 2-е полугодие 1945 г. предприятиями Белорусского общества слепых было приобретено 6 лошадей с упряжью и 4 автомашины. Существенное расширение количества производственного оборудования, включавшее приобретение 25 швейных машин, 4 волночёсок и 2 моторов, а также ремонт 6 трикотажных машин, в сочетании с вновь организованными цехами в Гродно и Новогрудке, способствовало значительному увеличению числа рабочих мест для инвалидов Великой Отечественной войны.

Велась последовательная работа по переходу всех предприятий с ручного труда на механизированный. К тому времени Минское предприятие по чёске шерсти уже успешно перешло на моторный труд, что позволило сэкономить 12 тыс. руб. ежемесячно на заработной плате и значительно снизить себестоимость продукции. В частности, стоимость одной пары валенок уменьшилась на 35 руб., что дало возможность существенно снизить отпускные прейскурантные цены. Итогом работы артелей Белорусского

общества слепых за 1945 г. стало перевыполнение производственной программы на сумму 526 тыс. руб.: фактически программа была выполнена на 532 тыс. руб., что составило 101,2 % [1, л. 277].

В течение 1946 г. велась систематическая работа по дальнейшему переоборудованию действующих и созданию новых предприятий общества. В результате к 1 января 1947 г. число слепых инвалидов, задействованных в артелях, увеличилось с 76 до 240 человек, а общее количество работников возросло с 140 до 390 человек. На тот момент уже функционировало 9 предприятий, которые произвели продукции на сумму 1839 тыс. руб. Только по итогам работы за первый квартал 1947 г. план ими был выполнен на 581 тыс. руб., что значительно превышало результаты их деятельности за весь 1945 г. (табл. 2).

Таблица 2

Работа предприятий Белорусского общества слепых за 1946 г. и 5 месяцев 1947 г. (по предприятиям)

Наименование предприятий	1946 г.		1947 г. (5 месяцев)
	План	Выполнение	
Борисовская УПМ	351	429	270
Червенская УПМ	288	365	160
Гомельская УПМ	223	221	131
Оршанская УПМ	132	210	100
Слуцкая УПМ	81	43,6	28
Новогрудская УПМ	57	129,5	78
Могилёвская УПМ	79	46,2	57
Минская УПМ	197	267,4	120
Гродненская УПМ	92	141	59
Итого:			**1003**

Источник: [1, л. 278–279].

Важным методом стимулирования работы инвалидов по зрению и выполнения ими производственного плана стало развёрнутое на базе артелей общества слепых соцсоревнования. К 1 января 1947 г. насчитывалось 155 стахановцев, выполнявших нормы от 120 до 200 %. В результате план на 1946 г. был выполнен на 124 %, а средняя зарплата на одного рабочего возросла на 13 %. Значительно улучшилось качество выпускаемой продукции. В 1946 г. по отдельным ассортиментам продукции выпускалось больше, чем в 1940 г. К примеру, в 1940 г. было выпущено 20 000 пар валенок, а в 1946 г. — 25 000 [1, л. 279].

Следует отметить, что на фоне общих успехов, работа Белорусского общества слепых имела и слабые стороны. Так, во время специально

проведённой проверки, практически на всех предприятиях и в областных отделах общества были выявлены недостатки в работе. В Новогрудской, Гродненской учебно-производственной мастерской и Полесском областном отделе неправильно был организован учёт работающих инвалидов.

В течение 1946 г. некоторые директора предприятий не смогли в полном объёме освоить выделенные финансовые средства для нужд Белорусского общества слепых, что привело к неполному завершению строительства и ремонта общежитий, а также к недостаточному расширению производств. Программа по ассортименту и выполнение месячных планов также были реализованы лишь частично, а качество выпускаемой продукции не всегда соответствовало предъявляемым требованиям. В результате с должностей были сняты несколько руководителей, включая Лопасова, Березовского, Емельяновича и Хмельницкую, за неисполнение своих обязанностей. Центральное правление придавало большое значение совершенствованию управленческих кадров общества, и эта работа была продолжена [1, л. 280–281].

Постепенно меры, направленные на устранение существующих недостатков в работе начали приносить результаты. В течение года на переоборудование и вновь организуемые предприятия, постройку и ремонт общежитий было израсходовано 481 тыс. руб., что позволило восстановить и построить 900 м^2 жилплощади. В целом, за 1946 г. предприятия Белорусского общества слепых стали рентабельными и получили чистую прибыль в размере 462 тыс. руб. Это дало возможность на базе собственных накоплений организовать новые и расширить уже действующие предприятия, а также улучшить материальное положение слепых.

Со временем решалась проблема кадрового обеспечения предприятий. Большинство предприятий возглавляли подготовленные специалисты, 15 человек обучались на курсах бухгалтеров, по окончании которых они оставались работать в системе кооперации инвалидов по зрению. Был проведён семинар мастеров валеночного производства, в процессе которого прошли обучение 233 слепых в 1946 г., и 45 человек за 5 месяцев 1947 г. (для сравнения — в 1945 г. специальностью владел только 61 человек из числа слепых) [1, л. 283–284]. К 1948 г. были восстановлены все довоенные и созданы пять новых (Новогрудское, Бобруйское, Витебское, Гродненское, Мозырское учебно-производственные предприятия) [4].

Таким образом, в первые послевоенные годы Белорусское общество слепых стало одной из важных организаций, деятельность которой была направлена на социально-трудовую реабилитацию инвалидов Великой Отечественной войны. За короткий срок удалось не только восстановить довоенную численность предприятий, но и значительно расширить

производство, что создало возможности для трудоустройства большего числа инвалидов. Важным аспектом также было то, что помимо предоставления рабочих мест на предприятиях БОС, оказывалась помощь в улучшении жилищных условий, обеспечении продуктами питания и материальной поддержке, что в условиях послевоенной действительности имело особое значение.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1125. Оп. 1. Д. 9.
2. НАРБ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 2.
3. НАРБ. Ф. 1125. Оп. 1. Д. 1.
4. Общественное объединение «Белорусское товарищество инвалидов по зрению». URL: http://www.baif.by/stati/stroitelstvo-i-rekonstruktsiya-avtodorog (дата обращения: 05.04.2025).

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ БССР (1943–1950)

Е. Н. Мох

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, eln.mokh@gmail.com

В статье рассматриваются аспекты государственной политики по восстановлению системы школьного образования в Беларуси в 1944–1958 гг. Раскрыто научно-методическое обеспечение образовательного процесса в общеобразовательной школе БССР. Анализируются задачи школьного образования в Беларуси в послевоенный период.

Ключевые слова: Народный комиссариат просвещения БССР; Великая Отечественная война; образовательный процесс; научно-методическое обеспечение.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL PROVISION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE SECONDARY SCHOOL OF THE BSSR (1943–1950)

E. N. Mokh

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, eln.mokh@gmail.com

The article deals with the aspects of state policy on the restoration of the school education system in Belarus in 1944–1958. The scientific and methodological support of the educational process in the general school of the BSSR is revealed. The tasks of school education in Belarus in the post-war period are analyzed.

Keywords: Commissariat of Education of the BSSR; Great Patriotic War; educational process; scientific and methodological support.

Под научно-методическом обеспечением образовательного процесса понимается проведение научных исследований по теоретическому осмыслению проблем обучения и воспитания в школе; разработка учебно-программной и учебно-методической документации; обобщение и распространение передового педагогического опыта, проведение мероприятий, направленных на повышения научно-методического уровня педагогических кадров и др.

В советском тылу, еще до начала освобождения БССР от немецко-нацистских захватчиков ЦК КП(б) и СНК БССР начали организационную работу по подготовке к восстановлению школ. Народный комиссариат просвещения БССР производил учет работников народного образования, находившихся в советском тылу, в партизанах и Советской Армии. По данным на 10 мая 1942 г., Наркомпрос БССР установил переписку с 1813 эвакуированными учителями, 137 директорами и завучами неполных

средних и средних школ, 31 заведующими районными и областными отделами народного образования. Были предприняты меры по сохранению ранее изданных и подготовке новых оригинальных учебников. Большое значение имело возобновление с 1943 г. деятельности Государственного издательства БССР [1, с. 18–19].

После окончания войны началось ускоренное решение задач — научно-методическое обеспечение образовательного процесса. ЦК КП(б) БССР поручил Наркомпросу БССР и другим ведомствам разработать практические мероприятия по восстановлению школьного образования — возрождению школ и других культурных учреждений на освобожденной территории. Для этого при правительстве БССР была создана оперативная группа в составе 5 человек, которая приступила в середине 1943 г. к разработке конкретных мероприятий, положив в основу указания Центрального Комитета КП(б) БССР о том, чтобы, по мере освобождения территории БССР от нацистских оккупантов, в максимально короткие сроки создать школы, высшие учебные заведения и другие культурно-просветительные учреждения.

Совет Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б) в постановлении от 18 апреля 1944 г. «О восстановлении сетки школ в освобожденных территориях» обязывало Наркомпрос БССР организовать в освобожденных районах полный учет детей школьного возраста, восстановить к началу 1944/1945 учебного года во всей освобожденной БССР сеть начальных, семилетних и средних школ; организовать месячные курсы для учителей, возвращающихся вновь на работу. Для работы школ в учебном году 1944/1945 необходимо было 4816 человек. Для восполнения недостатка планировалось выпустить с педагогических училищ — 280 человек, с педагогического института — 25, с краткосрочных курсов (шести и трех месячных) — 1000 человек. Всего планировались выпустить — 1306 человек. Нехватку в 3511 человек необходимо было восполнить путем реэвакуации учителей с восточных областей РСФСР, с общим количеством 6130 человек [2, л. 27–27 об.].

С первых дней освобождения в БССР развернулась работа по восстановлению разрушенных школ, по изготовлению школьной мебели, по сбору учебников и учебно-наглядных пособий. Так, в Минской области исходя из задач всеобщего обучения детей школьного возраста необходимо было открыть и обеспечить помещениями 1124 школы с количеством учащихся 149 733 человека. Уцелевшие школы за годы оккупации пришли в полную негодность. Почти все были школьные здания были без оконных рам, дверей, а часто без потолка и пола. По Минской области отремонтировано и восстановлено было 448 школ, построено и приспособлено из переданных

зданий других учреждений — 269 школ, 407 школ работали в наемных помещениях. В текущем 1944/1945 учебном году открыто было 1124 школы, из них средних школ — 43 школ, неполных средних школ — 180, начальных школ — 901. В школах обучалось 149 733 детей, работало 3684 учителей. Большая работа была проведена областным отделом народного образования по восстановлению школ и подготовке к учебному году. В июле месяце работники областного отдела были командированы в восемь районов области сроком на 10 дней, с целью оказания помощи и укомплектования аппарата районных отделов народного образования, в подборе руководящего состава школ и по ряду других задач по восстановлению школ и культурно-просветительских учреждений. Качество учебно-воспитательной работы в школе зависело от состава педагогических кадров, от повышения их квалификации. Из 3684 учителей области высшее образование имело 421, неоконченное высшее — 372, среднее педагогическое — 1402, среднее общее — 412, неоконченное среднее — 977, работали без стажа 520 учителей, со стажем до 5-ти лет — 1354, от 5 до 10-ти — 563, свыше 10 — 802 учителя; учителей-партизан — 471, учителей работавших при немецкой оккупации — 1090; членов и кандидатов ВКП(б) — 120 человек, членов ВЛКСМ — 900, беспартийных — 2577; белорусов — 3079, русских — 162, других национальностей — 71; мужчин— 672, женщин — 2725 [3, л. 86–89].

По решению ЦК КП(б)Б и СНК БССР Наркомпрос организовал в каждом областном центре при педагогических и учительских институтах и при педагогических училищах краткосрочные курсы по подготовке учителей. В целях обеспечения школ учителями Совет Народных Комиссаров БССР постановлением от 16 января 1945 г. обязал исполкомы областных Советов депутатов трудящихся и Наркомпрос БССР возвратить к 1 марта 1945 г. на педагогическую работу в школы всех учителей, работающих не по специальности. Недостаток в учительских кадрах особенно остро ощущался в бывшей Полесской области и в западных областях. СНК СССР постановлением от 22 марта 1945 г. «О мерах помощи школам западных областей БССР» разрешил Совнаркому БССР открыть дополнительно в 1945 г. три педагогических училища с контингентом до 90 человек в каждом, а также учительский институт в Молодечно с контингентом проема в 130 человек. Разрешено было открыть в западных областях БССР шестимесячные курсы на 800 человек по подготовке учителей для V–VII классов на базе десятилетки.

Перед Наркомпросом БССР и органами народного образования стояли сложные задачи — обеспечить школы учебниками и учебными пособиями. Прежде всего, нужно было разработать учебные планы, без чего школы не могли работать. Наркомпрос БССР разработал переходные

учебные планы и дал указания о порядке прохождения программ по всем типам школ. В январе 1944 г. был организован учебно-методический отдел Наркомпроса БССР. В его деятельность входило: организация написания учебников и программ; их рецензирование и окончательная подготовка к печати; организация и руководство методической работы в БССР; руководство педкабинетами и институтами усовершенствования учителей; методические разработки по отдельным предметам и отдельным урокам; непосредственное изучение и обобщение материалов инспектуры о состянии постановки отдельных предметов в школе, разработка текстов контрольных работ к экзаменам и текстов билетов [4, л. 6].

20 января 1945 г. коллегия Наркомпрос БССР «О работе учебно-методического отдела управления школ НКП БССР» постановила обратить серьезное внимание на глубокое изучение состояния учебно-воспитательной работы в школах БССР. Работу по изучению школ необходимо было проводить с учетом школ западных и восточных областей; необходимо было обобщить и распространить лучший опыт отдельных учителей и школ БССР; использовать для этой цели необходимо было республиканскую и местную печать; управлению школ необходимо было проводить производственные совещания методистов и инспекторов по вопросам анализа их работы, организовать систематическую учебу методистов и школьных инспекторов [5, л. 11–12].

1 февраля 1945 г. возобновил деятельность научно-исследовательский институт (НИИ) школ. НИИ непосредственно отвечал за издание учебников и учебных пособий для школ; оказывал практическую помощи школам в деле воспитания и обучения детей. НИИ подготовил ряд методических рекомендаций, правил для учреждений образования: «Правил для учащихся», прекращении социалистического соревнование в учебной работе, переходе на пятибалльную систему оценки знаний и успеваемости учащихся, введении экзаменов на аттестат зрелости, учреждении золотых и серебряных медалей за отличную успеваемость и примерное поведение.

Особое внимание уделялось проведению всеобуча детей школьного возраста. В 1944 г. СНК БССР утвердил инструкцию Наркомпроса БССР об организации учета детей и подростков в возрасте 7–15 лет. Согласно инструкции, исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся должны были разделить территории городов, районов, Сельских Советов на школьные участки по числу имевшихся школ и прикрепить к каждой начальной, семилетней и средней школе по одному школьному участку. Контроль за выполнением закона о всеобуче возлагался на заведующих начальными школами, директоров семилетних и средних школ и органы народного образования [6, с. 38–40].

В 1945 г. коллегия Наркомпроса БССР постановила возвратить в школу всех детей школьного возраста (7–15 лет) выбывших из школы на протяжении учебного полугодия, необходимо было обращать внимание на возврат детей в начальную школу; требовалось обеспечить прохождение всех предметов, предусмотренных учебными планами, особенно в выпускных классах (4, 7, 10) классах; Наркомпрос контролировал школы за выполнением учебных программ; директорам институтов усовершенствования учителей необходимо было изучить на местах формы и методы работы с учительством, управлению школ необходимо было обобщить этот материал.

Трудным и сложным являлся вопрос комплектования классов учащимися. Если перед Великой Отечественной войной в школах БССР почти не было переростков, то в первые послевоенные годы в связи с тем, что дети школьного возраста три года не обучались в школа, образовалось большое количество переростков. Нужно было охватить всех их школой. В директивных указаниях Наркомпроса БССР предлагалось обеспечить прием в I класс детей 8–12 летнего возраста, во II класс — 9–13-летнего возраста, в III класс — 10–14-летнего возраста, в IV — 11–16-летнего возраста. При наличии 10–12 учеников-переростков создавались отдельные классы. Для того чтобы облегчить работу учителя с классами, в которых обучались дети разного возраста, Наркомпрос БССР разработал специальные программы, в которых предусматривалось прохождение учебного материала с переростками более ускоренными темпами. Дети-переростки могли в течении одного-двух и трех лет, в зависимости от возраста, закончить начальную школу.

По данным учета, проведенного отделами народного образования, в БССР насчитывалось за первую половину 1944/1945 учебного года 1 260 925 человек, начали работу — 10 441 школ. Учет показал, что не все дети, подлежащие обучению, были охвачены школой. Школами было неохвачено 63 077 детей школьного возраста, в том в западных — 35 144 и в восточных — 27 933 человека [7, л. 47–49]. Это объяснялось, что радиус обслуживания школой населения в 1944/1945 учебном году был еще велик, многие дети после оккупации были физически слабыми, среди них было много больных. Для создания необходимых условий школьникам ЦК КП(б)Б и Совнарокм БССР в 1944 г. приняли постановление об организации при школах горячих завтраков. Было предложено соответствующим организациям выделить специальные фонды продуктов, фонды для обеспечения детей одеждой и обувью.

Учитывая низкий образовательный уровень и слабую педагогическую и методическую подготовку, Наркомпрос БССР разработал конкретные мероприятия по повышению общеобразовательной и методической

квалификации учителей. Перед началом 1941/1945 учебного года во всех районах БССР были проведены семидневные курсы-семинары, а также организованы воскресные школы по изучению русского и белорусского языков, арифметики, истории СССР и Конституции.

В конце 40 – начале 50-х гг. были переработаны программы по белорусскому и русскому языкам для начальной школы, подготовлены программы по этим предметам для V–VII и VIII–X классов, подготовлено семь новых учебников для школ. В 1951 г. НИИ школ были проведены первые республиканские педагогические чтения [8, с. 214].

Перед Наркомпросом стояла серьезная задача — заново создать методическую сеть: районные методические кабинеты, кустовые методические объединения, восстановить работу институтов усовершенствования учителей и наладить методическую работу в самой школе. Нужно было разработать соответствующую документацию для всей методической сети. К началу 1944/1945 учебного года были разработаны положения о педагогических советах, о родительских комитетах, о методической работе в районах и ряд других мероприятий. Во всех областных центрах были восстановлены и начали функционировать институты усовершенствования учителей. На основе изучения годового опыта работы по повышению квалификации учителей по единой системе переподготовки к 1950 г. необходимо было разработать учебные планы и программы летних курсов переподготовки учителей; организовать глубокое изучение передового опыта школ и учителей и распространить этот опыт среди всех учителей БССР.

Таким образом, в БССР начиная с 1944 г. постепенно шел процесс разработки и модернизации учебно-нормативной документации (учебные планы, программы), была разработана система мероприятий по изучению педагогического опыта и внедрение в практику. Научными сотрудниками НИИ школ исследовались проблемы дидактики, методик и теории воспитания, а также по методике преподавания отдельных учебных предметов.

Библиографические ссылки

1. *Гневка Н. Г.* Восстановление школ Белоруссии в 1943–1945 гг. // Вопросы истории. 1974. Вып. 1. С. 17–27.

2. Спраўка аб падрыхтоўцы да 1944/1945 навучальнага года // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд. 42. Оп. 4. Д. 4. Л. 27–27 об.

3. Докладная записка о работе Минского Областного отдела Народного образования по осуществлению контроля за работой школ и учителей // НАРБ. Фонд. 42. Оп. 4. Д. 4. Л. 86–89.

4. Справка о работе учебно-методического отдела школьного управления Наркомпроса БССР // НАРБ. Фонд. 42. Оп. 4. Д. 8. Л. 6.

5. Постановление коллегии Наркомпроса БССР от 20 января 1945 г. «О работе учебно-методического отдела управления школ НКП БССР» // НАРБ. Фонд. 42. Оп. 4. Д. 8. Л. 11–12.

6. Інструкцыя аб арганізацыі ўліку дзяцей і падросткаў ва ўзросце ад 7–15 год і аб парадку кантроля за выкананнем закона аб усеагульным абавязкомы навучанні // У дапамогу настаўніку. 1945. № 1. С. 38–40.

7. Постановление коллегии Наркомпроса БССР «По итогам работы школ БССР за 1-ое полугодие» от 28 января 1945 // НАРБ. Фонд. 42. Оп. 4. Д. 8. Л. 47–49.

8. Нацыянальны інстытут адукацыі: гісторыя і сучаснасць (1929–2004) / пад рэд. У. П. Пархоменкі, М. Г. Яленскага. Мінск: НІА, 2004. 320 с.

РАБОЧИЕ КАДРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ МИРНОЙ ЖИЗНИ

Н. А. Поляк

Учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет», пр-т Дзержинского, д. 83, 2200083, г. Минск, Беларусь, Polyak77@mail.ru

Анализируется сложившая в первые послевоенные годы ситуация дефицита рабочих кадров в промышленности БССР. Рабочие кадры пополнялись за счёт направленных из республик СССР квалифицированных рабочих, вернувшихся из эвакуации кадровых рабочих, бывших партизан и демобилизованных солдат, а также за счёт сельского населения. Количественному и качественному восстановлению рабочего класса в БССР препятствовал большой урон, нанесённый войной, завышенные планы по восстановлению народного хозяйства, отставание в социальной сфере. Процесс качественного роста рабочих замедлялся неэффективной стимуляцией труда и не отвечающей времени системой подготовки новых кадров. В количественном отношении рабочие промышленности БССР достигли довоенного уровня к 1950-му г., что не могло удовлетворить потребности народного хозяйства на данном этапе.

Ключевые слова: послевоенная разруха; БССР; рабочие; восстановление промышленности; рабочий класс.

WORKERS OF THE INDUSTRY OF THE BSSR IN THE FIRST YEARS OF PEACEFUL LIFE

N. A. Polyak

Educational Institution «Belarusian State Medical University», 83 Dzerzhinsky Ave., 2200083, Minsk, Belarus, Polyak77@mail.ru

Analyzes the situation of labor shortage in the industry of the BSSR that developed in the first post-war years. The labor force was replenished by skilled workers sent from the republics of the USSR, returning from evacuation of skilled workers, former partisans and demobilized soldiers, as well as by the rural population. The quantitative and qualitative restoration of the working class in the BSSR was hampered by the excessive damage caused by the war, the excessive plans of the restoration of the national economy, and the social sphere lagging behind in restoration. The process of qualitative growth of workers was slowed down by ineffective labor stimulation and a system of training new workers that did not meet the times. In quantitative terms, the workers of the BSSR industry reached the pre-war level by 1950, but their number and level of qualification no longer satisfied the industry that had stepped forward.

Keywords: post-war devastation; BSSR; workers; industrial restoration; working class.

Колоссальные потери, которые понесла Беларусь за годы Великой Отечественной войны и оккупации отбросили развитие республики далеко назад. Ущерб в некоторых промышленных отраслях составил 90 %, практически полностью было уничтожено сельское хозяйство. Количество людских жертв в БССР составляло около 3 млн чел. Катастрофически

сократилось число трудоспособного населения. Успешно начавшийся процесс формирования рабочего класса БССР в предвоенный период был прерван эвакуацией в советский тыл, переселением и уничтожением белорусских трудящихся в период нацистской оккупации. К моменту освобождения в промышленности Советской Беларуси от довоенного уровня было занято 4 % рабочих. На производстве отсутствовали специалисты со среднеспециальным и высшим образованием [1, с. 148], в коллективах практически не было квалифицированных рабочих. В десятки раз уменьшилось население городов. Число жителей г. Минска с 270,4 тыс. сократилось до 45 тыс. чел. [2, с. 11], в Витебска с 200 тыс. до 118 человек [3].

Ближайшие экономические задачи БССР на этапе начавшегося освобождения, были сформулированы в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б ещё осенью 1943 г. Неотложными мерами по восстановлению объявлялось строительство жилья для рабочих, служащих, колхозников и семей военнослужащих в освобожденных районах Могилёвской, Гомельской, Полесской и Витебской области. Историческое значение для возвращения к жизни страны имело принятое СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1 января 1944 г. решение «О ближайших задачах СНК Белорусской ССР и ЦК КП(б) Белоруссии». В постановлении обозначалась первостепенная важность работ по возрождению сельского хозяйства и налаживанию производства товаров широкого потребления, восстановлению промышленности и обеспечению рабочими кадрами [4, с. 457].

Первые восстановительные работы в БССР осложнялись продолжающейся войной и имели целью не капитальное строительство промышленных предприятий и достижение довоенного уровня, а вовлечение в совместную работу всех существующих предприятий освобожденных территорий для увеличения суммы производства. Неотложных мер требовало энергетическое хозяйство, которое больше всего пострадало от подрывов, и определяло в дальнейшем эффективность работы всей промышленности. Необходим был незамедлительный выпуск стройматериалов, запуск торфяной, деревообрабатывающей, машиностроительной промышленности. Положение в этих отраслях было крайне тяжёлым. Первоначально из-за нехватки сырья, оборудования и рабочих налаживалось мелкое производство. В сжатые сроки возводились одноэтажные цеха, плотно устанавливалось оборудование, сооружались временные бараки для трудящихся.

Несмотря на некоторые успехи восстановительных работ, после окончательного освобождения БССР, предприятия республики по-прежнему ощущали хроническую нехватку сырья, топлива, оборудования, рабочих рук. При этом налаживание работы хозяйства в БССР усложнялось намеченными темпами, которые были выше, чем в целом по стране,

индустриализацией присоединённых западных территорий и развернувшейся промышленной стройкой во всём СССР, которая так же требовала серьёзных финансовых и трудовых затрат. Так, если в СССР объём промышленного производства в 1945 г. составил 82 % к довоенному уровню, то в Беларуси — 20 % [5, с. 160].

О проблемах с кадрами на уровне республики не раз говорилось на Пленумах ЦК КП(б)Б. Данный вопрос приобрёл государственное значение и требовал незамедлительного решения. Источники пополнения рабочего класса БССР были немногочисленные и удовлетворить повышенный спрос не могли. Одним из способов пополнения рабочих кадров на предприятиях БССР была помощь советских республик. На ряду с поставками транспорта, оборудования, сырья подшефные заводы принимали квалифицированные кадры из РСФСР и других республик. Согласно постановлению от 5 апреля 1944 г. ГКО СССР предприятия БССР должны обеспечиваться рабочими, электроэнергией, топливом и др. Кадровые рабочие, инженерно-технические рабочие и руководящий состав освобождались от мобилизации на фронт. Для работников отрасли устанавливалась система льгот и вводилась прогрессивно-премиальная система оплаты труда. Помощь в оснащении Минского автомобильного завода в августе 1944 г. оказывали автомобилестроители Москвы, Ярославля, Урала, Удмуртии. В Минск было направлено 10 инженеров и 20 квалифицированных рабочих из Горького и директор И. Ф. Толкунов из г. Москвы [6, с. 14]. В мае 1944 г. на Гомсельмаш прибыло 200 молодых специалистов и инженерно-технических рабочих. В марте 1945 г. на Витебский станкостроительный завод из Башкирской АССР направлено 297 человек [7, с. 27]. Но в первые годы мирной жизни кадровая помощь для БССР была немногочисленной и проблему рабочих рук не решала.

Промышленные предприятия и стройки Беларуси пополнялись кадровыми рабочими, которые в силу обстоятельств оказались на оккупированной территории. На заводы и фабрики возвращались из эвакуации квалифицированные рабочие и инженерно-технический персонал. На Минский завод «Ударник», ныне «Амкадор», вернулось более 70 довоенных кадровых рабочих, которые внесли огромный вклад в возрождение предприятия и формировали косвенный резерв подготовки новых кадровых рабочих предприятия [8, с. 268].

Массовым источником пополнения рабочих заводов становились участники партизанского движения и мобилизованные солдаты. На МАЗ пришло около 1 тыс. бывших народных мстителей. Именно на их плечи легла самая сложная работа по расчистке руин, восстановлению

водопровода, первого пуска производства. Командиры партизанских отрядов, обладая необходимой выдержкой и дисциплиной, становились руководителями рабочих бригад завода [6, с. 9].

Рабочие кадры в промышленности пополнялись жителями сельской местности. Поскольку 79 % населения БССР на момент окончания войны проживало в деревне, именно этот источник мог стать самым основным. Согласно пятилетнему плану 1946–1950 гг. возобновлялась практика организационных наборов рабочих. В 1947 г. были созданы областные конторы по оргнабору, которые осуществляли переселение сельских жителей в город для работы на заводах и фабриках. Основными методами «райукомплетовщиков» было распространение информации о преимуществах работы в промышленности. Организаторы проводили встречи на селе, оформляли информационные стенды, распространяли листовки. Пропаганда имела успех, но планы по набору часто не выполнялись. Так, в отчёте за 1948 г. о выполнении плана по оргнабору отдела Минской областной конторы по оргнабору рабочих, указано, что инспектора в районах Минской области с планом не справились. В отчёте так же указано, что около 30 % набранных рабочих отправлялись за пределы БССР [9]. Приток сельского населения в индустрию страны увеличивался в связи с отменой в 1947 г. карточной системы, восстановлением восьмичасового рабочего дня и получением оплачиваемого отпуска, что усиливало материальную заинтересованность в работе на промышленных предприятиях и стимулировало приток населения в города.

Процесс восстановления промышленности в первые послевоенные годы стал большой школой для последующей модернизации и перехода БССР к дальнейшему масштабному индустриальному развитию. Несмотря на некоторые успехи в восстановлении количество рабочих промышленности в 1945 г. составляло 37,9 % от довоенного уровня [10, с. 32], Как отмечалось на Пленуме ЦК КП(б)Б республиканская промышленность в 1947 г. достигла 71,6 % уровня 1940 г. и среди основных проблем называлась нехватка кадров, слишком высокий процент рабочих-сдельщиков, которые не выполняли нормы выработки, текучесть кадров (в строительстве 40 %), низкая квалификация рабочих, высокий процент физического труда, плохие жилищно-бытовые условия для рабочих, слабая идейно-политическая работа по вовлечению в стахановское движение и др. [11, с. 216].

Преобладающими социальными характеристиками рабочих кадров послевоенного времени был большой удельный вес молодёжи в возрасте до 25 лет. Процент молодых людей в промышленности БССР достиг к 1950 г. 46,3 [8, с. 268], высокий процент женщин (в 1945 г. женщины составляли 47,2 % рабочих кадров [10, с. 149]), по национальному составу — от 82 % до 95 % — белорусы [10, с. 143].

Наиболее активно рабочий класс рос в крупных городах БССР, поскольку это превращало города в опорные пункты индустриализации и содействовало скорейшему восстановлению разрушенного хозяйства. Значительный рост числа рабочих наблюдался в западных городах БССР. В Минске в 1940 г. 11,6 % жителей были рабочими, в 1950 г. 13,8 %. В Гродно количество рабочих превзошло довоенный уровень на 60 % [10, с. 150].

Эффективность перечисленных источников пополнения рабочего класса зависела от множества социально-экономических условий и факторов. Так, СНК БССР и ЦК КП(б)Б в октябре 1943 г. приняли постановление о создании отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан. В ноябре 1943 г. было принято постановление о неотложных мерах по строительству жилища. Представители власти, осознавая необходимость обеспечения рабочих жильем, питанием, товарами первой необходимости, не раз озвучивали на Пленумах ЦК КП(б)Б требования расширения торговой сети, налаживания работы предприятий общественного питания, детских учреждений, поликлиник и др. [4, с. 488]. Необходимо было решать вопросы по устранению серьёзных недостатков в условиях труда, которые не отвечали санитарным нормам и правилам охраны труда. Непригодные условия труда наблюдались на Гродненской обувной фабрике, где рабочие трудились в полумраке, в неотапливаемых цехах и без минимальных удобств [12].

Высокий процент женщин среди рабочих требовал создания яслей, дошкольных учреждений, интернатов с круглосуточным пребыванием, молочных кухонь, комбинатов бытового обслуживания, поликлиник и женских консультаций. Так, число мест по республике в детских яслях постоянного пребывания в 1945 г. составляло 21,4 тыс., в детсадах 45,5 тыс. Осуществляло приём всего 207 женских и детских консультаций [1, с. 148].

Отдельного внимания заслуживал вопрос восстановления жилищного фонда. В октябре 1944 г. был создан Наркомат жилищно-коммунального строительства БССР, районным отделам которого приходилось в первую очередь разбирать разрушенные здания. 8 октября 1944 г. 33 тыс. рабочих трудилось на улицах Минска, разбирая завалы, засыпая воронки, расчищая улицы и заводские площади. Участниками бригад и их руководителями часто становились женщины. Бригада З. Азаровой, состоящая из 17 женщин, несколько месяцев расчищала улицы Гомеля [13, с. 179]. Члены бригад по расчистке городов нередко становились рабочими промышленных предприятий и строительных трестов. В крупных городах Беларуси жилищный фонд был уничтожен и его приходилось отстраивать заново. Так, население Минска через год после освобождения насчитывало 170 тыс. чел., при этом к августу 1945 г. в строй было введено 55 тыс. м^2, т. е. 0,3 м^2

на каждого человека [13, с. 180]. Наличие жилья определяло кадровый потенциал промышленности БССР и становилось основным фактором возрождения рабочего класса. Посильную помощь в обустройстве жизни, воспитании детей рабочим Гомеля, Мозыря, Минска, Витебска и др. оказывали трудовые коллективы заводов Ярославля, Горького, Новосибирска, Ульяновска, направляя в города Беларуси домашнюю утварь, мебель, одежду, обувь, учебники и др.

Трудоустроенные в послевоенный период на заводы и фабрики в массе своей не имели квалификации и опыта работы. Часть импортированного оборудования на производстве из-за отсутствия специалистов простаивала или вообще не была установлена [14]. Перевод предприятий на мирные рельсы требовал перепрофилирования, а, следовательно, инженерно-технических кадров. Производительность труда отставала от запланированной. Остро встал вопрос о подготовке квалифицированных рабочих. В первые послевоенные годы обучение организовывалось через учебные заведения системы трудовых резервов и непосредственно на производстве. К январю 1945 г. в БССР действовало 54 учебных заведения системы трудовых резервов (ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения). В 1946 г. в БССР уже работало 102 учебных заведения по подготовке квалифицированных рабочих. Но наиболее продуктивным и массовым методом обучения рабочих было обучение на производстве. От 80 % до 50 % принятых на заводы обучались у станка индивидуальным или бригадным способом. В 1946 г. в БССР на производстве было подготовлено 46 тыс. рабочих, в учебных заведениях системы трудовых резервов в этом же году — 12 тыс. молодых квалифицированных специалистов, большинство из которых отправились на предприятия и стройки республик СССР [10, с. 137].

Окончательное количественное восстановление рабочих кадров в БССР по сравнению с довоенным уровнем наблюдалось лишь к 1950 г. и составило 242 тыс. чел. Годы войны и оккупации нанесли не только удар по количественному составу рабочего класса, но и уничтожили опытных кадровых рабочих, лишили белорусскую промышленность квалифицированных трудящихся. Льготы при трудоустройстве для демобилизованных солдат и партизан, кадровая помощь из республик СССР, реэвакуация рабочих, возобновление организованных наборов, создание условий для свободного найма, комсомольские призывы содействовали восстановлению числа рабочих, но нерешённые вопросы социальной сферы препятствовали формированию рабочих как социального класса. Нехватка пригодного жилья, карточная система, неустроенный быт, неудовлетворительные условия труда, высокий процент физического труда, отсутствие системы

подготовки квалифицированных кадров объективно препятствовали созданию устойчивых трудовых коллективов. Субъективными причинами, замедляющими формирование рабочего класса БССР в первые мирные годы стали завышенные планы и недостаточные темпы восстановления хозяйства Советской Беларуси, неэффективные методы организации и стимуляции труда рабочих, текучесть кадров, когда часть специалистов отправлялась на промышленные предприятия в другие республики СССР.

Библиографические ссылки

1. Достижения Советской Белоруссии за 40 лет. Статистический сборник. Мн: Госстатиздат, 1958.
2. *Польский С. А.* Демографические проблемы Минска. Мн: БГУ, 1976.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 20. Д. 217. Л. 94.
4. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 3 (1933–1945). Мн: Беларусь, 1985.
5. *Сасим А. М.* Промышленность Беларуси в XX ст. Мн: Экоперспектива, 2001.
6. *Блисников М. М.* Минский автомобильный завод. Мн.: Беларусь, 1972.
7. *Купреева А. П.* Народы СССР — трудящимся Белоруссии. Мн: Наука и техника, 1981.
8. История рабочего класса Белорусской ССР. Т. 3 / под ред. Н. Т. Петрикова. Минск: Наука и техника, 1987.
9. Государственный архив Минской области. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.
10. *Марченко И. Е.* Рабочий класс БССР в послевоенные годы. Мн: АН БССР, 1962.
11. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК Т. 4 (1945–1955). Мн: Беларусь, 1986.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп 55. Д 1. Л. 111.
13. *Купреева А. П.* Возрождение народного хозяйства Белоруссии. Мн: Наука и техника, 1976.
14. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Т. 1. Д. 386.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Приветственное слово первого проректора БГУ доцента Д. М. Курловича 6

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Яноўскі А. А. Вялікая Айчынная вайна: падзеі і людзі ва ўдзячнай памяці выкладчыкаў і студэнтаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 7

Маскевіч Г. І. Сучасны стан выкладання і вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны на кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ 22

Мязга М. М. Эвалюцыя ўсходняй перыферыі Версальскай сістэмы і змяненне геапалітычнага становішча Беларусі 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Бароўская В. М. Уплыў польска-германскага дагавора аб ненападзенні 1934 г. на савецка-польскія адносіны 1934–1939 гг. 38

Довгялло М. С. Вопросы Югославии на конференциях стран антигитлеровской коалиции 44

Дубровко Е. Н. Внешнеполитическая концепция британских лейбористов середины 1920-х – начала 1930-х гг. и место в ней Центрально-Восточной Европы ... 51

Ефременко И. А. Советская историческая наука 1930–40-х гг. против «Арийского мифа» 57

Карповец У. А. Положение Чешской Православной церкви в 1945–1946 гг. (к вопросу об учреждении Экзархата Московской Патриархии в Чехословакии) 63

Платонов К. А. Общественные настроения в Западной Беларуси в период освободительного похода Красной Армии осенью 1939 г. 69

Савасцюк Ц. С. Гістарычны факультэт БДУ на старонках газеты «За ленінскія кадры» 1939–1941 гг. 77

Траскевич Р. Р. Внешняя политика Великобритании на Ближнем Востоке после Второй мировой войны 83

Шестеров Д. И. Послевоенные процессы деколонизации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (1945–1971) 87

Шумилов В. Г. К исследованию проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны: было ли нацистское вторжение в СССР упреждающим ударом? 93

АРМИЯ И ТЫЛ В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

Артамонова Д. А. Жизнь и деятельность Героев Советского Союза из числа студентов и преподавателей БГУ 104

Богданович А. Б., *Щур А. С.* Секретарь райкома, комиссар: Герой Советского Союза В. Е. Лобанок 110

Евтухов И. О. Медиевисты БГУ на фронте и в тылу 117

Мадреймов Ф. М. Социальная перестройка Каракалпакстана в годы Великой Отечественной войны 124

Сальков А. П. Антифашистская борьба на северо-западе Югославии и в Словенской Каринтии как фактор балканской региональной политики 129

ПАРТИЗАНСКОЕ И ПОДПОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бомбель А. С. Демографическая составляющая в жизни людей во время Великой Отечественной войны 137

Важенин Д. С. Формирование северо-восточной границы рейхскомиссариата «Украина» 143

Гавриленко К. Е. Положение бужских голендров — фольксдойче на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 149

Елизаров С. А. Кадровая номенклатура местных органов государственного управления Белорусской ССР 1943–1945 гг.: механизм формирования, качественный состав 156

Козак К. И. Германская оккупационная политика на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: формы, методы, этапы реализации геноцида 162

Колобаева У. А. Организация партизанского быта как один из факторов проведения культурно-просветительской работы 171

Купченко К. В., *Купченко Д. К.* Организационно-правовое регулирование деятельности партизан и подпольщиков на территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 178

Лисовская Т. В. Формы сопротивления евангельских верующих в период немецкой оккупации Беларуси 184

Лукашевич А. М. Иван Павлович Паромчик как организатор партизанского движения в Минской области (1942–1944) 189

Сороковик И. А. Особенности развития партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 196

Сударев С. В. О геноциде белорусского народа и борьба против него на примере Барановичского района 204

Пэйцзя Чжу. Дзейнасць падпольнай групы Ліп-ці
ў горадзе Віцебску ў 1942–1943 гг. 212

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Веремейчик А. Е., *Палаш А. И.* Сохранение исторической правды
и воспитание патриотизма:инициативы исторического факультета БГУ
к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 219

Гернович Т. Д. Искусственный интеллект в высшей школе:
новые подходы к изучению источников
по истории Великой Отечественной войны 225

Гужалоўскі А. А. Станаўленне Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны .. 237

Лепеш О. В. Студенческие эссе о родных и близких, прошедших войну,
как исторический источник 243

Сюеци Лю. Тема героизма в батальной живописи Китая
(на примере выставки 1957 г.) 249

Меньковский В. И. Великая Отечественная война
в исторической памяти новых независимых (постсоветских) государств 255

Сергеенкова В. В. Память о ветеранах Великой Отечественной войны бессмертна.
Иван Кондратьевич Бяко 260

Приборович А. А. Принципы использования искусственного интеллекта
для формирования памяти о Великой Отечественной войне 270

Соломкина Н. С. Цифровые выставки по истории Великой Отечественной войны
на сайтах государственных архивов Беларуси 276

Тарасенкова Т. И. Документальное наследие Великой Отечественной войны:
к истории собирания архивистами эго-документов 284

Темушев С. Н. Проблема картографирования взаимодействия различных
родов войск на примере военных операций по освобождению
территории Беларуси в 1943–1944 гг. 289

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Брилева Т. И. Переселение белорусского населения из Польши в Бобруйскую
и Могилевскую области в 1944–1947 гг. 299

Денисов А. В. Дать людям необходимое. Восстановление системы общественного
питания в столице БССР во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. .. 305

Ершова О. И. Деятельность Народного комиссариата просвещения БССР
по восстановлению общеобразовательной школы в 1943–1945 гг. 315

Іванова Д. С. Дзейнасць упраўлення па дзяржаўным забеспячэнні
і бытавым ўладкаванні сем'яў ваеннаслужачых і партызан (1943–1946) 321

Квашко И. В. Влияние Великой Отечественной войны на общественные процессы в БССР в решениях Секретариата ЦК КПБ (1952–1954) 328

Кухаренко А. В. Участие милиции БССР в процессе послевоенного восстановления 333

Мартинкевич И. А. Социально-трудовая реабилитация инвалидов Великой Отечественной войны в контексте деятельности Белорусского общества слепых в первые послевоенные годы 339

Мох Е. Н. Научно-методическое обеспечение образовательного процесса в общеобразовательной школе БССР (1943–1950) 346

Поляк Н. А. Рабочие кадры промышленности БССР в первые годы мирной жизни 353

Научное издание

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Минск, 18 апреля 2025 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. В. Репин*
Дизайн обложки *Д. Н. Бузун*
Компьютерная верстка *Д. Н. Бузун*

Подписано в печать 01.09.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,16. Уч.-изд. л. 21,78.
Тираж 40 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика